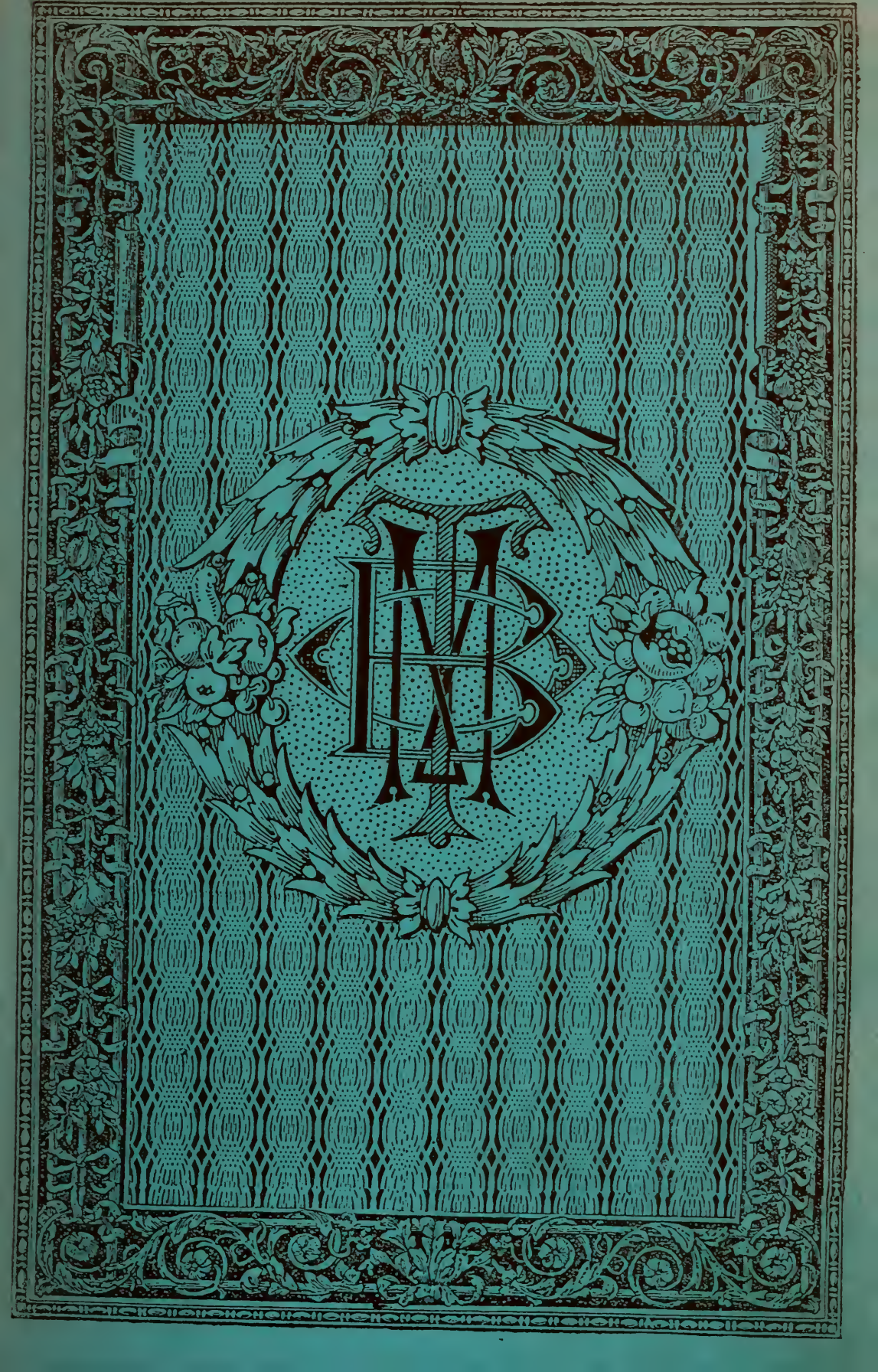
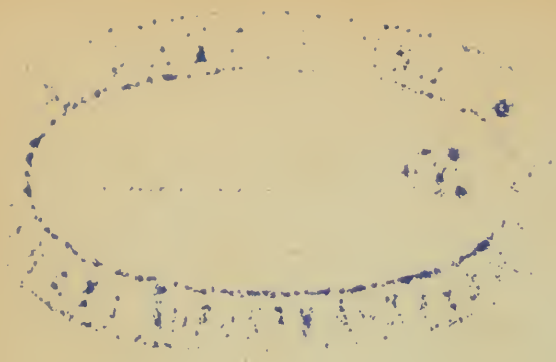
3 1761 06635544 7

СОЧИНЕНІЯ
ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ II.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ





239

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

LR
L4314V

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

(V. I)

ВСЯ БѢДА ОТЪ СТЫДА (драма въ пяти актахъ).—ОКОПИРОВАЛСЯ (комедія въ трехъ актахъ).—ГОРБУНЪ (драма въ пяти актахъ).—ОПРИЧНИКЪ (трагедія въ пяти дѣйствіяхъ).

494869
25.7.49

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1900

Дозволено цензурою. Спб., 20-го іюня 1900 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

ВСЯ БѢДА ОТЪ СТЫДА

ДРАМА ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Софья Андреевна Виталина, богатая помѣщица.
Наталья Ивановна Гориславская, воспитанница ея.
Петръ Сергѣевичъ Леандровъ, помѣщикъ.
Сергѣй Петровичъ Леандровъ, сынъ его, отставной офицеръ.
Владиміръ Николаевичъ Инполитовъ, пріятель его.
Саша Полетаевъ, племянникъ Леандрова, 16 лѣтъ.
Флегонтъ Парѳеновичъ Мухоморовъ, купецъ 2-й гильдіи и частный адвокатъ, бывшій отпущенникъ Виталиной.
Павелъ Флегонтычъ, сынъ его.
Марья Семеновна Медовицына, компаньонка Гориславской — фантастически одѣта.
Гусынинъ, откупщикъ.
Гусынина, жена его.
Саломонъ, еврей.
Рахиль, Ревекка, } малолѣтнія дочери его.
Полицейскій чиновникъ.
Гости у Виталиной, на дачѣ.
Гости у Гусынина, на вечерѣ.
Банниковъ, отставной приказный.
Сокова, мѣщанка.
Слуги Виталиной, Леандрова и Гусынина.
Крестьянскія дѣвушки.

Дѣйствіе въ подмосковкой дачѣ и въ Москвѣ.

АКТЪ I.

Сцена представляетъ англійскій садъ; вправо бесѣдка; передъ нею садовыя скамейки и нѣсколько стульевъ; влѣво площадка подъ древнею липою, обставленная кругомъ скамейками; отъ нея, между кустами и деревьями, вьются въ разныхъ направленіяхъ дорожки; впереди рѣшетка садовая, примыкающая къ богатому господскому дому; за нею видны луга, по которымъ извивается рѣка, и село на высотѣ. Подлѣ бесѣдки, на вѣтвяхъ дерев, висятъ двѣ епанчи, бумажный вѣнецъ и шлемъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ.

Сергѣй Петровичъ. Нѣтъ, мука неизвѣстности сдѣлалась для меня невыносима. Нынѣшній день судьба моя должна рѣшиться: я передалъ ее отцу и другу.

Ипполитовъ. Просто, братецъ, мы попали на островъ Калипсинъ. Какія субретки — что твоя богиня! Самъ Ментторъ твой—и, какъ вѣдаешь, переодѣтая Минерва въ образѣ смертнаго — едва не потерялъ разсудокъ; спасло только сантиментальное путевое впечатлѣніе розовыми перстами (*показываетъ на щеку*). Отъ нимфы перескочилъ я опрометью къ какой-то дуэньѣ и отъ нея узналъ многое для тебя интересное. Слушай же. Во-первыхъ, Натали, хоть и называетъ Виталину «maman», не дочь ея.

Сергѣй Петровичъ. Допотопная новость! Въ первый день знакомства съ ихъ домомъ я узналъ это.

Ипполитовъ. Я хотѣлъ сказать, Гориславская не дочка ея... даже... и по другой линіи.

Сергѣй Петровичъ. О! и въ этомъ не сомнѣваюсь.

Ипполитовъ. Жаль, братецъ, очень жаль! Знаешь, этакъ интереснѣе... громче... романически... кабы она была дочь какой-нибудь графини и знаменитаго музыканта... пожалуй, импровизатора... Родилась, напримѣръ, на Сергіевскихъ водахъ или въ Баденъ-Баденѣ... А теперь... не взыщи—вѣдомо да будетъ тебѣ: она пстая дочь какого-то чиновника 14 класса. Каково будетъ твоему геральдическому коню сдѣлать этотъ скачокъ?

Сергѣй Петровичъ. Бѣда какая! Я дамъ ей свое имя; мой гербъ будетъ ея гербомъ. Она образована какъ нельзя лучше, и не пристыдитъ меня въ обществѣ. Ты знаешь меня: мнѣ нужна добрая, избранная сердцемъ подруга; отцу моему нужно все, что только мнѣ хочется, а пересуды людскіе я и въ грошъ не ставлю. Не мнѣ охота жертвовать имъ своимъ счастіемъ.

Ипполитовъ. Надо, однакожъ, сказать въ пользу Гориславской *ничто*, что составляетъ нынѣ *все*. Виталина даетъ за своей воспитанницей два каменныхъ дома въ Москвѣ, нѣсколько десятковъ тысячъ деньгами и пятьсотъ степныхъ душъ, чистыхъ, какъ стекло, то есть незаложеныхъ и не припадающихъ къ господскому магазину. Боже, какая благодать! Съ такимъ приданымъ и дочь цаловальника завидная невѣста.

Сергѣй Петровичъ. Торговые виды всегда были отъ меня далеки, тѣмъ болѣе нынче. Впрочемъ, хоть состояніе моего отца независимо въ полномъ значеніи этого слова, не худо на черный день и запасъ. Можетъ быть, у Натали есть бѣдные родственники...

Ипполитовъ. Отецъ и мать ея померли. Но готовься къ посѣщенію денежной родни... повѣрь, братецъ, наше-

ствіе горшее двадесяти языкъ! Вообрази, потянутся къ тебѣ вереницею приказные стараго закала — съ клюковными носами, съ запахомъ винной бочки и луку. Кто бросится тебѣ руку цѣловать, кто бултыхъ въ ноги, крестить позоветъ, кто поздравитъ тебя съ своимъ днемъ ангела; одинъ окопироваться, другой опохмѣлиться попроситъ.

Сергѣй Петровичъ. Вотъ ужъ два мѣсяца, какъ я бываю здѣсь почти каждый день и въ разное время дня, а не столкнулся еще ни съ кѣмъ изъ этой несчастной братіи. Если жъ и явится къ намъ какой-нибудь родственникъ — ласки и помощь очистятъ и эту статью.

Ипполитовъ. Итакъ, всѣ эти препятствія разбили мы въ пухъ, какъ армію лиллипутовъ. Теперь готовься къ самому ужасному нашествію. Встаетъ передъ тобою исполинъ — соперникъ, — Абдель-Кадеръ, Шамиль, съ ужасною кривою саблею надъ головой твоей.

Сергѣй Петровичъ. Что еще, зловѣщій воронъ?

Ипполитовъ. Позволь спросить напередъ: ты ее очень, очень любишь?

Сергѣй Петровичъ. Просто сойду съ ума, если она не будетъ моею. Разстаться съ этою любовью все равно, что погубить душу свою.

Ипполитовъ. А ты... имѣешь доказательства, что она тебя... также любитъ?

Сергѣй Петровичъ. Также?.. это много! Были однакожъ случаи... конечно, бездѣлицы... минуты... но за нихъ не взялъ бы я сокровищъ всего міра. Чтобъ онѣ повторились, готовъ отдать нѣсколько лѣтъ жизни. Да, я увѣренъ былъ до того, что просилъ отца сдѣлать предложеніе.

Ипполитовъ. Былъ?..

Сергѣй Петровичъ. Потому, что твой вопросъ бросилъ какое-то сомнѣніе въ мою душу. Развѣ ты... провѣдалъ, что у меня соперникъ? Говори, ради Бога, скорѣй говори: гдѣ онъ, что онъ такое?

Ипполитовъ. Сейчасъ познакомлю тебя съ нимъ (*Слышенъ хоръ*). Слышишь? идетъ шарада, а ты забылъ, что представляешь въ ней Ахилла. Жаль, что мнѣ, папенькѣ Агамемнону, пришлось вести дочку свою на жертву богамъ. (*Накидываетъ на плечи епанчу и надѣваетъ на голову бумажный вѣнецъ*).

Сергѣй Петровичъ. Какая мука! играть въ шарады, когда рѣшается судьба моей жизни! (*Надѣваетъ свой шарадный костюмъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Горнославская, Павелъ Флегонтычъ, Медовицына, Саша Полетаевъ и гости обоего пола.

(*Нѣкоторые изъ гостей садятся на скамейки и стулья подлѣ бесѣдки или становятся около нихъ; другіе разыгрываютъ передъ ними шараду «Агамемнонъ» слѣдующимъ образомъ. Съ лѣвой стороны сцены молодой человѣкъ представляетъ Аги (начальника евнуховъ); передъ ними стоятъ, преклонясь и скрестивъ руки, нѣсколько дѣвушекъ въ восточномъ костюмѣ; съ правой стороны другой молодой человѣкъ представляетъ статую Мемнона; Полетаевъ, въ видѣ Феба, ударяетъ его по головѣ золотымъ жезломъ, и статуя издаетъ тихіе, гармоническіе звуки. Затѣмъ изъ-за деревьевъ показывается процессія: Павелъ Флегонтычъ (жрецъ Калхасъ) ведетъ мимо гостей-зрителей Горнославскую (Ифигенію) къ жертвеннику, поставленному въ бесѣдкѣ; Медовицына (Клитемнестра) сопровождаетъ ее. Нѣсколько молодыхъ людей и дѣвицъ представляютъ народъ. Всѣ они одѣты согласно сюжету шарады, разумѣется, какъ импровизуется это въ подобныхъ случаяхъ*).

Павелъ Флегонтычъ (*тихо Горнославской*). Жалкая роль Калхаса доставила мнѣ, однакожъ, удовольствіе быть

ближе къ вамъ. Но... вы грустны, разсѣяны... не хотите даже отвѣчать мнѣ. Какую ужасную перемѣну нашелъ я въ васъ!

Горнславская. Развѣ не видите, что я выполняю роль свою?.. меня ведутъ на жертву... (*поровнявшись съ Сергѣемъ Петровичемъ*). Доблестный Ахиллъ забылъ объ насъ.

Сергѣй Петровичъ. Клянусь богами, никогда не занимался онъ такъ сильно судьбою Ифигеніи, какъ теперь!

Горнславская (*грустно*). А все-таки она должна погибнуть!

(*Процессія идетъ къ алтарю; Ифигенія, подойдя къ нему, падаетъ на колѣни; Ахиллъ хочетъ остановить жертвоприношеніе, но Агамемнонъ подаетъ знакъ рукою, и Калхасъ опускаетъ ножъ надъ Ифигеніею—шарада кончена; молодые люди затѣваютъ другія игры: то показываются на сцену, то скрываются, въ продолженіе 2, 3, 4 и 6 явленій*).

Ипполитовъ. Странно, а мнѣ чудится, что это исторія въ лицахъ!

Павелъ Флегонтычъ (*Полетаеву*). Какъ глупо перемѣшаны роли! По моимъ правамъ, мнѣ слѣдовало бы быть Ахилломъ, и тогда бы я посмотрѣлъ, кто отнялъ бы у меня невѣсту!..

Полетаевъ. Видно, вамъ выпалъ нынѣ жребій — держать ножъ надъ своей жертвой.

Сергѣй Петровичъ (*Ипполитову*). Гдѣ жъ соперникъ, о которомъ ты говорилъ?

Ипполитовъ. Видѣлъ ты, рядомъ съ Ифигеніей шелъ жрецъ — молодой человѣкъ, статный, высокій ростомъ, очень любезничалъ съ ней; говоритъ теперь съ Сашей.

Сергѣй Петровичъ. Съ рыжею козлиной бородкой, будто опаленною?..

Ипполитовъ. Впрочемъ, еслибъ не козлиная бородка, очень пріятной наружности.

Сергѣй Петровичъ. Пріятной? не скажу. Въ сѣрыхъ глазахъ его что-то звѣрское, въ лицѣ что-то отталкивающее. Я съ первой минуты почувствовалъ къ нему отвращеніе. Чтожъ это за таинственное великое лицо?

Ипполитовъ. Monsieur Мухоморовъ.

Сергѣй Петровичъ. Ха, ха, ха! Такъ это твой Абдель-Кадеръ?

Ипполитовъ. Ты засмѣялся такимъ ужаснымъ смѣхомъ — навѣрно отдалось въ душѣ этого господина. Посмотри, какъ онъ на тебя взглянулъ, будто съѣсть хочетъ.

Сергѣй Петровичъ. Подавится на первомъ кускѣ! Мухоморовъ?.. Да изъ-за одной паскудной фамиліи порядочная женщина за него не пойдетъ. Соперникъ неопасный!

Ипполитовъ. Болѣе, нежели думаешь. Я не пророкъ, а могу предсказать, что въ исторіи твоей жизни онъ играетъ важную роль. Онъ только вчера пріѣхалъ изъ Петербурга, а нынче... — замѣтилъ ли? — и Натали и Виталина съ тобою, если не холоднѣе, такъ осторожнѣе.

Сергѣй Петровичъ. Правда, обращеніе ея со мною принужденнѣе.

Ипполитовъ. Увидишь еще не то. Это цвѣты, а ягодки впереди. Мухоморъ явился предъявить права свои на ея руку.

Сергѣй Петровичъ. Права? какія же можетъ имѣть онъ, кромѣ любви ея?

(*Къ концу этого разговора Медовицына подзываетъ къ себѣ Полетаева и проситъ его о чемъ-то; по движеніямъ Полетаева видно, что онъ отговаривается, наконецъ онъ взялъ отъ нея какую-то бумажку; Медовицына стала на колѣни въ молитвенномъ положеніи за кустами, такъ что группъ молодыхъ людей нельзя ее видѣть.*)

Полетаевъ (*подбѣжавъ къ Сергѣю Петровичу и отозвавъ его въ сторону, тихо*). Cousin, я къ тебѣ посланни-

комъ отъ особы, которая тебя страстно любитъ (*подаетъ ему бумажку*).

Сергѣй Петровичъ (*въ сторону*). Не можетъ быть!.. Это на нее вовсе не похоже!.. Я увѣренъ, что не отъ нея. (*Ипполитову*). Прочти, братецъ, эту записку — и вслухъ.

Ипполитовъ. Вслухъ!.. Вотъ примѣрная конфиденціальная переписка! (*читаетъ*). «Ангелъ ли ты, сошедшій на землю, чтобы взять меня на небо и погрузить все мое существованіе въ море райскихъ наслажденій, или демонъ-искуситель...» Брръ! такъ и несетъ риторикой.

Сергѣй Петровичъ. Сумасбродная Медовицына! узнаю тебя. Скажи своей дамѣ, усердный пажъ, что здѣсь нѣтъ ни ангела, ни демона, и потому записка, вѣроятно, ошибкой къ намъ адресована.

Ипполитовъ. И отъ меня порученице (*шепнулъ ему на ухо*).

Полетаевъ. О! что до этого, такъ я подслушаю, о чемъ жужжитъ муха. Будьте покойны, товарищъ моихъ рыцарскихъ подвиговъ!.. (*убѣгаетъ*).

Сергѣй Петровичъ. Мало соперника: судьба навязала мнѣ еще на шею эту прпторную, туманную дѣву. Лѣтъ восемь назадъ я жилъ возлѣ ихъ пансіона, гдѣ она была чѣмъ-то въ родѣ классной дамы... шалилъ и волочился... послалъ billet doux... какъ водится, послѣдовала великая жертва — глупый поцѣлуй; пошла страстная переписка на манеръ нынѣшняго посланія. Наконецъ, я радехонекъ былъ, ускакавъ изъ Москвы, что развязался съ этой Офеліей! Теперь, на бѣду мою, нахожу ее въ домѣ Виталиной чѣмъ-то въ родѣ компаньонки или приживалки, и, какъ вижу, снова начались гоненія.

Ипполитовъ. Вовремя, когда ей стукнуло 30, вздумала преслѣдовать тебя своей пассіей, а перезрѣлая дѣва въ пассіи — это бѣшеный конь, которому ни по чемъ барьеры и овраги и всякія сальто-мортале.

О, горе намъ! о, горе намъ!
О, страшная для насъ невзгода!

Однакожъ не выдержу... мы съ Сашей больны одною болѣзнію. (*Оставляетъ Сергѣя Петровича, прокрадывается за кусты и подслушиваетъ разговоръ Полетаева съ Медовицыной*).

Сергѣй Петровичъ. Да куда жъ ты, негодяй? (*Ипполитовъ махаетъ ему рукой*). Вотъ каковы друзья!.. Подъ сорокъ, а повѣсничаетъ, какъ мальчикъ!

Медовицына (*восторженно*). Я видѣла все... я думала, небо на меня упадетъ, земля подо мною раскроется... Злодѣй!.. Воспользоваться моею неопытностью... завлечь меня въ сѣти!.. Но и слабыя женщины умѣютъ мстить.

Полетаевъ (*принимая трагическую позу*). Я на Кавказѣ рождена.

Ипполитовъ (*возвращаясь со смѣхомъ*). Ха, ха, ха. Новые враги! Да это чудо, братецъ; разыгрывается ужасная драма. Застой въ жизни не годится.

Сергѣй Петровичъ. Охота тебѣ шутить, когда погибаетъ тотъ, кого называешь другомъ. Ну, чтожъ твой Мухоморовъ?

Ипполитовъ. Просто пріѣхалъ получить руку, которая ему обѣщана сто лѣтъ назадъ, и только дожидается чина коллежскаго ассесора, чтобы...

Сергѣй Петровичъ. Чтожъ наконецъ?

Ипполитовъ. Разумѣется, наконецъ свадьба. Теперь разруби этотъ гордіевъ узелъ, новый Александръ!

Сергѣй Петровичъ. Не бывать, клянусь честью, не бывать!.. Во что бы то ни стало, мнѣ надо сейчасъ переговорить съ нею: ради Бога, займи какъ-нибудь Мухоморова.

Ипполитовъ (*возвращаясь съ Сергѣемъ Петровичемъ къ группѣ молодыхъ людей*). Мы съ Сашей займемся этимъ и его порядкомъ побѣсимъ. Все наше общество что-то не

взлюбило его за чванство — весь на ходуляхъ! Только и разговоровъ, что о знатныхъ связяхъ, только и словъ: «у насъ въ Петербургѣ: мы у такой-то графини, у такого-то князя въ Петербургѣ; мнѣ прислали сигаръ прямо изъ Гаванны, выписываю мебель отъ Гамбса...»

Сергѣй Петровичъ (*подходя къ Гориславской, тихо*). Два слова наединѣ — въ нихъ судьба моя.

Павелъ Флегонтычъ (*предлагаетъ руку Гориславской*). Вашу руку...

Гориславская (*послѣ минутной нерѣшительности, взявъ подъ руку Сергѣя Петровича, Павлу Флегонтычу*). Извините, Сергѣй Петровичъ прежде предложилъ.

Павелъ Флегонтычъ (*отходя, Медовицыной*). Видно, здѣсь дѣлаютъ предложенія мысленно.

Медовицына. И языкъ этотъ понимаютъ очень хорошо. Но мой долгъ мѣшать ихъ таинственнымъ разговорамъ. O temps! o moeurs!

(*Слышны голоса:* горѣлки! горѣлки!)

Одинъ молодой человѣкъ (*Гориславской*). Предлагаютъ горѣлки.

Гориславская. Очень хорошо; мы уже въ парѣ.

Сергѣй Петровичъ (*въ сторону*). Какъ нарочно согласились терзать меня!

(*Въ это время проходитъ подлѣ ограды сада вереница крестьянскихъ дѣвушекъ; онѣ поютъ*).

Не въ полѣ, въ полѣ пыль пылитъ,
А мятелица мятетъ,
За мятелицей мой миленькій идетъ,
За собою ворона коня ведетъ,
А на встрѣчу красна дѣвица идетъ.

Саша *запрыгаетъ съ ними.*

Одна изъ дѣвушекъ (*ударивъ сю кулакомъ по спинѣ*). Вотъ тебѣ, жиденокъ!

Гориславская (*въ испугѣ*). Жиденокъ?.. Гдѣ?.. Кого-то бьютъ!

Сергѣй Петровичъ. Чего вы такъ испугались?.. Это просто, Сашу наказываютъ деревенскія дѣвушки за шалости. Вѣчно напроказничаетъ.

Горпславская. Мнѣ послышался ударъ... я не видала, думала какого-нибудь несчастнаго... Жиденокъ?.. зачѣмъ же онѣ Сашу такъ назвали?

Сергѣй Петровичъ. Потому что это у нихъ презрѣнное, бранное слово!

Горпславская. У нихъ?.. я думаю, у всѣхъ... Презрѣнныя существа! парiи человѣчества! Не такъ-ли?..

Сергѣй Петровичъ. Признаюсь вамъ, не чувствую симпатiи къ жидовскоi *расѣ;* но... по мнѣ презрѣнъ, гадокъ человѣкъ самъ по себѣ, за своi поступки, а не по роду своему (*удаляются, увидѣвъ, что большая часть молодыхъ людей и дѣвушекъ разошлась*).

Павелъ Флегонтычъ (*Медовицыной*). Я отгадываю: этотъ молодоi человѣкъ тотъ самый... вы мнѣ когда-то о немъ разсказывали.

Медовицына (*закрывая лицо руками*). Не договаривайте...

Павелъ Флегонтычъ. Понимаю, ваше дѣло — мое; пойдемъ за ними. Я не допущу, чтобъ моя невѣста переступила границы прилiчiя.

Медовицына. Дѣiствовать за-одно — вотъ вамъ рука моя! Будемъ преслѣдовать ихъ, какъ тѣнь Банко Макбета.

Ипполитовъ и Саша *взявшись за руку, преграждаютъ имъ дорогу.*

Саша (*Медовицыной*). Васъ просятъ отгадать шараду: мое первое — несносное насѣкомое; оно кусаетъ, но неопасно; мое второе — бичъ людеi, а мое все — поганое растенiе.

Медовицына. Мухоморъ — отвяжись отъ насъ, змѣенокъ!

Павелъ Флегонтычъ. Въ немъ ядъ, и очень опасный; не совѣтую его раскусывать.

Ипполитовъ. Отрава, облитая медомъ — хоть умереть, да вкусить! (*Убѣгаетъ съ Полетаевымъ; по приходѣ ихъ въ кружокъ молодыхъ людей, слышенъ хохотъ*).

Павелъ Флегонтычъ. Ступайте за нашими, а я останусь здѣсь; мнѣ нужно покончить разомъ всѣ эти продѣлки.

Медовицына (*удаляясь, про себя*). О! сердце мое готово прикормить всѣхъ змѣй этого міра, чтобъ напустить ихъ на вѣроломныхъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Павелъ Флегонтычъ (*одинъ*). Тише, осторожнѣе, другъ!.. Они хотятъ вывести меня изъ терпѣнія: нѣтъ, не удастся! Я, какъ Атласъ, снесу теперь гору оскорбленій. Богатство и прекрасная дѣвушка, въ которую я самъ безъ памяти влюбленъ, то и другое мнѣ обѣщаны, то и другое почти мое — надо, чтобъ они и оставались навсегда моими. Шашка моя стоитъ у королевы: стоитъ только ее схватить: зачѣмъ же мнѣ бросаться на офицеровъ? Зачѣмъ же разстраивать всю игру, улаженную такъ искусно?

Боюсь только продѣлки. Нынче получатъ извѣстіе, что я произведенъ въ коллежскіе асессоры... Петербургскій другъ смастерилъ это извѣстіе искусно. Страшно, однакожъ, если заранѣе откроется мое самозванство. Шутить не будутъ! Волосъ встаетъ дыбомъ отъ одного помышленія... Впрочемъ, кто пойдетъ справляться? Лишь бы сыграть свадьбу! Спущусь послѣ въ титулярные, а тамъ и дѣйствительно произведутъ. Опоздай немного, и — моему бы счастію конецъ.

Пускай Леандровъ славитъ свою минутную побѣду; завтра и будущность моя!.. Отецъ ручается головой, что Горнславская будетъ на дняхъ его невѣсткой, какъ я его сынъ. Она давно обѣщана мнѣ; Виталина такъ благородна;

что не отступится отъ своего слова. Мало этого, говоритъ отецъ: у него есть свое завѣтное, волшебное словечко, которое приведетъ Натали къ ногамъ моимъ, смиренную овечку. О! надо скорѣе исторгнуть у него этотъ талисманъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сергѣй Петровичъ и Гориславская.

Сергѣй Петровичъ (*осмотрѣвшись*). Никого!.. Наконецъ мы одни... Теперь вы должны меня выслушать; я не могу далѣе откладывать; мученія неизвѣстности сдѣлались для меня нестерпимы.

Гориславская. Пора и мнѣ передать вамъ все, что давно лежало у меня на душѣ.

Сергѣй Петровичъ. Вы, конечно, не разъ угадывали въ глазахъ моихъ, въ звукѣ моего голоса, во всѣхъ отношеніяхъ къ вамъ — болѣе нежели уваженіе, болѣе нежели преданность; но я не смѣлъ еще ни разу говорить вамъ о настоящихъ своихъ чувствахъ. Иногда мнѣ самому казалось... мнѣ, можетъ-быть, моему воображенію представлялось, что вы замѣтили эти чувства, что они тронули наконецъ ваше сердце. Простите мнѣ это обольщеніе. Теперь я долженъ услышать отъ васъ, обманывался я или нѣтъ. Вините за эту дерзость одно мое отчаяніе, одну мою любовь, глубокую, безпредѣльную, съ которою слилась жизнь моя.

Гориславская. Вы видѣли, я сама искала случая быть съ вами одной. Думала, во мнѣ станетъ довольно силъ сказать вамъ, что хотѣла сказать; но когда пришли эти минуты, я прошу Господа подкрѣпить меня... Чего вы отъ меня требуете?.. Одного слова?.. На что оно вамъ? Что вы и я съ нимъ сдѣлаемъ?.. Скажу вамъ болѣе; не смѣю его выговорить, еслибъ и хотѣла... я не вольна въ себѣ .. я невѣста другого, давно обручена съ нимъ...

Сергѣй Петровичъ. Невѣста этого ничтожнаго Мухоморова? Конечно, не вы избрали его! Неужели Софья Андреевна, съ ея умомъ, съ ея прекрасною душою, могла принесть васъ въ жертву этому несчастному фату? Развѣ не видитъ она, что ему нужно ваше приданое, а не вы сами?.. Торгашъ, онъ разсчитываетъ на васъ, какъ на товаръ; бросьте ему обручальное кольцо съ горстью золота — пускай наслаждается любовью, его достойною.

Горнославская. Моя благодѣтельница, моя вторая мать дала свое честное слово; для него пожертвую даже своимъ счастіемъ.

Сергѣй Петровичъ. Слово, данное безъ вѣдома вашего сердца, когда вы не понимали жертвы, на которую васъ готовили, можетъ и должно быть расторгнуто. Упаду къ ногамъ Софьи Андреевны; она тронется моею любовію, убѣжденіями, слезами старика-отца; она не захочетъ вашего несчастія... ручаюсь за нее... Мнѣ нужно только ваше согласіе.

Горнославская (*встороиу*). Что мнѣ дѣлать?.. Господи! умилосердись надо мной. Я скажу ему все, все!.. (*Вслухъ*). Есть еще обстоятельство... сильнѣе воли матери моей, сильнѣе меня самой... есть преграда, которую положилъ самъ Господь при рожденіи моемъ и которую никто ужъ не въ силахъ уничтожить.

Сергѣй Петровичъ. Я знаю все...

Горнославская (*радостно*). Вы?.. знаете?..

Сергѣй Петровичъ. Вашъ батюшка...

Горнославская. Отецъ мой...

Сергѣй Петровичъ. Я буду съ вами откровененъ: когда рѣшается судьба нашей жизни, у насъ не должно быть тайнъ. Неужели васъ смущаетъ, что вы дочь бѣднаго... канцелярскаго чиновника? (*Слышенъ голосъ Медовицыной:* Наталп! Наталп! Гдѣ ты?..) (*Встороиу*). Вѣчно эта сумасшедшая преслѣдуетъ насъ.

Горнославская (*встороиу*). Нѣтъ, онъ ничего не

знаетъ. Слава Богу, позорное слово удержалось на губахъ моихъ.

Сергѣй Петровичъ. Да, я знаю это, отцу моему также извѣстно; но любовь моя сильнѣе всѣхъ предразсудковъ.

Гориславская Это будетъ жертва съ вашей стороны, а я жертвы не хочу. Вы сами, можетъ-быть, раскаетесь въ ней когда-нибудь, и раскаяніе будетъ — поздно!.. Зачѣмъ скрывать? въ васъ нашла я все, что могло бы сдѣлать меня счастливою; сердце мое не разъ обольщалось мечтами этого счастія. Но есть обстоятельства... они не отъ сердца зависятъ. Прощайте... будьте только сами счастливы: вѣрьте, это мое задушевное желаніе. (*Подаетъ ему руку, закрывъ глаза платкомъ*). Останемся друзьями, братомъ и сестрой — вотъ всѣ права, которыя имѣю я съ этой поры на ваше сердце.

Сергѣй Петровичъ. Нѣтъ, не прощаюсь, ни за что въ свѣтѣ! Съ словами, которыя услышалъ отъ васъ, съ этимъ залогомъ, пойду противъ всѣхъ препятствій въ мірѣ, противъ васъ самихъ. Эта рука будетъ моею, клянусь честію (*цѣлуетъ ея руку*).

Гориславская. Не клянитесь... одно слово можетъ разрушить эту клятву.

Медовицына (*показываясь изъ-за деревьевъ*). Прекрасно!.. Одни?.. съ молодымъ человѣкомъ?.. онъ цѣлуетъ вашу руку?.. Вотъ каково безъ надзора!

Гориславская. Надзоръ вашъ едва ли могъ быть полезенъ дѣвочкѣ, а я теперь умѣю сама себя оберегать и въ своихъ поступкахъ отдаю отчетъ одной maman. (*Леандровъ и Виталина показываются изъ-за бесѣдки; Сергѣй Петровичъ рукою подаетъ знакъ отцу*). Теперь просимъ съ нами. (*Уходятъ и присоединяются къ группѣ молодыхъ людей*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Виталина и Леандровъ.

Леандровъ (*про себя*). Онъ подаетъ мнѣ условленный знакъ... а! понимаю. (*Садясь съ Виталиной на скамейку подлѣ бесѣдки, вслухъ*). О чемъ, бишь, мы говорили? Да, о сынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, славный и добрый малый! Живой портретъ матери, которую я страстно любилъ! Знаете ли, ваша Наталья Ивановна мнѣ ее живо напоминаетъ. Одно и то же имя; звукъ голоса — словно слышу мою Наташу. Какъ она хороша, моя голубушка!

Виталина. Вы, конечно, полюбили бы ее, еслибъ знали ея душевныя качества.

Леандровъ. Эхъ! степное сердце не выдержитъ... не любитъ гнета... Скажу вамъ напрямикъ, почтенная Софья Андреевна, то-то была бы парочка!

Виталина. Кто?

Леандровъ. Ну, да вы столичные; все у васъ, не взыщите, по иностранному, какъ извилины этого англійскаго сада, а у насъ, по старинному, аллеи хоть и стриженыя, да зато прямыя... видишь съ перваго взгляда, что на концѣ дѣлается. Мы съ вами слишкомъ 20 лѣтъ пріятели, съ мужемъ вашимъ служилъ я вмѣстѣ, были однокашниками и жили душа въ душу, какъ нынѣ братья не живутъ. Еще повторю: славная парочка!

Виталина. Вашъ Сергѣй Петровичъ и Наташа моя?

Леандровъ. Наконецъ!.. Въ нее-то влюбленъ онъ по уши и говоритъ, что не уѣдетъ изъ Москвы, пока не получитъ руки ея. Только не смѣлъ еще прямо открыться ей безъ моего вѣдома. Признаюсь вамъ, для развязки этого дѣла прискакалъ я вчера, какъ молодой курьеръ, за 500 верстъ. И сынъ и я — у ногъ вашихъ.

Виталина. Лестно для насъ предложеніе ваше... но...

грустно, очень грустно мнѣ сказать вамъ: ихъ раздѣляетъ страшная, не то, чтобы страшная... сильная преграда. Вашъ Сергѣй Петровичъ, сынъ богатаго, столбового дворянина; у васъ родные все изъ высокой аристократіи...

Леандровъ. Мы не въ депутатскомъ собраніи, матушка Софья Андреевна: не разбираемъ родословныя книги, а разложили живую книгу души... послушаемъ лучше, что она скажетъ.

Виталина. Мы должны также слушать, что говоритъ разсудокъ. Молодыхъ людей можетъ ослѣплять страсть; мы должны и за нихъ смотрѣть далеко въ будущность. Наташа, какъ вы знаете, моя воспитанница; правда, люблю ее, какъ дочь родную, и дала ей воспитаніе, какого лучше дочери не могла бы дать; оставляю ей хорошее состояніе, но... не могу дать ей имени.

Леандровъ. Мужъ даетъ имя женѣ своей.

Виталина. Это правда; но бываютъ случаи въ жизни... колкій намекъ въ обществѣ... онъ можетъ упасть глубоко въ сердце вашего сына... кто поручится за послѣдствія? Эти случаи горьки; они могутъ отравить семейное счастіе, спокойствіе цѣлой жизни.

Леандровъ. Да чтожъ ваша воспитанница? Не дочь же она скотницы вашей!

Виталина. Конечно, нѣтъ... она дочь... ничтожнаго канцелярскаго чиновника и, какъ говорятъ въ насмѣшку нынѣшніе писатели, дочь благородныхъ, но бѣдныхъ родителей.

Леандровъ. Скалозубы!

Виталина. Насмѣшка — дѣло великое въ свѣтѣ; отъ нея затѣвались раздоры между людьми, которые не намъ чета; вы сами лучше меня это знаете.

Леандровъ. Бросьте политику, она нейдетъ намъ. Посмотрѣлъ бы я, что бы сказали эти высокіе умы на моемъ мѣстѣ, кабы у нихъ былъ сынъ, въ котораго отецъ влюбленъ страстно, какъ я въ своего. Да, да, смѣйтесь,

влюбленъ страстно, до безумія. Знаете ли, для моего Сережи полѣзу въ огонь, брошусь съ крутого берега въ рѣку, если онъ этого захочетъ; для каждой радости его готовъ отдать годъ жизни, и безъ того недолгой. Объявляю вамъ рѣшительно, какъ святъ Богъ, если не отдадите намъ волею Наталью Ивановну, мы возьмемъ ее у васъ силой, мы похитимъ ее... подкупимъ вашихъ людей, отравимъ вашихъ собакъ, дадимъ вамъ сонныхъ капель... и поминайте насъ тогда лихомъ, сколько душѣ угодно.

Виталина. Извините, Петръ Сергѣевичъ, начинаю думать, что не у сына вашего, а у васъ самихъ немного кружится голова.

Леандровъ. Думайте, что хотите, только согласитесь... дайте же мнѣ вашу безподобную ручку. Добрая, милая Софья Андреевна, сжальтесь надо мною; не уморите меня, старика, вмѣстѣ съ сыномъ, преждевременною смертію... я стану передъ вами на колѣна...

Виталина. Ради Бога, хоть этого не дѣлайте: молодежь насмѣется до упаду надъ нами. Выслушайте меня лучше.

Леандровъ. Слушаю, извольте; буду нѣмъ, какъ рыба.

Виталина. Есть еще одно важное препятствіе.

Леандровъ. Опять препятствіе; нѣтъ, воля ваша...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Саша Полетаевъ (*прибпя къ бесьдкѣ*). Скачетъ тройка изъ Москвы напропалую... надъ облакомъ пыли, въ которомъ несется экипажъ, развѣвается какой-то красный флагъ.

Виталина (*поблѣднѣвъ*). Пароенычь!.. онъ подаетъ радостный знакъ...

Леандровъ. Отъ котораго вы, однакожъ, перепугались.

Виталина (*грустно*). Да, онъ рѣшаетъ судьбу Наташи.

Леандровъ. Мы сорвемъ этотъ значокъ и водрузимъ на мѣсто его свое знамя.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Виталина и Леандровъ.

Виталина. Слушайте же... время дорого. Года четыре тому назадъ, здоровье мое было такъ плохо, что я думала умереть. Жаль было мнѣ болѣе всего Наташу: я оставляла ее непристроенною, какъ бы хотѣла. Дитя было такое прекрасное, умное, доброе, такъ меня любило! Хоть имѣніе мое благопріобрѣтенное, но Наташа не дворянка: оно не могло перейти въ ея руки. Наличныхъ я тогда не имѣла... Въ этомъ горѣ я обратилась къ Парфенычу... Вы знаете его?..

Леандровъ. Помню, помню; былъ въ числѣ дворни вашего мужа, управлялъ вашимъ имѣніемъ и порядочно обиралъ васъ.

Виталина. Какой, Парѳенычъ не воруетъ!.. Нашъ оказалъ много заслугъ мужу по тяжебнымъ дѣламъ, за что и дана ему была отпускная. Онъ былъ нѣкогда, потогдашнему, адвокатъ-самоучка — нынче счастливыя времена для такого рода адвокатовъ прошли — записался въ купцы и женился на бѣдной дворянкѣ.

Леандровъ. Вотъ почему вспомнилъ я давеча фамилію Мухоморова. Такъ это съ сынкомъ его познакомить меня изволили?

Виталина. Такъ точно; молодой человѣкъ очень образованный.

Леандровъ. Говорятъ: отецъ юристъ! юристъ?.. сбилъ меня съ толку. Думалъ, не сынъ ли какого юрисконсульта или по крайней мѣрѣ прокурора.

Виталина. Разсуждали мы съ Парѳенычемъ, какъ помочь горю, и присудили. Написала я заемныя письма на имя его во сто тысячъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ послѣ моей смерти взыскалъ деньги съ имѣнія моего и отдалъ Наташѣ въ приданое. Съ этимъ вмѣстѣ Наташа обязана была выйти за его сына.

Леандровъ. Хитро придумано! (*встороиу*). Съ моимъ сыномъ на одной доскѣ сынъ Парѳеныча... Уфъ! скрѣплюсь и полѣзу для него хоть въ удавку.

Виталина. Молодой Мухоморовъ непротивной наружности, не глупъ, получилъ сначала воспитаніе у меня въ домѣ, потомъ въ университетѣ, вступилъ на службу съ прекрасными надеждами: чего жъ было лучше для моей воспитанницы! По рожденію онъ не могъ гнушаться происхожденіемъ своей невѣсты; это еще болѣе укрѣпило меня въ моемъ намѣреніи. Я выздоровѣла... и напомнивая о заемныхъ письмахъ Парѳенычу, получила ихъ назадъ. Вы, конечно, оцѣните этотъ благородный поступокъ.

Леандровъ. Честно, если онъ и тутъ не хитрилъ на счетъ благородства вашей души.

Виталина. Впослѣдствіи отложили мы свадьбу до того времени, когда Павелъ Флегонтычъ получитъ чинъ коллежскаго асессора. Это дастъ ему возможность укрѣпить за собой деревни, которыя отдаю въ приданое Наташѣ. Отецъ ждалъ съ часу на часъ рокового чина, съ утра до ночи жилъ въ почтамтѣ. Вы слышали, онъ ужъ ѣдетъ съ вѣстію, для него пріятною... это доказываетъ значокъ, который онъ выставилъ надъ экипажемъ... Женихъ пріѣхалъ изъ Петербурга и предъявилъ свои права... Скажите теперь, что вы сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ?

Леандровъ. Слово честное — великое дѣло. Но я знаю, исполненіе этого слова убьетъ моего сына, или онъ убьетъ своего противника. Таковъ я самъ былъ въ молодости. Нельзя ли, однакожъ, найти средствъ, чтобъ сами Мухоморовы отказались отъ своихъ правъ?

Виталина. Не придумаю.

Леандровъ. Чувствуетъ ли она склонность къ молодому человѣку?

Виталина. Павелъ Флегонтычъ пріѣзжалъ къ намъ каждый годъ въ отпускъ; я полагала, что онъ ей не противенъ, но...

Леандровъ. Но... доскажите, ради Бога...

Виталина. Признаюсь, съ тѣхъ поръ, какъ явился къ намъ вашъ сынъ, я замѣтила въ ней большую перемѣну, и это меня очень, очень огорчаетъ. Не скажу вамъ ничего болѣе, потому что ничего болѣе не знаю.

Леандровъ (*немного подумавъ*). Знаете ли что? Парфенычу и его сыну нужны деньги: уговоримъ ихъ взять деньги и отступиться отъ невѣсты.

Виталина. Согласится ли на это Павелъ Флегонтычъ, который влюбленъ не менѣе вашего сына?

Леандровъ. Дайте только слово не мѣшать молодымъ людямъ разобраться самимъ, то есть позволить Натальѣ Ивановнѣ сдѣлать выборъ, а за остальное я берусь.

Виталина. Препятствовать счастію ея? Боже меня сохрани! Для него пожертвовала бы я своимъ.

(*Передъ концомъ этого разговора ставятъ столъ на площадку и на него самоваръ и чайный приборъ; Гориславская садится на стулъ, ближе къ авансцену, и готовитъ чай; Медовицына, Серный Петровичъ, Павелъ Флегонтычъ и нѣсколько дѣвицъ располагаются кто на садовыхъ скамейкахъ, кто на стульяхъ. Слышны крики:* Коллежскій асессоръ! ура, ура! коллежскій асессоръ!)

Леандровъ. Проклятое извѣстіе! оно меня какъ варомъ обдало.

Виталина (*встороиу*). Не сулитъ ли оно всѣмъ намъ несчастія?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ипполитовъ, Полетаевъ и другіе молодые люди *несутъ* Мухоморова, *у котораго на головѣ вѣнокъ, свитый изъ вѣтки цвѣтущаго кустарника; онъ машетъ шляпою.*

Мухоморовъ. Дѣлайте со мною теперь, что хотите! На мою голову, ребята! Пріѣзжайте ко мнѣ, я вамъ поставлю дюжину вдовушекъ клико.

Нѣсколько голосовъ. Да здравствуетъ новый коллежскій асессоръ! новый дворянинъ. (*Молодые люди качаютъ Мухоморова и опускаютъ его потомъ на землю; всѣ подходятъ, одинъ за другимъ, къ Павлу Флегонтычу, кромѣ Сергѣя Петровича*).

Ипполитовъ. Поздравляемъ васъ съ коллежскимъ асессоромъ.

Полетаевъ. Поздравляемъ васъ съ дворянствомъ. Вѣдь вы ужъ теперь нашъ братъ-дворянинъ.

Прочіе молодые люди. Честь имѣемъ поздравить. Честь имѣемъ поздравить. (*Павелъ Флегонтовичъ, блѣдный и смущенный, принимаетъ поздравленія сухо*).

Мухоморовъ (*бѣжитъ къ сыну*). Гдѣ, гдѣ онъ? Пустите меня къ нему!.. Дайте мнѣ прижать къ ретивому моего маіора! Онъ мой... моя кровь (*обнимаетъ сына*). Другъ мой! наконецъ я дождался великаго дня... ты дворянинъ!.. Мать твоя отъ радости долго лежала въ обморокѣ... Позволь тобою налюбоваться въ знатномъ твоемъ чинѣ.

Павелъ Флегонтычъ (*съ неудовольствіемъ*). Какое счастіе!.. Есть изъ чего поднимать такую тревогу! (*срывая съ отца вѣнокъ, на ухо ему*). Вы, кажется, не помните себя; хоть бы передъ чужими людьми не стыдили меня.

Мухоморовъ. Экой гордецъ! (*Подходитъ къ рукѣ*

Гориславской). Поздравьте меня и себя, любезная невѣстушка, Наталья Ивановна! Наконецъ мы дождались вожделѣннаго конца нашихъ фамильныхъ ожиданій.

Гориславская (*сухо*). Нашихъ?.. Поздравляю васъ.

Мухоморовъ (*отходя отъ молодыхъ людей, про себя*). Ге, ге! Видно, перевернулся листъ, какъ говаривалъ покойный баринъ. Хорошо еще, что во-время замѣтилъ.

Ипполитовъ. (*Сергью Петровичу тихо, отведя его всторону*). Вотъ знаменитый родитель нашего Абдель-Кадера! Несчастная, черезъ какое чистилище должна пройдти!

Сергѣй Петровичъ. Во что бъ ни стало, извлеку ее изъ этого омута.

Ипполитовъ. У меня въ головѣ вертятся странныя мысли... По моимъ разсчетамъ что-то раненько роковой чинъ получить изволилъ герой нынѣшняго дня... Надо будетъ навесть справочки. У меня есть пріятель, который служитъ въ одномъ мѣстѣ съ этимъ господиномъ. Напишу къ нему завтра-жъ...

Мухоморовъ (*подходя къ рукѣ Виталиной*). Поздравьте меня, Софья Андреевна: Павлуша мой коллежскій асессоръ. Кто бы ожидалъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ... Видно, подъ счастливой планидой родился. Сударыня, благодѣтельница моя... вамъ, вамъ и вашему покойному сожителю всѣмъ обязанъ... Изъ ничего, такъ сказать, изъ нуля, взошелъ на такую высокую благодать.

Виталина. Полно, Флегонтъ Парѳенычъ, стыдно такъ унижать себя. Сынъ твой заслужилъ свое новое достоинство воспитаніемъ и службой. Умѣрь-ка лучше свой восторгъ, да поклонись другу моего покойнаго мужа. Ты отъ радости не узналъ его.

Мухоморовъ. Виноватъ, растерялся. Батюшка, отецъ и милостивецъ, Петръ Сергѣевичъ, васъ ли я вижу? Какъ нарочно изволили прибыть ко дню моего благополучія (*хочетъ подойти къ Леандрову, чтобы поцѣловать въ плечо*).

Леандровъ. Писали изъ Петербурга, такъ я поспѣшилъ.

Павелъ Флегонтычъ (*слѣдовавшій за отцомъ, удерживаетъ его за платье и отводитъ вспорону*). Бросьте свои привычки; не то отступлюсь отъ васъ, и сію минуту—въ Петербургъ. Помните, я теперь такой же дворянинъ, какъ и они; поддержите меня, будьте съ ними поровнѣе. Садитесь, да подберите цѣпочку отъ часовъ; болтается, какъ шлея. (*Возвращается къ молодымъ людямъ*).

Полетаевъ (*изъ-за куста, изъ-за котораго подслушивалъ разговоръ Мухоморова съ сыномъ, Ипполитову*). Ого, какъ дрессируетъ сынокъ отца!

Мухоморовъ (*надѣвъ шляпу на бекрень и положивъ руку въ карманъ, садится на стулъ противъ Виталиной и Леандрова и съ гордостію охорашивается*). Гмъ, гмъ! (*вспорону*). Не доразумѣваю, съ чего бы начать!.. (*вслухъ*). Вообразите, Софья Андреевна, моя супружница изволила заказать ландо, да приказала мнѣ купить четверку сѣрыхъ въ яблокахъ... такая мода, говоритъ, у знатныхъ людей — сѣрыя въ яблокахъ... Посажу на козлы кучера, чтобъ было два аршина въ плечахъ, съ черною, какъ смоль, бородою, поставлю двухъ молодцовъ на запятки, въ галунахъ, да прокатимся съ невѣстушкой подъ вербами. Деликатесъ!

Леандровъ. Надо гербъ на ландо; какой же выберешь?

Мухоморовъ. Выберешь?.. Гмъ!.. Ужъ конечно, гербъ! А!.. подумаемъ, подумаемъ... что нибудь позолотистѣй! Всего лучше, солнце!.. Лучи чтобъ горѣли, инда глазамъ было-бъ больно! (*Леандровъ вынимаетъ табакерку изъ кармана*). Позвольте вашего табачку?..

Леандровъ (*подавъ ему табаку, высыпаетъ его потомъ на полъ изъ табакерки*). Всего лучше вѣникъ! Преданіе старинныхъ лѣтъ!

Мухоморовъ. Славный табачокъ-съ (*чихаетъ*). Кажется, амуръ пароетъ! Вѣрно изъ Петербурга отъ Вели-

зарія выписывали?.. Охъ! виноватъ, бывало, покойный супругъ Софьи Андреевны выписывалъ книги отъ Велизарія. Заведемъ-съ табакерочку золотую, на амальѣ, съ Венерочкой. Ба, ба, ба! можно мнѣ табакерку съ гербомъ?

Леандровъ. Не ты будешь первый.

Мухоморовъ (*съ неудовольствіемъ*). Будешь? Гмъ!

Леандровъ. Я зналъ одного жидка, перемѣнившаго вѣру, который выслужился, и тотчасъ на визитныхъ билетахъ своихъ, на экранахъ, посудѣ, ножахъ, кастрюляхъ, вездѣ, гдѣ только могъ, помѣстилъ свой гербъ; а твой сынокъ нѣсколькими степенями выше этого жидка. (*Гориславская въ смущеніи прислушивается къ разговору Леандрова съ Мухоморовымъ*).

Мухоморовъ (*оглядываясь и видя, что сынъ строго за нимъ примѣчаетъ*). Это ужъ изъ рукъ вонъ! Что вы хотите сказать, сударь? Мы не жиды; я купецъ второй гильдіи; сынъ мой такой же дворянинъ, какъ и вы. Вы насъ обижаете.

Леандровъ. Нечего намъ считаться съ тобой, Парѳенычъ, мы давно сочлись. Вспомни-ка лучше, какъ мы съ покойнымъ твоимъ барномъ ѣздили разъ на охоту въ Песьи острова?.. и какъ одинъ господинъ, мнѣ очень близкій, поласкалъ кого-то арапникомъ?..

Мухоморовъ (*вставъ*). Виноватъ, сударь. Все проклятая спесь сынка!.. Впередъ не буду (*встороиу*). Инда въ потъ бросило (*вынувъ изъ-подъ мышки клѣтчатый носовой платокъ, утирается имъ*). Виноватъ, нѣ сумѣю еще по вашему. Пускай сынокъ авантажится съ своей матерью... вѣдь она родовая дворянка, а мнѣ, на старости, ужъ не подъ-стать.

Леандровъ. Полно, садись, любезный, а то сынъ задастъ школу получше песьихъ. Забудемъ зады, да будемъ впередъ помнить родную пословицу: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ, да и сынка ей научи.

Мухоморовъ. Нѣтъ, позвольте-съ... постоять. Воля

ваша-съ, этакъ мнѣ вальяжнѣе. (*Встороиу*). Сынъ на меня крѣпко косится... здѣсь не легче... изъ огня да въ полымя, не знаешь, куда броситься: ужъ не радъ коллежскому. (*Вслухъ*). Позвольте мнѣ отлучиться, полюбоваться на молодежь.

Виталина. Сколько душѣ угодно! (*Мухоморовъ удаляется отъ нихъ*).

Леандровъ и Виталина *продолжаютъ тихо говорить между собою.*

Медовицына (*подбѣжавъ къ Сергѣю Петровичу, гуляющему съ Ипполитовымъ по саду и, показывая ему бабочку, которую приколола булавкою*). Видите?

Сергѣй Петровичъ. Бѣдная бабочка! за чтожъ вы ее такъ безжалостно лишили жизни?

Медовицына (*тихо*). Обратите къ себѣ этотъ вопросъ, жестокій!

Сергѣй Петровичъ. Добрѣйшее сердце! (*Отворачивается отъ нея съ негодованіемъ*). Настоящій чертополохъ...

Мухоморовъ (*глядя за Гориславскою и сыномъ, про себя*). Смекается, невѣстушка поднимаетъ что-то высоко свой картузный носикъ, будто булавочка въ немъ сидитъ; давеча отвѣчала мнѣ, словно въ горлѣ пересохло... да и отъ сына отворачивается... Замѣтилъ я, смазливый кавалеристъ отбиваетъ ее у Павлуши. Вѣдь слишкомъ на двѣсти тысячъ приданаго — легко сказать! Не бывать этому!.. Пойду, поубавлю ея жидовской спеси (*слышенъ смѣхъ между молодыми людьми*). Больно смѣху много между этими господчиками! спугну ихъ веселье... На комъ-нибудь да отплатить свою невзгоду!.. (*подходитъ къ Гориславской и говоритъ сй на ухо*). Пару словъ... по секрету.

Гориславская (*поблѣднѣвъ*). Говорите...

Сергѣй Петровичъ (*Ипполитову*). Какъ она поблѣднѣла!.. руки ея дрожатъ...

Мухоморовъ (*Гориславской, тихо*). Вашъ батюшка... Саломонъ... вамъ кланяется... сестрицы тоже... ѣдутъ изъ

Бѣлостока... будутъ нынче сюда... (*Чашка выпадаетъ изъ рукъ Гориславской*).

Сергѣй Петровичъ (*отталкивая Мухоморова и бросаясь къ Гориславской*). Что съ вами?.. не обожглись-ли?

Гориславская (*въ величайшемъ смущеніи*). Нѣтъ... ничего... маленькая неловкость... (*Всѣ, кромѣ Мухоморова и сына его, суетятся около нея*).

Мухоморовъ (*сыну, тихо*). Видишь, почуяла талисманецъ! Каковъ отецъ твоій! отмстилъ разомъ за тебя, братецъ! (*Скрывается въ саду*).

Виталина (*примѣчавшая за движеніями Мухоморова, бѣжитъ къ Гориславской*). Что такое случилось?

Ипполитовъ (*навстрѣчу Виталиной*). Мухоморовъ-старикъ шепнулъ что-то ей на ухо .. вѣрно, на счетъ будущей свадьбы своего сынка... Она выронила чашку изъ рукъ... Посмотрите, какъ сынокъ торжествуетъ. Прогоните ихъ, они убьютъ ее.

Виталина. Презрѣнные!.. (*Гориславской*). Что съ тобою, душа моя?

Гориславская (*цѣлуя ея руку, плачетъ*). Ничего... право, ничего...

Виталина (*Леандрову тихо*). День этотъ полонъ такихъ великихъ неожиданностей... такихъ сильныхъ ощущеній... это разстроило ее... она и безъ того была нездорова.

Леандровъ (*тихо*). Можетъ быть, вы желали бы остаться однѣ? Да и намъ надо отдохнуть отъ разныхъ разностей этого дня: въ сердцѣ и головѣ совершенная путаница... Видите послѣдствія... спасите ее отъ явной гибели... (*громко*). Сережа, Наталья Ивановна не такъ здорова; наше общество можетъ тяготить ее. Прощайся, и маршъ до дому. (*Гости прощаются и одинъ за другимъ расходятся*).

Сергѣй Петровичъ (*Виталиной тихо*). Отъ васъ зависитъ прекратить наши общія страданія.

Виталина (*дружески протягивая ему руку*). Завтра переѣзжаемъ въ Москву; вы для насъ всегда самый пріятнѣйшій гость.

Леандровъ (*взявъ Гориславскую за руку*). Господь да сохранитъ васъ впередъ отъ дурного глаза и рѣчей не по сердцу! Надѣемся скоро увидѣть васъ и здоровѣй и веселѣй. Подай мнѣ руку, Сережа; ужъ и мнѣ силы стали измѣнять. (*Одной рукой держитъ онъ руку Гориславской; подъ другую поддерживаетъ его сынъ*). Съ такими милыми спутниками куда-бъ какъ отрадно добрести до могилы! (*Цѣлуетъ Гориславскую въ лобъ*). Прощай, мое прекрасное дитя. (*Раскланивается съ Виталиной и удаляется, поддерживаемый сыномъ*). Слова, да одни слова, толку не будетъ; надо дѣло дѣлать. Мы покончимъ разомъ эти продѣлки; мы увеземъ ее, братецъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Виталина, Гориславская и Павелъ Флегонтычъ.

Виталина (*сухо*). Что вамъ угодно?

Павелъ Флегонтычъ. Позвольте... нѣсколько словъ.

Виталина. Теперь ни одного. Довольно и тѣхъ, что сказалъ отецъ вашъ! Я замѣтила, они привели васъ въ восторгъ; очень жаль!

Павелъ Флегонтычъ. Вѣрьте Богу, я ничего не слыхалъ, ничего не знаю... какъ же могли...

Виталина. Я вамъ вѣрю, но прошу оставит теперь насъ съ нею однѣхъ; я сама скоро позову васъ съ отцомъ вашимъ. (*Павелъ Флегонтычъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Виталина и Гориславская (*садятся на скамейку возлѣ бесѣдки*).

Гориславская (*бросаясь къ Виталиной на грудь*). Другъ мой, душно!.. очень душно!.. Позволь поплакать на груди твоей... мнѣ будетъ легче...

Виталина. Чтожъ тебя, мой ангелъ, такъ встревожило? Какое злое, адское слово сказалъ тебѣ Парѳенычъ?

Гориславская. Онъ сказалъ мнѣ самыя обыкновенныя, самыя простыя слова. Другую на моемъ мѣстѣ эти слова порадовали бы; но, видно, у меня злое сердце, злая натура... гордая не по породѣ!.. Онъ напомнилъ мнѣ о моемъ отцѣ, о моихъ сестрахъ... сказалъ, что они нынче будутъ сюда... Дочь должна бы радоваться этому, а я... чуждаюсь того, кто далъ мнѣ жизнь, чуждаюсь кровныхъ потому только, что судьба поставила ихъ на низкой ступени общества, а меня, не знаю почему, на зло моему рожденію, такъ возвысила предъ ними — хоть по наружности!.. Даже имя отца для меня страшно... Я боюсь, чтобъ кто-нибудь не намекнулъ о немъ, чтобъ онъ самъ не явился ко мнѣ, не назвалъ бы меня прежнимъ именемъ Эсѳири, чтобъ бѣдныя сестры не приласкались ко мнѣ... Евреи!.. дочери еврея!.. слова позорныя!.. Но я развѣ не *такая* же?

Виталина. Конечно, ужъ не *такая!*.. Ты должна бы давно забыть свое рожденіе... Когда отецъ позволилъ тебѣ принять христіанскую вѣру, онъ отступился отъ тебя, онъ обязался не признавать тебя своей дочерью. Всѣ родственныя связи твои были тогда ѣъ разрушены; воспитаніе, общество, религія положили еще бо́льшую преграду между имъ и тобою.

Гориславская. Онъ отступился, но я должна ли

была, могла ли это сдѣлать?.. Когда вы приняли меня къ себѣ въ домъ, мнѣ было ужъ двѣнадцать лѣтъ, кровныя связи ужъ глубоко пустили корни въ моемъ сердцѣ; я знала своего отца, испытала его ласки, его любовь, я сама привыкла любить его.

Виталина. Я думала, что моя любовь замѣнила тебѣ всѣхъ, кого ты могла любить прежде, что я для тебя — и мать, и семейство твое, и весь твой міръ, пока... пока не придетъ человѣкъ, для кого и самъ Господь велитъ оставить отца и мать. Ты видѣла, что я для тебя не щадила ни заботъ, ни спокойствія, что для тебя расточила сердце свое...

Гориславская. Родная, безцѣнная моя!

Виталина. Говорю это не въ упрекъ тебѣ; все это дѣлала я не изъ разсчетовъ, не изъ тщеславія, а такъ, просто, не знаю почему, можетъ-быть и потому, что имѣла потребность любить кого-либо, и — полюбила тебя, какъ дочь свою, какъ никого не любила въ мірѣ, кромѣ мужа. А теперь?.. Нѣтъ, нѣтъ, и теперь не вѣрю, чтобъ ты могла мнѣ предпочесть его... твоего бывшаго отца! Если бы ты это сказала...

Гориславская. Другъ мой, моя вторая мать, еслибъ я сказала, я солгала бы предъ тобою и предъ Богомъ. Не могу не любить отца — это выше меня самой, ты это знаешь, ты это сама позволила; но еслибъ нужна была жертва кровная для одного изъ васъ, на выборъ между вами, ужъ, конечно, не ему принесла бы ее.

Виталина (*обнимая ее*). Я въ этомъ была увѣрена. Чтожъ заставило тебя нынче бояться даже памяти о твоемъ рожденіи? Почему ты прежде никогда не говорила о своемъ отцѣ съ такимъ страхомъ? Развѣ ты не исполнила кровныхъ обязанностей. Родные твои обезпечены отъ насъ приличнымъ содержаніемъ; они счастливы счастіемъ, имъ сроднымъ, котораго выше не знаютъ, и за него тебѣ обязаны. Почему жъ только нынѣ, послѣ семи лѣтъ разлуки,

Фантазія твоя начала такъ мрачно разыгрываться и летать въ твое первобытное семейство? Что за странныя вспышки? не понимаю. Тутъ кроется другое...

Горислáвская (*въ смущеніи*). Такъ! другое чувство: гордость, небывалая гордость вдругъ овладѣла душой моей; она-то и губитъ меня!

Виталина. Я всегда любила въ тебѣ это чувство, но не въ такой ужасной степени, какъ теперь. Странно! этого прежде не бывало съ тобой... Посмотри мнѣ въ глаза... Наташа! ты и теперь сказала мнѣ неправду: есть другая важная причина; есть другое сильнѣйшее чувство, которое скрываешь отъ меня.

Горислáвская. Виновата... прости мнѣ... откроюсь тебѣ... я... люблю... я *не могла* не любить *его*... Правда, семь лѣтъ забывала, что я дочь еврея, и только теперь это вспомнила, когда въ сердце мое невидимо, не знаю какъ, вкралось чувство, котораго прежде не понимала. Я увидѣла ужасную пропасть, когда голова моя надъ нею закружилась, когда было поздно воротиться!.. Помоги, родная, другъ мой, защити меня отъ меня самой!.. *Онъ*... ты знаешь *кто*... сдѣлалъ мнѣ предложеніе — я отказала... откажи и ты. Вооружись хоть ты за меня; я ужъ не могу. Мухсморовъ мой женихъ, я обручена съ нимъ, слово твое дано, я за него иду.

Виталина. Теперь ясно, какъ день: ты будешь съ нимъ несчастлива — ты не можешь, не должна за него идти. Ни онъ, ни семейство его не по тебѣ!.. Попробуемъ надъ нимъ силою убѣжденій, денегъ, равнодушія твоего къ жениху... Все это, вмѣстѣ съ благодарностію ко мнѣ, не поколеблетъ ли отца и сына? А если для счастія твоего нужно *больше*... никогда я этого не дѣлала, Богъ свидѣтель!.. если нужно отступиться, рѣшусь и на это. Развѣ лучше моими руками навязать тебѣ камень на шею и бросить въ пучину?

Гориславская. Хоть бы и такъ, но... если онъ узнаетъ, что я дочь... жида?

Виталина. Какъ это узнать ему? Ты крещена въ дальнемъ городѣ; когда ты вступила ко мнѣ въ домъ, изъ слугъ, тогда со мною бывшихъ при мнѣ, никого нѣтъ теперь въ живыхъ; все это было дѣлано мужемъ и мною такъ секретно... Одинъ Парѳенычъ знаетъ тайну твоего рожденія. Ты слывешь дочерью канцелярскаго чиновника.

Гориславская. Но тайна извѣстна старику Мухоморову; развѣ онъ, владѣя ею, не можетъ изъ мщенія передать ее другимъ и бросить меня на поруганіе свѣта и, пуще всего, на позоръ передъ *нимъ*?.. Опытъ онъ уже сдѣлалъ... Ну, если мой отецъ, въ самомъ дѣлѣ, пріѣхалъ въ Москву?..

Виталина. Негодяй хотѣлъ только посердить тебя, а, можетъ, и попугать за равнодушіе къ сыну.

Гориславская. Но рѣшиться мнѣ обманывать, не одну минуту, не одинъ день... обманывать всю жизнь того, кто довѣрчиво, съ слѣпою любовію соединилъ со мной судьбу свою? О! тяжело!.. Я изною отъ этой мысли...

Виталина. Такъ лучше испытаемъ силу его любви къ тебѣ! Онъ знаетъ, что ты дочь мелкаго канцелярскаго служителя, и это не пугаетъ его. Любовь его выше всѣхъ предразсудковъ, говорилъ мнѣ отецъ, когда просилъ у меня руки твоей... Чтожъ?.. спустимъ тебя одною ступенью ниже, откроемся ему...

Гориславская. Чтобъ онъ узналъ, что я дочь жида?.. Нѣтъ, никогда не соглашусь на этотъ опытъ! Лучше разстаться съ моимъ счастіемъ, лучше умереть.

Виталина. Такъ предоставь мнѣ дѣйствовать самой.

Гориславская. Дѣлай со мною, что хочешь... воля твоя будетъ моей судьбою... только побереги меня.

Виталина. Будетъ по твоему, гордое и дорогое дитя мое! Теперь поди къ себѣ отдыхать, да вели позвать сюда обоихъ Мухоморовыхъ.

Горпславская (*которая было отошла нѣсколько шаговъ, возвращается*). Они сами идутъ. (*Удаляется*).

Виталина (*увидѣвъ Мухоморовыхъ*). Какъ я стала обоихъ ненавидѣть!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Виталина, Мухоморовъ и Павелъ Флегонтычъ.

Виталина. Мнѣ нужно съ вами говорить о важномъ для насъ дѣлѣ.

Павелъ Флегонтычъ. Мы за этимъ же пришли.

Мухоморовъ. Скажи-ка лучше, Павелъ Флегонтычъ, для повершенія этого дѣла ты пріѣхалъ изъ Питера. Дорожка не легкая и поубыточился не мало.

Виталина. Увидите, что стоило бы прокатиться и далѣе, хоть для настоящаго разговора. Помѣститесь-ка подлѣ меня, Флегонтъ Парѳенычъ (*указываетъ ему на скамейку*), а вы, молодой человѣкъ, возьмите стулъ и присядьте поближе. Ты помнишь, старикъ, что случилось года четыре тому назадъ, когда я лежала на смертномъ одрѣ.

Мухоморовъ. Какъ не помнить! Ангельская душа чуть-чуть не улетѣла на небо. Денно и ночно не отходили мы съ женой отъ вашей спальни.

Виталина. Грѣшно мнѣ забыть, какъ ты и жена твоя ухаживали за мною въ это время. Бѣдная Наташа проплакала только глаза: хоть и дитя, она понимала, однакожъ, что со мною теряетъ все въ мірѣ и остается круглою, несчастною сиротой. Не страшно было мнѣ умереть, но страшно было оставить ее безъ состоянія, безъ покровительства. Думать долго не было времени; вы оба знаете хорошо остальное.

Мухоморовъ. По совѣсти исполнилъ я вашу волю.

Павелъ Флегонтычъ. Желаніе ваше было для насъ закономъ.

Виталина. Мы расположили судьбою ребенка...

Мухоморовъ. Однакожъ, ей было пятнадцать годиковъ.

Виталина. Дѣвочка въ пятнадцать лѣтъ развѣ не дитя?.. Да, безъ ея вѣдома, безъ ея согласія, мы сдѣлали крѣпость на ея руку и сердце, на всю будущность.

Павелъ Флегонтычъ. Когда я пріѣзжалъ прошедшаго года въ Москву, Натальѣ Ивановнѣ было уже восемнадцать лѣтъ—вы не перемѣняли своего слова. Еслибъ разсудокъ и сердце ея противились ему, вы бы, конечно, лучше насъ знали это и намъ объявили.

Виталина. Я молчала, потому что не имѣла ничего новаго вамъ объявить.

Павелъ Флегонтычъ. По крайней мѣрѣ, молчаніе ваше укрѣпило меня въ моихъ надеждахъ, въ увѣренности получить руку той, которую я ужъ три года называлъ своей невѣстой. Каждый годъ возрастала моя привязанность, и вы ее сами питали. Съ вашей стороны положено было только одно препятствіе—мой чинъ; вы сами назначили срокъ нашей свадьбы, когда я получу коллежскаго асессора: онъ давалъ мнѣ право укрѣпить за будущей моей женой имѣніе, которое вы сами ей назначили!.. Я этого приданаго не просилъ, я и теперь его не требую.

Мухоморовъ. Однакожъ, все-таки не лишнее, Павлуша; вѣдь обѣщано... да и не радостно будетъ Натальѣ Ивановнѣ отъ рябчиковъ жить на сухоядѣніи. Видитъ Богъ, мы поступили безъ хитрости, безъ корысти. Софья Андреевна сама изволитъ знать, что должна мнѣ была сто тысячъ по двумъ актамъ, явленнымъ въ гражданской, и я не покорыстовался ими.

Виталина. Вы можете получить и теперь одинъ, въ пятьдесять тысячъ: онъ цѣлъ; разница въ немъ только та, что на него наросли проценты. Примите его въ благодарность за все, что вы для меня сдѣлали и *можете* еще сдѣлать.

Павелъ Флегонтычъ (*въ сторону*). А! понимаю... (*вслухъ*). Безъ руки Натальи Ивановны этотъ актъ для меня все равно, что листъ бѣлой бумаги. Не о благодарности, не о векселяхъ, явленныхъ у маклеровъ и въ палатахъ, идетъ рѣчь, Софья Андреевна, а о выполненіи слова, скрѣпленнаго честію вашею, честію благородной дамы; дѣло идетъ объ исполненіи обѣта, даннаго у смертнаго одра, передъ лицомъ Судьи, котораго протестъ ужасенъ... дѣло идетъ о счастіи или несчастіи цѣлой моей жизни. Теперь и я призываю васъ къ отвѣту.

Виталина (*вставая*). Къ отвѣту?.. меня?.. вы?.. вы, котораго отцу дала я свободу, имя, состояніе?.. Не вамъ ли самимъ дано мною воспитаніе у меня въ домѣ, потомъ средства къ высшему образованію? Не я ли проложила вамъ дорогу къ службѣ, вывела васъ на степень, которую занимаете нынѣ въ свѣтѣ? Я могла бы сказать болѣе, но считаю низкимъ говорить о благодѣяніяхъ... Извольте, я дамъ вамъ отвѣтъ. Вы о чести говорите очень горячо, молодой человѣкъ; увидимъ, такъ ли согласны съ правилами чести и дѣйствія ваши! Рыцарь, какъ вы себя понимаете, долженъ быть во всемъ такимъ.

Павелъ Флегонтычъ. Кажется, вы испытывали меня болѣе двадцати лѣтъ; не вновь же начинать!

Виталина. Прежде всего и я должна, однакожъ, сказать: не имѣю нужды, чтобъ напоминали мнѣ объ исполненіи *моего* слова. Когда для этого нужно было бы жертвовать своимъ имуществомъ, своимъ спокойствіемъ, однимъ словомъ — собою, я не задумалась бы ни на минуту. Но въ дѣлѣ нашемъ есть третье лицо... дочь моя, не по рожденію, — все равно! — любовь сильнѣе кровныхъ правъ. Такъ помните, сударь, дѣло идетъ о судьбѣ дочери моей; вы говорите съ ея матерью.

Павелъ Флегонтычъ. Слушаю.

Виталина. Не виды на богатое приданое, которое даю за Наташей, прельщаютъ васъ, сказали вы: одна при-

вязанность, одна чистая, безкорыстная любовь, возраставшая съ каждымъ годомъ?..

Павелъ Флегонтычъ. И теперь это подтверждаю.

Мухоморовъ (*про себя*). Охъ, охъ! бѣда съ этими прыткими молодыми людьми! Того и гляди, отступится отъ сотенъ тысячъ.

Виталина. Такъ для васъ нужна она одна, своимъ лицомъ?

Павелъ Флегонтычъ. Получить ее и безъ ничего почелъ бы я высшимъ блаженствомъ.

Виталина. Но вы, конечно, хотите, чтобъ будущая подруга вашей жизни съ рукою своею отдала вамъ сердце, чтобъ она васъ любила и любовію своею услаждала вашу будущность. Безъ того что за союзъ двухъ людей мыслящихъ, образованныхъ? Ужъ и въ деревняхъ, у крестьянъ, не стали отдавать дочерей поневолѣ. Когда обѣщала я вамъ Наташу, я думала, что сердце ея никѣмъ не занято и, если не чувствуетъ къ вамъ особенной привязанности, то по крайней мѣрѣ свободно, по крайней мѣрѣ способно васъ полюбить. До нынѣшняго дня я была въ этомъ заблужденіи. Знайте же: она васъ не терпитъ, она чувствуетъ къ вамъ неодолимое отвращеніе; скажу болѣе: она любитъ другого и мнѣ въ этомъ нынче призналась.

Павелъ Флегонтычъ. Не эту ли восковую фигуру, которую только-что на дняхъ увидала! Богатырская любовь! шагаетъ верстовыми шагами!..

Виталина. Теперь, господинъ рыцарь, покажите свое благородство: возьмите ее, повлеките къ вѣнцу, заставьте у алтаря Божія, передъ лицомъ Его, солгать, что она не неволею за васъ идетъ, что она никого не любила, кромѣ васъ. Честенъ, возвышенъ будетъ вашъ поступокъ!.. Но когда совершите вы этотъ рыцарскій подвигъ, какое высокое блаженство будетъ видѣть подлѣ себя жену-страдалицу, которая сказала вамъ прежде, что она васъ ненавидитъ и — презираетъ... Да, презираетъ, потому что по-

добный поступокъ съ вашей стороны другого чувства не заслуживаетъ!.. Начните же этотъ подвигъ, сударь, довершите его, если достанетъ у васъ довольно самоотверженія, чтобъ обречь и себя на вѣчныя муки.

Мухоморовъ (*сыну тихо, такъ, чтобы слышала Виталина*). По мнѣ хоть бы отступиться отъ такой невѣсты. Паша, не лучше ли взять сто тысячъ?

Павелъ Флегонтычъ. Увидимъ.

Виталина. Чтожъ вы на это скажете?

Павелъ Флегонтычъ. Что я скажу?.. Теперь ни слова, ни одного слова не услышите отъ меня. Дайте мнѣ подумать, Софья Андреевна! только одну недѣлю срока прошу; чрезъ недѣлю получите рѣшительный отвѣтъ. Хочу самъ испытать сердце Натальи Ивановны; отъ нея самой долженъ услышать отвѣтъ. Вы даже обвинили бы меня въ вѣтренности, въ легкомысліи, еслибъ я сейчасъ рѣшился. Любить такъ долго, такъ страстно, и такъ скоро разстаться съ своею любовью, съ лучшими мечтами своей жизни — о! это ужасно!

Виталина. Такъ черезъ недѣлю жду отвѣта. Онъ долженъ быть рѣшительный. Помните, мы не ссорились съ вами, Флегонтъ Парѳенычъ (*съ твердостію*), въ твоей преданности я увѣрена... ты мнѣ никогда не измѣнялъ и знаешь Бога.

Мухоморовъ. Матушка!.. видитъ... Онъ! (*показываетъ на небо*).

Виталина (*тихо ему*). Зачѣмъ же ты... давеча...

Мухоморовъ (*тихо*). Каюсь, виноватъ... въ сердцахъ сорвалось... вѣрьте совѣсти, впередъ не буду... Ужъ вы, родная, будьте съ нимъ (*указывая на сына*) не такъ суровы... (*Уходитъ съ сыномъ*).

Виталина (*уходя*). Господи! внуши имъ все, что согласно только съ ея счастіемъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Мухоморовъ и Павелъ Флегонтычъ.

Павелъ Флегонтычъ. Отступиться?.. отступиться?.. За кого они принимаютъ меня? За ребенка что ли, котораго тѣшили долго любимою игрушкой — отняли ее, потому что она понравилась другому, и обѣщаютъ новую, золотую игрушку? Хотятъ среди бѣлаго дня, всенародно, проволочь меня по грязи и потомъ умыть розовою водою? И чтобы толпа, чернь насмѣялась досыта надъ этой продѣлкой?.. Нѣтъ, не такъ легко! Они меня не знаютъ!.. Лучше погубить ее, хоть бы самому погибнуть... Отецъ! у тебя есть тайна... важная тайна, говорилъ ты, которая мнѣ дастъ надъ Горюславской роковую власть, которая граведетъ ее къ ногамъ моимъ, какъ покорную овечку.

Мухоморовъ. Почти такъ.

Павелъ Флегонтычъ. Почти?.. Навѣрно!.. Ты давеча шепнулъ ей на ухо нѣсколько словъ... видно, показалъ кончикъ этой тайны... Горюславская поблѣднѣла, какъ смерть, руки ея дрожали... Постигаю, ты обладаешь великимъ сокровищемъ... На что оно тебѣ? Что ты сдѣлаешь изъ него, съ твоею мягкою, уклончивою душой? Оно принадлежитъ мнѣ по праву. Отдай мнѣ его!.. (*Беретъ судорожно отца за руку*). Пора — ты видѣлъ?.. Ты самъ устроилъ эту путаницу, дай же мнѣ ножъ, которымъ бы ее разсѣчь.

Мухоморовъ. Безумный! не ломай же мнѣ такъ руку... Охъ, охъ! чему жъ васъ учатъ тамъ въ высокихъ трехъэтажныхъ палатахъ? Только-что не погладили его по шерсти, онъ ужъ всѣ помыслы свои, всю утробу выворотилъ наружу. Павлуша, не такъ дѣлаютъ люди бывалые, умные. Отецъ твой простой, какъ ты говоришь, необразованный человѣкъ, да тебя поучитъ. А ты наставилъ меня

давеча, все дѣло было испортилъ. У насъ не такъ: на душѣ и волкомъ воешь, да, коли нужно, воркуешь голубочкомъ. Прикинусь дурачкомъ, поклянусь, побожусь, а тутъ (*показавъ на грудь*) пишется кровавая челобитная по пунктамъ... ужъ съ надписью не возвратятъ, за то ручаюсь. Видѣлъ ты, Софья Андреевна попрежнему ко мнѣ, и увѣрена, что я ей преданный? А я — преданъ только себѣ, да тебѣ, неблагодарный! Прежде чѣмъ ты меня просилъ, я для тебя многое устроилъ.

Павелъ Флегонтычъ. Батюшка, простите меня, дайте мнѣ руку вашу... я поцѣлую ее, чтобъ прошла скорѣе боль, которую причинилъ ей, и, можетъ-быть, сердцу вашему! Умоляю васъ объ одномъ — выкупить для меня Гориславскую изъ чужихъ рукъ, или погубить ее вмѣстѣ съ названной матерью.

Мухоморовъ. Авось, обойдемся безъ послѣдняго. Открою тебѣ всю подноготную. Только поклонись, что не передашь секрета никому до поры до времени; ты, да я, будемъ одни знать, будемъ одни проводить отъ него невидимыя проволоки, чтобъ куклы плясали по нашему хотѣнію. Даже матери твоей... самой матери не говори: знаешь, волосъ дологъ... все дѣло испортитъ.

Павелъ Флегонтычъ. Клянусь всемогущемъ Богомъ!

Мухоморовъ (*обходитъ кругомъ кусты и заглядываетъ въ бесѣдку*). Никого... не шелохнетъ!.. Слушай же: Гориславская не дочь канцелярскаго чиновника, а дочь... еврея.

Павелъ Флегонтычъ. Еврея?.. Можетъ ли статься?

Мухоморовъ. Сталось, какъ ты мой сынъ. Никто изъ сторонихъ не знаетъ этого, кромѣ меня. Тому назадъ семь лѣтъ, покойный Виталинъ командовалъ полкомъ, который стоялъ въ Бѣлостокѣ. Хаживалъ къ нимъ жидокъ Саломонъ — по ихнему факторъ что-ли — нищій, хоть и проходило много денегъ черезъ его руки. У жидка было три дочки. Старшая, Эсфира, была такая пригожая, ласковая,

разумная. Увидали ее господа, полюбили, и впала имъ мысль взять ее къ себѣ въ домъ вмѣсто дочки. За деньги жидъ готовъ продать хоть себя, и согласился отдать дочь съ тѣмъ, чтобъ вовсе отъ ней отступиться. Эсфирочка была такая гордая натура, будто родилась въ каменныхъ палатахъ. Эсфиру окрестили и назвали Натальей, а чтобъ она не поступила въ домъ съ жидовскимъ клеймомъ, по моей наукѣ, стали ее величать дочерью личнаго дворянина. Съ тѣхъ поръ она такою и слыветъ. Въ Бѣлостокѣ это дѣло нынѣ только извѣстно Богу да душѣ Саломона.

Павелъ Флегонтычъ. Чѣмъ же можно доказать теперь, если нужно, что Гориславская была жидовка?

Мухоморовъ. Во-первыхъ, натура ея сама сейчасъ скажется: проба была при тебѣ съ полчаса назадъ. Во-вторыхъ, я оставилъ въ дѣлѣ лазейку. Учись, дружокъ, никогда не кончать дѣла начисто, а всегда оставляй въ немъ лазейку — такую, что можно, коли понадобится, влѣзть или вылѣзть черезъ нее. Стоитъ только потребовать отъ Виталиной актецъ о крещеніи, и секретъ выплыветъ на чистую воду. Въ-третьихъ, я приберегъ себѣ корреспонденцію съ Саломономъ, разумѣется, и пересылку денегъ къ нему: дондеже могу имъ располагать, какъ хочу. Положено ему было двѣ тысячи, а я съ каждымъ годомъ убавлялъ фуражныя деньги; нынѣшній годъ послалъ ему только триста, и то на дорогу — пускай будетъ ни сытъ, ни голоденъ. Все для тебя, Павлуша, все для тебя, дружокъ, не равно на черный день (*слышенъ шорохъ въ кустѣ; Мухоморовъ прислушивается*). Чу! не слыхалъ ли ты шуму?

Павелъ Флегонтычъ. Нѣтъ, птица слетѣла съ дерева; не безпокойтесь — вамъ показалось.

Мухоморовъ. Смекаешь, жидъ раздраженъ... стоитъ только насыкнуть, онъ и выдастъ все наружу. Замѣтилъ я, во время отлучки твоей, что Гориславская неравнодушна къ офицерику; старая барыня смотритъ на это ласково и ужъ до тебя заговаривала мнѣ, хоть на-попятную. Пять-

сотъ душъ, каменные дома, капиталецъ... подцѣпятъ, окаянные, — подумалъ я: — быть тутъ худу, хоть и дочь приказнаго. На всякій случай выписалъ *зидка* изъ Бѣлостока; пріѣхалъ вчера сюда и съ дочками. Понадобится, докажемъ Леандровымъ, что Натальюшка — жидовка, наведемъ и на батюшку Саломона... Намъ ничего, а старому столбовому дворянину втюриться въ такое родство... Смекаешь?.. обѣими руками отдадутъ...

Павелъ Флегонтычъ. Батюшка, я передъ вами глупецъ... Тайна ваша воскресила меня. О! я не ожидалъ, чтобъ въ ней было столько добра, столько могучихъ средствъ. Правда, это такой волшебный талисманъ, отъ котораго посыплются чудеса. Вы увидите, что я имъ воспользуюсь... Смирится гордая натура Горпславской — она моя!

Мухоморовъ. Только, ради Бога, поскромнѣе, поувертливѣй, оглядываясь. Такъ всегда вводи другихъ, а самъ не попадайся. Саломона, коли тебѣ понадобится, можешь отыскать въ Черствомъ переулкѣ, близъ Сухаревой башни, въ домѣ мѣщанки Соковой.

Павелъ Флегонтычъ. Соковой... не забуду; эта фамилія врѣзалась въ головѣ и сердцѣ, какъ будто выжгли ее горячимъ желѣзомъ.

Мухоморовъ. Однакожъ, темнѣетъ на дворѣ. Пожалуй, эти сорванцы дождутся въ оврагѣ, да поколотятъ порядкомъ — чего добраго! Отправимся-ка поскорѣй въ Москву. (*Отходитъ къ воротамъ*). Эй! Филька! Заснулъ! Филька! (*Слышенъ голосъ*). «Здѣсь, сударь... Тпрру, окаянные, успѣете натѣшиться. Да, заснешь голодный на тычкѣ!..» (*Мухоморовы скрываются*).

АКТЪ II.

Комната въ квартирѣ Леандрова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Леандровъ (*одинъ*). Дочь приказнаго!.. Неважный ремизъ: рука сына разомъ сотретъ его. Не въ чины же ему лѣзть черезъ жену!.. Съ другой стороны, сколько достоинствъ! Хороша собой, воспитана, умна, а пуще всего добра, какъ ангелъ: всѣ въ домѣ барышней не нахвалятся. Я самъ влюбленъ въ нее безъ памяти. Да и то сказать, сколько ни допскивался приказной родни, не отыскалъ никакой—круглая сирота! Тѣмъ лучше.

Дѣло рѣшеное: она наша. Вижу, и самой Виталиной хочется честнымъ образомъ отдѣлаться отъ Мухоморовыхъ. Мы избавимъ ее отъ хлопотъ; вся продѣлка падетъ на насъ. Завтра представимъ ей Горпславскую подъ именемъ госпожи Леандровой. Чай, у молодыхъ людей кипитъ дѣло: учить и понуждать нечего. Да вотъ и на поминѣ легки.

ЯВЛЕНІЕ II.

Леандровъ, Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ.

Леандровъ. Отчетъ скорѣй, на чистоту!

Сергѣй Петровичъ. Все намъ помогаетъ. Мухоморовыхъ нынѣшній день не принимали; со мною ста-

рушка была необыкновенно привѣтлива; въ словахъ ея вездѣ проглядывала родственная, сердечная теплота. Натали была грустна, но успѣла наградить меня такимъ взглядомъ, для котораго можно броситься въ огонь; прощаясь подала мнѣ руку... О! что сказала мнѣ эта рука!.. Батюшка, я вполнѣ счастливъ.

Ипполитовъ. Пожалуй, онъ васъ займетъ цѣлый часъ разсказами о чудесныхъ взглядахъ, о таинственныхъ пожатіяхъ руки, а настоящаго вы отъ него не узнаете. Извольте, достославный родитель сего Телемака, выслушать рапортъ его Ментора. Наталья Ивановна ѣдетъ рѣшительно на вечеръ къ Гусынинымъ; ей сопутствуетъ сантиментальная дѣва Медовицына; Виталина остается дома, будто по нездоровью... Люди, купленные мною, пересказали барынѣ о нашихъ будущихъ подвигахъ, а барыня дала этимъ людямъ секретный приказъ не мѣшать намъ; все это, какъ водится, опять передано мнѣ. По вашему повелѣнію, многоуважаемый Петръ Сергѣевичъ, я съѣздилъ за 20 верстъ отъ Москвы, въ указанное мнѣ вами село...

Алтарь готовъ, горитъ огнями храмъ.
Любви курится онміамъ
И стелетъ Гименей нетерпѣливый
Роскошный одръ изъ розъ четѣ счастливой.

Леандровъ. Стихи, особенно съ онміамами, нынѣ не въ модѣ; давай-ка намъ дѣльной прозы и прозы!

Ипполитовъ. Прозаически сказать, все приготовлено, чтобъ окрутить влюбленную чету; запасены свидѣтели, шаферы и—не забыта батарея шампанскаго. Воля ваша, грянемъ: «Громъ побѣды раздавайся!» и увлечемъ васъ въ полонезъ.

Леандровъ. Не только полонезъ, подъ эти родные, торжественные звуки готовъ тряхнуть старыми костями и пройтись *русскую*, молодецкую. Спасибо, дружище! (*Кличетъ*). Эй! мальчикъ!

Ипполитовъ (*тихо Серпю Петровичу*). Видно, въ домѣ отца твоего не вывелись еще мальчики, которые женятся, имѣютъ сами дѣтей и до смерти остаются все мальчиками! (*Серпый Петровичъ молча жметъ ему руку*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и слуга.

Леандровъ (*слугѣ*). Ты знаешь, какъ мои приказанія исполняются?

Слуга. Знаемъ; хоть въ огонь и воду.

Леандровъ. Чтобъ къ девяти часамъ все было готово...

Слуга. Слушаю.

Ипполитовъ. Проэкзаменуйте его, хорошо ли выучилъ онъ мой урокъ.

Леандровъ. Помнишь ли, что надо сдѣлать?

Слуга. Софья Андреевна поѣдетъ съ вечеринки.

Леандровъ. Софья Андреевна или Наталья Ивановна — все равно — слышишь?

Слуга. Слушаю. Карета ихъ остановится въ Газетномъ переулкѣ, у втораго фонарнаго столба отъ Тверской. — Что тамъ сдѣлалось? спрашиваетъ барыня или барышня. — Колесо ненадежно, — говоритъ ихній кучеръ. — Мы тутъ какъ снѣгъ на голову. Бросаюсь къ каретѣ, и ну раскачивать колесо.—Ахти, матушка, сударыня! дѣло худое; вы этакъ до Кузнецкаго не доплететесь. Да не извольте тревожиться; какъ будто Богъ послалъ насъ сюда на эту бѣду; баринъ ѣдетъ изъ клуба и здѣсь въ двухъ шагахъ, въ своей каретѣ. — Тутъ пересаживается барыня или барышня къ вамъ, а извѣстное дѣло, прямо въ село Самородки.

Леандровъ. Ладно. Теперь на отдыхъ, а вечеромъ къ дѣлу, и не зѣвать. Ступай (*Слуга уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, *кромѣ* слуги.

Леандровъ. Люблю такого рода продѣлки. Это не первинка для меня. Въ молодости своей, если не для себя увезъ жену, такъ пріятелю помогъ увезти.

Ипполитовъ. Видно, вы были такой же молодецъ, какъ и я.

Леандровъ. Тѣхъ же щей, да пожиже. Вы люди новаго вѣка: за друга пойдете на дуэль, а подъ дубину мужика не отважитесь.

Ипполитовъ. Передъ геркулесовой шпагой—пассъ.

Леандровъ. Правда, наши времена были простѣе, пожалуй, и погрубѣй; многое ужъ нынѣ и не позволятъ.

Ипполитовъ. Разскажите-ка намъ о вашемъ молодечествѣ, хоть ради вящаго нашего куража.

Леандровъ. Вотъ видите, надо было выхватить одну Надежду Николаевну изъ дома родственника ея, старика богатаго и упрямаго, который низачто не хотѣлъ отдать ее за моего пріятеля. Разумѣется, и пріятель и дѣвушка были влюблены другъ въ друга по самую маковку головы. Нужно было не только вырвать барышню изъ-подъ караула старика, но и перемахнуть въ другой уѣздъ. Въ своемъ никто не хотѣлъ вѣнчать, а въ сосѣднемъ человѣкъ мнѣ задушевный и лихачъ, какихъ уже нѣтъ нынче, все изготовилъ, чтобъ окрутить влюбленную чету. Въ глухую полночь спустилась Надежда Николаевна изъ окна своей спальни, прямо ножками на мои плеча: въ охапку ее — и сгинулъ въ темнотѣ ночной. До границы промчались мы вихремъ благополучно. Стало свѣтать... ахти! вижу — двадцать молодцовъ съ дубинками дожидаются насъ на-перехватъ; изъ плетня сдѣлана барьера. Самъ я сидѣлъ кучеромъ; четверка была у меня отчаянная, сказочная. За-

дрожали жилки, не отъ страха опасности, а отъ страха удариться лицомъ въ грязь... Смекаю, дѣло плохо! однакожъ подумалъ, лучше голову снести чѣмъ на-попятную... перекрестился, да какъ гаркнулъ: эй! соколики! не выдайте!.. — и былъ таковъ. Только видѣлъ въ облакѣ пыли, какъ разметались люди по сторонамъ, будто полетѣли щепки... Не утерпѣлъ однакожъ: въ саженяхъ пятидесяти остановился, да погрозилъ кнутомъ. Правду сказать, и невѣста была молодецъ — обняла меня на козлахъ и поцѣловала.

Ипполитовъ. Сережа, какъ думаешь, братъ, вмѣсто тебя, не повезти ли батюшку къ вѣнцу? Посмотри-ка, тридцать лѣтъ съ костей долой; глаза горятъ, какъ у влюбленнаго юноши.

Сергѣй Петровичъ. Если бы и увезъ для себя, знаю, и у вѣнца отдастъ мнѣ ее. (*Цѣлуетъ руку у отца*).

Леандровъ. Теперь осталось поручить себя Богу. Прилягу немного; намъ придется всю ночь не смыкать глазъ. (*Идетъ въ боковую комнату*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ.

Ипполитовъ. Чудный человѣкъ твой отецъ!.. Жалѣю, что я не на твоемъ мѣстѣ, то есть, не герой нашего романа, не имѣю такого отца и, главное, такой безподобной невѣсты, которую завтра можешь лобызать, сколько душѣ угодно.

Сергѣй Петровичъ. Да, братецъ, завидовать мнѣ можно.

Ипполитовъ. Чтобъ не завидовать тебѣ на-яву, пойду заѣсть горечь моего одиночества трюфелями, отъ которыхъ за версту несетъ амброзіей, и залью ее добрымъ хересомъ. (*Расходятся въ разныя двери*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Вечеръ въ домѣ откупщика Гусынина. Авансцена представляетъ гостиную, наполненную богатою мебелью, разставленною въ модномъ безпорядкѣ. Посреди комнаты, ближе къ лѣвой сторонѣ, мраморный каминъ, въ видѣ пьедестала, на которомъ стоитъ изъ мрамора изваянная группа Психеи и Амура; кругомъ цвѣты въ горшкахъ. Сквозь широкую арку, съ богатою драпри, видна зала. Во время танцевъ, звуки музыки слабо долетаютъ до зрителей; сквозь анфиладу комнатъ видно танцующихъ, а иногда полькирующіе показываются на авансценѣ, въ гостиной.

Гусынинъ, Гусынина, Сергѣй Петровичъ, Ипполитовъ, Павелъ Флегонтычъ, молодые люди 1-й, 2-й, 3-й, *прочіе гости обоего пола.*

Гусынинъ и 1-й молодой человѣкъ разносятъ карты гостямъ. Мужчины и дамы, большею частію, разсаживаются за карточные столы. Нѣсколько дѣвицъ и молодыхъ дамъ сидятъ въ разныхъ мѣстахъ гостиной и залы, другія переходятъ парами и группами изъ одной комнаты въ другую. Молодые люди разсыпаны тамъ и сямъ; рѣдкій изъ нихъ подходитъ къ дамамъ и дѣвицамъ. Гости то и дѣло прибываютъ. Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ сидятъ на диванѣ; первый внимательно выглядываетъ пріѣзжающихъ; Павелъ Флегонтычъ издали наблюдаетъ за ними.

Сергѣй Петровичъ. До сихъ поръ нѣтъ ея! Ужъ не случилось ли чего? Не отдумала ли пріѣхать?

Ипполитовъ. Просто; лишнихъ пять минутъ на туалетъ, и для тебя, неблагодарный!

Сергѣй Петровичъ. Для меня?.. Да, послѣ утренняго свиданія я сдѣлался самолюбивъ.

Ипполитовъ. Скажу еще тебѣ въ утѣшеніе: несчастіе

приходитъ внезапно, счастіе любитъ пококетничать — заставляетъ себя ждать.

Сергѣй Петровичъ. Несчастіе приходитъ внезапно, говоришь ты? У меня сердце замерло отъ этихъ словъ.

Ипполитовъ. Передъ добромъ, Ѳомичъ невѣрный! Съ тобою шутить нельзя: благополучіе у тебя на носу, а ты его не видишь.

Сергѣй Петровичъ. Боюсь всего, пока не скажу: она моя!.. Не выдержу, пойду стеречь ее поближе къ дверямъ (*уходитъ въ другую комнату*).

Павелъ Флегонтычъ (*съвъ подлѣ Ипполитова, иронически*). Вашъ пріятель ждетъ *ее*... съ нетерпѣніемъ, котораго не можетъ скрыть.

Ипполитовъ *Ее?*.. Кто далъ вамъ право, сударь, обращаться ко мнѣ съ подобными таинственными вопросами? Кажется, мы съ вами не на такой дружеской ногѣ.

Павелъ Флегонтычъ. Но вы... другъ Леандрову, вы желаете ему счастія... онъ ждетъ этого счастія съ рукою *ея;* но горько будетъ разочарованіе: онъ обманутъ!

Ипполитовъ. А вы, изъ желанія ему добра, хотите открыть обманъ?..

Павелъ Флегонтычъ. Не столько для его добра, сколько для своего, признаюсь вамъ. Я въ этой драмѣ теперь главное страдающее лицо; берегитесь, чтобы другъ вашъ, ставъ на мое мѣсто, не раскаялся... будетъ поздно!

Ипполитовъ (*иронически*). Благодаримъ за участіе.

Павелъ Флегонтычъ. Волею или неволею, вы должны принять его.

Ипполитовъ. Неволею? это дерзко и смѣшно! Посмотримъ, однакожъ, вашей удали.

Павелъ Флегонтычъ. Ни дерзко, ни смѣшно, если узнаете, что заставляетъ меня такъ говорить. Не засмѣетесь вы, тѣмъ менѣе засмѣется вашъ другъ, когда увидите *ее,* блѣдную, трепещущую отъ одного моего слова. Не засмѣетесь, когда я вамъ покажу изумительныя, страшныя

доказательства моего на нее вліянія! Смѣхъ развѣ будетъ на моей сторонѣ!

Ипполитовъ (*измѣряя его глазами*). Послѣ такого предисловія очень любопытенъ былъ бы, въ самомъ дѣлѣ, увидѣть ваши штуки, новый, дивный Пинетти!

Гусынинъ *останавливается въ раздумьи съ картою въ рукахъ близъ говорящихъ.*

Гусынина (*своему мужу*). Да вотъ monsieur Ипполитовъ не танцуетъ; онъ избавитъ насъ отъ хлопотъ.

Гусынинъ (*Ипполитову, предлагая ему карточку*). Не достаетъ одного партнера... не откажитесь.

Ипполитовъ. Извините, я не играю.

Гусынинъ. Два генерала и кавалеры разныхъ орденовъ...

Ипполитовъ. Хоть бы гран-метры тампліеровъ!.. Не играю рѣшительно.

Гусынина (*отходя съ мужемъ*). Злой человѣкъ! не танцуетъ и не играетъ; зачѣмъ же эти господа пріѣзжаютъ на вечера?

Павелъ Флегонтычъ. Пожалуй, я дамъ вамъ здѣсь, теперь, образчики тѣхъ таинственныхъ отношеній, которыя существуютъ между *ею* и мною. Такъ... желаете?

Ипполитовъ. Чтожъ? Въ самомъ дѣлѣ интересно. Но помните, почтеннѣйшій, что если это одни фарсы съ вашей стороны, если вы хоть на волосъ солгали, я назову васъ публично негодяемъ и лжецомъ.

Павелъ Флегонтычъ. Я этого не боюсь, потому что дѣло подтвердитъ мои слова. Послѣ этихъ доказательствъ, подадите ли мнѣ руку на миръ?

Ипполитовъ. О! и въ этомъ случаѣ, нѣтъ, никогда! Но я даю вамъ слово препятствовать тогда, чтобы мой другъ женился на ней, во что бы ни стало. Для васъ, какъ я вижу, болѣе ничего не надо.

Павелъ Флегонтычъ. Довольно съ меня и этого.

Ипполитовъ. Говорите жъ... давайте опыты.

(*Трое молодыхъ людей останавливаются у камина близъ Ипполитова и Павла Флегонтыча и мѣшаютъ имъ продолжать разговоръ*).

1-й молодой человѣкъ. Насилу разсадилъ по мастямъ!.. Усталъ, какъ собака.

2-й молодой человѣкъ. Есть изъ чего! твоя Клеопатра дивно-хороша, а Амфитріонъ дивно-глупъ — выручаешь его славно!

3-й молодой человѣкъ. Смотря на нее, я всегда вспоминаю «Египетскія Ночи» Пушкина:

И всѣми тайными лобзаній
И дивной нѣгой утомитъ.

Счастливецъ! (*Всѣ трое удаляются*).

Павелъ Флегонтычъ. Вы желаете опытовъ? Извольте. Вашъ другъ навѣрно будетъ звать ее на первый ганецъ?

Ипполитовъ. Еслибъ онъ этого не сдѣлалъ, я уговорю.

Павелъ Флегонтычъ. Хорошо. Я увѣренъ такъ въ своемъ чудесномъ вліяніи на нее, въ своемъ преимуществѣ надъ вашимъ другомъ, что дождусь, пока онъ ее ангажируетъ.

Ипполитовъ. И потомъ?

Павелъ Флегонтычъ. И потомъ пойду къ ней, скажу ей два, три слова... она пойдетъ со мною и откажетъ Леандрову. Мало, я сдѣлаю этотъ опытъ два раза, пожалуй...

Ипполитовъ. Довольно и двухъ!.. Еслибъ я былъ на мѣстѣ Леандрова, я задушилъ бы васъ обоихъ на первомъ опытѣ.

Павелъ Флегонтычъ. Вы не должны подслушивать насъ.

Ипполитовъ. Даю слово.

Павелъ Флегонтычъ. Ждать недолго; черезъ пять минутъ она будетъ здѣсь.

Ипполитовъ. Неимовѣрная пунктуальность!.. Помните, если вы на волосъ отступите... Но... посмотримъ эту оказію.

Павелъ Флегонтычъ. До рѣшенія задачи!.. (*Встаетъ и скрывается между гостями*).

Ипполитовъ (*про себя*). Воплощенный дьяволъ!.. Онъ, однакожъ, говорилъ съ такою увѣренностью... Нѣтъ, онъ не лжетъ!.. Такъ лгать невозможно!.. Несчастный другъ!.. И я, какъ-будто вѣщій воронъ, напророчилъ ему внезапную бѣду! Чтожъ? лучше узнать обманъ прежде, нежели на вѣкъ съ нимъ соединиться... Вотъ любовь нашего времени! (*Скрывается между гостями*).

3-й молодой человѣкъ. Ждутъ новаго свѣтила; говорятъ, должна затмить все, что ты видишь здѣсь блестящаго красотою и любезностію.

Четвертый. Не ты ли открылъ ее, великій звѣздочетъ?

3-й молодой человѣкъ. Нашъ пансіонскій товарищъ, Мухоморовъ, помнишь, былъ такой угрюмый и сердитый на весь міръ.

Четвертый. Помню, однакожъ славно этюдировалъ.

Третій. Стоитъ навесть наши обсервативныя орудія— пятьсотъ душъ, сотни тысячъ денегъ, каменные дома. Можетъ-быть, удастся дать этому свѣтилу свое имя!

Четвертый. Подцѣпитъ какой-нибудь мичманъ Нептунъ, или департаментскій Меркурій. Кто жъ она такая?

Третій. Полька... сказываютъ, правнука Лещинскаго — по боковой линіи! Фамилія какая-то славянская... какъ бишь? да, да, Гориславская.

Слышны голоса: «Она! Гориславская!» «Гориславская!» «Дивно хороша!» «чудо!»

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Горпславская и Медовицына.

Сергѣй Петровичъ (*Горпславской, провожая ее чрезъ гостиную до дивана, съ правой стороны отъ зрителей, на который она и садится. Медовицына съ досадою садится въ нѣкоторомъ разстояніи; Сергій Петровичъ становится за Горпславской*). Посмотрите, съ какимъ восторгомъ все здѣсь васъ встрѣчаетъ; послушайте, какъ общій голосъ называетъ васъ царицею нынѣшняго вечера.

Горпславская. Что мнѣ теперь до безумной похвалы ихъ!.. я никого изъ нихъ не вижу, никого не слышу... Только... для одного... хотѣла бы я быть лучше всѣхъ.

Сергѣй Петровичъ. Для одного?.. О! скажите мнѣ имя этого счастливца... (*Горпславская смотритъ на него съ любовію*). Ваши глаза говорятъ мнѣ такъ много... Неужли... я?

Горпславская. Кто жъ можетъ быть другой?.. Видите, какая я нынче болтушка!.. Это отъ того, что мнѣ позволено... я такъ долго молчала. Надо же себя вознаградить!..

Сергѣй Петровичъ. Что вы дѣлаете со мною?.. Еслибъ я не боялся, чтобъ почли меня безумнымъ, я бросился бы къ ногамъ вашимъ... Да, я у ногъ вашихъ... я цѣлую ихъ съ трепетомъ благодарности, любви, блаженства — высшаго, какое только небо посылало человѣку.

Горпславская! Мы этакъ забудемъ, что на вечерѣ, что не одни здѣсь. Ангажируйте меня поскорѣй, а то кто-нибудь предупредитъ васъ.

Сергѣй Петровичъ. На первый и второй танецъ, не такъ ли?

Горпславская. Съ большимъ удовольствіемъ... Мнѣ

надо такъ много говорить съ вами. Ступайте... ищите себѣ скорѣй визави. (*Сергѣй Петровичъ отходитъ нѣсколько шаговъ впередъ и останавливается въ забытьи подлѣ Ипполитова*).

Ипполитовъ. Чего ты ищешь?

Сергѣй Петровичъ. Визави.

Ипполитовъ. На одномъ мѣстѣ, не говоря ни слова? странно!

Сергѣй Петровичъ. Я потерялъ голову отъ блаженства и не знаю, куда идти. Укажи мнѣ... толкни меня на кого нибудь.

Ипполитовъ. Пойди въ залу, тамъ найдешь десятки охотниковъ стать противъ твоей очаровательницы. На сколько танцевъ ты ее ангажируешь?

Сергѣй Петровичъ. На два. Но для чего этотъ вопросъ?

Ипполитовъ. Мнѣ смертельно хочется подолѣе насладиться, какъ вы, въ парочкѣ съ нею, обратите на себя общее вниманіе. Сколько перекосится хорошенькихъ личиковъ! сколько маменекъ перебѣсится! (*Сергѣй Петровичъ уходитъ въ другую комнату. Между тѣмъ Павелъ Флегонтычъ подходитъ къ одному молодому человѣку и шепчетъ ему что-то на ухо; молодой человѣкъ приглашаетъ Медовицыну и уводитъ ее*).

Павелъ Флегонтычъ (*наклонясь къ Гориславской, тихо*). Вы будете танцовать со мною первый и второй танецъ?

Гориславская. Это невозможно; вы видѣли, я дала слово Леандрову.

Павелъ Флегонтычъ. Вы... не пойдете съ нимъ, Эсопра! (*Гориславская блѣднѣетъ и въ величайшемъ смущеніи*). А если это сдѣлаете, черезъ пять минутъ все, что здѣсь есть, узнаетъ, что вы дочь еврея Саломона — и Леандровъ первый!.. Выбирайте. Мое слово неизмѣнно, какъ святъ Богъ! Идите со мною! рѣшайтесь поскорѣй!

Гориславская (*хочетъ подать ему руку и приподняться съ кресель и опять опускается на нихъ*). Иду. (*Мухоморовъ подаетъ ей руку и помогаетъ встать*).

Ипполитовъ (*про себя*). Великій Боже!

Сергѣй Петровичъ (*возвратившись, Мухоморову*). Павелъ Флегонтычъ, что это значитъ? позвольте, я ангажировалъ Наталью Ивановну.

Павелъ Флегонтычъ. Спросите у нея.

Гориславская. Виновата... я забыла... слово дала прежде.

Сергѣй Петровичъ. По крайней мѣрѣ, на вальсъ.

Павелъ Флегонтычъ. И вальсъ идетъ Наталья Ивановна со мною. (*Увлекаетъ Гориславскую въ кадриль, которая составляется, смотря съ торжествующею улыбкою на Ипполитова*).

Сергѣй Петровичъ *остается неподвижнымъ, на одномъ мѣстѣ; отчаяніе изображается во всѣхъ его чертахъ.*

2-й молодой человѣкъ (*встрѣтивъ Гориславскую*). На вторую кадриль.

Гориславская. Я?.. на вторую?..

2-й молодой человѣкъ. Да-съ, на вторую.

Гориславская. Извините... я... не танцую.

2-й молодой человѣкъ. Что за странная! идетъ танцовать и не танцуетъ? (*Уходитъ въ залу*).

Ипполитовъ. Есть отъ чего сокрушаться! она недостойна твоей любви, она недостойна твоего мщенія.

Сергѣй Петровичъ. А ты почему знаешь? Развѣ... ты видѣлъ, слышалъ? Или открылъ что-нибудь?

Ипполитовъ. А ты не видалъ, какому таинственному вліянію она покорна?.. Да, я знаю болѣе тебя, но здѣсь не мѣсто объясняться Брось ее поганому Мухоморову. Чета, достойная другъ друга!

Сергѣй Петровичъ. Бросить! Нѣтъ, пока я живъ! пускай возьметъ ее развѣ у мертваго!

Ипполитовъ. Стоитъ терять жизнь изъ-за такой...

Сергѣй Петровичъ. Ради Бога, не договаривай... дай мнѣ еще помечтать, что она не виновата. Упасть съ такой высоты блаженства, и въ такой омутъ... нѣтъ! Увѣриться въ этомъ, такъ надо съ ума сойдти.

Ипполитовъ. Чтожъ сказать отцу?.. Слышишь, идетъ проливной дождь... (*Слуга закрываетъ окна*). Музыка не заглушаетъ ужасной погоды. Я знаю твоего отца: какъ пылкій юноша, нетерпѣливый отъ любви къ тебѣ, отъ желанія устроить скорѣе твое счастіе, онъ ранѣе назначеннаго часа будетъ на мѣстѣ.

Сергѣй Петровичъ. Бѣдный отецъ!.. Да, надо дать знать ему, что я... самъ не хочу... что я отложилъ... Но прошу, умоляю тебя, подожди немного, хоть полчаса.

Ипполитовъ. Поди, поди, любезный... испытай еще разъ чудную покорность ея господину Мухоморову; испытай новыя насмѣшки, новое униженіе; дай этому презрѣнному орудіе торжествовать надъ тобою. Впрочемъ, кто знаетъ? на этотъ разъ, можетъ-быть, счастіе тебѣ улыбнется. Кокетки имѣютъ...

Сергѣй Петровичъ. Одно обидное слово, и мы на вѣкъ разсоримся. Объявляю тебѣ, пойду еще на униженіе... испытаю, объяснюсь... можетъ-быть, еще прежде меня дала слово, и забыла — для меня же.

Ипполитовъ. Бѣднякъ, жаль мнѣ тебя! Впрочемъ, дѣлай, какъ хочешь и что хочешь, а моя нога не будетъ болѣе въ ихъ домѣ.

Гусынина (*увидѣвъ Сергѣя Петровича*). Что это значитъ? Вы были всегда душою моихъ вечеровъ, а теперь убѣжали сюда отъ танцевъ, какъ анахоретъ отъ соблазна.

Сергѣй Петровичъ. Я не нашелъ себѣ пары.

Гусынина. У меня?.. Извините, вы клевещете на мой вечеръ, mon cher monsieur Леандровъ... Какая-нибудь размолвка!.. Мы вамъ поможемъ — мы отомстимъ. Пойдемте, я вамъ сыщу... (*беретъ его подъ руку и уходитъ съ нимъ въ залу*). Княжна... пара сокрушительныхъ глазъ...

богата... какъ-будто васъ ждала... Можетъ-быть, и судьба!.. (*Кадриль кончилась. Серпый Петровичъ извиняется передъ Гусыниной и спѣшитъ къ Гориславской, которую и анажируетъ на слѣдующій танецъ; Гориславская на авансценѣ садится съ лѣвой стороны*).

Ипполитовъ (*тихо Серпью Петровичу*). Что?

Сергѣй Петровичъ. Идетъ.

Ипполитовъ. Но къ ней подходитъ сатана: посмотримъ, что будетъ.

Павелъ Флегонтычъ (*Гориславской, тихо*). Вы не пойдете съ нимъ, я запрещаю.

Гориславская (*тихо*). Вы?.. О! Это ужъ слишкомъ много... это свыше всякаго униженія.

Павелъ Флегонтычъ. Будете раскаяваться, но поздно.

Гориславская. Пора вамъ сказать: я васъ ненавижу и презираю.

Павелъ Флегонтычъ. Такъ мщеніе!

Гориславская. Предпочитаю вашей любви.

Павелъ Флегонтычъ. Помните... мщеніе (*начинается музыка, кадриль составляется*).

Гориславская (*подходя къ Серпью Петровичу*). Гдѣ нашъ визави? (*Входятъ въ кадриль*).

Павелъ Флегонтычъ (*провожая ихъ глазами, про себя*). На то пошло, такъ я сокрушу тебя въ прахъ, еврейка! (*задумывается*). Геніальная мысль! Прямо изъ преисподней!.. Она сама просила мщенія... будетъ!.. не отложу надолго. Мое слово не ребяческое слово, оно не мимо идетъ — не лаій пса на привязи, который разносится вѣтромъ!.. Ревность, униженіе, злоба — всѣ адскія стихіи смѣшались въ душѣ моей, буря въ ней завываетъ. Устоитъ ли противъ нея этотъ жалкій цвѣтокъ? (*Увидѣвъ Ипполитова*). Довольны ли вы моими опытами?

Ипполитовъ. По горло!.. Только ради моего и вашего спокойствія, прошу подалѣ отъ меня... Когда вы ко

мнѣ подходите, я всегда слышу запахъ сѣры; я всегда боюсь, чтобы новый Саміэль не выпустилъ на меня свои когти. (*Оборачивается къ нему спиною*).

Павелъ Флегонтычъ. И здѣсь неблагодарность! (*Увидѣвъ перваго молодого человѣка*). Подойди ко мнѣ, Саша, на два слова.

1-й молодой человѣкъ. Что вамъ угодно?

Павелъ Флегонтычъ. Вы?.. Полно сердиться. Вчера ты просилъ у меня въ займы пятьсотъ рублей; вчера ихъ не было — нынче есть. Надо?

1-й молодой человѣкъ. До зарѣзу. Моя Цирцея обѣщала, но не могла ничего выпросить у своего супруга: откупъ, дескать, плохо идетъ.

Павелъ Флегонтычъ. Пріѣзжай завтра, получишь. Радъ товарищу университетскому услужить.

1-й молодой человѣкъ. Избавитель!

Павелъ Флегонтычъ. Попрошу и отъ тебя услуги на доброе дѣло.

1-й молодой человѣкъ. Ты знаешь, у меня сердце какъ воскъ; дѣлай изъ него, что хочешь.

Павелъ Флегонтычъ. Мнѣ только нужно вліяніе твое на хозяйку дома. Нечего скрывать, ты всемогущъ надъ сердцемъ ея, а въ немъ неистощимые рудники добра. Недаромъ слыветъ добродѣтельною дамой.

1-й молодой человѣкъ. По моему, на чужія деньги.

Павелъ Флегонтычъ. Ты противъ себя злословишь ее. Я знаю, она готова разсыпать свое добро на бѣдныхъ...

1-й молодой человѣкъ. Въ чемъ бы ни нуждались.

Павелъ Флегонтычъ. Какому бы народу, какой бы вѣрѣ ни принадлежали. Femme émancipée, въ полномъ, высокомъ значеніи этого слова, жорж-зандовская женщина! Дѣло теперь въ бездѣлицѣ. Вотъ видишь, я интересуюсь несчастнымъ семействомъ... Жидъ—это правда,

но по человѣчеству нашъ братъ... у него двѣ дочери чудесной красоты.

1-й молодой человѣкъ. Только-то? Даю слово — здѣсь и сейчасъ.

Павелъ Флегонтычъ. Смотри, не забудь: отецъ — Саломонъ, дочери — Рахиль и Ревекка.

1-й молодой человѣкъ. Саломоновъ храмъ, Рашель — знаменитая актриса... Ревекка — жидовка въ романѣ Вальтера Скотта... припомню, припомню.

Павелъ Флегонтычъ. Пріѣхали сюда изъ Бѣлостока къ богатой родственницѣ, которая ихъ не признаетъ.

1-й молодой человѣкъ. Жестокая! Чугунное сердце!

Павелъ Флегонтычъ. Опиши дряхлаго, сѣдаго старика...

1-й молодой человѣкъ.

Ты зри главу ею, лишенную волосъ,
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ.

Павелъ Флегонтычъ. Изобрази черными красками ихъ рубища, скажи, что если завтра утромъ они не получатъ помощи...

1-й молодой человѣкъ. Три тѣни явятся слѣдующею ночью въ спальню жестокосердыхъ дамъ, и — тогда горе имъ! вампиры припадутъ къ груди ихъ... Но увидишь, что ни одинъ Массильонъ не дѣйствовалъ такъ на своихъ слушателей, какъ твой слуга покорный. О! я чувствую въ себѣ краснорѣчіе цѣлой академіи! (*Убыстъ*).

Павелъ Флегонтычъ. Ни одинъ ростовщикъ не отдавалъ своихъ денегъ съ такою ужасною лихвой! Подлинно, жидовскіе проценты! Она будетъ моею, или ничьей!.. (*Между тѣмъ, кадриль кончилась; танцовавшіе расходятся въ разныя стороны, между прочими Горнславская и Медовицына садятся въ гостиной на одномъ изъ диванов, ближе къ авансцень. Первый молодой человѣкъ переговарива-*

етъ съ Гусыниной, потомъ горячо разсказываетъ что-то гостямъ. Гусынина беретъ маленькую корзинку съ этажерки и обходитъ съ нею гостей, играющихъ въ карты и прохаживающихся по гостиной. Серый Петровичъ стоитъ, облокотясь на пьедесталъ Психеи и Амура, недалеко отъ Гориславской).

Гусынина (*одному изъ играющихъ въ карты за столомъ ближайшему къ Гориславской*). Вашъ кошелекъ на минуту. (*Играющій даетъ свой кошелекъ. Гусынина высыпаетъ изъ кошелька деньги въ корзинку и потомъ возвращаетъ его*). На доброе дѣло — бѣдному, умирающему семейству еврея. (*Хозяинъ кошелька кланяется. Гусынина подходитъ къ пожилой дамѣ, играющей за тѣмъ же столомъ*). Не откажите, я знаю ваше доброе сердце.

Пожилая дама. Для жида?.. Извините.

Гусынина. Все-таки ближній нашъ, и несчастный.

Пожилая дама (*сердито*). Болѣе четвертака не дамъ. (*Кладетъ монету въ корзину. Въ это время подходитъ къ Гусыниной нѣсколько мужчинъ и кладутъ въ корзину деньги разнаго вида*). Вздумала обирать насъ для презрѣннаго жида; у насъ свои бѣдные есть!.. Да еще подошла ко мнѣ послѣ Дремухиной.

Молодая дама (*лорнируя группу мужчинъ, стоящихъ близъ нея, мужу своему*). Wladimir, donnez quelque chose.

Мужъ. На что? сколько?

Молодая дама (*съ нетерпѣніемъ*). Mon Dieu, une monnaie, un billet... ce que tu veux, pour un malheureux juif et deux pauvres enfans. (*Мужъ кладетъ въ корзину депозитку. До Гориславской доходятъ нѣкоторыя слова Гусыниной и гостей; грудь ея сильно волнуется, она въ тревожномъ состояніи*).

Павелъ Флегонтычъ (*становится позади дивана за Гориславской, тихо ей*). Вы желали мщенія?.. Оно не заставило себя ждать. (*Гориславская ничего не отвѣчаетъ; Павелъ Флегонтычъ удаляется*).

Сергѣй Петровичъ (*кладетъ свой кошелекъ въ кор-*

зинку). Несчастіе имѣетъ нынче особый доступъ къ сердцу моему.

Гусынина. Вы подаете, не зная даже для кого.

Сергѣй Петровичъ. Мнѣ кажется, доброе дѣло не требуетъ отчета.

Гусынина. Я, однакожъ, дамъ вамъ его. Пріѣхалъ какой-то бѣдный еврей Саломонъ изъ Бѣлостока съ двумя маленькими дочерьми, говорятъ, дивной красоты!.. Имена романическія!.. одну зовутъ: Рахиль... можетъ-быть, новая Рашель для нашей сцены... мы объ этомъ помолчимъ. Другая... виновата, забыла...

1-й молодой человѣкъ. Вспомните жидовку изъ «Ивангое».

Гусынина. Ревекка!.. на память этой обольстительной еврейки!.. Думали найдти въ Москвѣ помощь отъ богатой родственницы, которая всѣмъ обязана Саломону, и — нашли одинъ безчеловѣчный, жестокій отказъ... Несчастные умираютъ съ голоду.

Гориславская (*хватая Медовицыну за руку, тихо ей*). Помогите, ради Бога!.. Выведите меня... мнѣ дурно... (*Падаетъ безъ чувствъ на диванъ*).

Гусынина (*въ испугѣ*). Что съ вами?.. Душа моя, ангелъ мой!.. (*Серпю Петровичу*) Возьмите корзинку... позовите горничныхъ... спирту! воды! что вздумается! (*Серпый Петровичъ бѣжитъ опрометью въ боковую дверь; любопытные со всѣхъ сторонъ окружаютъ эту сцену; дѣвицы стараются загородить собою Гориславскую*). Боже мой! что я надѣлала!.. Воображала-ли? Какіе слабые нервы!..

Одинъ изъ гостей. Что такое?

Другой. Что сдѣлалось?

Третій. Не мудрено, стягиваются въ корсетъ на смерть.

Четвертый (*иронически*). Можетъ, отъ любви.

Пятый (*заглядывая черезъ дѣвицъ*). Какъ она хороша въ этомъ положеніи.

Шестой (*тоже заглядывая*). Какъ будто ждетъ своего Пигмаліона! (*Приходятъ горничныя и вмѣстѣ съ Медовицыной уносятъ Гориславскую въ боковую комнату. Гости расходятся по комнатамъ и принимаются за прежнія занятія. Серный Петровичъ исчезаетъ на нѣкоторое время*).

Павелъ Флегонтычъ (*блѣдный, дрожащимъ голосомъ Ипполитову, который проходитъ мимо его*). Ловко была пущена стрѣла, и прямо въ сердце! Видите, стрѣлокъ искусный не дастъ промаха!

Ипполитовъ (*схвативъ его за руку и отводя въ сторону*). Слушайте. Это мнѣ надоѣло; надо положить конецъ вашимъ продѣлкамъ. Между вами и ею есть ужасная тайна: вы должны открыть мнѣ ее.

Павелъ Флегонтычъ. Теперь и я скажу: это требованіе и дерзко и смѣшно.

Ипполитовъ. И я въ свою очередь отвѣчу: ни дерзко, ни смѣшно, сударь, когда я вамъ объявляю, что отъ разгадки этой тайны зависитъ счастіе моего друга. Завтра, въ десять часовъ утра, я буду у васъ и предложу вамъ на выборъ: открыть мнѣ эту тайну, или... если вы не подлецъ... разгадать тотчасъ на свинцовыхъ жеребьяхъ, вамъ ли молчать о ней молчаніемъ смертнымъ, или мнѣ узнать ее въ другомъ мірѣ.

Павелъ Флегонтычъ. Не прочь. Но прежде хочу доказать вамъ, что вина не на моей сторонѣ. Въ три дня тайна сама собой скажется вашему другу. Если вы послѣ трехъ сутокъ потребуете отъ меня удовлетворенія, я къ вашимъ услугамъ.

Ипполитовъ. Буду ждать.

Сергѣй Петровичъ (*прибывая къ Ипполитову*). Слава Богу, ей лучше!.. Она уѣхала домой... я успѣлъ ее проводить... Вдемъ; мы обгонимъ ихъ.

Ипполитовъ. Слабое существо! (*Уходя*). Но мое дѣло предупредить отца твоего, а тамъ что угодно.

АКТЪ III.

Комната въ квартирѣ Виталиной.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гориславская (*одна*). Какъ я осталась жива!.. И зачѣмъ?.. чтобъ нѣсколько лишнихъ дней проволочить тяжелую цѣпь, которою судьба меня опутала. Господи, зачѣмъ ты разомъ не сокрушилъ меня? Пошли мнѣ скорѣе смерть, или я потеряю свой послѣдній разсудокъ...

Не понимаю, что сдѣлалось, когда мы въѣхали въ Газетный переулокъ... Карета наша остановилась... отворяю окно... при свѣтѣ фонаря увидѣла я отца Леандрова... Ипполитова... и *его*... Онъ бросился къ нашей каретѣ, но Ипполитовъ удержалъ его... я услышала ясно: «она того не стоитъ!» Потомъ раздался ужасный голосъ: «пошелъ мимо—домой!» Въ этомъ голосѣ слышала я и насмѣшку, и какую-то злобу, но болѣе всего презрѣніе!..

Не понимаю ничего: голова моя идетъ кругомъ. Ужасная ночь! хоть бы на минуту заснула... Думала, день принесетъ малѣйшее облегченіе — все одно... И ночью и днемъ тѣ же видѣнія... онъ, мой отецъ, худой, изнуренный, блѣдный, какъ мертвецъ, въ рубищахъ... протягиваетъ мнѣ руку для подаянія... двѣ дѣвочки-нищенки бросаются къ ногамъ моимъ и просятъ у меня куска хлѣба...

А тамъ хохочутъ надъ жестокою дочерью бѣднаго жида!.. Куда бѣжать мнѣ отъ этихъ неотступныхъ видѣній? (*Облокотившись на столъ, склонятъ голову на руку и дремлетъ, потомъ вздрагиваетъ и вскакиваетъ съ кресель*). Да, вотъ онъ—и теперь передо мною... Отецъ! чего хочешь отъ меня?.. Научи, что должна я сдѣлать?.. Скажи... вымолви хоть одно слово. Денегъ?.. Возьми все, что у меня есть; все твое... Только удались; не терзай меня... (*Закрываетъ глаза руками*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Гориславская и Павелъ Флегонтычъ.

Павелъ Флегонтычъ (*отворяя дверь, про себя*). Одна?.. плачетъ!.. Къ лучшему!.. Авось-либо образумится и возвратится ко мнѣ... (*громко*) Наталья Ивановна!

Гориславская (*оборачиваясь*). Вы?.. пришли убить меня?

Павелъ Флегонтычъ. Ради Бога успокойтесь... что съ вами?

Гориславская. Что со мною? И вы спрашиваете!.. Чего хотите отъ меня послѣ вчерашняго поступка со мной?.. Чтобъ докончить его, стоило только войти ко мнѣ съ ножомъ въ рукѣ.

Павелъ Флегонтычъ. Назовите этотъ поступокъ низкимъ, жестокимъ, адскимъ, если хотите; я самъ, пожалуй, такъ назову его. Теперь имена для меня ничего: я смотрю на дѣло. Но я спрошу васъ самихъ, не вы ли виною моего сумасбродства? не вы-ли довели меня до послѣдней крайности? Съ того времени, какъ вы меня знаете, видали ли что-нибудь подобное отъ меня? падала ли когда-нибудь на васъ хоть тѣнь оскорбленія? Вы назвали меня своимъ женихомъ; вы обручены со мною уже два года

предъ лицомъ Бога, котораго призывали въ свидѣтели вашихъ обѣтовъ. Правда ли?

Гориславская. Не могу сказать: нѣтъ!

Павелъ Флегонтычъ. Вы позволили мнѣ любить васъ любовію человѣка, который скоро долженъ былъ назвать васъ именемъ супруги — и я полюбилъ васъ такою любовію, довѣрчиво, страстно, увѣренный, что ваше сердце и рука не могутъ никому принадлежать, кромѣ меня. И ждалъ я въ этой увѣренности, покорный вашей волѣ; я ждалъ минуты, когда вамъ самимъ угодно будетъ разрѣшить мои надежды. И чтожъ?.. Пріѣзжаю сюда... мое мѣсто занято, сердце ваше передается другому, минутному гостю въ вашемъ домѣ, руку вашу вырываютъ изъ моей руки... Нѣтъ, этого нельзя было выдержать!.. Неужели вы думали, что такъ легко, безъ боя, отдамъ сокровище, которое мнѣ принадлежитъ по всѣмъ правиламъ? Оно дорого мнѣ; споръ за него долженъ быть ужасенъ; онъ начался... каковъ можетъ быть далѣе, вы видѣли вчера по началу!

Гориславская. Если вы хотите, я виновата во всемъ, въ чемъ вы меня обвиняете. Зато мщеніе было ужасно... Неужели вы не могли мстить съ большимъ благородствомъ?

Павелъ Флегонтычъ. Душа, переполненная оскорбленій и униженія всякаго рода, не разбираетъ средствъ. Отдалите моего соперника, уничтожьте его надежды, и я—опять покорный вашей волѣ, вашимъ малѣйшимъ желаніямъ, я опять готовъ ждать... годъ, два, цѣлую вѣчность, лишь бы вы не принадлежали никому, кромѣ меня.

Гориславская. Я ужъ все сдѣлала, что вы желаете. Сергѣй Петровичъ просилъ руки моей, и я рѣшительно отказала. Чего жъ болѣе хотите отъ меня?

Павелъ Флегонтычъ. Вы отказали? но вчера все было приготовлено Леандровымъ, чтобъ увезть васъ съ вечера Гусыниной; люди ваши были подкуплены, въ деревнѣ за десять верстъ отъ Москвы хотѣли обвѣнчать

васъ съ Сергѣемъ Петровичемъ, и все это безъ вашего согласія?

Гориславская. Меня?.. увезти?.. обвѣнчать!.. можетъ ли статься?

Павелъ Флегонтычъ. Это такъ вѣрно, какъ вы теперь видите меня передъ собою. Я все знаю... Подозрѣваю, что сама Софья Андреевна была въ заговорѣ. А вы... будто и не знали?

Гориславская (*встороиу*). А! понимаю теперь... Доброе, чудное существо! Вотъ почему убирала меня она на вечеръ съ такою заботливостью, съ такою нѣжностью благословляла меня; вотъ почему сказала мнѣ: «не бойся, если съ тобою случится что-нибудь чрезвычайное, и будь счастлива».

Павелъ Флегонтычъ. Вы ничего не говорите; вы, конечно, сокрушаетесь объ этой неудачѣ?

Гориславская. Что скажу вамъ? я рѣшительно ничего не знаю. Если бъ тутъ было мое согласіе, не готовилось бы и тайнаго похищенія.

Павелъ Флегонтычъ. Правда, вѣрю вамъ.

Гориславская. Но... видите... ничего не состоялось... слово «жидовка» ихъ, конечно, испугало... не такъ ли?

Павелъ Флегонтычъ. Нѣтъ, они еще этой тайны не знаютъ и не будутъ знать, если вы навсегда рѣшительно откажетесь отъ моего соперника... даю вамъ слово.

Гориславская. Я увѣрена... вчерашній поступокъ вашъ былъ одна вспышка мщенія... Простите, я виновата...

Павелъ Флегонтычъ. Такъ вы откажетесь отъ него... навсегда?..

Гориславская (*въ испуг прислушивается*). Карета подъѣхала къ крыльцу... Софья Андреевна возвратилась... минуты дороги... Я имѣю до васъ просьбу... скажите надо мною. Вы сказали, что отецъ мой здѣсь... Если въ

вашемъ сердцѣ есть хоть искра любви ко мнѣ, умоляю васъ ею, всѣмъ, что для васъ дорого и свято, скажите мнѣ, гдѣ найти мнѣ отца. Во что-бъ ни стало, я хочу его видѣть.

Павелъ Флегонтычъ. Что отецъ вашъ здѣсь, въ Москвѣ, я клянусь вамъ Богомъ; но... онъ долженъ остаться для меня залогомъ вашего слова. Никто, кромѣ меня и моего отца, не знаетъ его квартиры, никто, кромѣ меня, не укажетъ вамъ ее, въ этомъ даю вамъ также свое слово.

Горюславская. Научите, чтожъ должна я сдѣлать... какъ дойти къ нему?..

Павелъ Флегонтычъ. Найти возможность быть нынѣ въ семь часовъ вечера, въ Садовой, у Сухаревой башни... Возьмите съ собою Медовицыну, скажите ей, что вы хотите посѣтить бѣдное семейство... однѣ, безъ свидѣтелей... Знаю ваше прекрасное сердце — это случается съ вами не въ первый разъ... Выдьте изъ кареты... на углу переулка будутъ васъ ждать... Если вы довѣряетесь чести моей, я самъ провожу васъ къ вашему отцу, но, проводивъ, оставлю васъ.

Горюславская (*про себя*). Тайно отъ maman?.. Что мнѣ дѣлать? Что ни будетъ, я должна его видѣть. (*Вслухъ*). Довѣряюсь вашей чести — буду... Еще одна просьба... отдайте другимъ бѣднымъ.

Павелъ Флегонтычъ. Понимаю васъ... исполню ваше желаніе! (*Слышенъ голосъ: «Кто пустилъ сю? я запретила»*). Съ уговоромъ молчать обо всемъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Виталина.

Виталина. Зачѣмъ пожаловали?.. кто вамъ позволилъ?

Павелъ Флегонтычъ. Входъ въ вашъ домъ былъ для меня свободенъ. Я пришелъ къ своей невѣстѣ.

Виталина. Невѣстѣ?.. послѣ вчерашняго поступка вашего?.. Все знаю, сударь! Отнынѣ всѣ связи наши, всѣ обѣщанія разрушены. Вы сами ихъ уничтожили. Забудьте, что мы когда-нибудь существовали. Властію матери запрещаю ей имѣть какія-либо сношенія съ вами; власти этой надъ нею, надѣюсь, никто не отнимаетъ у меня; хозяйкой дома вы, кажется, позволите мнѣ быть у себя. И потому входъ ко мнѣ запрещенъ вамъ и отцу вашему. Я ужъ объ этомъ писала ему.

Павелъ Флегонтычъ. Вы сами дали мнѣ одну недѣлю сроку на извѣстное вамъ испытаніе... ваше слово...

Виталина. Я давала его человѣку благородному... извините меня... Ждать недѣлю? Да вы въ одинъ день найдете искусство убить ее: ваша душа, вашъ умъ, геніальные на зло, изобрѣтутъ средства разомъ отравить свою несчастную жертву. Кинжалъ и ядъ нынче не въ употребленіи, но ихъ замѣнили другія средства, которыя искуснѣе убиваютъ. Что бы ни было, кончено между нами! Слышали? (*Указываетъ на дверь*). Или вы желаете?.. (*Хватаетъ со стола звонокъ*).

Гориславская (*удерживая ее*). Ради меня, пощадите.

Павелъ Флегонтычъ. Повинуюсь, но предупреждаю васъ... вы сами позовете меня. (*Уходя, про себя*). Какъ бы мнѣ увидѣть Медовицыну? Подкараулю, когда эта гордая барыня уѣдетъ со двора.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Виталина и Гориславская.

Виталина. Для чего приходилъ? Что говорилъ съ тобою?

Гориславская. Онъ извинялся, что вчера оскорбилъ меня, говорилъ, что причиною одна любовь...

Виталина. Низкія души никогда не знаютъ этого чувства. Въ немъ только одинъ эгоизмъ—ужасный эгоизмъ, готовый на все, чтобъ только удовлетворить себя. Не говорилъ чего объ отцѣ твоемъ?

Гориславская. Сказалъ, что онъ здѣсь... что...

Виталина. Не вѣрь; это жестокая выдумка! я вездѣ отыскивала, и нигдѣ не нашла. Еще что?

Гориславская. Еще сказалъ, что вчера Леандровъ хотѣлъ увезти меня съ вечера Гусыниной, чтобы... Душа моя, ты была въ заговорѣ. (*Цѣлуетъ ей съ нѣжностію руку*).

Виталина. И здѣсь этотъ злой геній сталъ на дорогѣ твоего счастія!..

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и слуга.

Слуга. Полицейскій чиновникъ изъ части.

Виталина. Ты послалъ бы къ управителю.

Слуга. Говоритъ, имѣетъ дѣло до васъ лично.

Виталина (*смутившись*). Зови. (*Слуга уходитъ*). Наташа, оставь насъ, можетъ-быть, какое-нибудь дѣло по дому, котораго ты не должна слышать.

Гориславская. Господи! ужъ не на счетъ ли мой? (*Уходитъ*).

Виталина. Я никогда не имѣла дѣла съ полиціей... что-нибудь необыкновенное.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Виталина и полицейскій чиновникъ.

Полицейскій чиновникъ. Смѣю спросить, вы госпожа Виталина, Софья Андреевна?

Виталина. Точно такъ.

Полицейскій чиновникъ. Извините, можетъ-быть, обезпокоилъ васъ... чтожъ дѣлать? Мы люди должностные, обязаны исполнять приказанія начальства.

Виталина. Безъ оговорокъ, что вамъ угодно?

Полицейскій чиновникъ. У васъ есть воспитанница Гориславская?

Виталина. Есть, такъ чтожъ?

Полицейскій чиновникъ. Въ частной книгѣ-съ она числится дочерью чиновника 14-го класса.

Виталина. Точно такъ.

Полицейскій чиновникъ. Изволите видѣть, выходитъ оказія... сдѣланъ доносъ, что она... не прогнѣвайтесь, не я такъ называю ее... что она жидовка, даже некрещенная, и фальшиво называется дочерью чиновника.

Виталина (*въ смущеніи*). Это ложь, клевета! Я знаю, изъ какого источника она вышла.

Полицейскій чиновникъ. Мы и сами такъ думаемъ-съ, какіе-нибудь шуры-муры. Стоитъ только представить актецъ о рожденіи и крещеніи госпожи Гориславской, ничего болѣе-съ.

Виталина (*про себя*). Что мнѣ дѣлать? Актъ о крещеніи явно обнаружитъ, что она дочь жида, а я выдавала ее за дочь чиновника. Это запутаетъ меня въ дѣло, можетъ-быть, уголовное. Теряю голову. Надо хоть время выиграть... (*Вслухъ*). Вотъ видите, мой мужъ былъ военный, законовъ хорошо не зналъ, я женщина, я подавно... когда мы брали на воспитаніе отъ чиновника Гориславъ-

скаго дочь его, мы не подумали взять акта о крещеніи... взяли одно свидѣтельство, что она дочь его.

Полицейскій чиновникъ. Такъ пожалуйте свидѣтельство.

Виталина. Оно... у меня.. въ саратовской деревнѣ... я его выпишу и по полученіи... тотчасъ доставлю. Довольны ли?

Полицейскій чиновникъ. Пожалуйте письменное объясненіе.

Виталина. Развѣ вы мнѣ не вѣрите?

Полицейскій чиновникъ. Не смѣю не вѣрить, сударыня, но дѣла не дѣлаются на словахъ. Кстати (*указывая на письменный столъ*), здѣсь все готово для писанія... Двѣ, три строчки, и я болѣе васъ безпокоить не буду.

Виталина (*садясь за письменный столъ, встороиу*). Господи! надо ложь мнѣ подтвердить письменно. До чего я дожила? (*Написавъ объясненіе, складываетъ руками бумагу и отдаетъ ее полицейскому чиновнику*).

Полицейскій чиновникъ. Будьте покойны. Когда изволите получить требуемый актъ, вы представите его куда слѣдуетъ. (*Раскланивается и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Виталина (*одна*). Что я сдѣлала?.. я сама наложила на себя руки... Въ мои лѣта, какое безразсудство!.. Куда это поведетъ меня? Чѣмъ это все кончится?.. Судьба запутываетъ насъ болѣе и болѣе. Въ зависимости отъ презрѣнныхъ Мухоморовыхъ, отъ каждаго полицейскаго чиновника, Богъ знаетъ еще отъ кого; безпрестанно лгать, безпрестанно обманывать и стараться скрыть обманъ, ожидать каждую минуту, что откроется фальшивое званіе Наташи... насъ будутъ судить... Не уйдти отъ позора!.. Какая

ужасная будущность!.. съ кѣмъ посовѣтоваться? Къ кому прибѣгнуть? Вездѣ низкія, продажныя души. (*Задумывается*). Свѣтлая мысль блеснула въ головѣ моей. Открою все Ипполитову; этотъ человѣкъ благороденъ въ высшей степени... я увѣрена въ немъ, какъ въ себѣ самой... Зоркій умъ его, прекрасное сердце мнѣ помогутъ... Пускай дѣлаетъ съ нашей тайной, съ нашимъ стыдомъ, что придумаетъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Медовицына (*входя, прислушивается*). Обѣщалъ быть здѣсь, когда Софья Андреевна уѣдетъ... Вотъ и укатила!

Странно все, что здѣсь дѣлается! Отъ меня прячутъ какую-то тайну... Замѣчаю что-то необыкновенное между Мухоморовыми и Натали. Особенно вчерашній вечеръ доказалъ мнѣ это... Сейчасъ приходилъ полицейскій съ какими-то секретными розысками; Софья Андреевна необыкновенно смущена... Чтобы ни было, а я обязана помогать Мухоморову. Унижена, презрѣна... мщеніе! мщеніе!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Медовицына и Павелъ Флегонтычъ.

Медовицына. Что вы хотѣли отъ меня?

Павелъ Флегонтычъ. Въ вашихъ рукахъ теперь судьба моя.

Медовицына. Прикажывайте, я готова все исполнить.

Павелъ Флегонтычъ. Уступки ни къ чему не ведутъ. Надо разомъ покончить. Вчера вы сами видѣли опыты моего тайнаго вліянія на нее...

Медовицына. Котораго я однакожъ не понимаю.

Павелъ Флегонтычъ. Теперь не время объяснять эту тайну. Сергѣй Петровичъ также видѣлъ... кажется,

довольно бы для него... Чтожъ? понегодовалъ голубчикъ и — посмотрите — опять нынче жъ будетъ у ногъ очаровательницы. Вы однѣ можете открыть ему глаза.

Медовицына. Безъ загадокъ, говорите скорѣе. Повторяю, что я готова все исполнить, хотя бы стоило броситься въ пропасть.

Павелъ Флегонтычъ. Будетъ стоить только нѣсколькихъ капель чернилъ да прогулки къ Сухаревой башнѣ.

Медовицына. Хоть въ трущобу, говорю вамъ.

Павелъ Флегонтычъ (*подавая ей бумажку*). Спишите посекретнѣй эту записку и пошлите ее поскорѣе отъ себя къ Леандрову сыну.

Медовицына (*читаетъ записку*). «Платите за мою привязанность равнодушіемъ, за преданность неблагодарностью, — я не измѣню обѣту, которымъ поклялась, лишь только васъ увидѣла; я и вдали отъ васъ, изгнанница изъ рая, котораго сладости дали мнѣ видѣть одно мгновеніе, не думаю ужъ о своемъ благополучіи, а помышляю только о вашемъ. Оградить васъ отъ зла для меня высшее блаженство. Чтожъ, когда дѣло идетъ о счастіи цѣлой вашей жизни? Вы любите другую... вы увѣрены въ любви ея къ вамъ — обманъ, коварный обманъ! Я должна, я обязана открыть вамъ глаза... это мой долгъ, хотя бы судьба закляла меня у алтаря, которому я посвятила свое служеніе» (*цѣлуетъ записку*). Прекрасно! какъ-будто я сама диктовала (*читаетъ далѣе*). «Очарованные ея красотой, съ мнимыми душевными качествами, вы не могли оградить отъ нихъ свое сердце. Не вѣрьте ей, она связана тайными узами съ другимъ. Вспомните, Павелъ Флегонтычъ воспитывался вмѣстѣ съ нею, былъ четыре года ея женихомъ... я видала не разъ ихъ нѣжныя отношенія... этого мало: они тайно видались... въ чужомъ домѣ». Но это клевета, сущая клевета! это ужъ слишкомъ много!..

Павелъ Флегонтычъ. Такъ вотъ ваши жертвы,

ваши великія слова! Сильная, желѣзная душа!.. Подите! гдѣ вамъ дѣлать серьезныя дѣла, гдѣ вамъ любить — вы умѣете только сантиментальничать!..

Медовицына. Простите, простите, это была только минутная слабость. Я докажу, что достойна моего призванія — я рѣшусь и на преступленіе, лишь бы мнѣ отмстить за коварство, за насмѣшки надъ моею любовью! (*читаетъ далѣе*). «Эта чудная, таинственная связь заставляетъ ее покориться его волѣ. Она, можетъ-быть, и любитъ васъ, но въ то же время боится своего жениха... Никто не повѣритъ этому, тѣмъ болѣе вы. Но не осуждайте меня прежде времени. Хотите доказательствъ?.. Нынѣ, въ семь часовъ вечера, онъ приказалъ ей быть близъ Сухаревой башни, при поворотѣ въ *Черствый* переулокъ — въ какой домъ, не знаю. Она будетъ. Угодно? вы увидите ее съ ея властелиномъ».

Да, я спишу эту записку и пошлю къ нему, даю вамъ самое святое слово.

Павелъ Флегонтычъ. Наталья Ивановна будетъ нынѣ просить ѣхать съ нею... къ Сухаревой башнѣ... скажетъ вамъ, что она должна, тайно отъ своей благодѣтельницы, посѣтить бѣдное семейство... Не отказывайтесь, поѣзжайте. Въ продолженіе дня старайтесь съ нею сблизиться, надѣньте личину дружбы, готовой на всѣ жертвы... поклянитесь ей въ сохраненіи тайны честью, благодарностью, Богомъ... У Садовой, близъ Сухаревой башни, она выйдетъ одна изъ кареты; люди пускай останутся у экипажа... я встрѣчу ее въ первомъ переулкѣ... Оставьте насъ тогда однихъ, на полчаса...

Медовицына. Не понимаю вашей власти надъ нею; но понимаю, что въ письмѣ моемъ къ Леандрову, въ вашемъ намѣреніи заключается какая-то адская штука... и я повинуюсь вамъ. (*Подаетъ ему руку*). До лучшихъ минутъ, союзникъ мой! (*Уходитъ*).

АКТЪ IV.

Улица изъ Садовой на Срѣтенскій бульваръ; изъ нея видѣнъ переулокъ; на углу влѣво церковь, за домами высится Сухарева башня.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ (*останавливаются подлѣ дома съ вывѣскою сапожника, у фонарнаго столба*).

Сергѣй Петровичъ. Чудное мѣсто выбрано для прогулки!.. Маленькій, нечистый переулокъ, гдѣ живутъ швеи, цыгане, жиды... И здѣсь будетъ она одна съ нимъ?.. Нѣтъ, это ложь, святотатство!.. Они хотятъ меня съ ума свести.

Ипполитовъ. Если бъ не вечеръ у Гусыниной, и я сказалъ бы то же.

Сергѣй Петровичъ. Дай, еще разъ прочту для куражу дорогія строчки! (*Вынимаетъ письмо изъ жилетнаго кармана и пробѣгаетъ его*). «Эта чудная, таинственная связь заставляетъ ее покоряться его волѣ...» Таинственная связь? А! увидимъ!.. (*пробѣгаетъ еще письмо*). «Хотите доказательствъ? Нынѣ, въ семь часовъ вечера, онъ приказалъ ей быть...» Хочу ли? Вотъ я и здѣсь, ровно въ семь ча-

совъ, мамзель Медовицына! Вѣренъ рыцарь вашему призванію!.. Но берегитесь... если не найду ихъ вмѣстѣ, я приволоку васъ къ ногамъ ея, какъ подлую клеветницу.

Ипполитовъ. Отсюда видно кто идетъ и ѣдетъ по Садовой и переулку.

Сергѣй Петровичъ. Прекрасно!.. безподобно!.. Настоящій раекъ!.. О! глаза мои поймаютъ теперь и муху, которая перелетитъ черезъ переулокъ. Какая перспектива домиковъ! Все обители невинности и добродѣтели!..

Ипполитовъ. Какъ будто знакомая карета ѣдетъ по Садовой.

Сергѣй Петровичъ. Карета *ихъ*; узнаю ее между тысячи. Остановились... изъ нея выходитъ *она!*.. Даетъ знать человѣку чтобы за ней не слѣдовалъ... У угла встрѣтилъ... *онъ*... ея любезникъ!.. Не пойдти ли имъ на встрѣчу? не убить ли ее позоромъ?..

Ипполитовъ. Вспомни, что сказали тебѣ дома: «Не забудь *тамъ*, что у тебя есть отецъ, который никогда не обманывалъ твоей любви, который умретъ съ горя, если ты позволишь себѣ какія-нибудь крайности».

Сергѣй Петровичъ. Правда, теперь одно презрѣніе! Изъ чего же горячиться?.. Какое имѣю право?.. Она невѣста его, обручена съ нимъ, а я—что ей?.. Пококетничала со мной... развѣ это первая? Мнѣ сказала ни да, ни нѣтъ... Не даромъ плакала!.. И чтожъ мнѣ въ сердцѣ, измятомъ пятилѣтнею связью съ женихомъ? Пускай ихъ любезничаютъ, сколько душѣ угодно; я имъ не помѣха; я самъ отретируюсь въ добромъ здоровьѣ и пожелаю имъ безмятежнаго счастія, ненарушимыхъ восторговъ... Только посовѣтую поскорѣй къ вѣнцу... мы съ тобою будемъ шаферами, не правда ли?

Ипполитовъ. Они подходятъ ближе; спрячемся на дворѣ этого дома; здѣсь живетъ мастеровой. Сквозь худыя ворота увидимъ, какъ они пройдутъ мимо и куда.

Сергѣй Петровичъ. Дай мнѣ руку; я слабъ какъ

ребенокъ. (*Ипполитовъ отворяетъ калитку и увлекаетъ за собою Сергѣя Петровича*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Горнславская и Павелъ Флегонтычъ.

Горнславская (*чрезвычайно встревоженная, со страхомъ оглядывается; ее ведетъ подъ руку Павелъ Флегонтычъ и несетъ узелокъ*). Сердце ужасно замираетъ. Земля горитъ подо мною. (*Слышенъ изъ-за воротъ голосъ Сергѣя Петровича: «Проклятіе!»*) Боже!.. Какъ будто знакомый голосъ!

Павелъ Флегонтычъ. Здѣсь живутъ мастеровые... можетъ-быть, драка... Пойдемъ скорѣе. (*Ускоряетъ шаги. Они входятъ въ переулокъ и останавливаются у одного ветхаго домика съ мезониномъ. Павелъ Флегонтычъ даетъ знакъ тремя ударами. Имъ отворяютъ калитку*).

Горнславская. Вы здѣсь, по условію, оставите меня.

Павелъ Флегонтычъ. А назадъ?

Горнславская. Я одна дойду до экипажа; благодарю васъ.

Павелъ Флегонтычъ. Счастливъ по крайней мѣрѣ, что исполнилъ ваше желаніе. (*Горнславская входитъ въ калитку; онъ останавливается у ней*). Останусь здѣсь на минуту, будто оглядѣть, не подсматриваетъ ли кто за нами; а тамъ шмыгну на дворъ и въ заднюю калитку. Дозорщики пускай увѣрятся, что я вошелъ съ нею. (*Входитъ въ калитку*).

Сергѣй Петровичъ (*выходя съ Ипполитовымъ со двора мастерового*). Ты слышалъ?

Ипполитовъ. Слышалъ: «Сердце ужасно замираетъ. Земля горитъ подо мною». Лукавый поймётъ ихъ лукавыя рѣчи. Пойдемъ; ты видѣлъ самъ... чего жъ болѣе?

Сергѣй Петровичъ. Хочу только узнать, чей этотъ домъ, кто въ немъ живетъ.

Ипполитовъ. И потомъ войти въ него, и потомъ сыграть блистательную сцену ревности?..

Сергѣй Петровичъ. Нѣтъ, я до этого не унижусь Говорю тебѣ: хочу только знать, чей домъ, кто живетъ въ немъ. Завтра, при прощаніи, свидѣтельствуя ей мое глубочайшее почтеніе, покажу ей, что я посвященъ въ элевзинскія ея таинства... болѣе ничего, повѣрь. (*Оба подходятъ къ дому, въ который вошла Гориславская. Ипполитовъ стучитъ палкою въ окошко нижняго этажа. Изъ окна выглядываетъ мѣщанка Сокова*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Ипполитовъ, Сергѣй Петровичъ и Сокова.

Сокова. Что за сорванцы? Ну, что вамъ!

Ипполитовъ. Чей это домъ?

Сокова. Мой.

Ипполитовъ. Да вы кто такіе, матушка?

Сокова. Мѣщанка Сокова, батюшка.

Ипполитовъ. Отдаются квартиры?

Сокова. Только не по васъ.

Ипполитовъ. Да какіе жъ люди у тебя живутъ?

Сокова. Внизу приказный, а вверху, въ каморкѣ, жидъ.

Ипполитовъ. А барышня, что пришла сюда съ молодымъ человѣкомъ, часто приходитъ къ тебѣ въ домъ?

Сокова. Развѣ я караульщица у своихъ постояльцевъ? Вижу, вы шематоны какіе-нибудь: убирайтесь-ка по добру, по здорову (*затворяетъ окно*).

Ипполитовъ. Спасибо и на этомъ! (*Удаляются отъ дома*).

Сергѣй Петровичъ. Слава Богу! теперь голова моя свѣжа... сердце на мѣстѣ!.. (*Останавливается и, оборотившись къ дому Соковой, дѣлаетъ знакъ рукой*). Прощай, прощай! желаю тебѣ безмятежныхъ наслажденій съ твоимъ нареченнымъ... Будь увѣрена, что не я приду нарушить ихъ. Правду вы изволили сказать нѣкогда: «одно слово разрушитъ вашу клятву». Еще бы вѣрнѣе сказали: одинъ взглядъ охолодитъ всю вашу любовь. Давно бы такъ! Медовицына, тебѣ обязанъ я своимъ спасеніемъ. Чудная была бы жена эта Наталья!.. какъ бишь по отчеству?.. (*Немного погодя*). Странно! я пересталъ любить, а мнѣ всетаки еще жаль ее. (*Плачетъ, оба удаляются*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бѣдная каморка; стѣны голыя; окна покривились; въ нѣкоторыхъ, вмѣсто стеколъ, бумага; столъ, скамейка, два стула и кровать съ задернутыми холстинными занавѣсками; одна дверь съ лѣвой стороны, другая направо, на чердакъ.

Гориславская, Саломонъ, Рахиль и Ревекка.

Гориславская (*у дверей, про себя*). Я задыхаюсь... ноги отказываются идти... Страшно! здѣсь преслѣдовалъ меня голосъ Ипполитова, тамъ, въ переулкѣ послышалось мнѣ проклятіе его друга... Видно, все мнѣ чудится... голова моя разстроена. (*Немного погодя*). Какая нищета!.. Воображеніе не сказало мнѣ ничего лишняго.

Рахиль (*увидѣвъ ее, толкаетъ отца*). Какая-то хорошенькая барыня пришла.

Саломонъ (*вскакиваетъ со скамейки*). Что вамъ угодно, сударыня?.. вы больны?..

Гориславская. Да... (*садится на стулъ въ изнеможеніи*). Мнѣ надо отдохнуть, чтобъ собраться съ силами. (*Ставитъ узелокъ на столъ*). Я помѣшала вамъ... вы ужинали. Боже! одинъ черствый хлѣбъ!

Саломонъ. Благодареніе Богу, когда Онъ посылаетъ и эту пищу. Иногда и хлѣба не бываетъ.

Гориславская (*развернувъ узелокъ*). Дѣти! милыя! подойдите ко мнѣ... (*Рахиль и Ревекка подходятъ къ ней безъ боязни; Гориславская цѣлуетъ ихъ и даетъ имъ пирожковъ*). Заѣшьте сладкимъ горечь вашего ужина.

Рахиль (*откусывая отъ пирожка, отцу*). Откуси; какъ хорошо!

Ревекка. И отъ моего.

Саломонъ. Мнѣ... ѣсть не хочется.

Гориславская. Вотъ еще, чтобъ вы не ѣли одинъ хлѣбъ. (*Даетъ Рахили кошелекъ съ деньгами*).

Рахиль. Мнѣ?.. Намъ?.. (*разсыпаетъ золото изъ кошелька на столъ*). Смотри, тате, все золото!.. То-то накупимъ себѣ говядины и пирожковъ!

Саломонъ (*который во все время разговора Гориславской съ дѣтьми всматривался въ нее съ недоумѣніемъ и любовію*). Сударыня... ваше лицо... вы такъ похожи на Рахиль мою... Неужли глаза и сердце обманываютъ?.. Скажите, кто вы... или я не вынесу долѣе.

Гориславская (*бросаясь къ нему на шею*). Отецъ!.. обними свою прежнюю Эсѳиру.

Саломонъ. Дочь моя!.. Эсѳира, милая Эсѳира... Наталья Ивановна!..

Гориславская. Сестры!.. ко мнѣ, мои милыя!.. дайте разцѣловать васъ (*цѣлуетъ ихъ съ нѣжностью*). Теперь я васъ не оставлю. Какія пригожія! какія душки! Еще, еще!.. Подождите, я принесла вамъ гостинца. (*Вынимаетъ изъ узелка богатыя серьги и вдѣваетъ ихъ въ уши сестеръ*). Теперь, въ этомъ нарядѣ, вы будете еще пригожѣй.

Рахиль. Неужели сестрица наша?.. Ахъ! какія вы хорошенькія и добрыя! Ревекка, гдѣ жъ у насъ былъ кусочекъ зеркала? (*Находятъ кусокъ зеркала и любуются въ немъ одна за другой*).

Горнславская (*Саломону*). Отъ чего жъ у васъ такая бѣдность?

Саломонъ. Мы не ждали ея... намъ было обѣщано многое... вы помните.

Горнславская. Мы всегда посылали обѣщанное.

Саломонъ. Черезъ кого?

Горнславская. Черезъ Мухоморова, отца.

Саломонъ. Мы не получили и десятой доли.

Горнславская. Злодѣй! какъ онъ обманывалъ насъ! О, не однихъ васъ они губили, и мнѣ отъ нихъ тяжело достается! Безъ нихъ я могла бы быть счастлива.

Саломонъ. Богъ имъ заплатитъ!

Горнславская. Забудьте все прошлое. Теперь я васъ не покину! у васъ будетъ все, чтобъ жить въ довольствѣ. Но скажите... вы не проклинали меня?

Саломонъ. Проклинать свою кровь? Боже меня сохрани!.. Я тебя знаю, ты всегда была такая добрая; я увѣренъ былъ, какія-нибудь плутни отъ Мухоморова. Колѣно злое, негодное!

Горнславская. Здѣсь, въ груди моей, они поселили змѣю... грызетъ сердце, невыносимо грызетъ. Но зачѣмъ отравлять настоящія минуты? (*Подходитъ къ отцу и беретъ его за руку*). Вы теперь довольны, счастливы, не правда ли?

Саломонъ. Такъ доволенъ, такъ счастливъ, хоть бы сейчасъ умереть, если бы не эти дѣти. Еще скажу тебѣ... я задумалъ давно, я приготовился и теперь рѣшился... быть христіаниномъ, какъ ты...

Горнславская. О, если бы такъ... Господи, подкрѣпи васъ на это великое дѣло. (*Слышенъ стукъ въ ворота*).

Саломонъ. Боже! стучатъ... я забылъ отъ радости, что онъ обѣщалъ быть ко мнѣ.

Горнславская. Кто?

Саломонъ. Мухоморовъ, отецъ.

Горнславская (*встороиу*). Я пропала. Они завели меня въ западню.

Саломонъ. У нихъ худые замыслы; они хотятъ принудить меня сказать, что ты дочь моя.

Гориславская. И вы?

Саломонъ. Скорѣй убьютъ меня. Идутъ... слышно, отворяютъ внизу дверь. Спрячьтесь поскорѣй сюда, на чердакъ. (*Отворяетъ боковую дверь; Гориславская черезъ нее скрывается*). Приберу золото, а то могутъ догадаться. (*Убираетъ съ поспѣшностію деньги въ кошелекъ, прячетъ его за пазуху и укладываетъ дѣтей на постель*). Смотрите, будто спите; хоть пили васъ, ни гугу объ ней. (*Задергиваетъ занавѣсъ у кровати, потомъ садится у стола и, облокотясь на него, притворяется спящимъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Мухоморовъ и Банниковъ. (*Банниковъ несетъ портфель подъ мышкою*).

Мухоморовъ (*отворяя дверь, тихо*). Вотъ актеръ-то! Будто спитъ, навѣрно разыгрываетъ штуки... Да неужели мы двое русачковъ не обманемъ одного жида? (*громко*). Эй, пріятель! развѣ спятъ, когда дожидаются благодати? Полно тебѣ сухари ѣсть, полно жить въ такой конурѣ и въ лохмотьяхъ ходить.

Саломонъ. Ахъ, какіе же вы добрые! вѣрно принесли мнѣ работу.

Мухоморовъ. Работать, когда есть богатая дочка, которая можетъ тебя озолотить!

Саломонъ. Дочка?.. богатая?.. Ужъ не во снѣ ли слышу? Мои двѣ дѣвочки такія же нищія, какъ и отецъ ихъ.

Мухоморовъ. Ну, полно притворяться, старый хрѣнъ. Вѣдь ты мнѣ вчера самъ обѣщалъ. Не даромъ же выписалъ я тебя изъ Бѣлостока. (*Тихо, указывая на своего товарища, который въ это время осматриваетъ все въ ком-*

нать и заглядываетъ за занавѣсъ кровати). Его нечего бояться, это мой. Вотъ видишь, я пришелъ съ тобой разсчитаться. А ты, чай, думалъ, невѣрная голова, что я тебя обобралъ, дескать. Нѣтъ, такъ съ пріятелями за кровныя услуги не дѣлаютъ. Для тебя жъ, дружище, на черный день копилъ. (*Вынимаетъ бумажникъ*). На, бери, считай самъ, сколько тебѣ по договору слѣдуетъ. Только не взыщи... люблю аккуратность... пожалуй росписочку.

Саломонъ (*не принимая бумажника*). По какому уговору? Помилуйте, я для васъ ничего не сдѣлалъ.

Мухоморовъ. Для госпожи Виталиной и меня; сей дочку подарилъ, а мнѣ невѣстку... ну Гориславскую-то.

Саломонъ. Виталину знавалъ я въ Бѣлостокѣ; госпожа милостивая, — и нынче мнѣ поможетъ, лишь бы добраться до ней. Но дочку... Гориславскую! Ужъ не подкинуть ли ко мнѣ хотите какую сиротиночку? Вы меня нарочно съ ума сводите какою-нибудь штучкой.

Мухоморовъ. Такъ ты денегъ не хочешь, старый плутъ? Подумай, вѣдь тутъ три тысячи...

Саломонъ. Три тысячи!

Мухоморовъ. Три тысячи, да еще знатную сумму получишь, коли сдѣлаешь по нашему.

Саломонъ. Боже! какое богатство!

Мухоморовъ. Ну, полно кобениться, возьми... сними камень съ совѣсти... Охъ, охъ, тяжело!

Саломонъ (*всторону*). Нѣтъ, не продамъ свою кровь! (*Вслухъ*). На что мнѣ деньги, коли не знаю, за что даютъ?

Банниковъ (*осматриваетъ столъ и поднимаетъ съ него золотую монету*). И въ самомъ дѣлѣ, на что ему деньги, коли у него золотые валяются по столамъ?

Мухоморовъ. А-га? вотъ что!.. Откуда взялъ, окаянный?

Саломонъ (*въ испугѣ*). Золотой?.. какой золотой? Грѣхъ вамъ, вы сами подкинули.

Мухоморовъ. Плутовать! сейчасъ фортель нашелъ.

Банниковъ. Да не поможетъ! Мы потащимъ его въ полицію; свидѣтели на-лицо, въ допросецъ его по формѣ, поганаго нехристя! (*Раздвигаетъ занавѣску у кровати*). Эге! посмотри, какія богатыя сережки у дочекъ. Откуда появилось вдругъ такое богатство?

Саломонъ. Сережки... да... сережки... пожаловалъ вчера... самъ этотъ господинъ.

Мухоморовъ (*тормоша его за грудь*). Я?.. Ахъ, мошенникъ! я задушу тебя и отвѣту не дамъ.

Саломонъ. Дѣлайте со мною, что хотите, я ничего не знаю.

Банниковъ. Вотъ мы дѣвчонокъ допросимъ (*толкаетъ дѣтей*). Эй, вставайте, жидята! (*Тащитъ Рахиль къ Мухоморову; Ревекка въ слезахъ идетъ за ними*).

Саломонъ (*отталкивая Банникова, отнимаетъ у него Рахиль; усилія съ той и съ другой стороны удержать ее; дѣти плачутъ*). Дѣти чѣмъ виноваты? Вы ее сдѣлаете уродомъ.

Банниковъ. Хоть бы и такъ! Эка бѣда! Говори, кто далъ вамъ сережки? Ну! (*Рахиль молчитъ*). Не увернетесь, змѣята! въ тюрьмѣ допросятъ голубчиковъ, въ тюрьмѣ...

Мухоморовъ. Да обыщемъ-ка его, братецъ; можетъ, у него еще кое-что найдется. Откуда-жъ золото валяется?

Банниковъ (*обшаривая Саломона*). Тутъ что-то толстенько.

Саломонъ. Это грабежъ... я закричу, позову на помощь...

Мухоморовъ. Прибѣжитъ хозяйка — новый свидѣтель... Она знаетъ, что у тебя гроша не было... я и въ квартирѣ за тебя поручился.

Банниковъ (*вынувъ съ усиліемъ кошелекъ изъ-за пазухи Саломона*). Цѣлый кошелекъ съ золотомъ... Все представимъ; скажешь, откуда взялъ.

Саломонъ. Помилуйте, не погубите; я притворялся, что бѣднякъ... это мои деньги, копилъ всю жизнь свою для этихъ несчастныхъ.

Рахиль и Ревекка (*на колѣняхъ*). Помилуйте.

Банниковъ. А вотъ сейчасъ помилуемъ. Подпиши, что Горнславская дочь твоя—и деньги отдамъ и концы въ воду.

Саломонъ. Знать не знаю.

Мухоморовъ (*схвативъ сго за грудь*). Говори, мошенникъ, не то въ тюрьму, сгніешь тамъ и съ своимъ отродьемъ, какъ червь поганый.

Саломонъ. Сжальтесь; у васъ у самихъ, можетъ статься, есть дѣтки.

Мухоморовъ. Объяви.

Саломонъ. Рѣжьте тѣло хоть по кусочку, пилите меня, знать не знаю.

Банниковъ. Такъ потащимъ ихъ въ полицію съ кошелькомъ и сережками; улика на-лицо. Въ послѣдній разъ скажи, что дочь твоя...

Горнславская (*въ изступленіи выбѣгаетъ изъ боковой двери и загораживаетъ собою отца и сестеръ*). Дочь его, дочь... я сама... Прочь отъ нихъ, презрѣнные люди!

Мухоморовъ (*Банникову*). Наталья Ивановна Горнславская, извольте засвидѣтельствовать, ваше благородіе.

Банниковъ *вытаскиваетъ изъ портфеля чернильницу, перо и листъ бумаги, садится за столъ и пишетъ.*

Горнславская. Да, пишите, Горнславская — дочь еврея Саломона. Куда идти, кровопійцы? гдѣ еще объявлять объ этомъ? Въ полиціи, въ судѣ, на площади, въ храмѣ что-ли? Вездѣ, всенародно огласить? Пойду съ ними рука объ руку, и вездѣ, кому нужно знать, скажу: вотъ, этотъ старикъ, еврей, мой отецъ, эти двѣ дѣвочки—мои сестры! Довольны ли вы?

Банниковъ. Намъ нужно только, чтобъ вы подписали эту записку, и тогда мы оставимъ господина Саломона и дѣтей его въ покоѣ.

Горнславская. Давайте (*прочитавъ, подписываетъ бумагу*). Теперь возвратите деньги моему старику (*Банни-*

ковъ возвращаетъ Саломону кошелекъ), и прочь отсюда; я признала своего отца и отрекаюсь отъ жениха Мухоморова. Прощайте.

Мухоморовъ. Чтожъ дѣлать? Прощайте. (*Киваетъ Банникову, чтобъ онъ выходилъ; въ двери*). Жаль только Софью Андреевну? (*Уходитъ*).

Гориславская. Жаль Софью Андреевну... что онъ хотѣлъ этимъ сказать?

Саломонъ. Охъ, охъ, охъ! Наталья Ивановна... боюсь говорить; вы и такъ много горя терпите.

Гориславская (*въ испугѣ*). Не можетъ-ли она пострадать?

Саломонъ. Да, вы своею подписью губите ее.

Гориславская. Ее?.. мою благодѣтельницу, мою вторую мать?.. Я?.. какъ, чѣмъ?.. Говорите.

Саломонъ. Она васъ называла дочерью чиновника Гориславскаго, а вы сами, письменно, признали меня своимъ отцомъ. Имъ, этимъ разбойникамъ, только этого и хотѣлось. Ее засудятъ, лишатъ добраго имени.

Гориславская. Лишатъ добраго имени?.. И я буду виною ея безчестія, ея гибели... за то, что она хотѣла составить мое счастіе!.. Нѣтъ, я не допущу до этого!.. Воротите ихъ!

Саломонъ. Что вы хотите дѣлать?

Гориславская. Сама не знаю; только, ради Бога, поскорѣй воротите. (*Саломонъ убѣгаетъ; послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья, она становится на колѣни*). Господи, Отецъ милости и любви! благодарю Тебя, что внушилъ мнѣ благую мысль. Ты одинъ читаешь въ моемъ сердцѣ, Ты одинъ знаешь, какъ я любила *его*, какъ я дорожила его любовью... все, все въ жертву теперь; больше Ты ничего не могъ потребовать отъ меня; тутъ моя жизнь. (*Встаетъ. Мухоморовъ, Банниковъ и Саломонъ возвращаются; она отводитъ Мухоморова встороиу*). Флегонтъ Пароенычъ...

Мухоморовъ. Что вамъ угодно?

Гориславская. У васъ моя записка?

Мухоморовъ. У меня.

Гориславская. А если я дамъ вамъ на мѣсто ея другую?

Мухоморовъ. Какого содержанія, позвольте спросить?

Гориславская. Все, что вы дѣлаете со мною, съ отцомъ моимъ, съ моею благодѣтельницей — все это для того, чтобъ заставить меня идти за вашего сына; такъ ли?

Мухоморовъ. Да, для того, чтобъ заставить исполнить ваше обѣщаніе.

Гориславская. Такъ я иду за вашего сына. Возьмите съ меня какую угодно клятву, продиктуйте мнѣ ее сами — я вамъ напишу слово-въ-слово... хоть кровью моей... и тогда...

Мухоморовъ. И тогда я возвращу вамъ прежнюю росписку: Софья Андреевна будетъ спасена отъ безчестія, и все канетъ въ воду, будто ничего не бывало.

Гориславская. Спасена! О, слава Богу, спасена! (*Указывая на Банникова*). А онъ?

Мухоморовъ. Будетъ молчать: онъ братъ жены моей.

Гориславская. Давайте бумаги. (*Мухоморовъ беретъ у Банникова приборъ для письма и ставитъ на столъ; Гориславская пишетъ дрожащею рукой*).

Мухоморовъ. Прибавьте: за коллежскаго асессора... не позже недѣли.

Гориславская. Да, за коллежскаго асессора. (*Подаетъ записку*). Довольны ли?

Мухоморовъ (*читаетъ*). Лучше не надо. (*Возвращая ей прежнюю записку, хочетъ поцѣловать у ней руку, но она отрываетъ ее*). Я хотѣлъ на мировую...

Гориславская (*указывая на записку*). И безъ того здѣсь, въ этой запискѣ — миръ вѣчный (*обнимаетъ съ*

нѣжностію отца). Прощайте, можетъ-быть, въ послѣдній разъ; я васъ не оставлю, гдѣ бы ни была.

Рахиль. Нѣтъ, приходи, приходи еще.

Гориславская (*Мухоморову*). Теперь проводите меня до кареты. (*Уходитъ; Саломонъ и дѣти провожаютъ ее и плачутъ*).

АКТЪ V

Комната въ домѣ Виталиной.

ЯВЛЕНІЕ I.

Виталина и Гориславская (*Виталина сидитъ на диванѣ, Гориславская стоитъ передъ ней*).

Гориславская. Ты все грустна, другъ мой, ты страдаешь; но успокойся: скоро конецъ всѣмъ этимъ страданіямъ. Я рѣшилась идти за Мухоморова, и это рѣшеніе... никто... развѣ одинъ Всемогущій Богъ перемѣнитъ.

Виталина. Что съ тобою сдѣлалось? Отъ чего вдругъ такая перемѣна.

Гориславская. Ничего, все по старому!.. И ты, и я дали свое слово; слово это должно быть ненарушимо. Дочь жида... понимаешь... не можетъ быть за Леандровымъ. Павелъ Флегонтычъ мой женихъ; я обручена съ нимъ, онъ мною не гнушается... все, что онъ дѣлалъ противъ насъ, было изъ любви ко мнѣ. Прости мнѣ; безъ вѣдома твоего я писала къ нему вчера и подтвердила вновь обѣщаніе принадлежать ему. Черезъ недѣлю я буду его женой; ты должна меня благословить.

Виталина. Ты говоришь, какъ безумная. Чтожъ заставляетъ тебя рѣшиться на эту жертву?

Горнславская. Все — отецъ, Леандровы, обстоятельства, которыми я тебя опутала, муки, на которыя тебя обрекла... Пора положить конецъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и слуга.

Слуга. Леандровъ. (*При этомъ словѣ смертная блѣдность покрываетъ лицо Горнславской; она садится за рукодѣлье къ другому дивану*).

Виталина. Проси. (*Слуга хочетъ идти и оглядывается*). Съ докладомъ? этого прежде не было. (*Вслухъ*). Боюсь за тебя; ты на себя не похожа.

Горнславская. Ничего... Пройдетъ, и скоро.

Виталина. Чтожъ ты стоишь?

Слуга. Еще какой-то еврей пришелъ.

Горнславская (*всторону*). Мой отецъ!.. (*вслухъ*). Веди его въ мою комнату. (*Слуга уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Виталина, Горнславская и Леандровъ.

Горнславская (*про себя*). Славу Богу, еще не онъ.

Виталина (*подавая Леандрову руку*). Сколько дней не видались! Хорошо ли такъ забывать друзей?

Леандровъ. Чтожъ дѣлать? Обстоятельства! Не мы, Господь управляетъ ими. Диковинныя вещи творятся въ свѣтѣ! Вотъ, напримѣръ, пріѣхалъ сюда по просьбѣ сына, думалъ и то сдѣлать, и другое, а вышло, какъ говорятъ нынѣшніе, пуфъ! И теперь по просьбѣ жъ сына ѣду въ деревню.

Виталина (*чрезвычайно смущенная*). И скоро?

Леандровъ. Нынче, можетъ-быть, черезъ часъ.

Виталина. Какая поспѣшность!.. Отчего жъ вашъ сынъ такъ скоро гонитъ васъ отсюда?

Леандровъ. И онъ ѣдетъ со мною. Признаюсь вамъ, пора, пора, безъ оглядки изъ этой безтолковой Москвы! Здѣсь потеряешь совсѣмъ здоровье, разсудокъ. Обольщеніе, обманъ, личина на каждомъ шагу! Посмотришь на иное чудное твореніе: ангелъ во плоти, чудо въ глазахъ, въ звукѣ голоса; смотря на нее, самъ дѣлаешься какъ-то лучше; прозакладывалъ бы жизнь свою, что и душа такая же... А спустись въ нее... (*Останавливается*).

Виталина (*съ усмѣшкой*). Я за васъ договорю:

... «Ужасный
Крокодилъ на днѣ лежитъ.»

Благодаримъ васъ за лестное мнѣніе о московскихъ жительницахъ. Кажется, вы на крокодиловъ женскаго пола намекаете.

Леандровъ. Виноватъ, не умѣю прикидываться; такова моя несчастная деревенская натура.

Виталина. Да съ вами нынче страшно, Петръ Сергѣичъ! Вы сдѣлались не по лѣтамъ какимъ-то Чацкимъ, какимъ-то Чайльдъ-Гарольдомъ. Хоть мы и не можемъ принять на свой счетъ вашихъ сатирическихъ выходокъ... ангеловъ въ нашемъ домѣ нѣтъ, все простыя и очень простыя смертныя, непохожія на портретъ, который вы такъ художнически рисовали... но, кто вѣдаетъ? вы можете войти въ болѣе краснорѣчивое, болѣе наивное изступленіе, и насъ, старыхъ друзей, не пощадить. И потому скажу вамъ откровенно: вы прекрасно дѣлаете, что ѣдете. Авось деревенскій воздухъ вамъ поможетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ (*вошедшіе раскланиваются*).

Леандровъ. О, мы и здѣшнимъ исцѣлены отъ многихъ душевныхъ недуговъ! Да вотъ и моя молодежь пришла проститься съ вами (*встаетъ*) и вмѣстѣ со мною поблагодаритъ васъ и Наталью Ивановну за всѣ ласки ваши, за дружбу.

Виталина. Не говорите о дружбѣ, Петръ Сергѣевичъ; это слово нынче, въ устахъ вашихъ, горькая насмѣшка на нее.

Леандровъ. По крайней мѣрѣ, не *мы* виною, что она такъ кончится.

Виталина. Настоящая дружба не обвиняетъ слѣпо, безъ сильныхъ доказательствъ, безъ оправданія.

Леандровъ. Есть проступки, для которыхъ лучше не спрашивать оправданій: свидѣтельство глазъ не обманываетъ.

Виталина. Странныя загадки?

Леандровъ. Въ вашемъ домѣ все тайны.

Виталина. Есть только одна, семейная тайна; она не мнѣ принадлежитъ, и потому для меня священна. Впрочемъ, на разставаньѣ, за себя и Наташу, искренно прощаемъ вамъ обидные намеки; вы когда-нибудь въ нихъ горько раскаетесь.

Сергѣй Петровичъ (*Ипполитову, тихо*). Хотѣлъ бы говорить, хотѣлъ бы излить всю горечь негодованія, но... посмотри на нее... какъ она перемѣнилась въ два дня! Это было бы душегубство.

Виталина (*Ипполитову*). И вы намъ измѣнили, monsieur Ипполитовъ. Жаль, очень жаль; я нѣсколько разъ посылала за вами, мнѣ была до васъ крайняя нужда по одному важному дѣлу.

Ипполитовъ. Извините, такой вѣтренникъ, какъ я, худой повѣренный въ важныхъ дѣлахъ. Вообразите, чѣмъ я занимался всѣ эти дни, — должностью хромоногаго бѣса: странствовалъ по Москвѣ изъ угла въ уголъ, лазилъ по чердакамъ, заглядывалъ въ самые глухіе закоулки...

Виталина. Наша и, кажется, ваша Москва, на которую нападаютъ съ такимъ ожесточеніемъ со временъ Чацкаго до Петра Сергѣевича Леандрова, конечно, доставила и вашему остроумію богатые запасы.

Ипполитовъ. Препинтересные.

Виталина. Напримѣръ?

Ипполитовъ. Напримѣръ, вчера мы съ Сержемъ...

Виталина. И онъ провожалъ васъ въ этихъ бѣсовскихъ набѣгахъ?

Сергѣй Петровичъ. Поневолѣ; отъ нихъ зависѣла участь моей жизни.

Виталина. Вашей жизни!.. Странно!.. Это, въ самомъ дѣлѣ, интересно. Чтожъ вы нашли?

Ипполитовъ. Въ Черствомъ переулкѣ, близъ Сухаревой башни, въ мизерномъ домѣ, помнится, мѣщанки Соковой (*Гориславская содрогается*), совершаются такія элевзинскія таинства, что страшно намъ стало.

Виталина (*Сергѣю Петровичу*). А вы... что скажете?

Сергѣй Петровичъ. Я нашелъ въ этомъ убогомъ домѣ гробъ моихъ надеждъ, счастія цѣлой моей жизни и любви моей, думалъ я; но, придя сюда, увѣрился, что это чувство, несмотря ни на какія свидѣтельства, умретъ со мною (*въ глубокой горести со слезами на глазахъ бросается къ рукѣ Виталиной*). Прощайте, Софья Андреевна, прощайте; я не думалъ такъ скоро разставаться съ вами, и навсегда! (*Кланяется Гориславской и уходитъ. Гориславская плачетъ закрывъ глаза платкомъ; Ипполитовъ раскланивается съ Виталиной и Гориславской и печальный уходитъ вслѣдъ за Сергѣемъ Петровичемъ*).

Леандровъ (*подходитъ къ Гориславской*). Ради Бога, одно слово...

Гориславская. Что вамъ угодно, сударь?

Леандровъ. Простите смѣлости моей: отъ вашего отвѣта зависитъ участь моего сына, слѣдственно и моя. Скажите мнѣ откровенно: были вы вчера съ молодымъ Мухоморовымъ въ *этомъ* домѣ?

Гориславская. Была.

Леандровъ. Зачѣмъ?

Гориславская. Это моя тайна; но... вы должны узнать ее сейчасъ. Пора! Воротите вашего сына и Ипполитова: наказаніе мое должно быть полное — я одна виновата.

Леандровъ. Нѣтъ, не вѣрю, вы не можете быть виноваты. Тутъ должно быть что-нибудь другое. На старости лѣтъ мнѣ бы слѣдовало быть разсудительнѣе этихъ пылкихъ молодыхъ людей, а я совсѣмъ обезумѣлъ. Да, ворочу ихъ обоихъ, чтобъ они выпросили прощеніе у ногъ вашихъ. (*Уходитъ*).

Виталина. Чтожъ хочешь теперь дѣлать?

Гориславская. То, что я должна была сдѣлать давно. (*Выходитъ въ боковую дверь и тотчасъ возвращается, ведя за руку Саломона; изъ средней двери въ то же время входятъ Леандровъ, Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Виталина, Гориславская, Леандровъ, Сергѣй Петровичъ, Ипполитовъ и Саломонъ.

Гориславская (*указывая на отца*). Вотъ онъ, мой *возлюбленный*... у него была я вчера.

Леандровъ, Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ. Еврей?!

Саломонъ. Евреи Саломонъ... на дняхъ пріѣхалъ изъ Бѣлостока. Не стыдитесь меня, господа, не презирайте меня, завтра жъ я буду христіаниномъ, и тогда, можетъ-быть, вы протянете мнѣ руку, какъ брату своему. Да, я возлюбленный *ея* отъ рожденія, по крови: я — ея отецъ!

Леандровъ, Сергѣй Петровичъ и Ипполитовъ. Отецъ?..

Леандровъ (*про себя*). Отецъ еврей?.. Я этого не ожидалъ... но, видно, такъ судьбѣ угодно...

Саломонъ. Я разгадалъ для васъ трудную, можетъ-быть и грустную загадку; я сдѣлалъ все, что дочери было угодно... Теперь рѣшайте безъ меня (*Уходитъ въ боковую дверь*).

Гориславская. Никто не зналъ квартиры *моего* отца, кромѣ Мухоморова сына; онъ не хотѣлъ мнѣ сказать объ ней и взялся проводить меня. Злодѣи дѣйствовали такъ искусно!

Виталина. Теперь вы поймете тайну, которую шепталъ ей негодяй Парѳенычъ у меня на дачѣ; вы поймете, какимъ вліяніемъ достойный сынокъ опуталъ бѣдную жертву свою на вечерѣ у Гусынинихъ, вы поймете сборы въ пользу семейства бѣднаго жида. Винюсь тоже передъ вами: Натали записана у меня дочерью чиновника, а между тѣмъ... вы теперь знаете... и можете судить объ остальномъ.

Ипполитовъ (*всторону*). Господи! какое сплетеніе обстоятельствъ! какія страданія должна она была вытерпѣть!

Сергѣй Петровичъ, *закрывъ глаза рукою, плачетъ; изумленіе, смущеніе и грусть изображаются на лицѣ Леандрова.*

Леандровъ. Сережа, что ты скажешь на это? Чѣмъ искупимъ ужасное зло, которое сдѣлали Натальѣ Ивановнѣ? Чѣмъ загладимъ оскорбленіе?.

Сергѣй Петровичъ. Счастіемъ моимъ, батюшка, если Натальѣ Ивановнѣ угодно будетъ простить насъ и подарить меня этимъ счастіемъ. (*Гориславской*). У ногъ вашихъ умоляю васъ объ немъ.

Гориславская. Подумали ль, что скажетъ свѣтъ? Ручаетесь ли за будущее?

Сергѣй Петровичъ. Любовь моя выше всѣхъ предразсудковъ, — я говорилъ это всегда, я и теперь это повторяю.

Гориславская. И вы, Петръ Сергѣичъ, не стыдились бы?..

Леандровъ (*взявши ее за руку*). Э, Наталья Ивановна, что намъ нужды до того, кто вашъ отецъ? Намъ вы нужны, вы съ вашей прекрасной душой, съ вашимъ образованіемъ. Что скажетъ свѣтъ? Да я и знать его теперь не хочу, я на пересуды его плевать хочу, счастіе моего сына дороже мнѣ всего. Не намъ чета женились — да еще на какихъ, что вашего ноготка не стоятъ. Если хотите, мы помиримся и съ предразсудками: дадимъ отцу вашему богатый капиталъ и запишемъ его въ купцы—хоть первой гильдіи. Онъ поѣдетъ въ Одессу, въ Таганрогъ, куда ему вздумается. Вотъ и вся недолга!

Гориславская. Я забыла... Вчерашній вечеръ, спасая отца, желая избавить свою вторую мать отъ хлопотъ и страданій, я письменно обязалась Мухоморову выдти за его сына...

Ипполитовъ. Позвольте... мое дѣло уладить это. Я былъ также участникомъ въ оскорбленіи Натальи Ивановны, и потому берусь получить назадъ это обязательство: клянусь въ томъ честью своею. У меня есть тоже своего рода талисманъ; кстати, я получилъ его вчера изъ мѣста служенія нашего рыцаря.

Леандровъ (*Гориславской*). Вы еще колеблетесь... Хотите ли, чтобы я, старикъ, упалъ къ ногамъ вашимъ?

Голубушка моя, сердце ты мое, подумай, какъ мы далеко зашли... ни намъ, ни тебѣ нельзя назадъ...

Гориславская. Если на это воля Господня, обнимите меня, какъ дочь вашу (*бросается на грудь Леандрова*). Я люблю вашего сына и, увѣренная въ немъ, отдаю ему руку вмѣстѣ съ сердцемъ своимъ. Ему одному принадлежало оно. (*Подаетъ руку Серпю Петровичу, потомъ бросается обнимать Виталину*).

Виталина. Богъ услышалъ мои молитвы: будь счастлива, милое, дорогое дитя мое!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и слуга.

Слуга. Мухоморовы.

Ипполитовъ. А! на ловца и звѣрь бѣжитъ. Съ вашего позволенія, Софья Андреевна, похозяйничаю съ ними.

Виталина. Дѣлайте, что хотите.

Ипполитовъ. Теперь попрошу васъ всѣхъ, кромѣ батюшки, удалиться на время. (*Всѣ, кромѣ Ипполитова и Леандрова, выходятъ въ боковую дверь. Слугѣ*). Зови.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ипполитовъ, Леандровъ, Мухоморовъ и Павелъ Флегонтычъ.

Мухоморовъ. Развѣ хозяйки нѣтъ дома?

Ипполитовъ. Она въ тревогѣ... по непріятному для нея дѣлу... и черезъ васъ... Я уполномоченъ поладить съ вами... Прошу садиться. Мы покончимъ скоро. Вы помните, Павелъ Флегонтычъ, на чемъ мы остановились на вечерѣ у Гусыниныхъ?

Павелъ Флегонтычъ. Вы требовали отъ меня удовлетворенія за какіе-то мнимые, оскорбительные намѣты на одну извѣстную особу. Угодно вамъ эту сатисфакцію, или останетесь довольны тою, которую я вамъ представилъ вчера? Кажется, я исполнилъ свое слово, какъ слѣдуетъ честному человѣку; ожидаю также, что и вы...

Мухоморовъ (*перебивая его*). Что ты, Павелъ Флегонтычъ?.. въ умѣ ли?.. Сатисфакція была чистая, письменная; пожалуй, можно и на гербовую перенести.

Ипполитовъ. Будьте покойны, дуэли ни кровавой, ни чернильной не послѣдуетъ; вашъ сынъ исполнилъ свое слово... хотя честь... но это къ дѣлу нейдетъ. Теперь я обязанъ съ вами расквитаться. Но прежде удовлетворенія съ нашей, виноватой стороны, позвольте спросить васъ, почтеннѣйшій Флегонтычъ, какъ извѣстнаго юриста и знаменитаго адвоката... (*тихо Мухоморову*). Скажу вамъ по секрету, мы знаемъ все о Гориславской: и происхожденіе ея, и за что ее выдавали...

Мухоморовъ (*испугавшись*). Вы?.. какимъ образомъ?

Ипполитовъ (*тихо Мухоморову*). Тише. Отвѣтъ, который вы мнѣ дадите, нуженъ, чтобы разомъ отбить отъ нея моихъ пріятелей... отцу хочется развязаться... вы это сейчасъ поймете... (*Громко*). Позвольте же мнѣ спросить васъ, что ожидаетъ того, кто присвоитъ себѣ непринадлежащее ему право состоянія или званія... положимъ, чинъ (*взглядываетъ на Павла Флегонтыча*) и тому подобное? (*Павелъ Флегонтычъ блѣднѣетъ*). Павелъ Флегонтычъ, вы слышали?

Павелъ Флегонтычъ (*чрезвычайно смущенный*). Да... слышалъ... какъ же...

Мухоморовъ (*тихо сыну*). Будь покоенъ на счетъ невѣсты. Это нужно для поверщенія... (*Ипполитову*). Того ожидаетъ, батюшка, дальній путь въ снѣжные края... вы меня понимаете.

Ипполитовъ (*кивая Мухоморову*). Несмотря ни на какое лицо?

Мухоморовъ. Не взыщите: хотя бы знатный баринъ или знатная барыня, покатить мой голубчикъ или моя голубушка на собачкахъ... ха, ха, ха! (*Пожимаетъ руку Ипполитову*).

Ипполитовъ. Такъ-таки покатитъ? Хоть бы ѣздилъ на четверкѣ сѣрыхъ въ яблокахъ?

Мухоморовъ. Хоть бы на четверкѣ!.. Зато запрягутъ тамъ шестерку разношерстную, и пѣгенькихъ, и буренькихъ, и рыжихъ, какія придутся. Говорятъ, мчатъ, какъ вихорь, по снѣжнымъ сугробамъ, высунувъ языкъ, а кучеръ, вмѣсто плети, какой-то вилой погоняетъ; только слышно въ снѣжной степи, какъ говорятъ бубенчики.

Леандровъ. Ха, ха, ха! Веселая поѣздка!.. Нѣтъ ли наказанія полегче?

Мухоморовъ. Ну, смотря по обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину: женщину отошлютъ въ рабочій домъ.

Леандровъ. А молодца?

Мухоморовъ. Коли выйдетъ въ мѣру, поставятъ въ рекрутскій пріемъ да забреютъ лобъ.

Ипполитовъ (*Павлу Флегонтычу*). Поправьте, господинъ рыцарь, свой тупей.

Павелъ Флегонтычъ (*вскакивая со стула*). Что вы хотите этимъ сказать, сударь?

Ипполитовъ (*подавая ему письмо*). А вотъ что! Прочтите это письмо. (*Павелъ Флегонтычъ не беретъ его*). Вы должны его прочесть, или, вы слышали отъ отца, юриста, что ожидаетъ васъ. (*Павелъ Флегонтычъ беретъ письмо и читаетъ*). Рука вашего начальника отдѣленія должна быть вамъ знакома. (*Мухоморову*). Посмотрите, какъ онъ блѣднѣетъ, какъ дрожатъ его руки! Такъ блѣднѣла несчастная Гориславская, такъ дрожали у ней руки, когда презрѣнный отпущенникъ шепталъ ей на ухо тайну, которою онъ владѣлъ — тайну своей благодѣтельницы...

Мухоморовъ (*вставъ*). Что это все значитъ?

Ипполитовъ. Прочтите отвѣтъ на лицѣ вашего сына. (*Павелъ Флегонтычъ, прочитавъ письмо, стоитъ, какъ бы пораженный громомъ*). Въ такомъ положеніи былъ мой другъ, когда презрѣнный сынъ этого отпущенника показалъ на вечерѣ у Гусыниныхъ страшные, изумительные опыты своего вліянія на бѣдную жертву свою, когда она, блѣдная, трепещущая отъ одного слова, пала безъ чувствъ! Теперь и моя очередь пришла сказать одно слово: посмотримъ, на чьей сторонѣ будетъ смѣхъ. (*Указывая на Павла Флегонтыча*). Самозванецъ.

Мухоморовъ (*въ сторону*). На бѣду, окаянный подписался коллежскимъ подъ двумя актами. Надо просить пощады... (*падая на колѣни*). Пощадите, отецъ родной! Пощадите, батюшка, Петръ Сергѣевичъ!

Ипполитовъ. Встаньте; вы все-таки носите образъ человѣческій. Да, я пощажу въ немъ домъ, гдѣ онъ воспитывался, мѣсто, гдѣ онъ служилъ... но съ уговоромъ, сейчасъ, сію минуту, возвратить мнѣ обязательство Гориславской. (*Павелъ Флегонтычъ вынимаетъ изъ кармана бумагу и отдаетъ ее отцу, а этотъ передаетъ Ипполитову*). Оно!.. И чтобы черезъ два часа этого молодца не было въ Москвѣ, и чтобъ никогда не было помину о правахъ на Гориславскую и семейной тайнѣ ея!.. Въ противномъ случаѣ она найдетъ во мнѣ адвоката, который не помирится иначе, какъ по статьямъ закона; свидѣтелей я найду десятки. Теперь мы расквитались. (*Указываетъ на дверь; Мухоморовы спѣшатъ удалиться*).

Леандровъ (*отворяя боковую дверь*). Finita la comedia; прошу войти.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входятъ Виталина, Гориславская и Сергѣй Петровичъ.

Виталина (*подавая записку Ипполитову*). Извините, выходъ на сцену одной героини нашей драмы нуженъ былъ для окончанія ея. Прочтите это посланіе.

Ипполитовъ (*читаетъ записку*). Медовицына... я отгадалъ! Она бѣжала изъ вашего дома, на колѣняхъ проситъ у васъ прощенія во всѣхъ ея гнусныхъ поступкахъ. Негодяйка! была съ ними въ заговорѣ.

Леандровъ. За насъ былъ Тотъ, Кого люди не могутъ обмануть. А какъ не сказать однакожъ: вся бѣда была отъ стыда. Безъ того мы давно бы все покончили.

ОКОПИРОВАЛСЯ

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ АКТАХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Марѳа Осиповна Резникина, вдова титулярнаго совѣтника.
Александръ Парѳеновичъ, сынъ ея, канцелярскій служитель.
Силай Ермиловичъ Мамаевъ, столяръ.
Груня, дочь его.
Анна Семеновна Липина, помѣщица, пожилыхъ лѣтъ дѣвица.
Владиміръ Петровичъ Подснѣжниковъ, молодой помѣщикъ.
Мавра Львовна Поддѣвкина, вдова приказнаго, лѣтъ пятидесяти слишкомъ.
Прасковья Степановна, дочь ея, лѣтъ тридцати, высокая, худощавая и рыжая.
Ксенофонтъ Кирычъ Разнесенскій.
Муха
Лососининъ } приказные служители.
Гривенничкинъ
Слесарь.
Ваничка, слуга г-жи Липиной.
Дворовый человѣкъ.
Половой.
Кухарка Поддѣвкиной.
Мальчикъ и дѣвочка, лѣтъ по девяти.
Шарманщикъ и съ нимъ женщина.
Цыгане.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

АКТЪ I.

Бѣдная комната. Съ одной стороны верстакъ; на стѣнѣ висятъ столярные инструменты; въ безпорядкѣ валяются распиленныя дерева; у другой стѣны шкапчикъ, надъ комодомъ, съ посудою. Прямо и съ обоихъ боковъ комнаты двери; одно окно; къ сторонѣ верстака двѣ скамейки, къ другой сторонѣ столикъ, около него старый кожаный диванъ, такія же кресла, два стула и пяльцы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Груня (*одна. Сидитъ за работою — разматываетъ мотокъ, наверченный на спинку стула; передъ нею пяльцы; на пяльцахъ развернутая книга*). Кажется, не сидишь сложа руки; часто заря утренняя застаетъ за работой, а въ домѣ ни рубля. Отложишь на приданое — подаваі на провизію или... на вино. Господи! долго ли еще такъ будетъ?.. (*Немного погодя*). Мнѣ было такъ хорошо у моей крестной матери, такъ привольно... жила настоящей балованной барышней. Чтожъ, развѣ оставить мнѣ было отца одного... при его слабости... Полно, нѣтъ ли еще чего, Груня? (*Грозитъ пальцемъ*). А?.. признайтесь... Виновата, тутъ еще кое-что привязало меня къ этой бѣдной избушкѣ. (*Вздыхаетъ*). Что-то замѣшкался Александръ Парѳенычъ... Саша, душенька, идите же скорѣй!.. За чтожъ я люблю тебя? Правда, ты прехорошенькій, добрый, угождаешь мнѣ... за то необтесанный такой, съ такими подъяческими ухват-

ками, иное слово скажешь, бываетъ такъ стыдно, что въ землю бы ушла... А все-таки люблю... чтожъ дѣлать? разсудокъ запрещаетъ, да тутъ (*показываетъ на сердце*) не слушается. Погодите, какъ будете моимъ муженькомъ, передѣлаю васъ. Была же я простой дѣвочкой, а теперь, по милости моей благодѣтельницы, слыву барышней. Посмотрите, какъ я примусь тогда муштровать васъ. (*Садится и задумывается*). Все мечты и мечты!.. Онъ изъ благородныхъ, сынъ титулярнаго... мать говоритъ, она капитанша... а я — мѣщанка, дочь столяра... Только ровня мы оба тѣмъ, что бѣдны.

ЯВЛЕНІЕ II.

Груня и Резинкинъ. (*Она притворяется, будто его не видитъ; Резинкинъ, держа букетъ въ рукахъ, подходитъ на цыпочкахъ все ближе къ ней и потомъ бросаетъ букетъ на пяльцы*).

Груня. Ахъ, какъ вы меня испугали!.. не ждала такъ рано. Благодарю за цвѣты. (*Разбираетъ ихъ и прикалываетъ часть на голову, а другую къ груди*).

Резинкинъ. Здѣсь вашъ и портретъ — вотъ этотъ розанчикъ.

Груня. О! да вы какой стали сочинитель!

Резинкинъ. А за труды позвольте ручку... (*Груня протягиваетъ ему руку, онъ цѣлуетъ ее*). Вѣдь почти до зари лазилъ черезъ палисадники... у почтмейстера караульные чуть не поколотили.

Груня (*качая головой*). Чужое?.. не хорошо... Смотрите, не наживите бѣды.

Резинкинъ. Для васъ готовъ хоть сто палокъ выдержать.

Груня. Не говорите мнѣ, пожалуйста, такихъ лакейскихъ словъ; развѣ нельзя какъ-нибудь иначе?

Резинкинъ. Нѣтъ, вы не знаете, Аграфена Силаевна, какъ я васъ люблю. Въ канцеляріи перегрызъ всѣ перья, думая объ васъ. А съ какимъ душетрепетнымъ чувствомъ вывожу букву Г, которою начинается ваше рафинадное имячко: Груня! и вслѣдствіе этого люблю особенно писать: Господину Гражданскому Губернатору. Вчера крѣпко задумался объ васъ; переписалъ было его превосходительству рапортъ объ *искупленіи* дровъ, хотѣлъ засыпать пескомъ и вмѣсто песочницы взялъ чернильницу, да и бухъ... точь-въ-точь Черное море вывелъ. Столоначальникъ мой, добрѣйшая душа... и тотъ не вытерпѣлъ, сказалъ: «Эхъ, ты, братецъ, какая дура! Цѣлый листъ веленевой пропалъ». Все за васъ, Аграфена Силаевна!

Груня. Развѣ я объ васъ менѣе думаю? Да чтожъ изъ этого? Весь переулокъ Богъ знаетъ, что говоритъ объ насъ.

Резинкинъ. А вотъ переулокъ прикуситъ язычокъ, да и цѣлый городъ ахнетъ, какъ получу мѣсто письмоводителя станового. Знаете, окопируюсь авантажно и поведу васъ къ вѣнцу, въ вуалѣ, въ кружевахъ, въ фалбалахъ.

Груня. А маменька ваша?

Резинкинъ. Она будетъ согласна. Вообразите только, Аграфена Силаевна: письмо-во-дитель станового!.. Каково!.. Позвольте мнѣ вашъ мотокъ на руки... этакъ вамъ ловчѣе.

Груня (*отдаетъ мотокъ и продолжаетъ работу*). Очень одолжите. А развѣ это какая-нибудь важная должность?

Резинкинъ. Какъ же-съ не важная? Важнѣй-ѣй-шая! Вторая особа въ станѣ!.. Письмоводитель и секретарь все равно, а секретарь, извѣстное дѣло, всѣмъ ворочаетъ. Вообразите только, мы пріѣзжаемъ на даровой подводѣ въ свой станъ.

Груня. По важной должности надо бы колясочку.

Резинкинъ. Потихоньку, потихоньку.. сперва начнемъ даровой подводой, а тамъ дойдемъ до каменнаго дома въ три этажа. Тутъ, въ первой деревнѣ, объявлю: я, дескать, письмоводитель станового. Въ одно мгновеніе ока все селеніе переполошилось, точно губернаторъ пріѣхалъ... Мужики и бабы, старики и ребята сбѣгаются смотрѣть на меня; всѣ стоятъ передо мною безъ шапокъ. — А гдѣ жъ староста и десятскіе? — кричу я грозно.

Груня. Тише, тише, вы совсѣмъ запутались въ ниткахъ.

Резинкинъ (*распутавъ нитки, надѣваетъ мотокъ на стулъ*). И вотъ староста и десятскіе, запыхавшись, блѣдные, какъ полотно, несутъ хлѣбъ-соль, курочку, яичекъ, а вамъ, Аграфена Силаевна, ягодокъ... Для васъ ягодки, понимаете-съ? Я вамъ скажу-съ, умный народъ!.. «Куда-жъ яйца въ дорогу?» говорю я. — Пока вашему благородію запрягаютъ лошадокъ, — говоритъ староста, — мы испечемъ ихъ. Я вамъ скажу-съ, сметливый народъ!

Груня. На вашемъ мѣстѣ я ничего бы не взяла съ бѣдныхъ мужиковъ.

Резинкинъ. Наши старшіе приказные говорятъ: нельзя-съ, въ грошъ не будутъ ставить; прослывешь у нихъ же простакомъ!.. «Живѣй! лошадей, тройку съ бубенчиками, а колокола не надо... есть свой». Надо вамъ признаться, Аграфена Силаевна, я ужъ и колоколъ припасъ... знатнѣйшій, звонъ такой, все думаю, точно гусли... прямо съ горы Валдая, гдѣ дѣвки бублики продаютъ.

Груня. То-то я слышу звонъ колокольчика, все думаю, какой пріѣздъ у Резинкиныхъ! (*Показываетъ ему на локти его*). Да что это у васъ локти худые? Какъ не стыдно! Точно у нищаго.

Резинкинъ. Чтожъ дѣлать-съ? отъ практики поистерлись.

Груня. Неужели вы такъ въ свою канцелярію ходите?

Резинкинъ. Хожу-съ.

Груня. А говорите еще, новый начальникъ у васъ строгій? Что бы ко мнѣ принесть лоскутковъ какихъ суконныхъ изъ стараго платья; я бы съ удовольствіемъ починила.

Резинкинъ. Признаться, жилетка есть старая, да жаль... еще поношу подъ сюртукомъ.

Гривенничкинъ (*за окошкомъ, стучитъ палочкой въ стѣну*). Сашка! пора къ должности... полно амуриться.

Груня. Господи! какой стыдъ!..

Резинкинъ. Негодяй! Ужъ я этого Гривенничкина... пожалуюсь экзекутору.

Груня. Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлайте этого... и такъ довольно разговору. Ступайте и не показывайтесь мнѣ на глаза цѣлый день.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Мамаевъ.

Мамаевъ. А? красноперый селезень!.. все около дѣвки увивается... Держи ухо востро, братъ, разомъ ошибу крылья.

Резинкинъ. Я... ничего-съ... только съ моимъ почтеніемъ, Силай Ермилычъ, съ хорошими мыслями.

Мамаевъ. То-то смотри, съ хорошими мыслями! (*Подходитъ къ Резинкину и говоритъ ему тихо*). Нѣтъ ли, братъ, двугривеннаго горло промочить?

Резинкинъ. Право хоть побожиться, нѣтъ, а какъ добуду нынче, матери не отдамъ, вамъ принесу. (*Уходя, тихо Груни*). Богъ съ вами, Аграфена Силаевна, убиваете вы меня.

ЯВЛЕНІЕ IV

Мамаевъ и Груня.

Мамаевъ (*у верстака, лѣниво прилаживаетъ рубанокъ*). Въ головѣ будто десятокъ пудовъ свинцу, на сердце мутитъ... руки словно мочалы... хоть бы со вчерашняго похмѣлья на двугривенный промочить. (*Груни*). Все за книжкой, барышня?

Груня (*она передъ этимъ бросила рукодѣлье и взяла съ пялецъ книгу*). Читаю про одну дѣвушку, Дженни Эйръ, въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Мамаевъ. Отеческихъ!.. Чай, любовныя какія записки!.. Набьешь себѣ голову этими пустяками, да и сама, пожалуй, пустишься въ шашни. Смотри, раздавлю, какъ лягушку.

Груня. Въ этой книжкѣ все хорошее: читаешь, будто сердцу отдаются слова покойной маменьки.

Мамаевъ. Хорошее? Знаемъ-ста!.. А все чернильная строка Сашка таскаетъ тебѣ эту дрянь. Чай, подтибрилъ гдѣ-нибудь, али сорвалъ съ кого!

Груня. Добрый сосѣдъ Александръ Парѳенычъ одолжилъ, а взялъ онъ изъ казеннаго мѣста, гдѣ служитъ; тамъ выписываютъ; самъ главный начальникъ хочетъ, чтобы приказные учились добру изъ этихъ книгъ.

Мамаевъ. Научили бы лучше, какъ денежку добывать, Охъ, охъ! проклятая полоса!.. тошно на бѣломъ свѣтѣ жить!

Груня. Не гнѣвите Господа. По милости Его и моей крестной матери, вы теперь человѣкъ вольный; дочь вашу научила она всякому рукодѣлью и грамотѣ... Я работаю, сколько силъ есть... заказовъ у васъ много... стоитъ вамъ только за работу приняться.

Мамаевъ. За работу? легко сказать!.. Заказныя

деньги пропиты... дерева не на что купить... руки съ похмѣлья не подымаются.

Груня. Зачѣмъ же вы это дѣлаете?

Мамаевъ. Эхъ, Грунечка! съ горя чтоли послѣ покойницы твоей матери, болѣсть чтоли? Доктура говорятъ, червякъ засѣлъ въ сердцѣ... все вина подавай ему... хоть бы двугривенный, опохмѣлиться, какъ бы съ гуся вода! Нѣтъ ли, душечка, графинчикъ ты мой?

Груня. Право, нѣтъ.

Мамаевъ. Поищи, барышня, вишневочка ты моя... не залежалось ли гдѣ?.. А то хоть руки на себя наложить.

Груня (*вставая, сквозь слезы*). Боже васъ сохрани!.. У сосѣдки развѣ занять... Думала взять на соль... вѣдь въ домѣ зерна соли нѣтъ... только дайте слово: примитесь послѣ того за работу.

Мамаевъ. Примусь... вотъ тебѣ... провалиться сквозь землю, примусь.

Груня (*ласкаясь къ отцу*). Достану, только не говорите такихъ словъ... (*Прислушивается*). Кто-то подъѣхалъ... (*Бросается къ окну*). Карета четверомѣстная... Ахъ! она, наша благодѣтельница... Анна Семеновна... (*Бѣжитъ встрѣчать пріѣхавшихъ*).

Мамаевъ. Тутъ ее нелегкая принесла!.. Хоть умирай! Начнетъ опять рацею читать.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Липина, мальчикъ и дѣвочка.

(*Мальчикъ одѣтъ въ гусарское дѣтское платье съ золотою шифровкой; онъ нерѣдко утираетъ рукавомъ носъ; дѣвочка въ бѣломъ муслиновомъ платьѣ (оба въ продолженіе явленія пачкаются въ стружкахъ); крестьянка съ грудным младен-*

цемъ на рукахъ и Ваничка, слуга Липиной, въ ливреѣ съ большою куклою за пазухой; онъ пьянъ, при входѣ тузитъ мальчика, а потомъ большею частію держится у стѣны).

Липина (*Груню, которая хочетъ поцѣловать у ней руку*). Ты знаешь, душа моя, я этого не люблю... поцѣлуй меня такъ.

Груня. Какими судьбами здѣсь? удостоили нашу хижину?

Липина. А вотъ какъ, дружокъ. Нынѣ день ангела Пашеты, трехлѣтней дочери Кривлякина; ѣду поздравить ее, везу подарокъ. Человѣкъ нужный... А безъ того нельзя... все семейство ужъ такъ пріучено, смотритъ всегда въ руки... Ваничка, подай-ка куклу. (*Слуга подаетъ*). Да гдѣ же верхнее платье на ней?

Ваничка. Почемъ я знаю!.. Знать, дорогой обронилъ... голова кругомъ пошла... солнцемъ что ли припекло.

Липина (*съ упрекомъ, но ласково*). Какъ тебѣ не стыдно, Ваничка!.. Впрочемъ, я сама виновата... не подумала о парасолѣ... кукла не бѣда, куплю другую въ магазинѣ; а бѣдный, бѣдный Ваничка! Не было-бъ горячки?

Мамаевъ. Нашему брату ничего-съ, пройдетъ. Русачка бы: клинъ клиномъ выбить.

Липина (*Груни*). Кстати, душа моя, вотъ привезла сюда этихъ злополучныхъ. Мальчика отдаю въ кантонисты; дѣвочку, дочь трубочиста, въ пріютъ, грудного младенца въ сиротскій домъ, а женщину — туда-жъ въ кормилицы.

Крестьянка. Воля твоя, сударка, а трехъ разомъ кормить не буду: и корову одинъ теленокъ сосетъ.

Липина. Полно, полно, дружокъ, не будешь... я ужъ это на себя беру.

Груня. Богъ васъ наградитъ за нихъ.

Липина. Если можно дѣлать добро, дѣлай его, облег-

чаи участь человѣчества въ той сферѣ, въ которой поставлена: это золотое правило Фенелона. Вотъ, если у почтенной дамы отекаютъ ноги, я не постыжусь подставить ей скамеечку; право, подставлю. Пускай смѣются! А я знаю про себя, что облегчила чѣмъ-нибудь бремя человѣчества. Кстати, графиня Надинъ пишетъ ко мнѣ, спрашиваетъ: что дѣлаетъ твоя воспитанница Груня, пристроила ли ты ее, замужемъ ли она?

Груня. Очень благодарна, что вспомнили меня, дочь столяра.

Липина. Дочь столяра?.. Ты моя крестная дочь, моя воспитанница!.. Нынче мѣщанка, а завтра — кто знаетъ, что о тебѣ написано въ книгѣ судебъ!.. А я тебѣ пророчу, ты будешь за дворяниномъ, у котораго шестьдесятъ душъ... не смѣйся!.. Объ этомъ послѣ, по секрету... Ну, что твой папа, почтенный Ермилычъ? Попрежнему? Кстати вамъ скажу, я Ваничку вылечила отъ пьянства по новой методѣ. Солнцемъ припекло, а то-бъ посмотрѣли бы, какой молодецъ.

Мамаевъ (*всторону*). Это видно, у пристѣнка на силу стоитъ. (*Дѣти дерутся изъ-за куклы, которую далъ имъ Ваничка*).

Липина. Милочки! полноте... Вспомните, душки, вы оба братья по человѣчеству, по несчастію—еще болѣе. Надо братски другъ съ другомъ дѣлиться. Лиза, ты поиграй немножко куклой, потомъ отдай Васѣ; Вася поиграетъ, отдастъ опять Лизѣ.

Мамаевъ (*подходя къ окну*). Какой-то баринъ сидитъ въ каретѣ, машетъ рукой.

Липина. Ахъ, я разсѣянная какая!.. Молодой прекрасный человѣкъ сидитъ себѣ въ каретѣ... везу его къ Кривлякину рекомендовать, и совсѣмъ забыла объ немъ. Дѣти, кормилица, ступайте себѣ въ карету, а ты, Ваничка, проведи ихъ, чтобъ кормилка не оступилась съ ребенкомъ на гнилой лѣстницѣ. Скажи, сейчасъ дескать буду. (*Крестъ-*

янка, дѣти и Ваничка уходятъ). Ермилычъ, поди къ себѣ въ каморку, мнѣ нужно сказать Грунѣ пару словъ по секрету.

Мамаевъ (*про себя*). Видно, что-нибудь не спроста. Пригляжу сквозь щелку двери и подслушаю. (*Уходитъ направо въ дверь, которую неплотно притворятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Липина и Груня.

Липина. По большому секрету, Груня... Знаешь молодого сосѣда моего, Подснѣжникова? Говори мнѣ все, все чистосердечно, какъ матери.

Груня. Видѣла я его по праздникамъ въ деревнѣ, въ приходской церкви; встрѣтилась разъ съ нимъ въ рощѣ... онъ насказалъ мнѣ разныхъ нѣжностей, — разсердилась; написалъ мнѣ письмо съ тѣми же любезностями, — я бросила въ огонь; ѣздитъ часто мимо нашихъ оконъ, — я отхожу отъ окна; былъ у отца и заказалъ мебель — я ушла въ чуланчикъ свой: вотъ и все.

Липина. Знаешь ли, дружокъ, Богъ невидимо посылаетъ тебѣ счастіе!.. Я съ нимъ познакомилась... Прекрасный молодой человѣкъ!.. скроменъ, застѣнчивъ, какъ дѣвушка! А какъ добръ! Кривлякина разыгрывала лотерею въ пользу неизвѣстной, — взялъ одинъ десять билетовъ... Влюбленъ въ тебя по-уши... говорятъ мои люди, ни на что не посмотритъ... Женихъ, что ни говори, женихъ!

Груня. Можетъ ли быть? онъ помѣщикъ, а я...

Липина. Отецъ его не Богъ знаетъ какого знатнаго роду...

Груня. Все-таки я мѣщанка.

Липина. Эка бѣда! Прочти исторію знатныхъ и даже великихъ людей, ты увидишь, что хуже тебя попадаютъ

въ большія барыни. Не ты будешь первая, не ты послѣдняя.

Груня. Просто, хочетъ обмануть бѣдную дѣвушку. Развѣ я также въ книгахъ не читала, развѣ нѣтъ около насъ примѣровъ...

Липина. Ты не похожа на этихъ несчастныхъ, я знаю, да и онъ не смотритъ развратникомъ.

Груня. Можетъ-быть, и прекрасный, благородный человѣкъ, да я...

Липина. Что? что? ужъ не...

Груня. Не скрою отъ васъ... вы моя вторая мать... я... люблю другого... обѣщалась за него... (*вздыхаетъ*). Развѣ самъ откажется!

Липина. Кто жъ это такой?

Груня. Сосѣдъ Резинкинъ... служитъ въ казенномъ мѣстѣ... скоро ему дадутъ хорошую должность.

Липина. Смотри, ты была всегда такая восторженная!.. По мнѣ пошла!.. Сосѣдство!.. молодость... надо было кого любить... онъ попался первый.

Груня. Можетъ-быть, и правда; но вы знаете меня, если ужъ я слово дала...

Липина. Хоть убей тебя, не отступишься отъ него, знаю. Если такъ, не хочу разрывать союза двухъ любящихъ сердецъ. А я было думала такъ хорошо устроить... Остался одинъ сиротой, безъ отца, безъ матери, можетъ въ одиночествѣ погибнуть... начнетъ ходить въ крестьянскихъ хороводахъ, ѣздить на тройкахъ съ бубенчиками, стегать арапникомъ по дорогѣ втрѣчныхъ и поперечныхъ... пропадаетъ низачто!.. Ты наполнила бы его жизнь, сберегла бы его состояніе, а пуще всего — душу отъороковъ... Сколько бы человѣчество тутъ выиграло!.. Но не хочу тебя огорчать. Подойди сюда, поближе... Вотъ тебѣ, милочка, бумажка.

Груня (*развертывая бумагу*). Пятьдесятъ рублей серебромъ!.. 175 р.?.. Мнѣ...

Липина. Тсъ!.. услышитъ... не показывай, отниметъ. (*Показываетъ на дверь*). Береги на черный или на свѣтлый день, ты меня понимаешь.

Груня (*хочетъ поцѣловать у ней руку, Липина обнимаетъ ее*). Добрая, безцѣнная Анна Семеновна! какъ ужъ васъ назвать, и не знаю.

Липина. Дала бы болѣе, ты знаешь, я сама не богата.

Груня. Никогда у меня столько денегъ не было! Какое богатство! какое счастіе! сберегу... никому не покажу... О, какъ я счастлива!

Липина. За это попрошу отъ тебя услуги; мнѣ нужно послать тебя...

Груня. Приказывайте.

Липина. У кареты доскажу... теперь поспѣшу извиниться передъ молодымъ человѣкомъ. Накинь шляпку и приходи скорѣй. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Груня (*одна*). Какое неожиданное счастіе! Саша, я на тебя болѣе не сержусь. Прочь досада, прочь горе!.. Куда бъ припрятать?.. Въ карманѣ я и такъ гривенникъ потеряла. Да! въ шкатулку, гдѣ лежитъ его завѣтное колечко... (*Идетъ къ шкапчику, отпираетъ комодъ подъ нимъ, вынимаетъ шкатулку, отпираетъ ее и кладетъ туда деньги*). Тутъ будетъ безопасно. (*Запираетъ*). Заперла... крѣпко... *Запираетъ комодъ, кладетъ ключикъ себѣ въ карманъ, бѣжитъ въ дверь на лѣвую сторону, тотчасъ возвращается изъ нея въ шляпкѣ и посылаетъ издали поцѣлуй въ ту сторону, гдѣ схоронены деньги*). Прощай покуда, мое сокровище! Не увидишь ты свѣта Божьяго, пока не настанетъ для насъ очень черный или очень свѣтлый день. (*Только-что она хочетъ растворить дверь, на встрѣчу ей Подснѣжниковъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Подснѣжниковъ и Груня.

Груня. Что вамъ угодно?

Подснѣжниковъ (*загораживая ей дверь*). Анна Семеновна прислала меня къ вамъ... за вами...

Груня. Если вы за мною, такъ позвольте пройти.

Подснѣжниковъ. Вы знаете изъ письма моего...

Груня. Я не читала его и бросила въ огонь.

Подснѣжниковъ. Выслушайте, по крайней мѣрѣ, что я вамъ скажу. Будьте сострадательны, у васъ, говорятъ, доброе сердце... Съ того времени, какъ я васъ увидѣлъ, я не имѣю спокойнаго дня, спокойной ночи; свѣтъ мнѣ опостылѣлъ... Неужли вы захотите, чтобъ я бросился въ рѣку или застрѣлился?

Груня. Все, что вы говорите, я гдѣ-то читала въ книжкѣ. Чего вы хотите отъ меня?

Подснѣжниковъ. Не будьте такъ жестоки, не отвергайте моей любви.

Груня. Я васъ не понимаю и не хочу понимать.

Подснѣжниковъ. Вамъ ли, съ вашею красотою, съ вашими достоинствами, жить въ этой хижинѣ? Вамъ сулилъ Богъ высшую долю. Прилично ли вамъ заниматься низкою работою? У васъ должны быть хоромы, экипажи, слуги... я самъ буду первымъ слугою вашимъ.

Груня. Я привыкла жить въ этомъ убогомъ домикѣ; работа меня не тяготитъ, потому что работаю для отца, для себя... довольна, никому не жалуюсь на судьбу свою... впредь уповаю на милости Бога, Которому мать, умирая, меня, поручила... имя честной дѣвушки дороже для меня всѣхъ сокровищъ на свѣтѣ.

Подснѣжниковъ. Вспомните, что ждетъ отца вашего въ старости... онъ и теперь едва можетъ работать...

хорошая дочь должна жертвовать всѣмъ для счастія своихъ родителей.

Груня. На этомъ не поймаете меня, Владиміръ Петровичъ. Теперь скажу, мы другъ друга понимаемъ. Прошу оставить меня въ покоѣ, не то... я позову отца своего.

Подснѣжниковъ. И вы отвергли бы мою любовь, еслибъ я предложилъ вамъ даже руку свою?

Груня. Отказалась бы, потому что вы мнѣ не пара. Если вы благородный человѣкъ, перестаньте за мною ухаживать; оставьте меня какою я есть, при моей чистоїї совѣсти и спокоїйствіи.

Подснѣжниковъ. Что дѣлать? исполняю волю вашу съ горестью, съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Груня. Въ такомъ случаѣ мировая! Насъ ждутъ, переступимъ же порогъ друзьями. (*Подаетъ ему руку*).

Подснѣжниковъ (*цѣлуетъ у ней руку*). Вы, просто, ангелъ! (*встороиу*). Я, право, влюбленъ по уши въ эту дѣвочку... достану ее, во чтобъ ни стало. (*Уходятъ оба*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Мамаевъ (*одинъ*). Дурочка!.. хоть бы поманила его, а тамъ воръ-воробеї и попался въ силки; честнымъ пиркомъ, да и за свадебку! То-то бы погулялъ Мамаевъ! Знаемъ, что еї любъ красноперыї Сашка... Правда, малыї добрыї, вина не пьетъ, любитъ ее по чести; была бы пара!.. Да мать вишь капитанша, чванится, словно пава на крышкѣ. А богата стала дѣвчонка!.. пятьдесятъ цѣлковыхъ! Чтобы цѣлковикъ отцу? хоть бы двугривенныї отвести душу... Обѣщала!.. Да гдѣ еї помнить?.. До отца ль?.. Вишь, пьяница столяришка!.. А барышня тамъ себѣ кофеи, да чаи, съ крендельками попиваетъ. Отплатить, аль отплатить на цѣлковикахъ?.. Больно мутитъ душу; не въ колодезь же броситься!.. (*Трясетъ комодъ*). Крѣпко!

Мудрецъ сватушка самъ работалъ. (*Смотритъ въ окно*). Вотъ и онъ, лысый, смотритъ въ окошко. (*Открываетъ окно*). Сватъ, а сватъ, подп-ка сюда на пару словъ. Киваетъ, дескать иду. А на душѣ что-то робко... И то сказать: вѣдь не у чужой, у дочери!.. Какого жъ ей чернаго дня дожидаться?.. Для меня черенъ, какъ волчья ночь. Заплачу долги, куплю дерева, учениковъ возьму, стану работать, да и положу опять, хоть съ процентами.

ЯВЛЕНІЕ X.

Мамаевъ и слесарь (*у послѣдняго связка слесарныхъ инструментовъ*).

Мамаевъ. Что, сватъ, какъ можется?

Слесарь. По старому, дружище. Знаешь, все затѣя не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью.

Мамаевъ. Проклятая самоходка! убьетъ она тебя.

Слесарь. Не могу, братецъ, отстать... будто нелегкая все подъ бокъ толкаетъ: сдѣлай, да сдѣлай.

Мамаевъ. Авантажу-то много-ли? Былъ богатъ, угощать пріятелей любилъ, а теперь, чай, и хлѣбушка не всегда... Ну, сдѣлалъ, а тамъ-то что?

Слесарь. А тамъ въ газетахъ будутъ писать: сдѣлалъ такого-то города мѣщанинъ Перехватовъ диво-дивное... телѣжку, сама катится... По русской палестинѣ почетъ, да и въ чужихъ земляхъ будутъ знать... Кажись, и въ гробъ-то легъ бы радостно!.. Да вотъ бѣда какая: недостаетъ двухъ рублевиковъ пружину одну прибавить.

Мамаевъ. А то бы?

Слесарь. И въ ходъ.

Мамаевъ. Можетъ статься, добрый человѣкъ и сыщется, одолжитъ.

Слесарь. Кому больна чужая болячка?

Мамаевъ. А хоть бы свату твоему.

Слесарь. Ой ли? родной благодѣтель!

Мамаевъ. Только самъ сослужи; по твоей части.

Слесарь. Приказывай, сватъ.

Мамаевъ. По рукамъ!.. Вотъ видишь, братецъ, деньги-то у меня есть... въ этомъ комодѣ, да ключи запропастились... подъ полъ въ щель что ли попали, аль дѣвка затеряла. А деньги самому нужны: баринъ мебель заказалъ—дерева надо купить... время не терпитъ. Кстати, съ тобою и инструментики.

Слесарь. Про всякій случай всегда съ собою ношу.

Мамаевъ. Ну, валяй же проворнѣй!

Слесарь (*примѣривая крючки*). Этотъ великъ... № 10 будетъ впору. Какъ разъ! (*отпираетъ комодъ*).

Мамаевъ. Теперь вотъ шкатулку.

Слесарь. Тутъ № 12... (*Отпираетъ шкатулку*).

Мамаевъ (*шаритъ въ шкатулкѣ, вынимаетъ дрожащими руками кредитку и кладетъ въ жилетный карманъ*). Запри, а то дѣвка придетъ, Богъ знаетъ что подумаетъ, и воры-то, и разбойники! (*Слесарь запираетъ шкатулку, а потомъ комодъ*). Теперь пойдемъ, размѣняемъ бумажку въ трактирѣ, тамъ и получишь обѣщанное.

Слесарь. Вѣкъ не забуду твоей услуги; прокачу тебя перваго на самокатѣ. (*Идутъ и встрѣчаются въ дверяхъ съ Резинкиной*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Резинкина.

Мамаевъ. Тьфу! испугала какъ!

Резинкина. Что больно робокъ?.. Постой-ка, голубчикъ, хоть на порогѣ, а выскажу тебѣ все. Пора! давно ужъ пора! Что это ты, старый хрычъ, съ своей дочкой

развращаете мое дѣтище? У ребенка только-что молоко на губахъ высохло, а тутъ и любовишка завелась.

Мамаевъ. Нѣтъ ли еще чего? Вытряхивай.

Резинкина. Воспитала въ страхѣ родительскомъ, а теперь и мать ни почемъ! На службу идетъ — къ Ермилычу въ домъ, со службы — къ Ермилычу, вечеромъ — къ Ермилычу, только-что не ночуетъ у васъ.

Мамаевъ. Все ли?

Резинкина. Что это вы затѣяли? Не въ женишки ли ужъ Сашеньку прочите? Хоть бы зарубили у себя на носу: дескать, мать его капитанша, безъ году дворянка... только годикъ покоійникъ не дотянулъ!.. сынъ крестникъ совѣтника... а я-то что? Столяришка, мѣщанишка... Хотя бы приданница, а то голь сквозная; туда-жъ лѣзетъ въ благородные.

Мамаевъ (*взявшій во время монолога Резинкиной обрубокъ дерева*). Послушай, богатая капитанша, безъ году дворянка, коли ты еще хоть слово пикнешъ про мою дочь, такъ я тебя вотъ этимъ столярнымъ утюгомъ такъ выглажу, что дома своего не узнаешь.

Резинкина. Меня? попробуйка! Да ты въ тюрьмѣ сгніешь; да тебя на болотноі площади отдерутъ за меня.

Слесарь (*всторону*). Ну, пропала моя самокатка! (*Мамаеву тихо*). Оставь, братецъ; вишь, какъ она остервенилась, словно бѣлены объѣлась. Потянутъ къ суду да расправѣ... плюнь!

Мамаевъ. И впрямь плюнуть... нечего съ глупой бабой толковать. (*Резинкиной*). Извольте, ваше благородіе, безъ году высокоблагородная, съ верстакомъ бесѣду вести, сколько душѣ угодно, а мы вашей милости низко кланяемся. (*Уходитъ съ слесаремъ*).

Резинкина (*вслѣдъ имъ*). Самъ ты верстакъ, чурбанъ необтесанный!.. Въ полицію, такъ въ полицію... велю Сашенькѣ прошеніе написать... Осрамилъ, разругалъ дескать благородную женщину ругательскими словами. За

безчестіе заплатишь!.. (*Только-что растворяетъ дверь, чтобы выйдти на встрѣчу ей Груня*).

Резинкина (*грозя ей кулакомъ*). Все изъ-за тебя, барышня!.. (*Смягчаясь*). Дѣвка-то смирная, жаль, а то полетѣла бы за отцомъ...

ЯВЛЕНІЕ XII.

Груня (*останавливается у двери*). Какая страшная!.. Я думала, прибьетъ меня. (*Прислушивается у двери*). Все кричатъ!.. не дошло бы, въ самомъ дѣлѣ, до полиціи! Господи! изъ чего у нихъ такая ссора вышла... Изъ-за меня?.. Чѣмъ я виновата?.. Хорошо еще, что зашла по хозяйству къ кухаркѣ, а то попала бы въ суматоху. Боже мой! чѣмъ это все кончится?.. Вотъ и союзъ любящихся сердецъ!..

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Груня, Резинкинъ и Разнесенскій.

Резинкинъ (*танцуя и напѣвая*). Радость! радость! тра-ла-ла, тра-ла-ла.

Разнесенскій. Тріумфъ! тріумфъ, мамзель Мамаевъ! И вотъ, честь имѣю рекомендовать — тріумфаторъ, прямо изъ Капитолія, готовьтесь усыпать путь его цвѣтами.

Груня. Какая тутъ радость!.. Развѣ вы не встрѣтили свою мать?.. пресердитая такая... тутъ была ссора съ отцомъ.

Резинкинъ. Что мнѣ теперь до ея сердца!.. Одно слово—только три листика, розовые, какъ ваши щечки или губки...

Разнесенскій. Три лавровыхъ листочка, и оскалбится она, какъ солнышко послѣ бури, и скажетъ она,

прижимая его къ материнскому сердцу. О мóнъ фисъ біенъ èмѣ, віенъ, віенъ, кѣ жѣ тамбрасъ; а те нобль зексплуа же реконне монъ санъ.

Груня. Разрѣшите пожалуйста эту загадку по-русски.

Резникинъ. Видите эти худые локти?

Груня. Къ стыду вашему, вижу.

Резникинъ. Они-то составили мое счастіе.

Груня. Худые локти?

Резникинъ. Да-съ!.. Знаете волшебное слово: окопировался?.. Нѣтъ-съ?.. Такъ я вамъ скажу. Окопируюсь въ самое лучшее форменное платье, изъ лучшаго сукна, у самаго лучшаго портного. Великолѣпный Вицманъ, мастеръ изъ... изъ... ну хоть изъ Парижа, упадетъ передо мною на колѣни, когда снимать будетъ съ меня мѣрку... а я себѣ важно, по-графски, обопруся на него и говорю ему: «смотри, любезный Вицманъ, въ рюмочку, да чтобъ не лопнули ушки у пуговицъ... и въ двое сутокъ, минута въ минуту по моимъ часамъ» (*показываетъ, что онъ вынимаетъ часы изъ кармана*). Правда, часовъ-то у меня еще нѣтъ,—ну, все равно, покажу на его стѣнные часы — «а если не сдѣлаешь, берегись, нѣмчура»...—«Карашо, будетъ вѣрены, ваше высокоблагородіе»... и запишетъ на мѣркѣ и въ книгѣ: мусье Резникинъ, срокъ 40 часовъ, экстра.

Резникинъ и Разнесенскій (*танцуютъ и припѣваютъ*).

Ѣхалъ чижикъ въ лодочкѣ
Въ офицерскомъ чинѣ:
Не выпить ли водочки
По такой причинѣ?
Выпилъ рюмку, выпилъ двѣ,
Зашумѣло въ головѣ.

Груня. Вы, просто, помѣшались. Знаю, Александръ Парѳенычъ не пьетъ вина, а то-бъ подумала... Разскажите мнѣ, что съ вами случилось, или я не на шутку разсержусь.

Резинкинъ. Извольте, начинаю. Убитый горестью... умалчиваю, отъ какой причины... прихожу въ свою канцелярію, сажусь за свой столъ; беру листъ бумаги и только былъ вывелъ: «вслѣдствіе *просимости* такого-то (имярекъ) по случаю *утонутія* крестьянина», вдругъ слышу, по всѣмъ столамъ: тсъ! тсъ!.. У моего столоначальника лицо стало подергивать, а межь нашей братьи, мелочи, пошла суета: кто песокъ со стола сметаетъ, кто обрѣзки бумаги подбираетъ подъ столомъ. Въ одномъ столѣ не успѣли, такъ экзекуторъ въ карманы себѣ набилъ.

Разнесенскій. Эхъ, братецъ, ты говоришь все какимъ-то низкимъ слогомъ. О предметахъ важныхъ слѣдуетъ и важнымъ языкомъ говорить. Напримѣръ:—и вдругъ настала такая торжественная тишина, какъ-будто все присносущее превратилось въ камень, и повѣяло на насъ нѣкіимъ амвросическимъ дуновеніемъ, и безъ лицезрѣнія стало видимо для насъ присутствіе великаго человѣка.

Груня. Полно, Ксенофонтъ Кирычъ, сбивать его высокимъ слогомъ; вѣдь вы, кумъ, извѣстно, философъ... учили на вакансіяхъ въ благородныхъ домахъ... стихи пишете...

Резинкинъ. Только слышимъ... говоритъ одному тяжелому человѣку: «извольте перемѣнить... я не люблю крючкотворства... это однажды навсегда!.. Пора подъячеству конецъ!..» Молчаніе!.. тсъ!.. (*Резинкинъ поднимаетъ указательный палецъ и держитъ его такимъ образомъ нѣсколько времени*). Очутился онъ подлѣ меня... положилъ мнѣ отечески руку на плечо... взглянулъ на мою бумагу и сказалъ ласково:—«Какъ вамъ не стыдно писать такимъ подъяческимъ языкомъ! Развѣ нельзя просто, какъ говорите, по-человѣчески?..» Тутъ потрепалъ онъ слегка мой рукавъ и сердито сказалъ: да какой онъ неряха! съ худыми локтями!.. Развѣ у него нѣтъ матери или сестры, которая бы починила? Худо и поведеніе рекомендуетъ.

Груня. Говорила я вамъ, Александръ Парѳенычъ?

Резинкинъ. Тутъ только вспомнилъ васъ. Думалъ, пропала моя голова!.. (*Разнесенскому*). Доскажите, Ксенофонтъ Кирычъ... мнѣ неприлично объ себѣ.

Разнесенскій. Вотъ видите, мамзель Мамаевъ, онъ находится въ такомъ состояніи какъ Федра, когда она готова открыть наперсницѣ свою преступную страсть. *Енонъ, ла лужеръ мекуверъ ле визажъ*. Благодареніе Богу, совѣтникъ нашъ, его крестный отецъ, отозвался слѣдующимъ образомъ: примѣрнаго поведенія, бѣдный человѣкъ, а мать жалованьемъ содержитъ: никогда не манкируетъ на службу.

Резинкинъ. Развѣ иногда засмотрится на одну милочку, заслушается ее... (*Груня грозитъ ему пальцемъ*).

Разнесенскій. Хоть и не грамотѣй... (*Резинкинъ кашляетъ*) но пишетъ исправно и формы всякихъ бумагъ твердо знаетъ... Мы было хотѣли назначить его въ письмоводители къ становому... «Если такъ, то опредѣлить, сказала персона: наружность у него благовидная... (*Резинкинъ показываетъ съ удовольствіемъ на свое лицо*) открытая... подъячимъ не смотритъ... Да велите казначею выдать ему тридцать рублей серебромъ на окопировку въ счетъ жалованья. Только условіе, господинъ Резинкинъ: въ три дня непремѣнно окопироваться и явиться ко мнѣ въ новомъ платьѣ. Смотрите, въ три дня: я не повторяю два раза своихъ приказаній».

Резинкинъ. Еще не все. Пришелъ я къ казначею получать деньги и расписку принесъ; казначей выдалъ мнѣ деньги, а расписку мою... трръ!.. въ клочки. Я ахнулъ. Казначей засмѣялся: молись, братецъ, за него Богу — вѣдь онъ свои внесъ; только никому не говори, не приказалъ.

Груня. Какой прекрасный человѣкъ! какъ вы должны его любить.

Разнесенскій. А Гривенничкинъ браниттъ: вѣдь мѣсто письмоводителя было ему обѣщано.

Груня. Чудный выпалъ для насъ денекъ! И я получила подарокъ отъ своей благодѣтельницы — отгадайте, сколько?

Резинкинъ. Красненькую?

Груня. Нѣтъ, пять.

Резинкинъ. Пятьдесятъ!.. Вы меня перещеголяли... То-то заживемъ славно!

Разнесенскій. Поздравляю, кума, отъ преданной души.

Груня. Только мнѣ данъ другой зарокъ: употребить деньги тогда, когда настанетъ для меня очень черный или очень радостный день.

Резинкинъ. Настанетъ, скоро настанетъ, безподобная Аграфена Силаевна (*показывая ей деньги*). Вотъ онѣ, пташки залетныя.

Груня (*считая*). Да тутъ только двадцать девять рублей.

Резинкинъ. Цѣлковый далъ швейцару... Нельзя-съ. Заслуженный воинъ... съ такими нашивками... такой важный, вытянулся въ струнку, отдалъ мнѣ честь булавой, инда полъ затрещалъ, а какъ сказалъ мнѣ лихо: честь имѣемъ поздравить, ваше благородіе!

Груня. Все-таки слишкомъ щедро. А платье ужъ заказали?

Резинкинъ. Нѣтъ еще, идемъ сейчасъ.

Груня. Скорѣй же, скорѣй! Я теперь готова вытолкать васъ.

Резинкинъ. Прощайте, (*тихо*). А на прощанье ручку, можно? (*Груня качаетъ головой, показывая на Разнесенскаго*).

Разнесенскій. Идемъ, братецъ, а то, пожалуй, новый Антоній найдетъ здѣсь свою Клапую. До свиданія.

Резинкинъ. До свиданія! Увы! явлюсь еще къ вамъ съ худыми локтями, но съ сердцемъ... съ сердцемъ... (*Уходятъ напѣвая*). «Ѣхалъ чижикъ въ лодочкѣ».

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Груня (*одна*). Господи, благодарю Тебя!.. Такъ хорошо сердцу и вмѣстѣ такъ тяжело... можно часокъ отдохнуть. Почти всю ночь не спала... А какъ Марѳа Осиповна не благословитъ сына!.. Смягчится, какъ узнаетъ, что у меня такъ много денегъ, вотъ тутъ... подъ тридевятью замками. (*Стучитъ въ стекло шкафа*). Тю-тю! Хорошо вамъ, мои пташки, въ тепломъ гнѣздышкѣ?.. (*Кивастъ головой*). Баеньки, до радостнаго утра!

АКТЪ II.

Комната въ русскомъ трактирѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Резинкинъ, Разнесенскій, Лососининъ, Муха, дворовый человѣкъ и половой. *Дворовый человѣкъ, хорошо одѣтый, развалился важно на диванѣ и куритъ трубку; Лососининъ и Муха вводятъ подъ руки Резинкина, который входитъ, съ робостію озираясь; Гривенничкинъ загораживаетъ дверь.*

Разнесенскій. Подкараулили-таки злодѣи, почти силою втащили.

Муха. Вѣдь только спрыснуть!.. Ну же впередъ; ты у насъ нынче князь, какъ на свадебномъ пиру. Жаль, музыкантовъ нѣтъ, а то бы тушъ! (*Резинкинъ останавливается посреди комнаты; ступитъ шага два, и опять стоитъ въ нерѣшимости.*

Гривенничкинъ (*Лососинину, отводя его всторону, тихо*). Смотри, братъ, уговоръ: подпой искуснѣй, да и къ чорту окопировка и важное мѣсто. Славные магарычи будутъ!

Лососининъ. Эка премудрость! Тутъ нужно только безстыдство, мѣдный лобъ. Иной гвоздемъ къ мѣсту прибитъ, не скоро оторвешь; а этотъ, видишь, мотается на мочальной петлѣ.

Резинкинъ. Правс, господа, какъ-то страшно... въ первый разъ въ такомъ мѣстѣ... неприлично.

Лососининъ. Важная особа! Фря какая! Здѣсь почище насъ съ тобою, — и господа бываютъ — видишь (*указываетъ на дворового человѣка*).

Резинкинъ (*тихо*). То-то и худо. Неравно маменькѣ скажутъ; (*про себя*) да, Груня узнаетъ (*вздыхаетъ тяжело*).

Муха. Дѣвочка что ли? маменьки боится — чай, высѣчетъ. (*Всѣ, кромѣ Разнесенскаго, смѣются. Лососининъ и Гривенничкинъ подводятъ Резинкина къ дивану и съ почетомъ сажаютъ его*).

Лососининъ. Князю почетъ! Половой, подушечки. (*Половой приноситъ двѣ подушки и подкладываетъ по обѣимъ сторонамъ Резинкина*). Вотъ такъ.

Дворовый человѣкъ. Малый! подь сюда. (*Половому тихо*). Смотри, не проговорись, что я дворовый человѣкъ.

Половой (*тихо*). Какъ можно! вы практика-съ, а они налетающіе. (*Громко*). Вы, господа, что прикажете?

Гривенничкинъ. Спрашивай у князя.

Резинкинъ (*вставая*). Сдѣлайте милость, нельзя ли безъ меня? Я жертвую два цѣлковыхъ на братью, а мнѣ позвольте...

Лососининъ. За кого насъ принимаешь!

Гривенничкинъ. Мы вѣдь не нищіе.

Муха. Ясновельможный панъ, а мы хлопцы его. Держалъ насъ цѣлый годъ на томъ, на семъ, да на годовой праздникъ выкидываетъ на всю братью два цѣлковыхъ.

Резинкинъ (*садится снова*). Право, я не думалъ вамъ въ обиду, а такъ... какъ-то дико, съ непривычки. Только уговоръ, братцы, не болѣе двухъ цѣлковыхъ.

Муха. Торгуйся, еврейская душа!

Резинкинъ (*ударяетъ кулакомъ по столу*). Чортъ поберп! оставаться, такъ оставаться. Спрашивайте сами...

Лососининъ. Вотъ это побратски! (*Половому*). Сладкой водки на всѣхъ... гвоздичной, забористой, да на закуску окорокъ ветчины, да поросенка подъ хрѣномъ.

Половой. Мигомъ-съ, по щучьему ныряпью, по птичьему летанью.

Лососининъ. Постой, малецъ, уговоръ лучше денегъ. Хоть я приказываю, а платитъ вотъ этотъ господинъ. Такъ ли, Резинкинъ?

Резинкинъ. Ужъ, конечно, я плачу! Видишь. (*Показываетъ деньги*).

Половой. Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Разнесенскій (*всторону*). Охъ! охъ! быть бѣдѣ — умываю себѣ руки.

Муха (*дворовому человѣку*). А ваша милость тутошніе, или изъ уѣзда?

Дворовый человѣкъ. Изъ уѣзда, по дѣлу здѣсь.

Муха. Смѣю спросить, не арендовать ли городскую землю пріѣхали?

Дворовый человѣкъ. То есть нанять... хотѣлось бы.

Муха. Дѣльце въ нашемъ столѣ—къ услугамъ вашимъ писецъ Муха... Муху такъ и спросите. (*Пожимаютъ другъ другу руки*).

Дворовый человѣкъ. Муха? что-то не людское прозвище!

Муха. У насъ тамъ все такъ. Статейка знатная, только дорогонька будетъ, пойдетъ за тысячу въ годъ.

Дворовый человѣкъ. Плевое дѣло! (*Половой приноситъ закуску и графинъ водки*).

Лососининъ (*тихо Резинкину*). Денежный человѣкъ, кажись, твоего стана помѣщикъ: не пригласить ли?

Резинкинъ. Какъ хочешь.

Лососининъ (*дворовому человѣку*). Не угодно ли удостоить съ нами закусить.

Дворовый человѣкъ. Почему жъ не такъ: вы люди благородные — я люблю веселую молодежь. Нынче вашъ гость, а тамъ мой чередъ: угощу по-нашенски. (*Всѣ пожимаютъ ему руку*).

Гривенничкинъ. Просимъ, дорогой гость, для почину. (*Дворовый человѣкъ пьетъ водку, за нимъ другіе*).

Дворовый человѣкъ (*Резинкину*). За здоровье ваше, господинъ.

Гривенничкинъ. За здоровье письмоводителя!

Муха. Быть ему высокоблагороднымъ!

Лососининъ. Подымай выше — нашимъ начальникомъ!

Разнесенскій. Дай Богъ ему хорошую женку! (*Резинкинъ цѣлуетъ его съ чувствомъ; всѣ поздравлявшіе, кромѣ Разнесенскаго, держа поднось съ водкой, подходятъ къ Резинкину*).

Резинкинъ. Увольте, господа! Вѣдь я никогда ничего не употреблялъ.

Всѣ (*кромѣ Разнесенскаго*). Нельзя, нельзя, надо же благодарить; ты насъ кровно обидишь.

Резинкинъ (*встаетъ и беретъ рюмку съ водкой*). Благодаренъ *вами,* господа, за доброе пожеланіе (*Выпиваетъ полрюмки*). А!.. (*встороиу*). Право, не дурно; сладко, и какъ-то по жилкамъ мурашки...

Лососининъ. Голубчикъ, дружокъ, скажи, какъ будешь нашимъ отцомъ-командиромъ, не станешь насъ распекать да сажать подъ арестъ за отлучку,—напримѣръ, въ трактиръ?

Резинкинъ (*охорашиваясь*). Ужъ всеконечно нѣтъ.

Лососининъ. Врешь, жулька, зачванишься, посадишь... право, посадишь.

Резинкинъ. Посмотрите, я и дежурство уничтожу и всѣмъ выдамъ впередъ полугодовое жалованье.

Лососининъ. Добрѣйшая душа! Любо съ такимъ командиромъ и служить!

Гривенничкинъ. Добрѣйшая? а зло на днѣ оставляетъ. Видишь, ты отбилъ у меня важное мѣсто, а я на тебя сердца не имѣю. Люблю тебя и теперь, какъ брата (*цѣлуетъ Резинкина*).

Разнесенскій (*встороиу*). Предатель!.. (*вслухъ*). Не пей болѣе, послушайся меня.

Лососининъ. Что за дядька!.. Александръ Парѳенычъ не подъ начало къ тебѣ пошелъ — ужъ не дитя; скоро у самого подъ командой цѣлый станъ будетъ.

Резинкинъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ я ребенокъ?.. (*Выпиваетъ всю рюмку*). Славная вещь!.. Какъ-то веселѣй, отважнѣй! (*Встаетъ и, заложивъ руки въ карманы, важно прохаживается*). Приди-ка теперь самъ начальникъ, я такъ отвѣчу ему.

Лососининъ. А милостивца, виновника нынѣшняго торжества, забыли? Надо бы шипучки.

Резинкинъ. За здоровье добраго начальника шампанскаго!

Лососининъ (*половому*). Слышь, двѣ бутылки и стаканы. Да винцо-то изъ нѣмецкаго погреба.

Половой. Знаю-съ. (*Уходитъ*).

Муха (*дворовому человѣку, поправляя его платье*). А какое у васъ на фрачкѣ славное суконце!

Дворовый человѣкъ. Съ барскихъ плечъ... не подумайте... я хотѣлъ сказать: это дрянь, съ барскихъ плечъ моихъ пойдетъ слугѣ. А вотъ какъ вчера купилъ,— кусокъ,—по десяти цѣлковыхъ аршинъ... повѣрьте, я вамъ не лгу, настоящій атласъ!

Муха. Должно быть суперфинъ!

Дворовый человѣкъ. Я вамъ скажу, и чистить должно быть легко-съ (*закусивъ губу*). На первое знакомство, позвольте вамъ на парочку...

Муха. За чтожъ? помилуйте... впрочемъ, отъ добра

не отказываются. (*Беретъ дворового человѣка подъ руку и прохаживается съ нимъ по комнатѣ, тихо разговаривая. Слышны звуки шарманки*).

Резинкинъ (*бросается къ окну и, отворяя его, разбиваетъ стекло*). Шарманщикъ, сюда!

Лососининъ (*откупоривая бутылки и разливая вино въ стаканы*). Дѣло мастера боится! (*Половой подноситъ вино*).

Резинкинъ (*съ стакановъ въ рукѣ*). Многія лѣта доброму нашему начальнику, виновнику нынѣшняго торжества! (*Пьетъ; всѣ за нимъ берутъ стаканы и пьютъ*).

Лососининъ. Внуши ему Господь почаще такія приказанія казначею! (*потише*) Да поменьше рылся бы въ бумагахъ и побольше подписывалъ ихъ, не читая!

Гривенничкинъ. Многія лѣта!..

Муха. Несчетныя лѣта! Да къ просителямъ порѣже бы выходилъ! Бывало, и вьюнъ не проскочитъ межъ насъ, а теперь... фу! личная корреспонденція! (*Показываетъ рукою, что улетѣла*).

Лососининъ. Не тужите... Напрыгается... обойдется!

Гривенничкинъ. Ну-ка, еврей, откалывай!

Музыкантъ (*жидовскимъ выговоромъ*). А какіе зе мы евреи!—Обизаете. Мы нѣмцы зъ Польши.

Резинкинъ. Что-нибудь новенькое!

Разнесенскій. Театральное!

Музыкантъ. Мы споемъ и сыграемъ вамъ, господа, комедію... Въ нашу сторону пріѣзжалъ какой-то сочинитель... ученый такой, что Боже упаси!.. пріятель намъ былъ—стуцку славную намъ подарилъ на прощанье. (*Надѣваетъ на себя чепчикъ съ женщины, а на нее шляпу; женщина вертитъ шарманку и поетъ; музыкантъ поетъ и смѣшною мимикой старается выразить дѣйствія лицъ изъ пѣсни*).

На взглядъ обманчивъ видъ мужчинъ;
Кажись, и санъ, и классный чинъ...

Кто въ шляпахъ круглыхъ, кто съ углами,
Кто въ грозныхъ шлемахъ, въ картузахъ;
Всмотритесь въ нихъ ума очами —
Большая часть изъ нихъ въ чепцахъ

Тотъ безъ жены—гроза и громъ,
Отъ крика все летитъ вверхъ дномъ,
И нѣтъ ужаснѣй человѣчка!
Жена во дворъ, утихъ содомъ,
И онъ—смиренная овечка,
Сидитъ подъ женинымъ чепцомъ.

Съ докладомъ секретарь къ тому,
А тотъ съ усмѣшкою ему:
«Насквозь я вижу васъ и тонко;
Не проведешь меня, дружокъ!»
А преданный слуга тихонько
Ему чепецъ на паричокъ.

Всѣ. Браво, браво!

Лососининъ. Каковъ секретарь!

Музыкантъ (*продолжаетъ играть и пѣть*).

Мужъ со двора идетъ сѣдой:
Опъ «милепькій и ангелъ мой!»
Но лишь за дверь, французъ предатель
Играетъ роль въ его лицѣ —
И возвратился мой пріятель,
Ой, ой, друзья! въ какомъ чепцѣ!

Не обвиняйте вы нашъ вѣкъ:
Всегда таковъ былъ человѣкъ!
Героя древности сажали
У ногъ Омфалы съ веретеномъ,
А нынче... нынче-бъ написали
Его подъ кружевнымъ чепцомъ!

Гривенничкинъ. Хорошо; только странно, братцы, какъ тутъ Амфала, жена нашего регистратора, попала?

Муха. Кто его знаетъ! Можетъ, и знаетъ! Охъ, эти сочинители! (*показываетъ на затылокъ*) здѣсь сидятъ...

Гривенничкинъ. Кабы моя воля, я бы ни одному и мѣста не давалъ нигдѣ. Ты думаешь, онъ съ тобою знакомство хочетъ вести? Какъ же! шишъ... грѣшки наши подмѣчаетъ, да заразъ въ комедію, какъ въ рамочку, вставитъ.

Лососининъ. Эхъ, братцы! у васъ христіанской-то души нѣтъ... вѣдь надо и имъ чѣмъ-нибудь поживиться? Пускай тамъ себѣ пишутъ... все романы — романея!.. а мы себѣ...

Разнесенскій. Знаете пословицу, не мечите бисера... (*Дворовый человѣкъ шопотомъ говоритъ Гривенничкину*).

Гривенничкинъ (*Указываетъ на Резинкина*). Скажите ему, хозяину.

Дворовый человѣкъ. (*Резинкину*). Что-съ шарманка? Трынъ-трава!.. Прогоните ихъ... Я вамъ доложу, Александръ Парѳенычъ, какой лихой таборъ цыганъ прикатилъ сюда... здѣсь внизу и остановились. Просто — браво! А Наташа у нихъ, я вамъ доложу—мое почтеніе... деликатесъ! Ни одной горничной такой смазливой въ городѣ нѣтъ. Какъ запоетъ, да зальется, что твой соловей въ собранскомъ трактирѣ! Такъ жилки всѣ и трясутся.

Резинкинъ. А поцѣловать можно?

Лососининъ. Цѣлковый за поцѣлуй.

Резинкинъ. Цѣлковый? — Эка невидаль!

Дворовый человѣкъ. А пойдетъ старая Матрена плясать да косточками потряхивать, такъ животики надорвешь.

Гривенничкинъ. Скомандуйте, Александръ Парѳенычъ!

Резинкинъ. Цыганъ!.. живѣе!

Половой. Слушаю-съ, только меньше десяти цѣлковыхъ не пойдутъ.

Резинкинъ. У меня не умничай, щенокъ!.. Цыганъ!

Дворовый человѣкъ. Кстати шампанскаго!.. слы-

шишь? (*При словѣ: цыганъ! входитъ труппа ихъ на сцену*).

Одинъ изъ цыганъ (*постарше*). Слышали мы, что молодежь знатная пируетъ, такъ мы и дожидались у дверей... Кликнули — тутъ и есть, передъ вашею милостію, какъ листъ передъ травою. (*Начинаются пляска и пѣсни цыганскія; раздаются возгласы пирующихъ: «лихо! браво!» Резинкинъ любезничаетъ съ хорошенькой цыганкой и цѣлуетъ ее, потомъ ложится на диванъ, склоняется головой на подушку и засыпаетъ*).

Лососининъ. Князь заснулъ, пора и по домамъ!

Гривенничкинъ (*ему тихо, упираясь локтемъ въ столъ*). Не уронить ли столъ съ посудою? заплатитъ дурачина.

Лососининъ (*тихо, махая рукой*). И безъ того довольно. Я считалъ вѣрно, копѣйка въ копѣйку, остатокъ на ниточкѣ. (*Вслухъ*). Баста!

Муха. А кто расчетъ сдѣлаетъ?

Лососининъ. Разумѣется, дядька его. (*Указывая на Разнесенскаго*).

Разнесенскій. Поневолѣ; не бросить же товарища за хлѣбъ-соль! За кѣмъ же послѣдняя бутылка?

Муха. Спроси у господина. (*Указываетъ на двороваго человѣка*).

Дворовый человѣкъ. Нѣтъ, господа, съ меня взятки гладки. Заплатитъ кто-нибудь изъ васъ, только не я. Половой! принеси ливрею мою, что у тебя въ закладѣ: пора ѣхать съ бариномъ за каретой. Теперь возьмешь фракъ въ закладъ, а къ обѣду я за нимъ прибѣгу да опять отдамъ ливрею.

Разнесенскій, Гривенничкинъ и Муха. Лакей?..

Дворовый человѣкъ. И лакей вашего начальника. (*Скидаетъ съ себя фракъ и надѣваетъ принесенную половымъ ливрею*). Правду матку сказать: благородные, а кудакакъ

неблагородно поступили съ своимъ товарищемъ! Этого и наша братья лакейство не сдѣлаетъ. Наше почтеніе; благодаримъ за компанство и угощеніе. (*Уходитъ*).

Разнесенскій. Вотъ тебѣ и честная компанія... Урокъ на грядущія времена!

Лососининъ. Эка бѣда!.. Страшно, небось!.. Не первую зиму волкамъ зимовать! (*Гривенничкину тихо*). Магарычи за тобой: кажись, на славу окопировалъ! (*Указывая на Резинкина*).

Гривенничкинъ. Мастеръ! въ одинъ часъ обрилъ, остригъ и уконтентовалъ. Ха, ха, ха!

Разнесенскій (*поглаживая у Мухи сукно на рукавѣ*). Да, братъ, кажется, и тебя дворовый человѣкъ славно окопировалъ въ сукнецо суперфинъ. (*Муха отворачивается съ сердцемъ и уходитъ, за нимъ Лососининъ и Гривенничкинъ*).

Половой (*подавая бумагу Разнесенскому*). Вотъ и счетъ вашей милости.

Разнесенскій (*беретъ счетъ и читаетъ*).

За штофъ водки.	1 р.	50 к.
За три бут. шампанскаго . . .	12 „	— „
За ветчину и поросенка . . .	1 „	65 „
Шарманщику	1 „	— „
Цыганамъ.	10 „	— „
За поцѣлуй цыганкѣ	1 „	— „
За разбитое стекло.	— „	75 „
Итого.	27 р.	90 к.

Всего остатку отъ 29 рублей 1 руб. 10 коп. (*всторону*). Ободрали деревцо, только-что хотѣло одѣться листиками. А дѣлать нечего, приходится расплачиваться. Пожалуй, позовутъ полицію... хуже будетъ. Изъ чего мнѣ въ чужомъ пиру похмѣлье? (*Вынимаетъ деньги изъ жилета Резинкина*). На мѣсто денегъ положу роковой счетецъ—пусть повѣритъ. Бѣдный Резинкинъ! что будетъ съ тобою завтра. (*Половому*). Вотъ деньги. Сдачи и извозчика! (*Поднимаетъ*

Резинкина и беретъ его въ охапку). О, горе намъ! о, страшная для насъ невзгода!

Половой (*встороиу*). Хоть бы слѣпой гривенникъ на водку! (*Занавѣсъ опускается*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежняя комната въ домѣ столяра.

Груня (*одна*). Отецъ не ночевалъ дома. Видно, гдѣ-нибудь досталъ денегъ; опять задатокъ получилъ и опять прогуляетъ. Доживемъ до бѣды! Да и Александръ Парфенычъ не приходилъ вчера. Что-то сердце вѣщунъ такъ и ноетъ... А узнать не отъ кого. (*Садится за работу*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Груня и Поддевкина.

Поддевкина. Богъ помочь! одна-одинехонька, моя голубка, и все за работой?

Груня. Благодарю васъ, Мавра Львовна!.. Намъ, бѣднымъ людямъ, грѣхъ сидѣть сложа ручки. Вотъ и ваша дочка немного отдыхаетъ.

Поддевкина (*шаря вездѣ и все разсматривая*). Ну, моя Прасковья Степановна дѣло иное; между нами сказать, можетъ скоро совсѣмъ работу бросить да орѣшки пощелкивать: пора! Она у меня приданница богатая. Триста цѣлковыхъ у ней въ Приказѣ, полторасто на свадьбу въ сундукѣ припасено, а платьевъ дареныхъ не перечтешь, словно у какой графини. Да что, мать моя, у тебя платочекъ на плечикахъ новенькій?

Груня. Вы видали его ужъ на мнѣ.

Поддевкина. Охъ, охъ! нельзя, кровь своя! А тружусь, родная, въ потѣ лица. Посидѣть ли около больной,

мухъ обмахивать, гробовой ли уборъ припасти да поплакать по покойникѣ или покойницѣ, приданое ли закупить, али вѣсточку горяченькую по секрету передать, — вездѣ, все я, Мавра Львовна Поддевкина. Никто лучше меня не угодитъ. Грѣхъ таить, и побранить кого надо за своихъ благодѣтелей, побраню... разругаю, въ грязь втопчу... не трогай нашихъ! А все по большимъ, знатнымъ домамъ! (*Подойдя къ шкапу*). Что это у тебя, голубушка, между нами, носикъ у чайника отбитъ?

Груня. Отбитъ, Мавра Львовна.

Поддевкина. Что-то ложечки серебряной съ чернью не видать, да изъ трехъ одной чайной?

Груня. Не видать — въ закладѣ.

Поддевкина (*возвращаясь къ Груни*). Вчера былъ у васъ помѣщикъ Подснѣжниковъ?

Груня. Былъ.

Поддевкина. Между нами сказать, онъ тебя такъ расхваливаетъ; по словамъ его, и дѣвицы нѣтъ краше и разумнѣе. Не краснѣй, голубка моя; стыда тутъ нѣтъ никакого: человѣкъ благородный, антересный, 60 душъ, послѣ отца скопидома сундукъ съ деньгами въ кладовой; а ты вѣдь, барышня, дѣвица честная, весь кварталъ про тебя худого слова сказать не посмѣетъ.

Груня. Вѣрю очень, что Подснѣжниковъ человѣкъ не дурной; да меня къ чему тутъ приплетать?

Поддевкина. Къ слову пришлось, матушка, не гнѣвись... Дай Богъ ему подругу пригожую и добрую!.. Ты знаешь, моя Прасковья Степановна шьетъ на него бѣлье...

Груня. Знаю.

Поддевкина. Все голландское, тончайшее, аки паутина, между нами. Угодила-ль ему дочка вчерашнею работою — правда сказать, словно мелкимъ бисеромъ вывела — аль на сиротство ея сжалился, аль по нраву ему пришлись добрыя рѣчи объ тебѣ, возьми, да заплати ей вдвое за работу.

Груня. Видно, вчера такой счастливый день выдался, все подарки были.

Поддевкина. Счастливый? Богъ знаетъ, родная! Иному талантъ впрокъ, другому на погибель. Охъ! охъ!

Груня. Вы такъ тяжело вздохнули, Мавра Львовна, что у меня въ сердцѣ отдалось. Ужъ не съ отцомъ ли что случилось?

Поддевкина. Что ему? Отецъ твой въ деньгахъ, долги платитъ, дерева накупилъ, работниковъ понанялъ да и себя не забываетъ. Кутитъ на-пропалую!

Груня. Гдѣ жъ онъ денегъ взялъ?

Поддевкина. Не хочу грѣшить, не знаю. Нѣтъ, мать моя, я про другого говорила. На кого напасти не бываетъ, да бѣда бѣдѣ бываетъ розь — отъ иной и вѣкъ не опомнишься. Какъ не вздыхать? сиротинка...

Груня (*встороиу*). Сирота?.. ужъ не съ нимъ ли что?

Поддевкина. Только между нами, Груничка, по большому, большому секрету. Коли выйдетъ отъ насъ прежде времени, погубимъ малаго ни за денежку. Вотъ видишь, душа моя, вчера, въ счастливый-то день... пожаловалъ сосѣду твоему. Сашѣ Резинкину, набольшій ихъ тридцать цѣлковыхъ на окопировку...

Груня. Такъ чтожъ?

Поддевкина. А онъ — и прогуляй ихъ.

Груня (*у ней выпадаетъ шитье изъ рукъ*). Прогулялъ?.. Не можетъ статься, Мавра Львовна: онъ не пьетъ вина, всѣ знаютъ... Вѣрно, злые языки распустили.

Поддевкина. Грѣхъ сказать, малый скромный, не пьющій, уважительный такой, все меня мамашей зоветъ... Посватался бы за дочку, обѣими бы руками отдала. Да, видно, нашло вражеское искушеніе!.. А вотъ какъ было дѣло: пойди онъ къ портному съ Ксенофонтомъ Кирычемъ... знаешь, книжникъ, долговязый такой... заказывать одежду, а тутъ подкарауль его сорванцы, писаришки, что ни мелочь, да и утащили его почти силою въ русскій трактиръ.

Сначала водочки... Саша и руками и ногами... нѣтъ таки одолѣли окаянные. Знаешь, человѣкъ не пьющій, много ли надо? Съ одной рюмочки голова пойдетъ кругомъ. А какъ забрало, давай шампанскаго, да шарманку, да цыганъ... Съ хорошенькой цыганкой, говорятъ, и поцѣловался. Только между нами, родная, ради Бога.

Груня (*вставая*). Господи! Господи! какой позоръ! Чай, цѣлый городъ знаетъ; не дошло бы до начальника?

Поддевкина. Всѣ денежки-то и прокути... осталось три двугривенныхъ, сама-таки, сама сочла до полушки.

Груня. Какая бѣда! погубилъ онъ себя.

Поддевкина. Бѣдная мать такъ и разрывается; я сама на вдовьи слезы вдоволь наплакалась, да и моя Прасковья Степановна — кажись, дѣвка что твой дубъ — и та подалась...

Груня. Что-то съ нимъ будетъ?

Поддевкина. Командиръ-то у нихъ строгій, шутить не любитъ. Говорятъ, слово сказалъ, такъ его хоть громомъ ошиби, а ужъ отъ своего не отступится. Важное мѣсто было обѣщано Сашѣ — теперь не видать ему, какъ ушей своихъ! Это еще не бѣда, а толкуютъ, за пьянство и мотовство изъ службы выгонятъ съ худымъ аттестатомъ...

Груня (*всторону*). Нѣтъ, не допущу до этого!.. Я спасу его.

Поддевкина. Мать, старуха горемычная, не переживетъ этой бѣды. Да вотъ и она, голубка, на поминѣ легка (*входитъ Резинкина и сынъ ея*). Можетъ, что между вами... по секрету... не хочу мѣшать: прощай, душа моя!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Груня, Резинкина и Резинкинъ. (*Мать останавливается въ средині комнаты, сынъ остается у дверей*).

Груня. Милости просимъ, сюда, присядьте, дорогая и рѣдкая гостья.

Резинкина. Нѣтъ, не тронусь съ мѣста, пока не простите меня, Аграфена Силаевна. Мнѣ и глаза-то стыдно на васъ поднять.

Груня. Я на васъ не сержусь: вы меня ничѣмъ не обидѣли.

Резинкина. Какъ ничѣмъ? Я ли не позорила васъ съ отцомъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, и все изъ-за этого негодяя? Приношу повинную голову: не сѣки ее по добротѣ души своей.

Груня. Если вы меня бранили, такъ я, конечно, сама огорчила васъ чѣмъ-нибудь. Сынъ вашъ, можетъ-быть, ходилъ къ намъ слишкомъ часто противъ вашей воли, а вы — мать, знаете лучше, хорошо ли это было для него. Поцѣлуемтесь же въ знакъ мировой.

Резинкина (*обнимаетъ ее*). Распрекрасная моя, Аграфена Силаевна, сердечная ты моя Груня! Охъ! кабы выпутать изъ бѣды этого негодяя, назвала бы тебя со всею радостью невѣстушкой своей. Поддевкина здѣсь была, а гдѣ она была, тамъ навѣрно знаютъ про мое несчастіе.

Груня. Знаю все. Молодой человѣкъ покутилъ немного; съ кѣмъ этого не бываетъ! Мы съ вами поправимъ бѣду.

Резинкина. Благодѣтельница моя! Спаси его и меня отъ позора, отъ бѣды неминучей. Ты дѣвушка разумная, ты все разочла, какая злая участь его ждетъ. Деньги далъ главный начальникъ — пропилъ ихъ, прокутилъ съ цыганами, съ лакеями!.. Легче бъ ослѣпнуть и оглох-

нуть... не видала бы, не слыхала бы этого позора! Мужъ мой служилъ весь вѣкъ свой честно, безъ укору, а сына... выгонятъ изъ службы, можетъ статься, хуже что будетъ (*плачетъ*). Онъ сказалъ мнѣ: одна Аграфена Силаевна можетъ спасти насъ. Если хочешь, повалимся оба тебѣ въ ножки.

Груня. Боже сохрани!.. Вы знаете, конечно, отъ сына вашего, что благодѣтельница моя подарила мнѣ пятьдесятъ цѣлковыхъ.

Резинкина. Сказалъ онъ мнѣ.

Груня. Александръ Парѳенычъ! можетъ ли портной сшить вамъ платье въ двое сутокъ... хоть бы заплатить всѣ пятьдесятъ рублей?..

Резинкинъ. Сошьетъ въ однѣ сутки и менѣе, нежели за тридцать рублей серебромъ — честное слово!

Резинкина. Честный человѣкъ, нечего сказать!.. Нѣтъ, мать моя, теперь не дамъ ему денегъ въ руки — вышелъ изъ вѣры. Сама пойду съ нимъ къ портному... (*Слышенъ крупный разговоръ въ сѣняхъ. Мамаевъ входитъ и сквозь отворенную дверь говоритъ*). Говорятъ, приходите завтра, теперь не до работы. Кстати, захватите и дерево орѣховое у купца.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Мамаевъ (*пьяный*).

Груня. Отецъ!.. тсъ!.. (*Резинкиной тихо*) Уложу его, а вы приходите черезъ четверть часа, стукните въ окно, я вамъ подамъ деньги.

Резинкина. Родная ты моя! невѣстушка ты моя дорогая!

Резинкинъ (*подойдя къ Грунѣ*). Что мнѣ сказать? Языкъ не двигается... Накажи меня Господи, если я когда забуду, что вы для меня нынче сдѣлаете.

Груня. Съ вами я тогда буду толковать, когда вы отъ начальника явитесь ко мнѣ въ новомъ платьѣ.

Мамаевъ. Эги зачѣмъ?.. Опять браниться? Баба-яга?

Резникина. А вотъ на зло вамъ, Силай Ермилычъ, мы поцѣлуемся съ твоей и моей дочкой, да вотъ какъ! (*Обнимаетъ крѣпко Груню и уходитъ съ сыномъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Мамаевъ и Груня.

Мамаевъ. Видно, мировая... давай Богъ! Сашка славный малый!.. Поцѣлуй и ты меня, Груня. (*Цѣлуетъ дочь*). Хмѣленъ, душа моя, виноватъ, больно виноватъ... (*Плачетъ*). Въ послѣдній разъ... Спать иду, а завтра... за работу... и денежки скоро всѣ твои отдамъ... отдамъ, говорю тебѣ. (*Шатаясь уходитъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Груня (*одна*). Слава Богу, ушелъ скоро!. (*Идетъ къ шкапу, потомъ къ двери, въ которую вошелъ отецъ, и прислушивается*). Заснулъ... (*Возвращается къ шкапу и вынимаетъ ключъ изъ кармана*). Какъ руки трясутся, точно чужое добро беру. Отчего-жъ?... отдаю съ радостію!.. Можетъ-быть, и отъ большой радости!.. Судьба моя и его въ этихъ деньгахъ. (*Отпираетъ ящикъ въ комодѣ и потомъ вынимаетъ шкатулку*). Сердце стучитъ, какъ маятникъ!.. Смѣлѣй, дурочка!.. (*Отпираетъ шкатулку*). Не долго сидѣли въ клѣткѣ, пташки мои; ступайте на волю, гуляйте себѣ!.. (*Ищетъ деньги въ шкатулкѣ; сильный испугъ изображается на лицѣ ея*). Помню, хорошо, тутъ положила...

подлѣ завѣтнаго колечка... кольцо цѣло... Деньги?.. Гдѣ мои деньги?.. (*Роняетъ шкатулку и стоитъ нѣсколько минутъ, какъ безумная; придя въ себя, горько плачетъ*). Отецъ!.. Ты это сдѣлалъ... (*Немного погодя слышенъ стукъ въ окно, она встрепенулась, и долго, озираясь, прислушивается; опять стучатъ въ окно*). Они!.. Идутъ!.. Что сказать?.. Укралъ у дочери деньги?.. Разойдется по всему городу... Нѣтъ, скроемъ... онъ все-таки отецъ мой. (*Поднимаетъ шкатулку и прячетъ въ комодъ, который второпяхъ не плотно притворяетъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Груня, Резинкина и Резинкинъ.

Резинкина. Мы постучались... подождали... опять постучались... не подаешь голоса! Посмотрѣли въ окошко ты одна... потолковали, да и вошли къ тебѣ. Да что съ тобою?.. У тебя и языкъ отнялся... стоишь словно громомъ тебя пришибло.

Резинкинъ. Что съ вами, Аграфена Силаевна? Ради Бога, скажите.

Груня. Ничего... такъ...

Резинкинъ. Не подать ли холодной воды? не сбѣгать ли за лекаремъ?

Резинкина. Спрыснуть бы ее; не сглазилъ ли кто?

Груня. Нѣтъ, мнѣ ничего не надо. Чего вы хотите?..

Резинкина. Груня, душа моя, неужели ты забыла? Такъ скоро?.. Вспомни, сама обѣщала... деньги...

Груня. Деньги?.. Да... забыла... нѣтъ, не забыла, только...

Резинкина. Чтожъ только?

Груня. Не знаю... какъ вамъ сказать.

Резинкина. Раздумала, что-ли? жаль, что-ли, стало?

Резинкинъ. Вспомните, я погибъ... спасите меня... на колѣнахъ васъ умоляю... (*Становится на колѣни*).

Груня. Спасти... не могу...

Резинкина. Тронься, каменное сердце!

Груня. Говорятъ вамъ, не могу.

Резинкина. Вотъ добрая-то душа! вотъ невѣстушка дорогая! сама вызвалась... и такая и сякая... все, что у меня есть, то ваше... себя отдамъ... Славно сыграла камедь! А я еще хотѣла у ней ручку поцѣловать! этого и адская эхидна не сдѣлаетъ.

Груня. Богъ свидѣтель, не могу.

Резинкина. Встань, негодяйка!.. Твоя вѣдь любезная!.. Съ этого дня чтобъ и ноги твоей не было въ этомъ домѣ; не то прокляну тебя.

Резинкинъ (*вставая*). Такъ вотъ ваша любовь, ваши обѣщанія! Нѣтъ, вы меня никогда не любили. Сжальтесь, я погибаю... (*Груня качаетъ головой*). Нѣтъ отвѣта.

Груня. Нѣтъ.

Резинкина. Пойдемъ отсюда: мы найдемъ и безъ нея. У насъ уже полажено съ Поддевкиной; пришла къ этой, хотѣла только Сашеньку потѣшить. Та хоть благородная, наша сестра; а эта... видно, изъ мужичекъ.

Резинкинъ. Слышите... чтобы спасти меня, я рѣшусь исполнить волю матери моей... слышите, Прасковья Степановна будетъ моей женой... Все ни по чемъ!.. Такъ прощайте, Аграфена Сплаевна, прощайте, и навсегда. (*Уходитъ рыдая за матерью*).

Груня (*остается нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ*). Меня бьетъ лихорадка... въ глазахъ мутитъ... (*Идетъ, шатаясь, сначала къ правой двери*). Нѣтъ, не туда... тамъ отецъ мой; (*поворачиваетъ къ лѣвой двери*) сюда, въ темный чуланъ, въ твою спальню, барышня!.. Умираю... помогите! (*Въ изнеможеніи падаетъ у двери; на ея крикъ прибѣгаетъ полусонный Мамаевъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Груня и Мамаевъ.

Мамаевъ. Я слышалъ крикъ... звали на помощь... Не во снѣ, нѣтъ, почуяло сердце... Груня! гдѣ ты?.. Валяется на полу... Она!.. Жива ли еще?.. Узнала, что пьяница-отецъ укралъ у ней послѣднее добро... вѣдь хрупкое созданіе, какъ воскъ... долго-ль до грѣха? (*Становится передъ Груней на колѣни, беретъ ее за руки, цѣлуетъ ихъ*). Груня, голубка моя, дитятко мое дорогое! промолви хоть словечко... Не подаетъ голосу, не шевельнется... Ужъ не убилъ ли я ее?.. Отецъ милосердый! сжалься надъ ней, не для меня, окаяннаго... а для нея... Вѣдь агнецъ чистый, непорочный, ангельская душа!.. Дай еще ей пожить на бѣломъ свѣтѣ и увидѣть красные денечки... и коли я съ нынѣшняго часа возьму въ ротъ хоть каплю проклятаго зелія, разразись надъ моей головой всѣми лютыми бѣдами; пусть умирать буду безъ покаянія, пусть бросятъ меня въ глухую трущобу, какъ зачумленную собаку, и воронья расклюютъ меня. Слава Богу! сердце бьется... Побѣжать къ лекарю... къ добрымъ людямъ... Помогите, помогите... отецъ убилъ родную дочь свою! (*Убѣгаетъ*).

АКТЪ III.

Комната, порядочно убранная, въ квартирѣ Поддевкиной.

ЯВЛЕНІЕ I.

Поддевкина и Прасковья Степановна. (*Поддевкина убираетъ дочь передъ зеркаломъ, охорашиваетъ ея платье, пришпиливаетъ ей цвѣты къ головѣ и къ груди, подрумяниваетъ ей щеки*).

Поддевкина (*встороиу*). Экая счастливая оказія! Будто съ неба упалъ женишокъ: нечего было долго думать, разомъ ударили по рукамъ. Господь далъ бы сбыть ее... (*Вслухъ*). Скорѣй, скорѣй, Прасковья Степановна!

Прасковья Степановна. Что вы такъ погоняете? Точно машину по чугункѣ. Не дадутъ порядочно и одѣться.

Поддевкина. Вѣдь женихъ скоро будетъ.

Прасковья Степановна. Вольно-жъ такъ скоро!.. я и поплакать не успѣла.

Поддевкина. Чего плакать? надо радоваться, что выходишь за добраго человѣка; ты ужь дѣвка на возрастѣ... тридцать годковъ стукнуло.

Прасковья Степановна. Время нашли тутъ годы считать. Вамъ не страшно — не вы выходите. Да не полюдски все дѣлается у насъ, и сватанье и свадьба въ одинъ день.

Поддевкина. Нельзя иначе... Ужъ я и денегъ дала за руки на свадьбу пятьдесятъ цѣлковыхъ, да пятьдесятъ въ руки жениху на окопировку. А то не ровенъ случай, недобрые люди разобьютъ... пожалуй, денежки пропадутъ, да и ты останешься навѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть, между нами.

Прасковья Степановна. Не хочу, не хочу!.. Не даромъ же шелковыя платья да салопы лежатъ въ сундукѣ, когда-нибудь надѣть надо. (*Немного погодя*). Да какъ же онъ все ухаживалъ за Груней, что барышней слыветъ?

Поддевкина. Это только для блезира. А мнѣ Александръ Парѳенычъ признался, что влюбленъ въ тебя по уши.

Прасковья Степановна. И впрямь, маменька; какъ онъ на масляницѣ танцовалъ со мною польку-трамбловочку, я было поперхнулась ножкой, онъ и подхвати меня, да и пожалъ мнѣ ручку. Всю ночь не спала.

Поддевкина. Вотъ вздишь.

Прасковья Степановна. Чтожъ, маменька, цѣловаться мы будемъ теперь?

Поддевкина. Когда я тебѣ скажу, можно будетъ.

Прасковья Степановна. Ха, ха, ха!.. Ха, ха, ха!..

Поддевкина. Чтожъ ты, дурочка, смѣешься?

Прасковья Степановна. Да какъ же не смѣяться? вѣдь я ни съ однимъ мужчиной еще не цѣловалась. А онъ такой хорошенькій.

Поддевкина. Ты бы, душа моя, брови фиксатурчикомъ...

Прасковья Степановна. Подите вы съ вашей сажей! И такъ шпилекъ вездѣ натыкали да ваты съ пудъ напихали. Станете меня мучить, такъ и расплачусь... вотъ вамъ и свадьба!

Поддевкина. Не сердись, Прасковья Степановна, я такъ... для твоего жъ добра.

Прасковья Степановна. А что? чай Груня разорвется отъ досады?

Поддевкина. Груня—хорошенькая, добрая дѣвушка, да ему не пара. Вотъ ей бы къ помѣщику Подснѣжникову.

Кухарка (*вбѣгаетъ впопыхахъ; она одѣта неопрятно, рукава у ней засучены за локти, платье за поясъ вздернуто, на ногахъ нѣтъ башмаковъ*). Женихъ! женихъ пріѣхалъ! (*Всѣ суетятся; убираютъ стклянки, баночки и прочее съ туалета*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Резинкина и Резинкинъ. (*При входѣ Резинкиныхъ, Прасковья Степановна уморительно приседаетъ; Резинкинъ блѣденъ и грустенъ*).

Поддевкина. Просимъ пожаловать, дорогіе гости, просимъ покорно. (*Усаживаетъ Резинкину на диванъ*). А вы женишокъ съ невѣстой, сядьте здѣсь рядкомъ (*показываетъ на два стула*), да и познакомьтесь поближе — поворкуйте другъ съ другомъ, между нами сказать.

Резинкина. Каковъ Сашенька-то мой! Посмотрите, окопировался (*повертываетъ сына на всѣ стороны*). Кстати нашли готовую пару у товарища его...—только-что съ иголочки, да портной сузилъ; а моему пришлась, точно по немъ сшита.

Поддевкина. Молодецъ хоть куда! Парочка славная!

Резинкина. Ужъ за-одно, Мавра Львовна, поздравьте съ благодатью Божьею и съ милостью начальнической. Опъ ужъ являлся къ набольшему своему въ новой формѣ. Вотъ, говоритъ, люблю аккуратность! Тутъ же поздравилъ его письмоводителемъ въ станъ.

Поддевкина. Слышите, Прасковья Степановна, твой будущій сожитель какой чинъ получилъ.

Прасковья Степановна. Поздравляю васъ съ большимъ чиномъ, Александръ Парѳенычъ; дай Богъ вамъ быть генераломъ! (*Резинкинъ молча откланивается*).

Резинкина. Сашенька и позволеніе выпросилъ у набольшаго своего на законный бракъ. Сначала было осерчалъ, расходился. «Молокососы, — говоритъ, — а туда-жъ спѣшатъ жениться. У васъ, приказныхъ, ужъ такой обычай. Жалованье небольшое, а тамъ надо нарядовъ женѣ, дѣти поѣдутъ, и начнутъ себѣ...» Тутъ онъ показалъ что-то рукою... «А коли неудача, примутся съ горя пить». Потомъ узналъ, что приданое есть у невѣсты, спросилъ званіе, имя и отчество нареченной.

Поддевкина. Слышишь, Прасковья Степановна, его превосходительство удостоилъ спросить имячко твое?

Прасковья Степановна. Вотъ, мамушенька, вы все мнѣ глаза кололи: сиди въ дѣвкахъ!.. а вотъ и высидѣла.

Резинкина. Смягчился онъ, да и говоритъ: «ну, съ Богомъ! По-крайности, локти не будутъ худы; жена зашивать станетъ». Ей-Богу, такъ!

Поддевкина. Слышишь, Прасковья Степановна?

Прасковья Степановна. Почему жъ? Для любезнаго человѣка все можно-съ.

Резинкина. Кланяйся, Сашенька, да ручку поцѣлуй.

Резинкинъ (*поцѣловавъ руку, встороиу*). Какая веленевая ручка у Груни была!.. а у этой словно оберточная бумага.

Резинкина (*Поддевкиной*). Мнѣ слова два съ тобою по секрету.

Поддевкина. Коли по секрету, такъ между нами, родная.

Резинкина. Послѣ рѣчей его превосходительства, надо бы рубликовъ пятьдесятъ накинуть на свадебныя издержки. Вѣдь, за здоровье такой важной персоны не подашь цымлянскаго! Вспомни, мать моя, Анна Семеновна Липина будетъ у тебя поѣзжаною дамой.

Поддевкина. Что ты, родная, пятьдесятъ?.. Легко вымолвить, да не легко добыть. Билетъ Парашинъ, воля твоя, трогать не буду. Неровенъ часъ, между нами сказать, мы всѣ подъ Богомъ ходимъ: какъ Александръ Парѳенычъ ножки вздумаетъ протянуть, надо чѣмъ-нибудь молодой вдовѣ пропитываться. Ну ужъ куда ни шло, десятокъ для его превосходительства!

Резинкина. Воля твоя, хоть сорокъ.

Поддевкина. Ну еще десятокъ приложу для Анны Семеновны: барыня добрая!

Резинкина. Капитанское слово, не отступлю на волосъ!

Поддевкина. Куда ты упряма, Богъ съ тобою! Ну ужъ, будь по твоему. Теперь женихъ съ невѣстой можете и поцѣловаться.

Прасковья Степановна (*крѣпко цѣлуетъ три раза жениха, обхвативъ его шею одной рукой*). А помните, Александръ Парѳенычъ, какъ мы съ вами трамбловочку въ маскерадѣ плясали, я было ножкой поперхнулась, а вы меня подхватили, да и ручку мнѣ пожали.

Резинкинъ. Не припомню-съ.

Прасковья Степановна. А я такъ не забыла. Послѣ того всю ночь во снѣ видѣла васъ: проснулась, а васъ нѣтъ, инда съ сердцовъ подушку отпихнула. Теперь я ужъ какой хотите танецъ пройду съ вами безъ запинки... вѣдь меня учила Груня, столярова дочь, что барышнею зовутъ.

Резинкинъ. Съ чѣмъ васъ и поздравляю. (*Встороиу*) Все она! вездѣ она! какъ нарочно дразнятъ меня.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Разнесенскій.

Разнесенскій (*вбѣгая*). Великое происшествіе!.. Несчастное событіе!.. просто, драма!

Всѣ. Что такое? что такое?

Поддевкина. Какая же это дама?.. здѣшняя, или пріѣзжая? Замужняя, вдова, есть ли дѣти, сколько дѣтей? Говори, батюшка, говори скорѣй.

Разнесенскій. Эхъ, Мавра Львовна! какая дама! Несчастная исторія съ дѣвицей... Позвольте сначала съ духомъ собраться. Не мнѣ бы разсказывать: для такого высокаго предмета нужно и великое краснорѣчіе. Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ градъ стоитъ, — что я говорю? — со временъ Римской имперіи такого происшествія не бывало.

Поддевкина (*впопыхахъ*). Соломонида! Соломонидка! Шлюха! салопъ скорѣй!.. пойти, побѣжать, разсказать Кривлякиной, да завернуть къ Мордохиной на Петербургскую, да махнуть къ Простоквашиной на Московскую.

Резинкина. Въ умѣ ли вы, Мавра Львовна? вспомните, послѣ вечерень свадьба: до вѣстей ли теперь?

Поддевкина. Жаль, а то безъ меня кто такъ скоро по городу разнесетъ, а я бы, между нами, какъ птица, какъ птица... Говорите же, Ксенофонтъ Кирычъ, что такое случилось?

Разнесенскій. Вы, навѣрно, не знаете, что у Аграфены Силаевны украли пятьдесятъ рублей серебромъ.

Резинкинъ и Резинкина. Украли?

Поддевкина. Вотъ опростоволосилась въ первый разъ; и подлинно не знала. А была у ней, цѣлый часъ, дура, сидѣла!.. Стара ужъ становишься, Мавра Львовна.

Разнесенскій. Вчера приходили къ ней двѣ особы за нѣкіимъ денежнымъ пособіемъ... умолчу имена ихъ...

пускай потонутъ они во мракѣ неизвѣстности!.. Деньги ужъ были похищены... уста мои коснѣютъ произнести имя похитителя... это былъ — отецъ ея!

Всѣ. Отецъ!

Разнесенскій. Когда она узнала это, добрая, великодушная дочь не хотѣла вести родителя своего на позорище свѣта: она скрыла преступленіе въ глубинѣ души своей. Между тѣмъ, двѣ вышереченныя особы, которыя ожидали отъ нея спасенія, не получивши его, извергли на нее потокъ оскорбленій, и прочее, и прочее.

Резинкинъ (*плачетъ*). Груня!.. Мать, что мы сдѣлали съ тобой?

Резинкина (*тихо сыну*). Сумасшедшій!.. Помни, что между тобой и ей стоитъ ужъ алтарь Божій.

Поддѣвкина. Какъ же узнали, что деньги укралъ пьяница Ермилычъ?

Разнесенскій. Аграфена Силаевна повержена была на одръ болѣзни; отецъ сдѣлалъ во всемъ признаніе; онъ выбѣжалъ изъ дому, какъ помѣшанный, и хотѣлъ было броситься въ рѣку. Къ счастію, скоро попался ему на встрѣчу молодой помѣщикъ Подснѣжниковъ, успокоилъ его, поскакалъ съ нимъ за лекаремъ и привезъ обоихъ въ своемъ экипажѣ на квартиру Мамаева. Лекарь возвратилъ умирающую къ жизни. Къ довершенію своего благодѣтельнаго поступка, Подснѣжниковъ, сей рыцарь чести, предложилъ благородной, великодушной дѣвицѣ не только пятьдесятъ рублей, — вдесятеро, если ей нужно.

Поддевкина. Чай, дѣвчонка-барышня радехонька была денежкамъ.

Разнесенскій. Нѣтъ, вы ошибаетесь. Это дѣвица героиня: она не бросается на деньги, для которыхъ нѣкіи особы готовы забыть и стыдъ и совѣсть. Она поблагодарила господина Подснѣжникова, называла его благороднѣйшимъ человѣкомъ, но денегъ не взяла и сказала только: поздно!

Резинкинъ (*матери тихо*). Слышите ли? Я отступлюсь отъ этой... воля ваша, отступлюсь... пойду къ ней просить прощенія, буду валяться въ ногахъ ея.

Резинкина (*тихо ему*). Дуракъ! болванъ! гдѣ мы возьмемъ деньги Поддевкиной отдать? Вспомни, чье платье на плечахъ твоихъ? А какъ пойдутъ къ генералу твоему, да стащутъ тамъ съ тебя...

Резинкинъ. Не слушаюсь никого. Пускай стащутъ съ меня платье, за которое я было продался... я и самъ сброшу его... пускай выгонятъ меня изъ службы. Отказываюсь отъ этой невѣсты, она мнѣ противна. Иду къ Грунѣ. Лишь бы она простила меня.

Разнесенскій. Воскресаютъ героическія времена! (*Уходятъ; всѣ оставшіяся на сценѣ лица стоятъ нѣсколько минутъ безмолвно*).

Поддевкина. Ну что, капитанша, между нами?

Резинкина. Срѣзалъ мою головушку, да я... не даромъ мать. Идемъ къ главному начальнику, я и сына непокорнаго не пожалѣю.

Поддевкина. Идемъ: не пропадать же моимъ денежкамъ. И у насъ благодѣтели есть, и Кривлякины, и Мордохины, и на Московской, и Простоквашины на Петербургской. Не круглая же я сирота! (*Дочери*). Не кручинься, Параскевія Степановна: будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. (*Уходитъ съ Резинкиной*).

Прасковья Степановна. Нѣтъ, такова ужъ моя горемычная доля; знать, мои шелковыя платья и салопы спрятать опять въ сундукъ. (*Плачетъ; занавѣсъ опускается*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Комната въ квартирѣ столяра.

Груня, Подснѣжниковъ *и къ концу явленія* Резинкинъ.

Груня. Благодарить ли васъ, добрый, благороднѣйшій Владиміръ Петровичъ? Вы спасли мнѣ жизнь, да на что она мнѣ теперь! Я вамъ давеча открыла сердце свое.

Подснѣжниковъ. Полноте сокрушаться. Вы еще такъ молоды, начали жизнь только бѣдностью, горемъ, измѣною... васъ ждетъ еще впереди любовь человѣка, который будетъ умѣть цѣнить ваши достоинства, для котораго ваше слово будетъ закономъ, ваши радости его счастіемъ. Послушайтесь меня: забудьте все прошедшее, довѣрьтесь моей любви... уѣдемте отсюда, въ мою деревню. Клянусь, я посвящу вамъ жизнь свою... успокою старость вашего отца.

Груня. Не хочу васъ обманывать: я люблю васъ, какъ моего благодѣтеля, если позволите, какъ брата, но не болѣе... сердце дважды не любитъ.

Подснѣжниковъ. Все романическія мечты! Любимый человѣкъ, хижина, ручеекъ, вѣнки изъ цвѣтовъ, все это хорошо только въ романахъ и пѣсняхъ. Сами послѣ скажете, что это вздоръ, бредъ, что кромѣ любви въ жизни нужна и существенность, то есть деньги.

Груня. Деньги, да!.. Но все это хорошо съ тѣмъ, кого любишь.

Подснѣжниковъ. Подумайте, что̀ за человѣкъ, кого вы полюбили... неучъ, необтесанный, который покинулъ васъ, — изъ чего жъ? — изъ тридцати рублей, изъ новаго платья... Неужели онъ васъ выше не цѣнилъ?

Груня. Правда, изъ тридцати рублей! Онъ поступилъ со мною дурно, очень дурно... въ немъ ошибалась; но не могу, не въ силахъ перемѣниться.

Подснѣжниковъ. Вотъ рѣдкое великодушіе!.. Мнѣ жаль васъ. Въ то самое время, въ ту самую минуту, когда вы говорите о любви своей къ нему (*входитъ Резинкинъ и останавливается у двери, не замѣченный Груней и Подснѣжниковымъ*), онъ любуется своимъ новымъ платьемъ, сидитъ подлѣ своей нареченной, цѣлуется съ нею... шаферъ пріѣхалъ звать ихъ въ церковь... Вотъ они идутъ...

Груня. Въ церковь?.. Гдѣ, гдѣ вы видите? (*Бросается къ окну*). Да... да... идутъ къ вѣнцу... вонъ... (*Указываетъ рукой; немного погодя*). Нѣтъ, я ничего не вижу... мнѣ почудилось... вы меня обманули... Вѣдь, это неправда?.. Ради Бога, скажите, это неправда!

Резинкинъ. Неправда! этотъ горемычный не любуется своимъ новымъ платьемъ, не цѣлуется съ дурой-невѣстой, не пошелъ съ нею въ церковь и не пойдетъ... Онъ пришелъ сюда, въ своемъ старомъ сюртукѣ съ худыми локтями, пришелъ вымолить кровавыми слезами прощеніе у ногъ вашихъ, Аграфена Силаевна, а потомъ — буди воля Божія!.. Груня, вспомни нашу прежнюю любовь...

Груня. Александръ Парѳенычъ... Саша, тебя ли я вижу?.. дай мнѣ образумиться... Такъ, это ты; ты не женишься на другой; ты меня любишь попрежнему?..

Резинкинъ. И не переставалъ васъ любить. Я думалъ, что вы сами перемѣнились. Не знаю, что со мною было... я съ ума сходилъ.

Груня. Все забыто, все!.. Вотъ видишь, деньги пропали; но твое завѣтное колечко цѣло, здѣсь все это время лежало на груди моей, у сердца моего...

Резинкинъ (*встороны*). О! теперь я ожилъ!

Груня. Подите же сюда, сюда... (*Садится на стулъ и навертываетъ Резинкину на руку мотокъ нитокъ*). Возьмите этотъ мотокъ на руки... такъ... я хочу еще быть счастлива, попрежнему... Разскажите, какъ мы поѣдемъ съ вами на даровой подводѣ въ свой станъ.

Резинкинъ. Вотъ, Аграфена Силаевна... мы... ѣдемъ... ѣдемъ... въ свой станъ... мужики и бабы... для васъ ягодки... колокольчикъ... Къ начальнику?.. солдать!

Груня (*испуганная, встаетъ*). Вы сказали, солдатъ? Что такое?.. Ужъ не въ самомъ дѣлѣ?

Резинкинъ. Нѣтъ, нѣтъ, Аграфена Силаевна, я все еще въ бреду... дайте мнѣ собраться съ духомъ, съ мыслями...

Подснѣжниковъ (*встороиу*). Полно мнѣ играть здѣсь глупую комедію! Неужели этотъ Резинкинъ будетъ благороднѣе меня?.. (*Вслухъ*). Жаль мнѣ васъ стало, друзья мои! Иду къ начальнику твоему, Резинкинъ, и буду стараться выкупить тебя изъ бѣды и устроить ваше счастіе. Можетъ-быть, есть еще время. (*Уходитъ*).

Груня (*вслѣдъ ему*). О, будьте великодушны, спасите его! Если бы не стыдно было, я сама бы пошла.

ЯВЛЕНІЕ V.

Груня, Резинкинъ и Муха.

Муха. Его превосходительство прислалъ меня къ тебѣ, Александръ Парѳенычъ, и приказалъ тебѣ явиться къ нему.

Резинкинъ. Ты не знаешь, за чѣмъ? что тамъ дѣлается?

Муха. Просто, какъ на пожарѣ. Тамъ была у него мать твоя, Поддевкина, отецъ Аграфены Силаевны. Крикъ, брань, плачъ, не поймешь ничего. Не сладитъ съ ними и самъ начальникъ: говоритъ, лучше имѣть дѣло съ чортомъ, чѣмъ съ сердитыми бабами. (*Тихо Груня, мигая ей*). Не пугайтесь, Аграфена Силаевна; повѣрьте, нашъ братъ изъ воды сухъ вынернетъ. (*Резинкину тихо*) Лососинину и

Гривенничкину велѣно подать въ отставку; наша судьба съ тобой виситъ на волоскѣ; лакей, что былъ въ трактирѣ, все разсказалъ своему барину.

Резинкинъ. О! я пропалъ... прощай, Груня!

Груня (*удерживая его, Муху*). Ради Бога, скажите, что̀ тамъ такое: не томите.

Муха. Не дерзаю говорить ни хорошаго, ни дурного, самъ ничего не вѣдаю.

Груня. Александръ Парѳенычъ! если судьба ваша зависитъ отъ меня, простимся... ступайте къ своей невѣстѣ, поведите ее къ вѣнцу и — будьте счастливы.

Резинкинъ. Нѣтъ, лучше пропадай моя голова! (*Входятъ Мамаевъ и Резинкина*).

Муха. Вотъ эти должны знать больше меня.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Мамаевъ и Резинкина.

Мамаевъ (*тихо Резинкиной*). Смотри у меня, языкъ на привязи. (*Громко*) А, красноперый ужъ здѣсь! Вонъ, вонъ; да кстати, возьми съ собой и дочь мою... Неугомонная! видно, съ нею не сладишь. Груня, поцѣлуйся съ нимъ... я тебѣ приказываю, поцѣлуй жениха своего. (*Груня и Резинкинъ колеблются*). Ну, сватья, прикажи ужъ и сыну своему... вишь, какъ его напугала, не смѣетъ безъ твоего капитанскаго приказа.

Резинкина. Благословляю тебя, Сашенька. (*Груня и Резинкина цѣлуются*). Господь поладилъ все къ лучшему. Поди ко мнѣ, Груня, дочка моя, помиримся, да ужъ и навсегда. (*Обнимаетъ ее*). Чтобъ о старомъ и помину не было!

Груня. Боже мой! не во снѣ ли это вижу! (*Бѣжитъ обнимать отца*).

Резинкинъ. Боюсь обезумѣть отъ счастія.

Мамаевъ. Нѣтъ, братъ, отъ счастія съ ума не сходятъ.

Муха. Говорите же, какъ это дѣло имѣло теченіе.

Мамаевъ. Разскажу все по порядку, только не сбивайте меня. И безъ того здѣсь и тутъ (*показываетъ на голову и сердце*) будто жернова мелютъ. — Вотъ видишь, Груня: смотря на твои слезы, у меня въ груди больно разгорѣлось. Быть бѣдѣ, подумалъ я, изнываетъ она, сердечная, словно зажженная лучинушка на вѣтру; пожалуй, наложитъ на себя руки. Эхъ, говорю я самъ съ собой: у набольшого-то командира есть дѣти—есть у него и сердце; паду ему въ ноги, да и раскрою передъ нимъ душу свою. Прихожу, а у него, говорятъ, такой обычай, коли кто изъ простого народа пришелъ, такъ веди его перваго къ нему, хоть бы графы и князья дожидалися. Тутъ шмыгъ ко мнѣ какой-то бойкій лакей и говоритъ мнѣ: «ступай смѣлѣе; я разсказалъ барину все, что было въ трактирѣ, онъ на вашей сторонѣ». Вотъ я и взошелъ... а у самого жилки трясутся. Слышу, Поддевкина кричитъ: опозорилъ дѣвку, вели, батюшка, къ вѣнцу вести, не то лобъ забрить обманщику, озорнику. А эта... (*показывая на Резинкину*) говорить ли, сватья.

Резинкина. Не мути души моей; сказано, чтобъ о прошломъ и помину не было.

Мамаевъ. Быть такъ. Спрашиваетъ меня набольшій-то: «у тебя дочка барышня?» А голосъ-то у него такъ въ душу теплою струею и льется. — Зовутъ ее барышней, ваше превосходительство, а доля у ней хуже крестьянской. — «Любитъ ли она Резинкина? будетъ ли съ нимъ счастлива?» спрашиваетъ меня. — Души другъ въ другѣ не чаютъ; а гдѣ любовь, тамъ и счастіе,—говорю я. Знаешь, Груня, вспомнилъ прошлые золотые деньки мои съ покойной твоей матерью. Тутъ онъ повелъ рѣчь къ ней (*указавъ на Резинкину*): говори, сватья!

Резинкина. Только-что вымолвилъ: Старушка! да положилъ руку мнѣ на плечо, я ужъ готова была пасть ему въ ноги, да сказать: повели, батюшка, ваше превосходительство, все сдѣлаю въ твою угоду. — «Старушка, говорилъ онъ, что вложено рукою Божьей въ сердце, того не вырветъ человѣческая воля. Благословп-ка сына своего на союзъ съ барышней; я у него самъ буду отцомъ посаженымъ. А ты, госпожа Поддевкина, перестань тревожить ихъ; вотъ тебѣ, между нами, сто рублей за твои убытки. Дочкѣ твоей постараемся сыскать женишка, да постепеннѣе: этотъ ей не пара, — озорникъ и вѣтренникъ».

Резинкинъ. Могъ ли я ожидать такой благодати!

Груня. Матушка, ты *тамъ* вымолила для меня эти радости!

Мамаевъ. Въ глазахъ у меня отъ слезъ помутилось, инда не помню, что было послѣ того. Только, какъ выходилъ я отъ начальника, было у меня на умѣ отблагодарить слугу, угостить его въ трактирѣ, да... вспомнилъ свое заклятіе. Смекнулъ, нечистый хочетъ со мною шутку сшутить, плюнулъ... а тутъ, будто изъ земли выросъ, стоитъ передо мною офицеръ при шпагѣ, сунулъ мнѣ двѣ грамотки въ руку и говоритъ: отдай ихъ Резинкину. Вотъ читай, не про меня писано.

Резинкинъ (*развертывая бумаги*). Одна объ опредѣленіи меня письмоводителемъ къ становому, другая... разрѣшеніе на мою свадьбу съ дѣвицей Мамаевой, по прозванію барышня. Вотъ теперь-то «ѣхалъ чижикъ въ лодочкѣ!»

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Липина и Ваничка (*съ огромною корзиною въ рукахъ*).

Липина. Я знала, что найду васъ всѣхъ въ радости. Но, какъ сказала мадамъ де-Севинье въ образцовыхъ пись-

махъ своихъ къ дочери: добро не надо дѣлать въ половину. Съ помощію моихъ знакомыхъ, собрала я на ваше домашнее заведеніе сто руб. серебромъ, да Подснѣжниковъ, отыскавъ меня, положилъ столько же въ твою свадебную корзинку. Тутъ же найдешь и богатыій подвѣнечный нарядъ. Обними меня, Груня, дочка моя, дитя моего сердца!

Груня. И всегда ваша, моя добрая, вторая мать!

Липина. Мое воспитаніе тебѣ пригодится; какъ я тебя передѣлала, такъ передѣлаій и муженька своего.

Резинкинъ (*разсматривая въ корзинѣ свадебный нарядъ*). Вотъ теперь-то, Аграфена Силаевна, поведу васъ къ вѣнцу, въ кружевахъ, въ увалѣ, въ фалборахъ и поѣдемъ въ своій станъ...

Липина. Въ моеій коляскѣ.

Мамаевъ. Благодарю Тебя, милосердый Боже! Ты услышалъ мою молитву... Смотри жъ, старикъ, не забудь своеій клятвы, не наклич новоій бѣды на голову дочери.

ГОРБУНЪ

ДРАМА ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ

(1829 года)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павелъ Ивановичъ Кремоновъ, помѣщикъ.
Вѣра Павловна, дочь его.
Аполлонъ Павловичъ, сынъ его, горбунъ.
Александръ Андреевичъ Радугинъ, отставной гвардіи полковникъ.
Елисавета Андреевна, сестра его.
Гаврила Силаевичъ Мошнинъ, купецъ.
Каспаръ Ивановичъ Шафъ, бывшій гувернеръ въ домѣ Кремонова.
Остановъ, предводитель дворянства.
Громодеринъ. } помѣщики.
Курилкинъ. }
Шурышковъ. }
Сотовъ. }
Тузинъ. }
Переметкинскій. }
Казявкинъ, засѣдатель суда.
Македонскій, секретарь суда.
Слѣдственный приставъ.
Слуга, въ домѣ Кремоновыхъ.
Слуга, въ домѣ Радугиныхъ.
Староста.
Молодой крестьянинъ.
Истопникъ.
Жена, дочь и дѣти Мошнина.
Мальчикъ.
Крестьяне, солдаты, музыканты и пѣвчіе.

Дѣйствіе происходитъ въ одной изъ отдаленныхъ отъ столицъ губерній, въ глуши Россіи; первый актъ въ одномъ изъ девяностыхъ годовъ XVIII столѣтія, слѣдующіе акты слишкомъ черезъ годъ.

АКТЪ I.

Сцена представляетъ компату въ деревенскомъ господскомъ домѣ. Окна запушены снѣгомъ; съ одной стороны печь, съ другой обширный каминъ. Небогатая мебель; одинъ уголъ загораживаютъ ширмы. Корпусъ часовой безъ часовъ. — Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кремоновъ, Вѣра Павловна и Аполлонъ Павловичъ, *всѣ входятъ въ дорожной зимней одеждѣ.*

Аполлонъ Павловичъ, *дѣлая гримасу, наступаетъ на полу сестриной шубы, которую она второпяхъ спустила.*

Вѣра Павловна (*грозя ему ласково пальцемъ*). Полно, Аполлонъ, шутить!

Аполлонъ Павловичъ (*съ глубокимъ уваженіемъ*). Виноватъ, сударыня! Чтожъ мнѣ и дѣлать? Это высокія занятія моей жизни! Кстати великолѣпной встрѣчѣ, которую намъ дѣлаютъ наши подданные!.. (*озираясь*) Какой дворецъ!.. (*Осмотрѣвъ печати на боковыхъ дверяхъ и корпусъ часовой и не скидая съ себя теплой одежды, садится въ кресла*).

Кремоновъ. Почему сюда?.. Зачѣмъ загорожена эта дверь?.. Не понимаю. (*Скидая съ себя шубу*). Какъ бы то ни было, наконецъ, благодареніе Богу, мы въ пристани!.. Легко сказать, слишкомъ тысячу верстъ по снѣжнымъ су-

гробамъ и ухабамъ! Особенно нынѣшняя ночь дала намъ знать о себѣ. Уфъ! какой морозъ! Всѣ члены окостенѣли. Кажется, еслибъ не мысль, что мы пріѣдемъ къ себѣ въ теплый уголъ, что мы хоть нѣсколько отдохнемъ здѣсь отъ бурь житейскихъ... такъ убаюкалъ-бы меня холодъ на вѣки. И еслибъ не ты, Вѣрочка, душа моя (*вздыхаетъ*), право-бы, пора!

Вѣра Павловна. Полноте, папа, смущать себя печальными мыслями. Мы здѣсь заживемъ прекрасно: хозяйство, прогулки, книги... (*останавливается въ смущеніи*).

Кремоновъ. И что еще? Жадные запмодавцы на все налетѣли, какъ саранча, и листка нотнаго не оставили.

Вѣра Павловна. Нѣтъ, я хотѣла сказать: и пріятное сосѣдство. Вы знаете, что Лиза Радугина живетъ верстахъ въ четырехъ отъ насъ. Какъ скоро отойдутъ руки отъ холода, пошлю вѣсточку о нашемъ пріѣздѣ.

Кремоновъ. Дай мнѣ свои ручки, мой ангелъ, я ихъ отогрѣю. Нѣжный, прекрасный цвѣтъ мой, боюсь, чтобъ ты не заглохъ въ здѣшней пустынѣ. (*Беретъ ея руки и грѣетъ ихъ своимъ дыханіемъ*). Но... здѣсь, кажется, худо топлено.

Аполлонъ Павловичъ (*иронически*). Наконецъ изволили догадаться!

Кремоновъ (*дочери*). Пойди въ свою комнату, тамъ, вѣрно, потеплѣе... Ты-жъ цѣлую ночь не спала; надо тебѣ и отдыхъ. (*Цѣлуетъ ее въ лобъ и благословляетъ; Вѣра Павловна уходитъ, кивнувъ ласково брату*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Кремоновъ и Аполлонъ Павловичъ.

Кремоновъ (*встороиу*). Какая кротость! какое ангельское терпѣніе! Во всю дорогу и виду не подала, что страдаетъ... А страдаетъ она много за несчастнаго отца,

за урода, злого брата, который уморилъ мать свою, и... на долю ея самой довольно причинъ для горести! Радугинъ только-что сдѣлалъ предложеніе и долженъ былъ идти въ походъ. Партія была прекрасная: хорошъ, уменъ, богатъ, влюбленъ въ нее безъ памяти... Да, была прекрасная партія! кто поручится, что она состоится...

Время, непостоянство, воїна... самая гордость Вѣры въ нашихъ обстоятельствахъ... сколько противныхъ шансовъ!.. Радугинъ зналъ насъ въ Петербургѣ за богатыхъ людей, а теперь отъ 1000 душъ только и осталось, что этотъ бѣдный уголокъ. Видно, надо сказать прости и счастію Вѣры. (*Взглянувъ на сына, обращается къ нему съ сердцемъ*). Ты что не скидаешь своей епанчи, словно камчадалъ?

Аполлонъ Павловичъ. Въ жаркихъ странахъ востока носятъ же шапки и мѣховыя одежды. А мы развѣ не на востокѣ? Такъ и палитъ!. Полюбуйтесь, какими чудными узорами разрисованы стекла, видно — по-восточному!..

Кремоновъ (*съ неудовольствіемъ*). Въ самомъ дѣлѣ, что-то не тепло... (*пожимается и потираетъ руками, потомъ ощупываетъ стѣнку печи*). Да, кой чортъ, здѣсь нынче не топлено!.. (*надѣваетъ опять теплую одежду*). Эй, кто тамъ?.. Брръ... А еще за мѣсяцъ послалъ строгій приказъ все хорошенько изготовить къ нашему пріѣзду. Бездѣльники! видно, всѣ спились съ кругу... Эй (*обращаясь къ сыну*), горбунъ, чтожъ ты не позовешь кого?

Аполлонъ Павловичъ (*медленно пробираясь къ двери*). Горбунъ! уродъ!.. вотъ пріятные эпитеты дорогому сынку, наслѣднику знаменитаго имени и богатства господина Кремонова. (*Отворяетъ дверь, но останавливается на порогѣ, услышавъ за ней шумъ и ссору; когда входятъ новыя лица, возвращается и спокойно садится въ кресла*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Кремоновъ, Аполлонъ Павловичъ, староста и слуга.

Староста. Больно отваженъ!.. питерская голь, вымолоти-ка сперва на обухѣ рожь.

Слуга. Пойдемъ же къ барину на раздѣлку. (*Тащитъ его въ комнату*).

Староста. Чтожъ? идемъ!.. мы-ста и боярина не боимся; у насъ есть опекунъ.

Кремоновъ. Опека!.. Неужели и этого не доставало. (*Обращаясь къ пришедшимъ*). Что это за шумъ?

Слуга. Дровъ, сударь, не даетъ... чего не бывало, держитъ въ сараѣ подъ замкомъ... У Вѣры Павловны въ комнатѣ хоть волковъ морозить. Мужикъ, степнякъ, грозится еще какимъ-то опекуномъ.

Кремоновъ. Неловко шутишь, старина! ты, кажись, былъ мужикъ умный, а теперь словно дурману объѣлся. Развѣ ты меня не знаешь?

Староста. Какъ-ста не знать, батюшка, ты былъ нашимъ бояриномъ, да вотчина твоя, не осуди, отошла подъ опеку. Вотъ что, осударь, безъ тебя доспѣлось. Наѣхалъ... какъ бы не обмолвиться... дня за два до Николы съ мостомъ, засѣдатель изъ городу, да съ нимъ куроцапъ приказный, да понятыхъ съ десятокъ, собрали мірскую сходку, да и прочли намъ грамотку; по указу-де великаго государя, вотчины Павла Ивановича, за долгъ купцу Мошнину, отбираются подъ запретъ и подъ опеку... какъ бишь боярина-то зовутъ! (*почесывается*) Мелочь такая!.. Баютъ, за тѣмъ-де и выбрали такого голенькаго, чтобъ оперился... вѣдаешь, больно жалостливы!.. Охъ! какъ бишь?.. окаянный, такъ и вертится около рта... (*Хватаетъ себя за бороду*).

Аполлонъ Павловичъ (*встрону*). Гдѣ у иныхъ выручаетъ голова, у русскаго мужичка борода. А мы все-таки отъ холоду зубами щелкаемъ. Терпѣніе ангельское!

Староста. Те, те, те, Пурышковъ, батюшка.

Кремоновъ. Пурышковъ?.. Этотъ мерзавецъ, который подписался подъ фальшивое завѣщаніе и скрываетъ у себя бѣглыхъ!

Староста. Ему-де повинуйтесь, и его ни въ чемъ ослушаться не смѣйте; что бы ни попрошалъ, все давайте: пойдетъ, дескать, все въ казну да на уплату долговъ боярскихъ. А стараго господина Павла Иваныча отнюдь не слушаться; кроху прошать будетъ, и за тое бѣда вамъ. Почали все описывать да печати прикладывать. Тутъ неча мнѣ было дѣлать, показалъ я твоій боярскій приказъ, чтобы топили печи и снаряжали все въ палатахъ, какъ было допрежъ. И, Господи помилуй, пошелъ дымъ коромысломъ, хоть святыхъ вонъ выноси: осерчалъ засѣдатель, аки звѣрь голодный, разорвалъ зубами въ клочки твоій приказъ, да истопталъ ногами, да бросился на меня: «Али тебѣ палками вколотить разумъ, — крикнулъ онъ: — сказано разъ, такъ не переспрашивай... Велятъ колоколъ снять языкомъ съ колокольни, снимай. Оставь своему Павлу прихожу да заднюю каморку къ саду, да боярышнѣ на бальзаминѣ конуру — будетъ съ нихъ, нищихъ». — И почалъ, почалъ, батюшки, аки сердитый жерновъ. Того и гляди, тутъ-те измелетъ въ порошинку! Насилу, осударь, отъѣхали отъ него десяткомъ куръ, да сотней яицъ, да тремя поросятами, да ведеркой вина... Все здѣсь и скушали вдвоемъ, ажно ужасъ взялъ. Замертво свезли въ городъ.

Кремоновъ (*встрону*). Боже! и сюда гнѣвъ твоій меня преслѣдуетъ! (*Вслухъ*). Это должно быть ошибка... или плутни... все это перемелется... я привезъ съ собою много денегъ изъ Питера... На дняхъ же снимутъ опеку... Ну, а люди гдѣ? почему не видать ни одного?

Староста. Фильку-сапожника взялъ въ услуженіе

засѣдатель, Аоньку-швейца—секретарь, Праскуту отдали боярынѣ, что подарки беретъ за судью, а прочихъ, кого разсовалъ опекунъ по пріятелямъ, въ губерніи, да у своей милости оставилъ. Съ того случая не урѣжаетъ къ намъ, то жеребца сведетъ съ боярской конюшни, — пиши земской: «околѣлъ!» то отъ садовщика поберетъ изъ теплицы дорогія деревья — пиши «позасохли». Позавчера велѣлъ разбить стеклышко въ кладовой, только-что руку просунуть, да и втиснулъ туда своего мальчугана, крѣпостного— востеръ пострѣленокъ!.. дыру дались... вползъ и выползъ, аки змѣенокъ, да вынесъ ложекъ пары двѣ. Говори: «кошки разбили стекло, а мыши-де таскаютъ серебро». Поперечить не смѣй: баютъ не намъ, а въ губернію.

Аполлонъ Павловичъ. А въ губерніи скажутъ: не намъ, не намъ... масляный комъ катится и растетъ, у сбивальщиковъ все-таки на рукахъ малая-толика остается.

Староста. Обмолвись, такъ и въ преисподнюю засадятъ.

Кремоновъ. Ну, полно, староста, голубчикъ... вели пожалуйста дровъ хоть къ дочери на верхъ.

Староста. Свято-слово, не могу: здѣсь, батюшка, дрова дороже хлѣба — соломкою топимъ.

Кремоновъ. Судъ приказалъ отвесть намъ комнаты, такъ и дрова не заказалъ давать. Не колѣть же, какъ собакамъ на дворѣ!.. (*Дуетъ въ пальцы*). Ей-Богу, сердце захватило отъ стужи... Бѣдная Вѣрочка!.. Только беремя съ два небольшихъ... Добрый староста, не кобенься-же... когда-нибудь вспомнимъ твою услугу.

Староста. Радъ бы всей радостью, да страшно опекуна и суда. Видитъ Богъ, не могу... коли непротивно милости твоей, пожалуй къ намъ въ избу.

Аполлонъ Павловичъ (*схватываетъ со стола тистолетъ и, наставляя на старосту, вскрикиваетъ*). Дровъ, мошенникъ, сейчасъ, мигомъ дровъ, или я тебѣ размозжу голову, да чучелу твою отправлю въ судъ.

Староста (*униженно кланяясь*). Слушаю, ваше благородіе... про твою милость што угодно.

Аполлонъ Павловичъ (*слугѣ*). Не отставай отъ него, пока не принесетъ, что потребуешь. Убьешь, я отвѣчаю.

Староста (*уходя за слугой, тихонько*). Экой страшный, да грозный! Такъ и жилки затряслися.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кремоновъ и Аполлонъ Павловичъ.

Кремоновъ (*про себя*). Послѣднія мои надежды разсыпались въ прахъ!.. Къ чему приступлю теперь?.. У себя въ домѣ я чужой; изъ милости даютъ мнѣ уголъ... узнаютъ Радугины: Боже, какой стыдъ! Въ карманѣ нѣсколько сотенъ рублей: надолго ли станутъ?.. А тамъ неужели протянуть руки и просить о кускѣ хлѣба для себя и дочери?.. Скорѣе петлю!.. Что станется съ Вѣрочкой?.. (*плачетъ*).

Аполлонъ Павловичъ (*всторону*). Вотъ этакъ всю жизнь, — слабость, неумѣстная доброта, безпечность, а послѣ стонетъ да охаетъ. Берегъ бы денежку на черный день и не такъ часто купался бы въ стерляжьей ухѣ и шампанскомъ.

Кремоновъ. Какъ на бѣду, я далъ ей воспитаніе отъ милліоннаго состоянія! (*Вслухъ*). Что будетъ она дѣлать?

Аполлонъ Павловичъ. Вѣра? то же, что и мы: голодать и ощипываться. Какъ и мы, грѣшные, протянетъ руку, и запищитъ, вмѣсто tante palpiti, сжальтесь, добрые люди.

Кремоновъ. Молчи, змѣя подколодная, или я своими руками...

Аполлонъ Павловичъ. Не душите; можетъ-быть, еще пригожусь для васъ и вашей Вѣрочки. Славный рисовальщикъ, славный калиграфъ, по милости вашей и моего горба, я безъ хлѣба не останусь.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и слуга.

Слуга. (*Кремонову*). Вѣра Павловна проситъ васъ къ себѣ; у ней затоплена печь и самоваръ поданъ.

Кремоновъ (*съ восторгомъ*). Чай? Это прекрасно!.. Что, Ларивонъ... не осталось ли у насъ... ананаснаго рома?

Слуга. Послѣднія капли выпили на станціи за Чистополемъ.

Кремоновъ. Куда-бъ хорошо!.. что дѣлать? нѣтъ, такъ нѣтъ! (*Хочетъ выдти, на встрѣчу ему Шафъ, который останавливается въ дверяхъ; при видѣ этого новаго лица, въ какомъ-то ужасѣ останавливается и Кремоновъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Шафъ.

Шафъ. Этотъ испугъ для меня не добрый знакъ.

Кремоновъ. Каспаръ Иванычъ?.. Ты ли это?.. Какими судьбами? (*Обнимаетъ его*).

Шафъ. Ужъ, конечно, я, Каспаръ Шафъ, бывшій гувернеръ въ вашемъ домѣ, я — собственной персоной. А это мой бывшій ученикъ, мой милый Аполлонъ? (*обнимаются*). Какой сталъ молодецъ!

Аполлонъ Павловичъ. Хоть прямо въ гвардію горбатыхъ!

Шафъ. Помнишь ли, какъ я драл тебя за уши?

Аполлонъ Павловичъ. И за незнаніе урока потчивалъ мою собственную персону сладкими грушами (*показываетъ руками, какъ онъ билъ его линейкой*). Какъ забыть эти нѣжности!..

Кремоновъ. Садись-ка, дорогой гость, и побесѣдуемъ: мы старые друзья! Извини, холодненько здѣсь... Мерзавцы худо топятъ... (*Садится на диванъ*). Ну, разскажи, мой добрый Каспаръ Иванычъ, зачѣмъ съ береговъ Рейна... въ нашу глушь?

Шафъ. Вы это должны хорошо знать, Павелъ Ивановичъ.

Кремоновъ. Я?.. ей-богу, не знаю... (*слугѣ*). Скажи Вѣрѣ, что буду сейчасъ съ Каспаромъ Иванычемъ.

Шафъ. Позвольте, я вамъ разскажу всю исторію съ того времени, какъ оставилъ домъ вашъ. Извините, я нѣмецъ и люблю пунктуальность. Вы знаете, что я прожилъ десять лѣтъ въ вашемъ домѣ, милостивый господинъ, сначала дядькою, потомъ гувернеромъ и учителемъ.

Аполлонъ Павловичъ. Пунктуальность требуетъ пояснить въ формулярѣ вашемъ: былъ сперва словолитчикомъ.

Шафъ. Да, въ знаменитой майнцской типографіи, основанной самимъ Гутенбергомъ... горжусь этимъ, государь мой.

Аполлонъ Павловичъ. Прибавьте: потомъ бумажнымъ фабрикантомъ.

Шафъ. Чтожъ, и это не дѣлаетъ мнѣ стыда. Въ ваши лѣта, государь мой, я не ѣлъ даромъ хлѣба.

Аполлонъ Павловичъ. Вы были не уродъ!..

Шафъ. Итакъ, послуживши гувернеромъ и учителемъ, я накопилъ честными трудами, великою экономіей...

Аполлонъ Павловичъ. Помню, какъ вы прятали въ сундукъ кусочки сахару, которые вамъ отпускали къ чаю и кофею, и пили чай и кофей безъ сахару, а послѣ экономію продавали въ трактиры.

Кремоновъ. Не слушай этой злой обезьяны.

Шафъ. О! экономія великое дѣло: съ нею наживаютъ милліоны, а я накопилъ десятокъ тысячъ. И за тѣ благословлялъ моего Господа. Вы не забыли, конечно, милостивый господинъ, что эту важную сумму, все мое богатство, цѣль и награду всѣхъ моихъ трудовъ, отдалъ я вамъ на сохраненіе... кто бы не повѣрилъ вамъ? я жилъ такъ долго въ вашемъ домѣ, вы были очень богаты... я былъ обязанъ вамъ признательностью за хорошее со мною обращеніе.

Кремоновъ. Не забылъ.

Шафъ. Помните, когда я поѣхалъ изъ Россіи, вы дали мнѣ слово прислать всю капитальную сумму въ слѣдующій годъ.

Кремоновъ. Да, кажется... такъ.

Шафъ. Не кажется, а точно такъ. Я честный нѣмецъ и не солгу ни за милліоны. Пріѣхавъ въ свое отечество, я женился... Тогда на денежки, которыя съ собой привезъ, и на тѣ, которыя мнѣ должно было отъ васъ получить, купилъ я себѣ домикъ и виноградникъ на берегу Рейна. Проходитъ годъ, Гретхенъ даритъ меня дочкой — вы присылаете мнѣ, вмѣсто капитальной суммы, проценты. Убѣждаю моего кредитора подождать — ждетъ... Проходитъ еще годъ — отъ Гретхенъ сынокъ, отъ васъ ни капитала, ни процентовъ... Кредиторъ мой тормошитъ меня — продаю клочекъ виноградника, отрываю кусокъ отъ собственнаго тѣла, обрѣзываю свои расходы, и на время спокоенъ. Еще годъ — отъ Гретхенъ еще сынокъ, отъ васъ ни слуху, ни духу, какъ говорятъ русскіе. Пишу, пишу, нѣтъ отвѣта. Кредиторъ мой грозитъ мнѣ тюрьмою, дѣти, жена, старушка-мать просятъ хлѣба и одежды... Продаю свой домъ, свой виноградникъ. Можете вообразить, какъ я разставался съ ними... каждый уголъ въ домѣ, каждую лозу оплакали... Нищета, голодъ дѣтей, изнуреніе жены, горесть матери, тюрьма,— вотъ что меня ожидало затѣмъ. Понимаете ли, государь мой, страданія женщины, которую нѣжно любишь, матери,

кормившей васъ своею грудью, стоны маленькихъ дѣтей, умирающихъ отъ холоду и голоду? Понимаете ли, сударь, стыдъ тюрьмы?.. О, я не выдержалъ даже мысли о такой будущности и рѣшился оставить отечество и идти пѣшкомъ въ Россію, къ вамъ, Павелъ Иванычъ. Я не одинъ передъ вами — съ женою, съ тремя дѣтьми, со старушкою-матерью.

Кремоновъ. Чувствую все ваше горе... но зачѣмъ это?.. Я бы и самъ... Да развѣ не получали... моей послѣдней посылки?.. мѣсяцевъ пять тому назадъ?

Шафъ. Я сказалъ ужъ вамъ, не получалъ.

Кремоновъ. Однакожъ, посланы чрезъ банкира петербургскаго... Охъ! какъ, бишь, его имя!

Аполлонъ Павловичъ (*всторону*). Банкиръ Нотъ— знаменитый!.. и такой услужливый!.. особенно къ тѣмъ, кто къ нему напрашивается...

Шафъ. Позвольте сказать съ должнымъ уваженіемъ къ вашему лицу и сану: неправда, милостивый господинъ, неправда грѣхъ великій: я вездѣ справлялся...

Кремонъ. Можетъ-быть, плутъ управитель обманулъ меня.

Шафъ. Хочу вѣрить для чести вашей, только я денегъ не получалъ. Позвольте же далѣе... простившись съ семействомъ, будто шелъ на смерть, я отправился въ путь... Въ Вѣнѣ у меня не было ужъ крейцера въ карманѣ... хоть броситься въ Дунай!.. Я объ этомъ ужъ помышлялъ... На счастье мое прискакалъ къ императору австрійскому русскій курьеръ съ депешами изъ арміи. Являюсь къ нему... разсказываю свои обстоятельства... онъ даетъ мнѣ кошелекъ съ золотомъ, разумѣется, въ долгъ; мое честное слово ему заложено... этотъ курьеръ, кто бы вы думали?.. адъютантъ великаго Суворова, этотъ адъютантъ — господинъ Александръ Андреевичъ!..

Кремоновъ (*съ величайшимъ смущеніемъ*). Ужъ не...

Аполлонъ Павловичъ. Конечно, нашъ рыцарь Радугинъ. Потѣшно!

Шафъ. Такъ и есть... Радугинъ, благороднѣйшій изъ смертныхъ. Имя его записано здѣсь, въ сердцѣ моемъ; дѣти мои затвердятъ его въ молитвахъ своихъ. Отдавая мнѣ деньги, онъ взялъ съ меня слово не разглашать о дѣлахъ моихъ съ вами, и ручался мнѣ, что вы заплатите непремѣнно долгъ свой.

Кремоновъ (*встороиу*). Боже мой! ему все извѣстно... какой позоръ!.. Бѣдная Вѣра, я твой палачъ. (*Вслухъ*). Ужъ, конечно, заплачу, мой добрый, мой милый Каспаръ Иванычъ... честное слово... Я имѣю виды... будьте снисходительны только недѣли на двѣ, на три... Гдѣ жъ вы остановились теперь?

Шафъ. У купца Мошнина, изъ хлѣба нанялся рисовальщикомъ на его фабрикѣ. Вы должны его знать... За искъ его наложена опека... и это обстоятельство заставляетъ меня бояться...

Кремоновъ. О, не бойтесь... Жестокосердый! изъ хлѣба! плутъ! разбойникъ!.. я докажу, что искъ его фальшивъ... Вы первые будете удовлетворены. (*Входитъ слуга*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и слуга.

Слуга. Барышня приказала доложить вамъ, не забыли ли о чаѣ, и не прикажете ли сюда?

Кремоновъ. Идемъ сами. (*Отводитъ Шафа встороиу*). Объясню вамъ послѣ, другъ мой, какія у меня надежды... я выигралъ процессъ... на дняхъ получу резолюцію изъ Сената... Недѣли двѣ, три не больше... (*жметъ ему руку*).

Шафъ. Хочу вамъ вѣрить и боюсь не вѣрить: отъ одной мысли сердце леденѣетъ...

Кремоновъ. Ну ужъ я сказалъ тебѣ... Пойдемъ же, на примиреніи выпьемъ по доброму стакану чаю... здѣсь такъ холодно...

Шафъ. Мнѣ жарко отъ воспоминанія о моихъ дѣтяхъ и женѣ.

Кремоновъ. Только ради Бога ни слова Вѣрочкѣ... понимаешь, она такая чувствительная... особенно о Радугинѣ... это убьетъ ее... я скажу тебѣ за секретъ: благодѣтель твой — женихъ ея...

Шафъ. Даю слово. У меня самого дочь; но моей нѣтъ при мнѣ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Аполлонъ Павловичъ и слуга.

Аполлонъ Павловичъ (*удерживая слугу*). Мнѣ что приказано сказать?

Слуга. Не до васъ, посидите у моря, да подождите погоды.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Аполлонъ Павловичъ (*одинъ*). Вотъ этакъ всегда, отъ перваго до послѣдняго въ домѣ!.. А кто выручилъ ихъ, какъ не я. Сосали бы отмороженныя лапы, какъ медвѣди! (*Радостно*). И у меня будутъ дрова! я это знаю, я это видѣлъ по глазамъ старосты... однакожъ, что-то долго не несутъ! Я весь продрогъ... Одежда на мнѣ только именемъ теплая... Воображеніе, благодѣтельное божество, приди на помощь слабѣющимъ силамъ и удержи хоть на нѣсколько минутъ послѣднія искры огня въ крови моей. Ты нерѣдко было моею красотою, моимъ богатствомъ и славою! не оставь меня и теперь... Геній мой, моя фея! махни надо мною благодѣтельнымъ жезломъ своимъ и согрѣй около меня холодную атмосферу... Дай, помечтаю... не все ли въ жизни мечта? (*закрываетъ глаза*). И вотъ, я чувствую, бла-

готворная теплота переливается изъ жилы въ жилу... И вотъ я настоящій наслѣдникъ богатаго дворянина... образованъ, хорошъ, ловокъ... секретарь посольства... въ будуарѣ красавицы, нѣжусь на роскошномъ диванѣ, упиваюсь ея взоромъ, который сулитъ мнѣ столько блаженства... (*вздрагивая, открываетъ глаза*). Нѣтъ, холодно, очень холодно! Что ни пиши, а горькая существенность превозмогаетъ... я въ какомъ-то склепѣ... недоросль... уродъ!.. Да, уродъ!.. люди счастливые, то-есть съ пріятною наружностію, знаете ли, что́ такое уродъ? Какъ бы объяснить?.. Нѣтъ, языкъ человѣческій въ милліонахъ словъ имѣетъ только одно для выраженія этого понятія!.. Люди, если бъ вы понимали униженіе, тяжесть этого слова, вы обращались бы иначе съ тѣмъ, кто оклейменъ имъ. Сизифъ, Танталъ, Прометей, почему васъ всѣхъ, мучениковъ древности, не изобразили съ моей фигурой, съ моими понятіями и чувствами!.. Тогда бъ ваши страданія были понятнѣе... Но вы миѳы, а я... (*Встаетъ и смотритъ въ зеркало съ адскою улыбкою*). Хорошъ! Красавецъ!.. Въ прибавку, какъ на смѣхъ, какъ бы ругаясь надо мной, назвали меня Аполлономъ... Бельведерскій!.. Ха, ха, ха! (*Бросается опять въ кресла и, скрывая лицо въ рукахъ, плачетъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Аполлонъ Павловичъ и истопникъ.

Истопникъ (*приноситъ беремя дровъ и затопляетъ каминъ. Смотря на Аполлона Павловича*). Не замерзъ ли ужъ баринъ? (*осторожно толкаетъ его*). Огня принесъ.

Аполлонъ Павловичъ (*открывая лицо, радостно*). Огонь!.. А!.. тепло!..

(*Истопникъ, увидавъ его лицо, перестаетъ класть дрова, встаетъ, пробирается къ двери и вонъ изъ комнаты*).

Аполлонъ Павловичъ. И даже на этого дикаря, съ грубыми, черствыми чувствами, мое безобразіе сдѣлало впечатлѣніе. (*Кладетъ самъ дрова и грѣется; потомъ скидаетъ теплую одежду*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Аполлонъ Павловичъ и Вѣра Павловна.

Вѣра Павловна (*неся на маленькомъ подносѣ чайный приборъ*). Сама изготовила, сама принесла, никому не хотѣла поручить... Думала, что Аполлоша хоть разъ въ жизни поблагодаритъ меня. (*Ставитъ чайный приборъ на столикъ, потомъ наливаетъ чай въ стаканъ и подаетъ брату*).

Аполлонъ Павловичъ. Благодарю. (*Прихлебываетъ съ жадностью, иронически*). Доброе сердце!.. Вы знаете, что слуги такъ настроены, что донесли бы мнѣ, отпивъ изъ моей доли... Было у васъ это въ мысляхъ, не правда-ли?

Вѣра Павловна. Нѣтъ, мнѣ хотѣлось имѣть удовольствіе самой принесть и слышать отъ тебя спасибо. (*Цѣлуетъ его въ голову, стоя за спинкою кресселъ*).

Аполлонъ Павловичъ (*отклоняетъ голову*). Полно притворничать!.. Ну, кто повѣритъ, чтобъ ты съ удовольствіемъ цѣловала урода! Любятъ-ли безобразіе?

Вѣра Павловна. Люблю тебя, брата моего, въ такомъ видѣ, какъ ты есть; любила-бы тебя и съ пріятною наружностью, однакожъ не за нее, а потому только, что ты мнѣ братъ. Можетъ-быть, почемъ знаешь? теперь люблю тебя, непригожаго, еще больше... (*грустно*) ты несчастливъ.

Аполлонъ Павловичъ. Увольте отъ сожалѣнія, унизительное чувство!.. Поговоримъ лучше объ Александрѣ Радугинѣ. Чай, предметъ разговора для тебя непріятный?..

Вѣра Павловна. Я не скрыла отъ отца, что Александръ мнѣ нравится, какъ еще никто не нравился; по-

чему скрывать мнѣ это отъ брата? Молодой человѣкъ съ рѣдкими достоинствами!

Аполлонъ Павловичъ. Ты не говоришь болѣе объ немъ, какъ о женихѣ. Едва-ли необрученная?..

Вѣра Павловна. Да, словомъ и сердцемъ!.. Но... съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ, обстоятельства наши перемѣнились... ты понимаешь униженіе бѣдности...

Аполлонъ Павловичъ. О! всякаго рода униженіе, конечно, лучше другого! А жаль... Забавно было бъ посмотрѣть со стороны, какъ встрѣтился бы вашъ красавецъ съ орангутангомъ, съ которымъ долженъ породниться. Какъ сгорѣлъ бы отецъ! какъ устыдилась бы ты меня!.. умора, да и только!..

Вѣра Павловна. Вотъ какой ты недобрый!.. Можно ли выдумывать такія обидныя мечты?

Аполлонъ Павловичъ. Мечты?.. Нѣтъ, исторія, сударыня, исторія, которой каждую строчку мое сердце записывало кровью. А, право, жаль!.. Кто поручится за будущее, кто поручится, прекрасная Матильда, въ постоянствѣ твоего Малекъ-Аделя? Можетъ-быть, геройское чело твоего жениха увито не одними лаврами!..

Вѣра Павловна. Чтожъ потомъ?

Аполлонъ Павловичъ. Потомъ... какая-нибудь Гретхенъ или Лютхенъ... Мудрено-ль... вѣнчаютъ его своими миртами.

Вѣра Павловна. Не понимаю, что-то слишкомъ высоко!

Аполлонъ Павловичъ. Просто, онъ измѣнилъ тебѣ.

Вѣра Павловна. Александръ такъ благороденъ, въ каждомъ словѣ его было столько любви... (*Задумывается*) Нѣтъ, нѣтъ, это не можетъ быть! Вѣрю моему сердцу болѣе, нежели твоимъ словамъ.

Аполлонъ Павловичъ. Положимъ такъ. Но война не невѣста со сладкими поцѣлуями, не супруга съ нѣж-

ными заботами. Кто знаетъ, что она сулитъ Александру, или ужъ исполнила... можетъ-быть, чмокнулась съ нимъ такимъ кровавымъ поцѣлуемъ, что изуродовала по моему. Посмотри-ка на меня.

Вѣра Павловна (*грустно*). Полно, я тебя знаю. Я пришла къ тебѣ съ любовью сестры, а ты чѣмъ выгоняешь отъ себя?

Аполлонъ Павловичъ. Помилуй, мы просто разсуждаемъ, какъ друзья. Вотъ ты ужъ и разгнѣвалась. Я хотѣлъ только спросить, пошла ли бы ты за такого урода?

Вѣра Павловна. О, конечно!.. Не скрою, что я въ первыя минуты нашего знакомства съ Александромъ полюбила въ немъ красиваго, любезнаго молодого человѣка; но теперь, я люблю только Александра. Сдѣлайся онъ уродомъ, я все-таки не перестану любить его.

Аполлонъ Павловичъ. Высоко и духовно!.. А если на войнѣ убьютъ твоего красавца?

Вѣра Павловна (*въ слезахъ*). Злой человѣкъ!.. Господи! не дай сбыться словамъ этого... (*недоговаривая, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Аполлонъ Павловичъ (*одинъ*). Чтожъ не договорила — урода?.. Да, сударыня-сестрица, я люблю бѣсить другихъ... Зачѣмъ же мнѣ одному страдать и бѣситься!.. Что я, въ самомъ дѣлѣ, за исключеніе въ мірѣ! (*Немного подумавъ*). Сестра добра, и любила-бъ, еслибъ я ее не сердилъ безпрестанно! Но зачѣмъ же она такъ хороша, какъ Божій ангелъ, а я дуренъ, какъ сатана? Зачѣмъ всѣ ее такъ любятъ, а меня всѣ ненавидятъ, начиная съ отца и до послѣдней собаки въ домѣ? Зачѣмъ она такъ добра; зачѣмъ жалѣетъ меня?.. Вотъ что меня мучитъ, что бу-

детъ мучить до гробовой доски!.. И я могъ быть счастливъ, наслаждаться, какъ другіе люди, дарами жизни! Сказываютъ, я родился хорошъ; меня называли даже пригожимъ ребенкомъ. Чтожъ! съ пріятною наружностью, съ умомъ, съ образованіемъ, съ протекціей, какое я имѣлъ право ожидать отъ моего рода и состоянія, я могъ бы теперь, въ мои лѣта, имѣть, въ самомъ дѣлѣ, почетное мѣсто въ обществѣ!.. Ктожъ виноватъ, что я всего этого лишился?.. Я ли самъ? моими ли ошибками, шалостями, лѣнью, пороками?.. Нимало! дурѣ-крестьянкѣ угодно было отнять у меня лучшіе дары, которыми наградила меня судьба, и тѣ, которые сулилъ мнѣ свѣтъ... Я недоросль, униженъ, презрѣнъ, помню безпрестанно, что своимъ безобразіемъ отравилъ жизнь матери и свелъ ее въ гробъ, мерзокъ отцу, роднымъ, постороннимъ, самому себѣ, потому что глупой крестьянкѣ Марѳѣ такъ угодно было. Кормилица неловко уронила меня, году, на колыбель, съ какими-то богатыми вычурами, и эти вычуры пробили мнѣ глазъ и сдѣлали меня дромадеромъ... Однимъ словомъ, я, по милости Божьей, былъ человѣкъ, по милости крестьянки — уродъ. (*Слышенъ шумъ отъ санныхъ подрѣзовъ*). Кто-то пріѣхалъ... спрячемся покуда въ эту конуру. (*Скрывается за ширмы*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Аполлонъ Павловичъ и Елисавета Андреевна Радугина.

Елисавета Андреевна. Никого!.. какъ пышно жили въ Петербургѣ, а теперь... пусто, холодно, бѣдно... въ этой несчастной комнатѣ принимаютъ. Окошки намерзли на вершокъ... печати на дверяхъ!.. Хорошо еще, что нашлось зеркальце, гдѣ бы посмотрѣться (*смотрится въ зеркало*). Бѣдная Вѣра! какъ должна ты страдать!.. Знаю,

положеніе ихъ не измѣнитъ намѣреній брата, но... это униженіе бѣдности для нея ужасно!.. Надо вырвать ее отсюда во что бъ ни стало; постараюсь убѣдить ее, хоть на недѣлю, пока отецъ найдетъ средство снять проклятую опеку. Тетушка велѣла уговорить: она любитъ ее, какъ дочь свою. А я... готова увезти ее силой. Идутъ, кажется... скроемъ отъ нихъ, что мнѣ извѣстны ихъ обстоятельства. (*Аполлонъ Павловичъ показывается изъ-за ширмъ, Елисавета Андреевна, увидавъ его, вскрикиваетъ*).

Аполлонъ Павловичъ. Испугались, чего?.. человѣка?.. самаго высокаго, благороднѣйшаго созданья Божьяго?

Елисавета Андреевна (*въ смущеніи присѣдая*). Извините... такъ нечаянно... я думала... одна въ комнатѣ... вы такъ неожиданно показались... (*Встороиу*). Мнѣ говорили, что онъ дуренъ, но — до такой степени — я никогда не воображала. Онъ просто ужасенъ!..

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, Кремоновъ и Вѣра Павловна (*послѣдніе въ замѣтномъ смущеніи*).

Елисавета Андреевна. Прекрасно! безподобно! такъ-то, негодница, держишь свое слово?.. пріѣхала, и не дала знать хоть строчкой.

Вѣра Павловна. Собиралась... лишь только изъ дорожной повозки, первая мысль была о тебѣ.

Елисавета Андреевна. Я лишь только узнала, что вы будете въ деревню, прислала сюда своего лазутчика. Караулилъ цѣлую недѣлю. Вы въ ворота, а онъ ко мнѣ, сломя голову, съ вѣстью, что пожаловали. Не выдержала и поскакала.

Кремоновъ. Извините, что принимаемъ здѣсь... у Вѣры въ комнатѣ все еще въ такомъ безпорядкѣ...

Елисавета Андреевна. Да какъ же иначе, съ дороги?

Кремоновъ. Комната такая бѣдная!..

Вѣра Павловна. Лиза моя подруга съ дѣтства, не взыщетъ, хотя бъ и была посторонняя! Неужли намъ стыдиться нашей бѣдности?

Елисавета Андреевна. Я ничего не вижу, не могу ничего видѣть, кромѣ моей милой, безцѣнной Вѣрочки. Ну здорова-ли, душечка? (*цѣлуются*).

Кремоновъ (*тихо сыну*). Ты что вывѣсилъ напоказъ свою гадкую фигуру?

Аполлонъ Павловичъ. Чтобы творецъ гордился своимъ произведеніемъ.

Вѣра Павловна. Рекомендую, это мой братъ.

Елисавета Андреевна. Мы имѣли ужъ удовольствіе познакомиться.

Аполлонъ Павловичъ. То есть я имѣлъ это удовольствіе. (*Встороиу*). Кабы не крестьянка Марѳа, можетъ-быть, мы помѣнялись бы съ сестрицей ролями.

Елисавета Андреевна. Гляжу и не налюбуюсь на тебя.

Вѣра Павловна. Мнѣ бы надо тебя этимъ встрѣтить.

Елисавета Андреевна. Право?.. О, да я и безъ тебя знаю, мнѣ твердятъ это почти каждый день мои степные обожатели. Когда бъ ты видѣла, что за прелесть эта молодежь! какой тонъ, какая высокая образованность! Берегись...

Вѣра Павловна. Неопасное сосѣдство, потому что мы не намѣрены ни съ кѣмъ знакомиться.

Кремоновъ. Да чтожъ вы не присядете. Мы словно на какой-то сценѣ.

Елисавета Андреевна. И въ самомъ дѣлѣ, я будто играю роль говоруньи. Вы, однакожъ, думаете, я пріѣхала къ вамъ въ гости, я пріѣхала похитить вашу

дочь. Волей-неволей, вы должны мнѣ ее отдать... Вы такъ добры, Павелъ Иванычъ, не откажите...

Кремоновъ. Какъ Вѣрочка...

Вѣра Павловна (*отводя отца, всторону*). Къ жениху въ домъ?.. въ нашихъ обстоятельствахъ... Не скажутъ ли, что мы...

Кремоновъ (*тихо*). Навязываемся... правда, неловко. (*Слышенъ дорожный колокольчикъ*). Кто-нибудь изъ суда!.. Боже мой! она увидитъ... услышитъ... рѣшайся, и избавь отца отъ позора... (*Возвращаясь къ Радушной*). Ей надо бы дома... однакожъ... отдаю на ея волю...

Елисавета Андреевна. О! ее-то я и не спрашиваю: я могу ей приказать... Нынче я ея главнокомандующій, итакъ, повелѣваю тебѣ: прощайся съ своимъ папашей и маршъ за мной! (*Слышенъ за дверьми споръ*).

Кремоновъ (*тихо дочери*). Убирайся-же съ этой болтуньей, хоть къ себѣ на верхъ.

Вѣра Павловна (*Радушной*). Слушаю, мой милый повелитель!

Елисавета Андреевна (*раскланиваясь, беретъ ее за руку, чтобы идти, и вдругъ останавливается*). Да, я еще забыла сказать вамъ, Павелъ Иванычъ... Вы, вѣрно, порадуетесь со мной...

Кремоновъ. Готовъ радоваться вашей радостью (*всторону*), когда кошки скребутъ по сердцу. (*Сыну на ухо*). Вели хоть на минуту задержать. (*Аполлонъ Павловичъ неохотно повинуется*).

Елисавета Андреевна. Мы получили на дняхъ отъ брата письмо... пишетъ, награжденъ георгіемъ... за какое дѣло не помню... помню только, что въ Италіи... Самъ Рымникскій надѣлъ крестъ на него и поцѣловалъ его въ лобъ. Вотъ почему я нынче такъ горда: и на меня падаютъ лучи его славы!.. Александръ здоровъ, но груститъ по Россіи (*жметъ руку подругѣ*), вамъ всѣмъ кланяется... проситъ не забывать...

Кремоновъ. Радуюсь... благодарю... (*Слышны въ это время голоса Мошнина и слуги*).

Слуга. Подожди, доложу.

Мошнинъ. Пусти, разбойникъ!

Слуга. Да здѣсь дворянка-сосѣдка.

Мошнинъ. Мнѣ-то что, дворянка? я самъ господинъ здѣсь.

Слуга. Одну минуту.

Мошнинъ. Ни одной... здѣсь не въ городѣ... не убѣжитъ въ заднія двери.

Кремоновъ (*цѣлуя дочь*). Прощай, мой дружочекъ, будь здорова... (*шепчетъ ей*). Утащи ее и — поскорѣй изъ дому.

Вѣра Павловна (*подруг*). Je suis à toi. (*Уходя съ Радугиной, сталкиваются на порогѣ съ Мошнинымъ*).

Елисавета Андреевна. Ха, ха, ха!.. Это что за бодунъ козелъ. (*Мошнинъ вслѣдъ ея осматриваетъ ее съ головы до ногъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Кремоновъ, Аполлонъ Павловичъ, Мошнинъ и слуга.

Кремоновъ (*встороиу*). Уфъ, сгараю отъ стыда... я думалъ, земля раскроется подо мной... (*Идетъ на встрѣчу Мошнину*). Милости просимъ, Гаврила Силаичъ, милости просимъ.

Мошнинъ. Какая тутъ милость, батенька! Холопы твои только-что за воротъ не берутъ. А какъ нужны были денежки, такъ въ Питерѣ присылали за мной колымагу не разъ... такой, сякой, не мазанный... другъ и пріятель, и шипучку пили вмѣстѣ и по два самовара въ часъ ставили.

Кремоновъ. Ты всегда нашъ дорогой гость, Гаврила

Силанчъ! Не взыщи на дуракѣ слугѣ. (*Слугѣ*). А тебя, болвана!.. Приказано отказывать постороннимъ, а Гаврила Силанчъ свой человѣкъ... Эй, стулъ!... Да вамъ покойнѣе будетъ на канапе... (*Дастъ знакъ слугѣ, чтобы вышелъ*).

Мошнинъ (*садясь и осматривая все кругомъ*). Сѣсть-то сяду, потому что усталъ, да прошу не прогнѣваться, скажу тебѣ напрямки пословицу: соловья баснями не кормятъ. А ты вотъ ужъ три года сказываешь ихъ мнѣ. Писалъ, писалъ—нѣтъ отвѣта. Посылалъ просьбицы—сколько на гербовую вышло!.. сколько пришлось отдать подъячимъ!.. Гналъ листъ за листомъ, а ты и ухомъ не ведешь, задариваешь судеи, да и молчокъ. Наконецъ поѣхалъ самъ къ тебѣ въ Питеръ... я въ двери, а ты въ другія, я въ полицію, отзывъ даютъ, уѣхалъ въ степную деревню; шлю туда — пишутъ: въ Питерѣ; словно въ гулючки играемъ. Теперь, батенька, поймалъ тебя, и не выпущу... прошу не прогнѣваться, запру въ тюрьму, и что ни мѣсяцъ, буду вносить кормовыя.

Кремоновъ. Дворянина? какъ это можно?

Мошнинъ. Полно хорохориться-то, батенька, господинъ дворянчикъ! что за честь, какъ нечего ѣсть. А вотъ прошу не прогнѣваться, какъ сядешь у окошечка за золотой рѣшеткой...

Кремоновъ. Развѣ не по твоему иску наложена опека на это имѣніе? чего жъ еще?..

Мошнинъ. По моему. Да что въ этой опекѣ? кому головка, а мнѣ мякина; и процентовъ не получаю. Въ имѣніи твоемъ ни кола, ни двора, по твоеи же милости.

Кремоновъ. Чтожъ мнѣ дѣлать, Гаврила Силанчъ? научи самъ. Все продано, все описано... что я тебѣ своимъ лицомъ?

Мошнинъ. Правду молвить, не велика пожива. Да мнѣ-то чтожъ прикажешь дѣлать, Павелъ Иванычъ? фабричнымъ задолжалъ, фабрика стала... банкрутъ совершенный!.. полѣзай въ удавку или выручай.

Аполлонъ Павловичъ (*подвигая къ Мошнину свои кресла*). А какая у васъ фабрика, позвольте васъ спросить?

Мошнинъ (*держа руку надъ глазами и всматриваясь въ Аполлона Павловича*). Ситцевая, батюшка, ситцевая. (*Обращаясь къ Кремонову*). Вѣдь сынокъ твой?

Кремоновъ. Сынъ. Вотъ какова подпора на старости!

Мошнинъ (*прищуриваясь*). Полно грѣшить, по глазамъ вижу, умная голова, дока!

Аполлонъ Павловичъ. Развѣ по одному глазу и по двумъ горбамъ.

Мошнинъ. Хе, хе, хе? И то правду сказать, батенька, врядъ ли найдемъ горбуна дурака. Но мое разумѣніе объ тебѣ, государь мой, не изъ того источника вытекаетъ. Вотъ видишь, я хоть и простой человѣкъ, да много всякой всячины видѣлъ на своемъ вѣку и многому научился... Не къ стыду моему буди сказано: я былъ крестьянинъ твоего дѣда... мастерствомъ каменьщикъ... царство ему небесное, хоть и слылъ фармазономъ!.. Мужикъ былъ хитрый, разсудительный, видѣлъ насквозь человѣка... нажилъ копѣйку, да и оставилъ своему сынку (*наклонясь къ Аполлону Павловичу, дружески мигаетъ ему*), только не въ помощь богатство... хе, хе, хе! Дѣдъ вашъ любилъ меня, часто бесѣду велъ со мною, и зная, что я умѣю держать языкъ за зубами, сказывалъ мнѣ про такія вещи, что ужасъ иного возьметъ... Вѣрьте, государь мой, или не вѣрьте, а онъ умѣлъ дѣлать золото.

Кремоновъ. Почему жъ не передалъ сыну этого искусства?

Мошнинъ. Прошу не прогнѣваться, онъ зналъ, что промотаешь дѣльное золото, какъ промоталъ ты денежки, которыя онъ тебѣ оставилъ. Гдѣ вамъ, батенька! На такія дѣла нужно фортель въ головѣ, да безстрашіе, да трудъ. А вамъ-бы манну съ неба кушать... Знаемъ васъ!.. И я то денежки свои не тебѣ вѣрилъ, а на слово батюшкѣ тво-

ему во гробу... (*Слышенъ стукъ въ стѣнѣ отъ мороза*). О, го, го! даетъ, видно, отвѣтъ: «заплачу». Вотъ кто мнѣ порукой по васъ!

Кремоновъ *встаетъ и, озираясь со страхомъ, ходитъ по комнатѣ.*

Мошнинъ (*тихо Аполлону Павловичу*). Трусъ! мороза испугался.

Аполлонъ Павловичъ (*тихо смѣясь*). Вотъ этакъ всего!.. (*вслухъ*). Прошу васъ продолжать разсказъ.

Мошнинъ. Такимъ-то хоботомъ понабрался я кое-чего у твоего дѣдушки, по милости его отпущенъ на волю, научился самоучкой грамотѣ; протекло много-ли, мало-ли лѣтъ, бросилъ свое каменное мастерство, потомъ въ приказчики на ситцевую фабрику, вышелъ въ хозяева, началъ ѣздить по ярмаркамъ, дѣлать дѣла съ нѣмцами, армянами, жидами, и съ крещеными и некрещеными... съ русскими былъ русскій, съ татариномъ — татаринъ... гдѣ ползъ вьюномъ, гдѣ на четверенькахъ... Не взыщи, батенька, какъ же иначе наживать денежку! Не мнѣ чета тоже дѣлаютъ и выходятъ въ люди!.. И набилъ было я копѣйку, да вотъ почтеннѣйшій нынче разоряетъ меня въ конецъ... Однакожъ прошу не прогнѣваться, рѣчь-то я къ тому велъ, что твой дѣдъ научилъ меня по примѣтамъ различать сокола отъ вороны!.. Вотъ какъ бы мнѣ пришлось съ тобою дѣло имѣть, такъ не стали бы зѣвать по батюшкиному.

Кремоновъ. Вотъ что должно терпѣть несчастіе. Ты обижаешь меня, Гаврила Силанчъ, грѣшно.

Мошнинъ. Грѣхъ правдѣ поперечить, батенька! Плохонекъ былъ — дѣла говорятъ, не мы. Вотъ и теперь кабы ты хотѣлъ, могъ бы поправиться... фортель есть...

Кремоновъ. Научи меня, будь моимъ благодѣтелемъ, моимъ спасителемъ.

Мошнинъ. Гдѣ!.. Ты слишкомъ совѣстливъ.

Кремоновъ. Готовъ хоть къ сатанѣ въ услуженіе,

лишь бы выпутаться изъ бѣдъ, которыя меня со всѣхъ сторонъ осадили.

Мошнинъ (*прищурясь однимъ глазомъ*). Право?.. хе, хе, хе! ну вотъ мнѣ нуженъ на мою фабрику рисовальщикъ и гридыровщикъ... дорого бы далъ... понимаешь меня?..

Кремоновъ. Это однѣ шутки... можно ли дворянину?

Мошнинъ. Опять за старую пѣсню!.. Шутка, такъ шутка! (*Задумывается и считаетъ по пальцамъ про себя*). Пять — синюха, двѣ синенькія — красная бумага, десять, десять и два раза десять — пятьдесятъ, четыре бѣленькія — сотенная! хорошо! А какъ тысячу сотенныхъ?.. ужъ это не шутка!.. Ге, ге, ге, да и мы ариѳметику знаемъ... (*продолжаетъ что-то считать по пальцамъ, между тѣмъ Кремоновъ, облокотясь на ручку канапе, сидитъ въ задумчивости*).

Аполлонъ Павловичъ (*дрожа, вскочивъ съ креселъ, встороиу*). Я... я его понялъ... геніальная мысль! Она давно западала мнѣ въ душу... она не разъ тревожила меня днемъ, будила ночью... почему же ей не осуществиться!.. Этотъ мигъ моей Рубиконъ... переступаю!.. (*Подошедши къ отцу, на-ухо*). Оставьте насъ... на часокъ... на полчаса... я постараюсь его уговорить...

Кремоновъ (*тихо сыну*). Какъ же мнѣ отъ него улизнуть? готовъ хоть въ овинѣ просидѣть.

Мошнинъ. Вамъ, батюшка, не нужно ли по дѣламъ хозяйственнымъ?.. каковъ часъ!.. Извольте, извольте... вѣдь вы, чай, не убѣжите...

Кремоновъ. Помилуй, и убѣжать-то некуда. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Аполлонъ Павловичъ и Мошнинъ.

Мошнинъ. Слабый человѣкъ, мухи съ носа не сгонитъ, а какое съ тобою обращеніе!

Аполлонъ Павловичъ *хочетъ говорить.*

Мошнинъ (*перебивая его*). Не говори мнѣ... все знаю, батюшка, Аполлонъ Павловичъ... Такъ твое имячко, кажись?

Аполлонъ Павловичъ. Точно.

Мошнинъ. И болванъ-то и горбунъ?.. другихъ именъ тебѣ нѣтъ. Охъ, охъ! А кабы умѣли тебѣ цѣну дать, кабы родитель слушался тебя, или поручалъ тебѣ дѣла свои, такъ пошло бы иначе...

Аполлонъ Павловичъ. Благодарю покорно и понимаю цѣну вашихъ похвалъ. (*Подвигается поближе къ нему*).

Мошнинъ. Смекнулъ тотчасъ, что у тебя глазъ вѣренъ, аки граненый алмазъ. Говорятъ... (*потираетъ руки съ удовольствіемъ*) у васъ и ручка золотая.

Аполлонъ Павловичъ. Могу похвалиться, нарисую живо, съ чего угодно... а написать могу и скорописью, и по печатному такъ, что съ книжнымъ не узнаешь. Жаль, что не могу дать вамъ образчика.

Мошнинъ (*качая головой*). И ты, Аполлонъ Павловичъ, не пустишь такой золотой ручки въ ходъ... грѣшите, родной!... кабы у меня такая, нажилъ бы разомъ десятки тысячъ.

Аполлонъ Павловичъ. Не имѣлъ случая и хорошаго посредника...

Мошнинъ. Да, батюшка, надо вѣрность, чтобъ пустить въ ходъ твою работу... А позволь спросить, еще что знаешь?

Аполлонъ Павловичъ. Жаль, что ничего болѣе... могу только похвастаться осязаніемъ... вы понимаете... закрывъ глаза, ощупаю какая у васъ... положимъ хоть... бумажка. (*Встороиу*). Кажется, въ ротъ положилъ...

Мошнинъ (*качая головой*). Такъ, такъ, а ты бы?

Аполлонъ Павловичъ. Да... я бы...

Мошнинъ. Заприте-ка дверь, батюшка.

Аполлонъ Павловичъ (*запираетъ дверь, и потомъ*

возвратившись, дрожа, схватываетъ его за руку). Заперъ... (*Отведя его за ширмы*). Полно!.. не выдержу... Въ жилахъ моихъ не кровь, а свинецъ — ты растопилъ его! Играть долѣе нашу камедь не вмочь. Мы поняли другъ друга — такъ ли?

Мошнинъ. И гадать не надо.

Аполлонъ Павловичъ. Ты умный, хитрый мужикъ, пожалуй, и плутъ; я, какъ видишь, уродъ и не дуракъ. Соединимъ наши головы, и мы обманемъ сотни дураковъ. Да, мы можемъ разбогатѣть.

Мошнинъ. Ладно!.. ты... я... (*показываетъ рукой*).

Аполлонъ Павловичъ. Помни, мнѣ терять нечего, кромѣ жизни, и ту я въ грошъ не ставлю... Взвѣсь, что ты можешь потерять своею неосторожностью или измѣной — жену, дѣтей, которыхъ ты, можетъ-быть, любишь, состояніе, нажитое трудами многихъ лѣтъ, жизнь, для тебя дорогую.

Мошнинъ. Жену, троихъ дѣтей, капиталъ, голову — кладу тебѣ въ руки.

Аполлонъ Павловичъ. Хорошо. Но мѣсто? но...

Мошнинъ. Прошу не прогнѣваться, все ужъ давно придумалъ. Только тебя не доставало. Нечистый, прости Господи, или кто другой, насъ свелъ, не вѣдаю, но лишь взглянулъ на твою милость, подумалъ: вотъ эта птица и нужна тебѣ. Слушай же. Съ незапамятныхъ временъ построенъ твоими прародителями, подъ этимъ домомъ, великій подвалъ со сводами. Дѣдъ твой доподлинно работалъ въ этомъ подвалѣ. А чтобы никто не видѣлъ его мастерства, такъ онъ заклалъ входъ каменьями и засыпалъ землей, а изъ этой каморки провелъ въ подвалъ тайникъ. Клали мы его съ отцомъ подъ клятвой и великой наградой. Мы были крѣпки на слово, зато и отпущены на волю и милостиво одарены. Отецъ мой померъ, померъ и дѣдъ твой. Объ этомъ тайникѣ никто не зналъ, кромѣ меня да развѣ домовыхъ, прости Господи! Отецъ мой сказывалъ, что былъ

другой тайникъ въ подвалѣ изъ другой каморки, да тотъ еще покойникъ заклалъ. Посмотри-ка, фортель какой, хитра штука! (*Отвинчиваетъ ножомъ два винта въ чугунной плитѣ камина, которая отъ этого дѣйствія вдругъ опускается*). Нѣтъ ли свѣчи?

Аполлонъ Павловичъ. Мнѣ часто не давали огня по ночамъ, а заниматься хотѣлось, такъ я кралъ восковыя свѣчи. (*Вынимаетъ огарокъ изъ чемодана, высѣкаетъ огонь и передаетъ свѣчу Мошнину*).

Мошнинъ (*беретъ свѣчу и входитъ въ каминъ; сквозь отверстіе его освѣщается сводъ подвала*). Глянька сюда, голубчикъ.

Аполлонъ Павловичъ (*слѣдуя за ними*). Чудный храмъ для нашего божества! настоящая преисподняя!.. Солнце не пробьетъ этихъ сводовъ лучомъ своимъ. И ты, громъ небесный, притупишь объ нихъ свои стрѣлы!.. О, Вельзевулъ не могъ бы устроить для себя лучшей рабочей. Другъ Мошнинъ, мы здѣсь потрудимся... мы наживемъ здѣсь милліоны.

Мошнинъ. О, го, го, милліоны!.. Прошу не прогнѣваться, батюшка: тише ѣдешь, дальше будешь.

Аполлонъ Павловичъ. Заключимъ здѣсь союзъ на трудъ и вѣрность. Обнимемся братски... (*обнимаются; Мошнинъ поднимаетъ чугунную плиту и опять ее завинчиваетъ. Оба выходятъ изъ камина*). Да забылъ... а мастера другого... понимаешь.

Мошнинъ. Вотъ видишь, у меня на фабрикѣ живетъ голенькій нѣмчура...

Аполлонъ Павловичъ. Каспаръ Иванычъ. Лучше нельзя сыскать! Отецъ долженъ ему 10 тысячъ. Согласится, такъ мы запремъ его въ этотъ подвалъ, пока нужно, и пошлемъ долгъ женѣ его въ нѣмецкую землю; не согласится — умирай голодною смертью, съ женой и дѣтьми. О, я увѣренъ, эта рыбка пойдетъ разомъ на золотую удочку.

Мошнинъ. А тамъ...

Аполлонъ Павловичъ. Въ кибитку и за границу.

Мошнинъ. А батюшка твой?

Аполлонъ Павловичъ. О, этотъ нашъ! ему теперь хоть въ удавку. Чтобы спасти дочь и себя отъ стыда и голода, онъ готовъ на все.

Мошнинъ. Лишь только согласіе дастъ, сниму опеку и пять тысячъ ему задатку.

Аполлонъ Павловичъ. Распустимъ слухи, что батюшкины дѣла не были такъ плохи, какъ думали, что онъ привезъ денегъ изъ Питера, отдалъ мнѣ имѣніе въ завѣдываніе... а тамъ разные обороты, покупки, продажи, какъ водится, отъ всего барышъ.

Мошнинъ (*треплетъ его по головѣ*). Золотая голова!

Аполлонъ Павловичъ. Итакъ до завтра.

Мошнинъ. Утро вечера мудренѣе. До радостнаго свиданія, батюшка! (*Уходитъ*).

Аполлонъ Павловичъ (*одинъ*). Посмотримъ, сумѣю ли править великимъ дѣломъ. За работу, Аполлонъ! я разсыплю на свой міръ золотые лучи не хуже моего божественнаго тезки.

Деньги — вотъ архимедовъ рычагъ! Нынче я нищій, униженъ, презрѣнъ, а завтра — золото, господство, уваженіе!.. А сладостная месть?.. чѣмъ оцѣнить ее?.. Отмстить за 30 лѣтъ униженія, отмстить людямъ за то, что въ отношеніяхъ ко мнѣ попирали законы природы, отмстить всему, что только презирало меня... развѣ это сокровище можно чѣмъ оцѣнить?..

Итакъ, за работу, Аполлонъ!

АКТЪ II.

(Слишкомъ черезъ годъ).

Зъ подвалѣ; его раздѣляетъ полузадернутая занавѣска. Въ углубленіи лежитъ Шафъ на соломѣ. Дверь желѣзная отпирается.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кремоновъ и Аполлонъ Павловичъ (*у перваго фонарь въ рукахъ, у другого салфетка, въ которой завязаны съѣстные припасы и бутылка съ виномъ; поставивъ свою ношу на полъ, онъ запираетъ дверь и прячетъ ключъ въ карманъ*).

Кремоновъ. Опять скажу, будто безъ меня нельзя?

Аполлонъ Павловичъ. Никакъ... извините, вы должны.

Кремоновъ. Развѣ я болѣе года не лазилъ съ тобою въ эту кузницу? не оклеймилъ рукъ и лба своего ужасною каторжною работой?

Аполлонъ Павловичъ. Теперь ужасной!.. Однакожъ вы чрезъ нее выручили 1000 душъ изъ-подъ молотка заимодавцевъ и свою душу отъ самоубійства, отъ котораго были на волосокъ! И душечка Вѣра обезпечена, устроена, снаряжена, какъ богатая невѣста. Гмъ! Ужасной работой? какая неблагодарность! Скажите лучше, золотой, алмазной.

Кремоновъ. Аполлонъ, послушай отца...

Аполлонъ Павловичъ. Отца?.. Въ такихъ дѣлахъ нѣтъ ни отца, ни сына, есть только товарищи.

Кремоновъ. Пожалуй, товарища, участника въ вашемъ преступленіи; мало? главнаго виновника его, потому что, безъ моей слабости, вы никогда не посягнули бы на такое злодѣяніе. Слушай: мы были въ крайности, на краю пропасти и, очертя голову и совѣсть, шагнули черезъ эту пропасть... благополучно... Уфъ, чего стоитъ это благополучіе! Пора оглянуться и кончить... право, пора; послушай голоса разсудка.

Аполлонъ Павловичъ. Мой разсудокъ говоритъ: мало, еще! Онъ же шепчетъ мнѣ на ухо: попробуй, перестань — такъ опять втопчутъ тебя въ грязь, опять закуютъ въ прежнія желѣза.

Кремоновъ. Вѣрь мнѣ, этого ужъ не будетъ, не можетъ быть.

Аполлонъ Павловичъ. Вѣрю только тридцати годамъ униженія. О! когда на объясненія пошло, я скажу вамъ вотъ что... Кто довелъ меня до этой адской кузницы? Не вы ли сами? Я по рожденію былъ вашъ сынъ: чтожъ вы сдѣлали изъ меня? — хуже, чѣмъ послѣдняго изъ вашихъ слугъ. Вы не били меня, нѣтъ, но униженіе, въ которомъ вы меня держали, насмѣшки, брань, презрѣніе, которымъ всѣ въ домѣ меня чествли, кромѣ сестры, развѣ не хуже побоевъ? Вы забыли тогда, что вы отецъ мой; я теперь забылъ, что я вашъ сынъ. Мы помѣнялись только ролями... Теперь, я здѣсь въ домѣ господинъ и повелитель... да, повелитель!..

Кремоновъ. Послушайся хоть голоса совѣсти.

Аполлонъ Павловичъ. Совѣсти? ха, ха, ха! я до сихъ поръ не зналъ этой госпожи въ лицо. Право, смѣшно, батюшка, въ ваши лѣта это говорить! Какая совѣсть у того, кто рѣшается на такія дѣла?.. Вотъ вамъ мое послѣднее увѣщаніе. Пока вы меня слушались, дѣла шли и идутъ хорошо, прекрасно, какъ нельзя лучше. Ну, потяните еще

немножко шнуръ, которымъ я правлю... еще, — и съ Богомъ!

Кремоновъ. Съ Богомъ?.. съ Богомъ?.. Ужасно!.. Здѣсь, навѣрно, нѣтъ Его. Умоляю тебя, другъ мой, мой благодѣтель, если не хочешь называться сыномъ моимъ... въ послѣдній разъ кончимъ, уничтожимъ орудія, все, все въ прахъ... сожжемъ и домъ, гдѣ производилась... Еще время,.. женихъ твоей сестры не пріѣхалъ... Нѣтъ подозрѣній, честные люди, ни правительство еще не слѣдятъ насъ. Чего намъ болѣе? Мы и потомство наше обезпечены, какъ богатые люди...

Аполлонъ Павловичъ. Потомство мое въ моемъ уродливомъ *я;* а границы этого *я* еще не отмежеваны. Ба! что-то скажетъ развѣ будущность!

Кремоновъ. О тебѣ-то я и хлопочу столько же, сколько и о себѣ.

Аполлонъ Павловичъ. Жаль, что я этого не слыхалъ за годъ слишкомъ назадъ.

Кремоновъ. Каюсь, я былъ виноватъ передъ тобой... Нѣтъ мнѣ оправданій. Теперь ты съ твоимъ умомъ, съ твоею прозорливостью...

Аполлонъ Павловичъ. Благодарю покорно.

Кремоновъ. Исправь мою вину, и остановись на краю новой пропасти. Итакъ, въ послѣдній разъ...

Аполлонъ Павловичъ. Буди по вашему — въ послѣдній разъ.

Кремоновъ. Обѣщаешься?

Аполлонъ Павловичъ. Обѣщаюсь, обѣщаюсь...

Кремоновъ. И бѣднаго Каспара освободить?..

Аполлонъ Павловичъ. Освободить, освободить ужъ, конечно... Неужли мнѣ изъ него ветчину коптить!.. Конченъ ли нашъ торгъ?

Кремоновъ. Дай слово исполнить это теперь же... ко дню рожденья Вѣры... Утѣшь меня, осчастливь... Можетъ-быть, мнѣ самому осталось недолго жить.

Аполлонъ Павловичъ. Хорошо... только не нынче... нынче было бы безразсудно... надо приготовить... а скоро, очень скоро... однакожъ, не надо терять золотое время... Вспомните, что я ко дню рожденія моей дорогой сестрицы выработалъ 300 душъ и проч. и проч. Надо же выручить денежки за нихъ.

Кремоновъ *грустно качаетъ головою и садится на стулъ.*

Аполлонъ Павловичъ (*встороиу*). Снова въ битву противъ судьбы!.. Vas, банкъ! пасть, такъ пасть, милліонеромъ! (*Подходитъ къ Шафу*). Добрый день, пріятель!

Шафъ. День?.. Развѣ здѣсь бываютъ дни, милостивый господинъ?.. Для меня одна нескончаемая ночь.

Аполлонъ Павловичъ. Ночь, день, часы, это только пустыя слова, Каспаръ Иванычъ; во времени ихъ нѣтъ. Впрочемъ, мы иллюминуемъ твою ночь. (*Зажигаетъ нѣсколько свѣчей; за занавѣской лица становятся въ такое положеніе: Кремоновъ то сидитъ на стулѣ, то прохаживается въ раздумьѣ по авансценѣ, то ложится на постель Шафа. Шафъ и Аполлонъ Павловичъ поперемнамъ показываются изъ-за занавѣски*). Какой же обѣдъ я приготовилъ тебѣ нынче! цыпленокъ — деликатесъ, вино — нектаръ!

Шафъ. Лучше бъ уморили меня голодомъ.

Кремоновъ. Утѣшься, добрый Каспаръ: сынъ мой обѣщаетъ выпустить тебя скоро на свободу.

Шафъ. О когда бы такъ!.. Жена, дѣти, міръ Божій, я васъ опять увижу — опять я буду свободенъ. И въ самомъ дѣлѣ, пора, Аполлонъ Павловичъ. Условіе мое было на шесть мѣсяцевъ. Бѣдность, кровныя нужды, мысль, что я составлю счастіе моего семейства, заставили меня рѣшиться, я исполнилъ условіе, какъ честный нѣмецъ; но вы... извините, милостивый господинъ, вы поступаете со мной неблагородно: срокъ давно кончился, и я здѣсь...

Аполлонъ Павловичъ. Ты знаешь причину, любезный Каспаръ Иванычъ: помнишь — мыши... Кто жъ это

предвидѣлъ?.. Жаль, мышей-то мы и пропустили въ условіи. Ну, ты такой добрый, честный нѣмецъ... Ты сдѣлалъ намъ одолженіе, и мы не останемся неблагодарны: къ семейству твоему посланы 10 тысячъ; доволенъ ли прибавкою пяти?

Шафъ. Воли, воли прошу я, господинъ, а не денегъ. Деньги замѣнятъ-ли мнѣ воздухъ, свободу, семейство, все, что я имѣю тамъ на землѣ?

Аполлонъ Павловичъ (*будто не слыша его словъ*). Помоги-ка, добрый другъ... Ты такой искусный механикъ.

Шафъ. Здѣсь потеряешь и смыслъ человѣческій. Духота, мракъ, тоска давятъ меня, сокрушили мои кости, сердце изныло... видите, каковъ я сталъ... (*показываетъ свои руки*). Я не выдержу еще недѣли... Если долѣе, готовъ лучше на плаху... умоляю васъ именемъ Создателя нашего, общаго нашего Судьи и Отца, выпустите меня изъ этого заточенія.

Аполлонъ Павловичъ. Я ужъ обѣщалъ батюшкѣ; ты мнѣ болѣе не нуженъ.

Кремоновъ. Вѣрь, онъ исполнитъ свое слово.

Шафъ. Поклянитесь именемъ Бога.

Аполлонъ Павловичъ. Ну, пожалуй.

Шафъ. Клянитесь имъ, страшнымъ именемъ Бога!

Аполлонъ Павловичъ. Да... имъ... клянусь.

Шафъ. Нѣтъ, нѣтъ, милостивый господинъ, на вашемъ языкѣ имя Бога, а въ головѣ, въ сердцѣ вашемъ нѣтъ Его.

Аполлонъ Павловичъ. О, это слишкомъ дерзко! Не настроить же мнѣ свой голосъ на твою дудку.

Шафъ. Докажите жъ, что вы клялись въ правдѣ: возьмите меня нынче же съ собою.

Аполлонъ Павловичъ. Ты вовсе одурѣлъ, Каспаръ. Надо жъ по-осторожнѣй приготовить твой выѣздъ. Развѣ хочешь погубить себя и насъ съ тобою? Я далъ слово тебѣ

и батюшкѣ, и свято исполню его. Дня три, четыре. и... уходи, ускачи отъ насъ, улетай, хоть къ чорту!

Шафъ. Не сердитесь же, милостивый господинъ, вѣрю, вѣрю.

Аполлонъ Павловичъ. Давно бы такъ. Разскажика намъ лучше о твоемъ житьѣ-бытьѣ, на... какой бишь рѣкѣ?

Шафъ. На Рейнѣ, первой рѣкѣ въ мірѣ. Какое тамъ небо! какое тепло! какъ весело ластятся виноградныя лозы къ стѣнѣ нашей хижины!.. И теперь въ глазахъ мерещатся онѣ... солнышко играетъ на яхонтовыхъ кистяхъ...

Аполлонъ Павловичъ (*встророну*). Вотъ этакъ лучше. Пускай померещатся.

Шафъ. И теперь, какъ-будто вижу кирку нашу: золотой пѣтухъ словно хочетъ оторваться отъ шпиля и улетѣть на небо... (*грустно*) а подлѣ кирки кладбище... тамъ покоится прахъ моего отца... надъ могилой его каштановое дерево свѣсило густыя вѣтви... (*задумывается*).

Аполлонъ Павловичъ. Ну, а женочка у тебя, чай, прехорошенькая?

Шафъ. Настоящая роза. Такъ и звали ее въ деревнѣ. Ахъ! милостивый господинъ, кабы вы знали, какъ она добра, какъ меня любитъ: четыре года прошло съ нею, словно одинъ день въ раю. А дѣтки...

Кремоновъ. Сколько жъ ихъ у тебя?

Шафъ. Трое, дочь и два сына: Луиза, Францъ и Генрихъ... настоящіе амурчики!

Аполлонъ Павловичъ. Ну, на каждаго прибавлю по пяти сотъ.

Шафъ. Благодарю (*задумывается*). Ангелы мои, добрая моя Гретхенъ, мать-старушка... живы ли еще?.. И я могъ васъ покинуть?.. Нужда, нужда, чего ты не дѣлаешь! Кабы вы знали, на какое ужасное дѣло я рѣшился, чтобъ видѣть васъ счастливыми... (*плачетъ*). Отпустите же меня нынѣ, Аполлонъ Павловичъ.

Аполлонъ Павловичъ. Я не прочь, только надо подождать.

Шафъ. Боже, Боже мой! будь моимъ ходатаемъ... (*становится на колѣна*). Умоляю васъ; сжальтесь надо мною... вспомните, что меня ждутъ старушка-мать, жена, трое дѣтей... обнимаю ваши колѣна... цѣлую ноги ваши.

Аполлонъ Павловичъ. Я сказалъ.

Кремоновъ. Развѣ съ насъ не довольно? Сжалься...

Аполлонъ Павловичъ *молчитъ*.

Кремоновъ. Тронься, каменное сердце; участью этого несчастливца... Подумай: полгода въ этомъ погребѣ... Хоть одно доброе дѣло, и въ день страшнаго суда, на вѣсахъ Бога, оно положено будетъ на выкупъ твоихъ грѣховъ.

Аполлонъ Павловичъ. Я сказалъ.

Кремоновъ. Такъ мое проклятіе...

Аполлонъ Павловичъ. Я сказалъ. Полноте, батюшка, съ своей траги-комедіей! Не угодно-ли на верхъ? Вспомните-ка лучше, завтра день рожденія вашей Вѣры. Угодно-ли будетъ поздравить ее отъ имени отца, дѣлателя фальшивой монеты, и убить ее именно въ этотъ день, или дать мнѣ волю съ Каспаромъ. Важность какая, грошовому нѣмчурѣ потрудиться здѣсь лишній мѣсяцъ. (*Гаситъ свѣчи и беретъ фонарь*). Угодно ли вамъ за мною? (*Отворяетъ дверь, отецъ слѣдуетъ за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Шафъ (*одинъ*). Есть Богъ, и злодѣй будетъ наказанъ... А ты, Каспаръ, развѣ не участникъ ихъ злодѣяній, развѣ не такой же фальшивый монетчикъ? Нужда, дѣти, скажешь ты въ оправданіе?.. Нѣтъ, нѣтъ, никакая цѣль не измѣняетъ злодѣйства. Лучше бъ погибнуть мнѣ тѣломъ, погибнуть дѣтямъ, женѣ, чѣмъ пускаться на такое ужасное дѣло, чѣмъ погубить на вѣки душу свою... Господи! взгляни

милосердымъ окомъ на мои несчастія, порази меня Своими громами, но хоть за мои страданія пощади невинныхъ.

Грете, милыя дѣти, матушка, надъ вами всходитъ теперь солнце; Рейнъ течетъ передъ глазами вашими во всемъ великолѣпіи своемъ; можетъ-быть, въ эту самую минуту вы гуляете по саду, чистыя дѣлами и помысломъ, вы спокойны и радуетесь, а я... подъ землею, въ склепѣ, и съ совѣстью злодѣя... И тамъ, на свѣтѣ, вы, можетъ-быть, отворотитесь отъ меня (*плачетъ*).

Хоть разъ бы еще взглянуть на нихъ и потомъ умереть! Но гдѣ надежда освободиться?.. Знаю, что есть отсюда другой выходъ: объ этомъ проговорился разъ Мошнинъ.. но здѣсь нигдѣ не видать такого выхода... осмотрю еще хорошенько свою тюрьму, перегляжу каждый камешекъ, каждую щель, каждый гвоздикъ... А если найду выходъ? куда онъ поведетъ меня?.. Не прямо ль въ руки горбуна, или въ западню?.. Что бы ни было, надо искать спасенія или смерти.

ЯВЛЕНІЕ III.

Утро, садъ; посреди его павильонъ. На правой сторонѣ небольшое зданіе; отъ него идетъ рѣшетка съ воротами. На лѣвой сторонѣ двух-этажный барскій домъ съ террасою въ нижнемъ этажѣ, ближе къ авансценѣ; въ концѣ этого дома башня. За рѣшеткою видна толпа народа.

Аполлонъ Павловичъ *сходитъ съ террасы къ воротамъ сада и ласково кланяется народу. При появленіи его слышны голоса въ толпѣ:* Вотъ родимый нашъ! Батюшка! Кормилецъ! Отецъ нашъ! Дай Богъ ему многія лѣта здравствовать!

Аполлонъ Павловичъ. Благодарю, благодарю, друзья! Есть ли тутъ изъ чужихъ деревень мужички?

Нѣсколько мужиковъ и бабъ (*кланяются*). По милости твоей, сударь, званы на хлѣбъ-соль твою.

Аполлонъ Павловичъ. Смотрите же, наши, гостей не забывай! Всего вдоволь имъ!

Нѣсколько мужиковъ. Слушаемъ-ста, батюшка Аполлонъ Павлычъ.

Аполлонъ Павловичъ. Гдѣ погорѣлые изъ Шемшурина? (*Являются два старика и одинъ пожилой крестьянинъ*). Сестра жалуетъ вамъ на постройку избъ и заведеніе двѣсти рублей.

Старики. Денно и нощно будемъ молиться за тебя, отецъ нашъ.

Третій. Продли, Господь, живота твоего на многія лѣта, кормилецъ нашъ!

Аполлонъ Павловичъ. Не за меня, а за сестру молитесь, она вамъ жалуетъ.

Крестьянинъ. За тебя и сестрицу твою, батюшка. Безъ тебя бы до насъ не дошло.

Аполлонъ Павловичъ. У которыхъ былъ скотскій падежъ? (*Являются нѣсколько крестьянъ и крестьянокъ*). Вамъ сестра жалуетъ триста рублей на заводъ скота (*крестьяне и крестьянки, получивши деньги, падаютъ ему въ ноги*). Вы знаете, я не люблю этого, добрые мужички; я запретилъ это... Одному Царю Небесному да земному подобаютъ земные поклоны.

Слышно со всѣхъ сторонъ: Благослови его Господь!

Двое слугъ приходятъ съ кошельками и, по приказанію его, бросаютъ деньги въ народъ. Слышны за оградою восклицанія: Многія лѣта новорожденной! Многія лѣта матушкѣ и всему боярскому дому!

(*Аполлонъ Павловичъ скрывается въ толпѣ народной*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кремоновъ (*одинъ; онъ выходитъ изъ дома съ правой стороны*). Нынѣ 13-е число, день рожденія дочери!.. роковое число!.. 13-го смерть жены моей! 13-го числа, восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, я рѣшился на ужасное дѣло... день, запписанный кровью на душѣ моей, хотя въ него не было пролито крови. Но — будетъ!.. Головы нашей гидры начинаютъ расти, надо будетъ отсѣкать ихъ... Бѣдственный день! съ него не знаю, что такое спокойный сонъ; каждый кусокъ напитанъ желчью, въ каждомъ человѣкѣ таится врагъ; что шагъ — то пропасть. Я чахну, я таю видимо: живой скелетъ!.. Муки нестерпимы! Вотъ и теперь, когда несу дочери дарственную запись, лишь только вздумаю, какими путями она пріобрѣтена, по кожѣ пробѣгаетъ морозъ, сотни ножей роютъ въ сердцѣ моемъ. Каждая буква на этомъ листѣ говоритъ мнѣ: ты даришь чужое добро, дѣлатель фальшивой монеты!.. Есть ли имя позорнѣе этого? какими дѣлами смоешь его? Добро это куплено на деньги, похищенныя у государя, у отечества, у ближнихъ... Я — воръ... Нѣтъ другого имени въ душѣ моей!

Роковой день! дорого-бы далъ, чтобы воротить тебя... Слабость, непростительная слабость!

Чтожъ было дѣлать?.. Идти въ тюрьму, это бы еще не бѣда; но поручить благодѣтельному призрѣнію дворянъ мою дочь, мою Вѣру... нѣтъ, нѣтъ, этого нельзя было вынести! (*Показывается Вѣра Павловна на террасѣ*). Вотъ и она!.. бывало, я благословлялъ ее, а теперь... боюсь... руками, которыя дѣлаютъ... все равно, что окровавленными. (*Вѣра Павловна сбѣгаетъ съ террасы навстрѣчу отцу*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Кремоновъ и Вѣра Павловна (*она бросается въ объятія отца*).

Кремоновъ. Поздравляю тебя, милая, безцѣнная Вѣра! Господь да благословитъ тебя своими милостями и наградитъ счастіемъ, котораго ты вполнѣ достойна!

Вѣра Павловна. О, я теперь совершенно счастлива!

Кремоновъ. Знаю, чего не достаетъ для полнаго твоего счастія... Но Богъ не безъ милостей. Кампанія кончилась; женихъ твой здоровъ и насъ не забылъ. Сейчасъ я получилъ письмо отъ него. Александръ пишетъ, что уволенъ въ чистую отставку полковникомъ и на-дняхъ прискачетъ къ намъ, чтобъ узнать рѣшеніе судьбы своей.

Вѣра Павловна. Боже мой, чѣмъ даришь ты меня нынче!.. Батюшка, теперь могу смѣло сказать: сердце мое никогда не переставало любить Александра и боялось только обстоятельствъ.

Кремоновъ. Теперь мы и по состоянію равны. А чтобы навсегда обезпечить тебя отъ обстоятельствъ, вотъ тебѣ подарокъ отъ меня и брата твоего.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Аполлонъ Павловичъ и мальчикъ.

Вѣра Павловна (*принимая бумагу отъ отца и пробѣжавъ ее глазами*). Что это? подарокъ въ 300 душъ?.. (*Цѣлуетъ его*). Но... вы не затрудняли себя этимъ подаркомъ?.. Батюшка, другъ мой, не сдѣлали-ли долгу для меня?.. На чистыя-ли деньги?

Кремоновъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не дѣлалъ долга... всѣ куплены на... свои... Благодари за все брата. Вотъ и онъ

съ поздравленіемъ... (*Встороиу*). Кабы знала, на какія чистыя деньги!.. (*Въ это время вбѣгаетъ мальчикъ лѣтъ восьми, одѣтый амуромъ*).

Аполлонъ Павловичъ (*цѣлуетъ сестру и подводитъ мальчика*). Вотъ этотъ божокъ поздравитъ тебя лучше насъ, смертныхъ.

Вѣра Павловна. Сережа, это ты, мой милый?

Мальчикъ (*смѣшавшись*). Нѣтъ, не я, не я... (*Обращаясь къ Аполлону Павловичу, грустно*). Чтожъ мнѣ дѣлать? Узнали.

Аполлонъ Павловичъ. Худой амуръ, который робѣетъ и не умѣетъ прикидываться! Гдѣ же у тебя бумажка?

Мальчикъ *подастъ Вѣрѣ Павловнѣ письмо.*

Аполлонъ Павловичъ. Этотъ подарокъ, навѣрно, дороже нашихъ.

Вѣра Павловна (*развернувъ письмо*). Подпись Лизы Радугиной. (*Читаетъ вслухъ дрожащимъ, прерывающимся голосомъ*). «Александръ... пріѣхалъ... Мы сейчасъ...» (*Обращается къ отцу*). Батюшка, онъ здѣсь... онъ сейчасъ будетъ... Господи, Господи! въ состояніи ли я снести все, что ты мнѣ нынче посылаешь... (*Брату*). Милый братъ, какъ и чѣмъ отблагодарить тебя?..

Аполлонъ Павловичъ. Когда этотъ мальчикъ оборотится въ Гименея, не забыть дружбы.

Вѣра Павловна. О, никогда, никогда! могу ли забыть, чѣмъ тебѣ обязана? Твоими трудами, твоими заботами, мы пришли отъ бѣдности къ довольству, батюшка на старости лѣтъ успокоенъ.

Кремоновъ (*встороиу*). Не дай Богъ никому такого спокойствія!

Вѣра Павловна. А я... я ужъ не могу хорошенько объяснить все, что ты для меня сдѣлалъ. Какой прекрасный для меня день! (*Слышенъ стукъ экипажа*). Однакожъ, кто-то подъѣхалъ къ крыльцу.

Аполлонъ Павловичъ (*смотря въ окно*). Это онъ. У сердца, видно, тонкій слухъ.

Вѣра Павловна. Боже, поддержи меня! Сердце такъ и хочетъ выскочить! (*Къ концу явленія мальчикъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Радугинъ и Елисавета Андреевна.

Кремоновъ (*идя Радугину навстрѣчу*). Александръ Андреевичъ...

Радугинъ (*обнимая его*). Мой почтеннѣйшій другъ! Смѣю ли сказать попрежнему, милая Вѣра Павловна!

Вѣра Павловна (*подаетъ ему руку*). Попрежнему, Александръ...

Радугинъ (*цѣлуетъ руку Вѣры Павловны*). Милая, безцѣнная Вѣра Павловна. И вы не забыли меня? Вы не перемѣнились ко мнѣ?

Вѣра Павловна. Развѣ можно перемѣниться? Въ моей ли это волѣ?

Радугинъ. Цѣлыхъ два года не видаться... ужасное время!.. цѣлая вѣчность!

Вѣра Павловна. Помню, были два грустные, несносные года; но теперь, когда вижу васъ, они представляются мнѣ словно во снѣ. Мнѣ кажется, только и было въ моей жизни: первая минута нашего знакомства на балѣ у Солнцева и настоящая минута.

Радугинъ. О, какъ я счастливъ!.. Нѣтъ словъ выразить. Дайте-жъ мнѣ теперь насмотрѣться на васъ, налюбоваться вами!.. Какъ вѣрно ни сохранялъ я, въ эти два года, черты ваши въ моей памяти и сердцѣ, но вы все-таки лучше, чѣмъ представлялись моему сердцу и памяти. Видно, вы съ каждымъ часомъ хорошѣли. Теперь отъ Павла Иваныча будетъ зависѣть вполнѣ насъ осчастливить.

Кремоновъ. Выборъ ея сердца я давно утвердилъ. По письму вашему вижу, что вы не перемѣнили своихъ отношеній къ намъ. Итакъ, безъ дальнихъ объясненій, да благословитъ васъ Богъ вмѣстѣ со мною! (*Радугинъ цѣлуетъ у Вѣры Павловны руку*).

Елисавета Андреевна (*которая до сихъ поръ дружески бесѣдовала съ Аполлономъ Павловичемъ*). Позвольте мнѣ напомнить вамъ, любезнѣйшій братецъ, что вы, въ чаду вашихъ нѣжностей, забыли вовсе приличія. И вамъ выговоръ, любезная Вѣра Павловна! Александръ, рекомендую тебѣ брата твоей невѣсты.

Вѣра Павловна. Виновата.

Кремоновъ. Виноватъ, это я долженъ былъ сдѣлать.

Радугинъ (*бросается обнимать Аполлона Павловича*). Вмѣсто всѣхъ рекомендацій, полюбите меня, какъ брата, какъ друга.

Аполлонъ Павловичъ. Счастливъ буду, если заслужу вашу родственную любовь.

Радугинъ. Все, что вы дѣлали для своихъ, доказываетъ, что вы не будете чужды и новыхъ вашихъ родственныхъ связей.

Аполлонъ Павловичъ. Что такое могъ я сдѣлать для своихъ, чего бы не сдѣлалъ другой на моемъ мѣстѣ!

Радугинъ. Не скромничайте, я все знаю. Въ Петербургѣ, въ здѣшней губерніи и въ сосѣднихъ, чужіе и родные, тетка, сестра, всѣ говорятъ о трудахъ вашихъ какъ объ дивѣ. Вотъ слова молвы: Павелъ Иванычъ сдѣлался старъ, прихварывать началъ, и потому запустилъ было дѣла свои; но какъ скоро Аполлонъ Павловичъ принялъ ихъ въ свои руки, то въ полгода трудами необыкновенными, оборотами, заботливостью, хозяйственнымъ геніемъ, для котораго также надо родиться, привелъ дѣла въ цвѣтущее положеніе.

Аполлонъ Павловичъ. Всегда молва любитъ преувеличивать худое и хорошее. Лишнее говорили насчетъ

разстройства нашихъ дѣлъ, теперь и объ устройствѣ ихъ. Много точности и немного энергіи, вотъ мои заслуги.

Радугинъ. Прибавьте и горячую любовь къ роднымъ. Говорятъ, вы и ночи мало спите... Для кого-жъ, какъ не для отца, для сестры, тратите свое здоровье!

Аполлонъ Павловичъ. Кто прочелъ въ сердцѣ человѣческомъ? Можетъ-быть, на днѣ этого колодца найдете одинъ эгоизмъ.

Радугинъ. Позвольте вамъ не вѣрить. (*Обращаясь къ Павлу Иванычу*). А чтобы не откладывать долѣе счастія вступить въ такое дорогое семейство, я буду просить васъ, Павелъ Иванычъ... (*даетъ знакъ сестрѣ, чтобы онѣ удалились, жметъ руку своей невѣсты*).

Елисавета Андреевна (*тихо Вѣрѣ Павловнѣ*). Оставимъ ихъ однихъ. Пойдемъ-ка подъ тѣнь освѣжиться: ты вся горишь!

Вѣра Павловна Мудрено-ль!

Радугинъ. До свиданія, милый другъ!

Елисавета Андреевна. Да скоро ли выдадутъ меня замужъ? Вѣдь это должно быть презанимательно и превесело. (*Уходятъ; вслѣдъ за ними и Аполлонъ Павловичъ*).

(*Кремоновъ и Радугинъ направляются къ дому съ лѣвой стороны*).

Радугинъ. Два мучительныхъ года я былъ женихомъ вашей дочери. Сколько я выстрадалъ въ это время! какихъ опасностей для себя не придумалъ! Вознаградите меня теперь за эти муки, за эти страданія, назначивъ скорѣе день, когда я могу назвать Вѣру Павловну моею передъ лицомъ Бога и людей.

Кремоновъ. И для меня, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Здоровье мое ненадежно. Кто поручится, что завтрашній день мой? И потому я желалъ бы хоть нѣсколько времени насладиться счастіемъ дочери.

Радугинъ. Почему-жъ и безъ тревожныхъ мыслей

не исполнить нашего общаго желанія? Чтожъ черезъ мѣсяцъ и свадьбу?

Кремоновъ. Согласенъ, но есть обязанности у отца, о которыхъ намъ удобнѣе говорить въ домѣ. Милости просимъ. (*Уходятъ черезъ террасу въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Вѣра Павловна, Елисавета Андреевна и Аполлонъ Павловичъ. (*Вѣра Павловна и Елисавета Андреевна гуляютъ по саду: то показываются на сценѣ, то скрываются между деревьями; Аполлонъ Павловичъ слѣдитъ за ними, не отдѣляясь отъ дома.*)

Елисавета Андреевна (*у башни*). Зачѣмъ не сломаютъ этой старой, мрачной башни? И окошечко-то въ ней точно въ тюрьмѣ! Зачѣмъ не срубятъ этихъ угрюмыхъ вязовъ, которые съ нею такъ дружны? Они на меня всегда наводятъ скуку.

Вѣра Павловна. Извини, это вкусъ моего брата. Онъ говоритъ, что въ этой башнѣ и деревьяхъ много поэзіи.

Елисавета Андреевна. Поэзія Юнга! Признаюсь тебѣ, я не люблю ничего угрюмаго и стараго. То ли здѣсь?.. все такъ молодо, все такъ улыбается (*скрывается между кустами*).

Аполлонъ Павловичъ. Меня хвалятъ, благословляютъ меня! Я устроилъ счастіе крестьянъ, благосостояніе домашнихъ, счастіе сестры... и если бъ не ты, змѣя подколодная, шевелилась въ груди моей, еслибъ не ты, сова полуночная, завывала здѣсь днемъ и ночью, я также былъ бы счастливъ! По крайней мѣрѣ, я имѣю понятіе, какъ человѣкъ наслаждается благами жизни, узналъ, хоть издали, что такое дѣлать добро... Я этого не зналъ прежде! (*Задумывается*). Кабы это было все чисто, не отравлено!.. Нѣтъ,

это не былъ моій удѣлъ!.. Вотъ и теперь, когда все вокругъ меня радуется, кромѣ участниковъ моего преступленія, я самъ, творецъ ихъ радости, стою здѣсь на стражѣ: не откроетъ ли эта башня свои нѣдра, чтобъ разсказать тайны свои, прислушиваюсь, камень не заговоритъ ли противъ меня... Сердце невыносимо замираетъ... полно, перестану... послушаю отца... кончу, разорю все... отпущу бѣднаго Шафа на волю...

Елисавета Андреевна (*бѣжитъ за бабочкой къ башнѣ*). Воля твоя, я мотылька поймаю — такой хорошенькій! Настоящій гусарчикъ, и стянутъ, и съ усиками, и въ блестящемъ ментикѣ.

Вѣра Павловна. Перестань, не мучь бѣдняжку.

Елисавета Андреевна. Хоть немного подержу въ плѣну, и отпущу; такъ пріятно ловить!

Аполлонъ Павловичъ (*съ безпокойствомъ слѣдя за ней глазами*). Что дѣлаетъ эта вертушка у башни? Зачѣмъ нелегкая ее туда занесла? А! что-то стукнуло?.. Еще...

Елисавета Андреевна (*оглядываясь*). Не вы ли, любезный Аполлонъ Павловичъ, забавляетесь пускать въ меня камешки?

Аполлонъ Павловичъ. Кто?.. я?.. я... и не думаю...

Елисавета Андреевна. Да вотъ и billet-doux! (*Поднимаетъ что-то съ земли и показываетъ камешекъ*). Хороша конфетка! (*развертываетъ бумажку*). Писано, видно, въ большомъ душевномъ волненіи... какія-то чудныя каракульки!.. на какой-то красной бумажкѣ... точно ассигнація...

Аполлонъ Павловичъ *бросается черезъ кусты и цвѣты, топчетъ все ногами и прямо къ Елисаветѣ Андреевнѣ, у которой вырываетъ бумажку изъ рукъ.*

Елисавета Андреевна (*вскрикнувъ, бѣжитъ къ Вѣрѣ Павловнѣ*). Аій!.. Защити, онъ... убьетъ меня.

Вѣра Павловна (*прижимая къ себѣ подругу*). Что

съ тобою, Аполлонъ?.. Ты въ какомъ-то изступленіи... опомнись.

Аполлонъ Павловичъ. Да... я обезумѣлъ... простите меня, простите... я вамъ объясню... это я нѣкогда... писалъ... это тайна... но когда-нибудь разскажу... Вѣроятно, мальчишка дворовый нашелъ... изволитъ забавляться!.. Я дамъ ему забаву!.. Простите, еще разъ, простите, милая добрая, Елисавета Андреевна. Забудьте этотъ случай... ради Бога, не говорите объ немъ вашему брату...

Елисавета Андреевна. Не понимаю ничего, но если тутъ кроются серьезныя тайны, нельзя не простить... Однакожъ, не забуду еще дня два, потому что мнѣ напомнятъ мои изломанные пальцы... Вы точно бѣшеный самозванецъ Сумарокова!..

Аполлонъ Павловичъ. Да, бѣшеный, безумный, все, что вы хотите, но только не помните зла, ангелъ во плоти!

Елисавета Андреевна (*подавая ему руку*). Забвеніе всего и миръ неразрывный!

Аполлонъ Павловичъ (*сестрѣ на ухо*). Прошу тебя, удалитесь... я такъ смущенъ, что ваше присутствіе меня убиваетъ... хотѣлъ бы хоть провалиться въ землю.

Вѣра Павловна *увлекаетъ подругу*.

Елисавета Андреевна (*дружески кивнувъ Аполлону Павловичу*). Ну если эта записка была?.. Ужасъ пріятно!.. (*скрываются*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Аполлонъ Павловичъ (*развертываетъ бумажку*). Рука Шафа... его злодѣйская рука!.. (*читаетъ*).

«Сжальтесь надъ несчастнымъ страдальцемъ. Шесть мѣсяцевъ томлюсь въ этой башнѣ, въ душномъ подземельѣ... здѣсь совершаются дѣла ужасныя, которыхъ я невольный

участникъ: здѣсь дѣлаютъ... Пускай схватятъ горбуна... все откроютъ... Вы получите награду отъ правительства»...

Дошло же посланіе по вѣрному адресу!.. Дуракъ! самъ на себя наложилъ новую петлю и, можетъ-быть, мертвый узелъ... А я думалъ еще освободить его!.. Не для того-ль, чтобъ эту неподвижную трещотку сдѣлать ходячею, чтобы въ нашемъ золотѣ, въ нашихъ перьяхъ гулялъ этотъ герольдъ и трубилъ о дѣлахъ нашихъ? Нѣтъ, дитя, запой-ка лучше свою колыбельную пѣснь о Рейнѣ, матери сырой землѣ, и усни самъ подъ эту пѣсню сномъ непробуднымъ!

АКТЪ III.

Старинный господскій домъ, съ стриженной аллеей; на концѣ прудъ; крестьянки въ праздничныхъ нарядахъ, группою; впереди сцены столъ, на которомъ огромная суповая чаша, стаканы, графины, бокалы и закуска. Множество слугъ и дворовыхъ дѣвокъ въ различныхъ одѣяніяхъ, какъ водилось встарину въ безпорядочныхъ господскихъ домахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Громодеринъ и Курилкинъ (*сидятъ за столомъ и ведутъ попойку*).

Курилкинъ. Почему я не муха?

Громодеринъ. Потому, что ты человѣкъ.

Курилкинъ. Знаю, да почему я не муха?.. Окунулся бы въ стаканъ пунша, да и утонулъ бы въ немъ.

Громодеринъ. Браво!.. правда, когда бы не вино, гадкое житье на свѣтѣ!.. Ну, бабы, задремали!.. Эй, Дуная!

Крестьянки составляютъ кружокъ; одна изъ нихъ надѣваетъ мужскую шляпу и ходитъ посрединѣ хоровода; хоръ затягиваетъ пѣсню:

Какъ пошолъ нашъ молодецъ
Вдоль по улицѣ въ конецъ,
Ой, Дунай ли, нашъ Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!

Ахъ! какъ звали молодца,
Позывали удальца,
Ой, Дунай ли, нашъ Дунай,
Сынъ Иваповичъ Дунай!
Какъ во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрищѣ поиграть,
Ой, Дунай ли, мой Дунай,
Сынъ...

Громодеринъ (*махая рукой*). Завылп! полно!.. полно!.. Настю сюда, злодѣйку Настю. (*Слуга подзываетъ молодую, приложую крестьянку; она отговаривается*). Проворнѣй!.. не то... (*Слуга подводитъ крестьянку; Громодеринъ даетъ ей поцѣлуй, потомъ свою руку поцѣловать и вынимаетъ изъ бумажника бѣлую ассигнацію*). Вотъ тебѣ за боярскій поцѣлуй! (*Обращаясь къ Курилкину*). Кой-чортъ! братецъ, не работы ли горбунчика?

Курилкинъ (*пожимая плечами*). Сомнительная.

Громодеринъ. Ну да въ нашемъ краю сойдутъ съ рукъ! (*Отдаетъ другую бумажку*). А что ни говори, братецъ, скучно жить на свѣтѣ. Эй! Гаврюшку да Соньку! славно разбойница поетъ подъ бандуру. Да кларнетистовъ!

(*Входитъ съ бандурой молодой, красивый, бойкій парень, въ сѣромъ армякѣ, между тѣмъ какъ жилетъ и прочее платье, довольно щегольское, обличаютъ въ немъ дворовато человѣка; за нимъ дворовая прилежая дѣвка, богато одѣтая, но грустная; подлѣ нихъ становятся два кларнетиста: одинъ съ подбитымъ глазомъ, съ краснымъ носомъ*).

Курилкинъ. Что это у тебя, Гаврюшка, подъ наказаніемъ?

Громодеринъ. Дурь вошла въ голову; полюбилъ Соньку, а она его, да я-то не полюбилъ: за эту страстишку задавалъ порядочную страсть, да неймется: хочу въ солдаты. — Ну-ка заливную, про амуры ваши! Лихо, братецъ, поетъ, такъ и тянетъ за душу! (*Пѣвцы переговариваются*

съ музыкантами. Указывая на Гаврюшку). Вѣдь онъ у меня грамотникъ, своею охотой, собака!..

Пѣвцы поютъ:

Смолкни, смолкни, молодой ямщикъ,
Мимо нашихъ оконъ ѣдучи;
Груди бѣлой не надсаживай:
Сердце безъ тебя дивно болитъ.

Совостока пыль поднимется,
Запоетъ-то мой пригожій другъ:
Онъ разбудитъ ночку темную,
Встрепенется алая заря.

Онъ зальется, словно рѣченька
Говоритъ въ бѣгу по камышкамъ;
Онъ застонетъ, словно горлица,
Что воркуетъ знойно во саду.

Будто чарами недобрыми
Пѣсни тѣ заговорилъ:
Сердце хочетъ выскочить отъ нихъ,
Просится къ нему душа моя.

Чу! запѣлъ онъ... припади къ землѣ,
Вѣтеръ буйный, гость докучливѣй,
Замолчи, валдайскій колоколъ:
Дайте мнѣ наслушаться его.

Ахъ, прости, прощай, родимая!
Убѣгу, куда потянетъ пѣснь.
Пропадай, моя головушка,
Воля моя, воля дѣвичья!

Громодеринъ. Прочь!.. И безъ васъ тошно на свѣтѣ... (*Пьетъ и обнимается съ Курилкинымъ*). Народъ! умирать! (*Всѣ кругомъ Громодерина падаютъ на землю*). «Жить и пиво варить!» (*Всѣ встаютъ и поютъ*).

Мы съ этого пива опять встанемъ,
Ладо, мое Ладо, опять встанемъ.

Мы съ этого пива въ ладоши ударимъ,
Ладо, мое Ладо, въ ладоши ударимъ.

(*бьютъ въ ладоши*).

Теперь, съ этого пива, всѣ передеремся,
Ладо, мое Ладо, всѣ передеремся.

(*Женщины и мужчины всѣ перемѣшиваются и подъ ладъ музыки толкаютъ другъ друга*).

Курилкинъ. Ха, ха, ха!..

Громодеринъ. Довольно! по мѣстамъ! (*Всѣ расходятся на свои мѣста. Къ концу этой игры пріѣзжаютъ Остановъ и Сотовъ и становятся въ отдаленіи*).

Сотовъ. Боярскія увеселенія!

(*Остановъ пожимаетъ плечами*).

Громодеринъ. Докажи дружбу, задушевный, любовую! (*Пьютъ и обнимаются и такимъ образомъ подходятъ къ пруду*). Хочешь, братецъ, докажу и я дружбу: брошусь для тебя въ прудъ!

Курилкинъ. Докажу и я: за тобой умирать, такъ умирать вмѣстѣ. (*Хотятъ броситься въ прудъ, люди ихъ удерживаютъ; слышны колокольчики и бубенчики; сходятся гости одинъ за другимъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Остановъ, Сотовъ, Пурышковъ, Козявкинъ, Тузинъ, Переметкинскій и Македонскій.

Остановъ. Посмотри, нашъ Орестъ и Пиладъ гдѣ нашли умирать — въ водѣ!

Сотовъ. Да, это не ихъ стихія. Пойдутъ, какъ ключъ, ко дну. А была, видно, попойка порядочная. Неужели въ этой оргіи мы выберемъ себѣ исправника?

Остановъ. Чтожъ дѣлать, для успѣха нашего дѣла надо съ волками повыть.

Сотовъ. По моему, чѣмъ волковъ тѣшить, надо ихъ бить, гдѣ ни попадутся.

Остановъ. О, это не такъ легко, какъ ты думаешь по-своему, по-столичному! Эти гуси люди богатые; половина уѣзда имъ должна... задаютъ пиры, купайся въ винѣ по колѣно!.. въ губернскій городъ шлютъ обозы. — Тутъ не много сдѣлаешь!

Громодеринъ. Ну, до другого дня. (*Увидавъ гостей*). Милости просимъ, милости просимъ, дорогіе гости! Эй! малый, наливочки! Народъ — долой. (*Толпа крестьянъ и дворовыхъ удаляются. Подаютъ наливку. Остановъ пьетъ, Сотовъ отоваривается*).

Громодеринъ. Видно, не стараго закала! Такой-же хрустальный, какъ и Радугинъ, гвардеецъ и гордіонецъ.

Сотовъ. Прошу о Радугинѣ ни слова худого. Этотъ хрусталь обдѣланъ въ такомъ огнѣ, въ какомъ вы не бывали — его съ гордостью можно употреблять и за царской трапезой.

Громодеринъ (*мигая вошедшему Македонскому*). А, господинъ секретарь суда? какъ думаешь?

Македонскій. Прошу послушать, господа! Дѣло криминальное.

Остановъ. Ну, полно, господа, развѣ мы пріѣхали для ссоры? (*На ухо Сотову*). И тебѣ охота связываться съ пьянымъ?

Сотовъ. Однакожъ, къ этому пьяному мы пріѣхали трактовать о дѣлѣ цѣлаго дворянскаго сословія.

Пурышковъ (*раскланиваясь, Громодерину*). Я не могъ преминуть сей вѣрной оказіи, чтобъ не засвидѣтельствовать вамъ моего нижайшаго почитанія.

Громодеринъ. А, здорово, всеобщій опекунъ! Говорятъ, славную старушку подцѣпилъ! Что выторговалъ-таки духовную?

Пурышковъ. Не даромъ, батюшка! три года ходилъ около постели хворой.

Сотовъ. Утѣшитель духовный и тѣлесный!.. Не бездѣлица! Кто, кромѣ васъ, взялъ бы на себя трудъ возиться съ этимъ тряпьемъ?

Курилкинъ. Въ это тряпье завернуто золото, мой милый!

Сотовъ. Милый твой?.. Ошибся, видно, голубчикъ! (*Курилкинъ махаетъ рукой*).

Остановъ (*на ухо ему*). Аii, ай, какой ты задорный!.. Да угомонишься ли, братецъ?

Сотовъ. Онъ можетъ такъ говорить съ лакеемъ своимъ, или кто себя доброй волей запишетъ въ его лакеи.

Козявкинъ. Здравствуйте, честная компанія! Го, го, умора! Побился объ закладъ съ Аполлономъ Павлычемъ, что моей кривой иноходъ обгонитъ его тысячнаго рысака на трехъ верстахъ. Чтожъ, на одной верстѣ засыпалъ его пылью. Правда, околѣли двѣ пристяжныя; пристяжныхъ кучера долой... чортъ знаетъ, не переломилъ ли себѣ ребра? да зато батюшка коренникъ честно вывезъ— не ударилъ меня лицомъ въ грязь.

Громодеринъ. А что закладу?

Козявкинъ. Съ его стороны тысячный рысакъ и двѣ сотни придачи, съ моей иноходецъ и та же придача.

Курилкинъ. Что ему, горбуну? Плевое дѣло! у него, чаи, въ обоихъ горбахъ набиты ассигнаціи.

Громодеринъ. За здоровье батюшки коренника!

Нѣсколько голосовъ. За здоровье батюшки коренника! (*Всѣ пьютъ, кромѣ Останова и Сотова, которые занялись жаркимъ разговоромъ*).

Сотовъ (*Останову*). Дѣти, достойныя отца!

Громодеринъ (*мигая на нихъ*). Ой, вы, іезуиты!

Македонскій (*униженно подойдя къ Курилкину и потирая ладони*). Ваше высокородіе проговаривали что-то объ ассигнаціяхъ и горбунѣ.

Курилкинъ. Ну, да, братецъ.

Македонскій. Вѣрьте Богу, все пустые слухи... злыхъ людей не оберешься въ наше время!.. Я за него готовъ идти къ крестному цѣлованію... А не ровенъ часъ, какъ ваше словечко поймаютъ да пустятъ въ ходъ... да какъ на дѣлѣ не докажете... Вы сами изволите вѣдать, ложному доносчику... осмѣливаюсь доложить изъ глубочайшаго желанія добра особѣ вашего высокородія.

Курилкинъ. И впрямь спасибо!.. Спасибо!.. пришли, родной, за овсецомъ-то. Подводы у тебя вѣдь не нанятыя!

Македонскій Помилуйте, развѣ я изъ интересу лишь изъ усердія...

Громодеринъ (*обнимая вошедшаго Тузина*). Хорошо, дружище! въ воскресенье откушать нашего хлѣба-соли не пріѣхалъ.

Тузинъ. Виноватъ, любезный, пробовалъ новую осетрину.

Громодеринъ. А у меня какая солонина духовая была! Чудо! деликатесъ!

Тузинъ. Солонина!.. Ахъ, Боже мой, солонина!

Громодеринъ. И стерлядка аршинная.

Тузинъ. И стерлядь. Да я хлѣба лишусь на цѣлую недѣлю. Лучше бъ не говорилъ: ночи не засну, все будутъ мерещиться солонина да стерлядь, стерлядь да солонина.

Громодеринъ. Ну, да, мы поправимъ скоро это дѣло.

Сотовъ (*на ухо Останову, показывая на Переметкинскаго, стоящаго подлѣ нихъ*). Это что за новое лицо?

Остановъ (*тихо Сотову*). Татаринъ или жидъ, чортъ знаетъ! Досталось ему здѣсь какое-то имѣньице, служилъ аферистомъ у нашихъ и вашихъ. (*Обращаясь къ прочимъ*). Полноте, господа, изъ пустого въ порожнее переливать; пора за дѣло. Сядемте-ка и потолкуемъ..., Вспомните че-

резъ три дня дворянскіе выборы. Судьи и прочіе члены судовъ назначены; нынѣ хотѣли назначить исправника.

Громодеринъ. Да, да, сядемъ-те и потолкуемъ. Эй! Филька, наливки! (*Всѣ садятся въ полукругъ, кромѣ Македонскаго, который становится за стуломъ Курилкина*). Чтожъ ты!

Македонскій (*кланяясь*). Я и постою-съ.

Курилкинъ. Кого жъ бы намъ выбрать?

Громодеринъ. Есть одинъ гусь на примѣтѣ... рангу полковничьяго... гвардіонецъ... Надо бы проучить!.. Такой гордецъ, что и Боже упаси! Стариковъ насъ и знать не хочетъ; пріѣхалъ, и визита мнѣ не сдѣлалъ — хоть бы изъ уваженія къ моему состоянію и лѣтамъ!

Курилкинъ Радугинъ! Да и у меня не былъ: гордіонъ!

Переметкинскій. И подступу нѣтъ ни съ той, ни съ другой стороны. Несносный человѣкъ!

Громодеринъ. На небо плюетъ!.. Ой, ой! Республиканецъ!

Тузинъ (*задумавшись*). Солонина!.. Стерлядь!..

Громодеринъ. Эхъ, братецъ, какая тутъ солонина, мы толкуемъ о Радугинѣ.

Тузинъ. Да, да, нехорошій человѣкъ и стола съ нами гнушается!

Пурышковъ. Чтожъ? Почему бы не проучить голубчика! Выбрать его въ исправники.

Курилкинъ. Ему, чай, мало въ губернаторы!

Громодеринъ. Пожалуй, въ оберъ-прокуроры захочетъ!

Нѣсколько голосовъ. Проучить!.. въ исправники его!.. пускай потретъ лямку! (*Шепчутъ между собой и смѣются*).

Сотовъ. Позвольте...

Переметкинскій. Не дозволяемъ.

(*Сотовъ смотритъ на него съ презрительною усмѣшкой*,

Остановъ (*Сотову тихо*). Ради Бога, не мѣшай. Я самъ, черезъ протоколиста моего, навелъ ихъ на этотъ путь. Меня просилъ новый губернаторъ, человѣкъ благороднѣйшій.

Сотовъ. Такой же, какъ и прежній.

Остановъ. Боже упаси!.. Къ этому не прислала-бы императрица кошелька въ день именинъ. О, этотъ человѣкъ благороднѣйшій! Онъ умолялъ меня постараться выбрать въ исправники Радугина, который нѣкогда служилъ въ одномъ съ нимъ полку. Сказалъ мнѣ по секрету: «открывается дѣло очень важное по вашему уѣзду... Нарочно не произвожу слѣдствія... дождусь Радугина слѣдователемъ».

Сотовъ. Въ такомъ случаѣ я поддержу васъ (*громко*). И я предлагаю полковника Радугина въ исправники, но не потому, чтобы мстить за личныя неудовольствія: это неприлично русскому дворянину! нѣтъ, а потому, что я увѣренъ въ благородствѣ и твердости его правилъ, и ручаюсь, что онъ поддержитъ достойнымъ образомъ нашъ выборъ, защищая крестьянъ отъ незаконныхъ поборовъ и бѣдныхъ отъ угнетенія. Вы хотите его унизить, а онъ себя возвыситъ своею должностью. (*Слышенъ ропотъ*).

Остановъ. Позвольте мнѣ сказать слово за Радугина. Вышедши въ отставку и собираясь жениться, онъ долженъ былъ, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, заняться хозяйственными дѣлами, и потому не успѣлъ воздать должное почтеннѣйшимъ своимъ сосѣдямъ. Я увѣренъ—обижвясь, онъ постарается загладить свою невольную вину. А, между тѣмъ, за тайну долженъ сказать вамъ, господа, что и самъ губернаторъ меня объ этомъ просилъ.

Нѣсколько голосовъ. Самъ губернаторъ! Самъ губернаторъ! Въ исправники Радугина! рѣшено!

Переметкинскій. Честію клянусь, будетъ образецъ исправникамъ.

Остановъ. Да какъ же вы его давеча бранили?

Переметкинскій. Ну, да вы видѣли, вѣдь надо было par camaraderie...

Остановъ. А кто отъ слова своего отступится, господа, да будетъ тому стыдно!

Всѣ (*единодушно*). Да будетъ стыдно!

Громодеринъ. Эй, шишучки! Вспрыснемъ за-очно новаго исправника!

Пурышковъ. Вотъ и Кремоновы. Что-то они скажутъ о выборѣ будущаго зятька.

Македонскій. Осмѣлюсь доложить, и у нихъ сильная партія — жалисты! Опасно-съ, какъ бы не укусили-съ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Кремоновъ и Аполлонъ Павловичъ.

Громодеринъ (*обнимая Кремонова*). Добро пожаловать, поздніе гости!

Кремоновъ. Дѣлъ куча, выдаю дочь; а не смѣлъ отказаться, мой почтеннѣйшій другъ!

Громодеринъ (*Аполлону Павловичу, ударяя его дружески по ладони*). Здорово, здорово, дружище!

Аполлонъ Павловичъ. Я увлекъ ужъ батюшку; мы такъ много уважаемъ васъ, что готовы бросить самыя важныя дѣла, лишь бы провести нѣсколько часовъ въ вашей пріятнѣйшей бесѣдѣ.

Сотовъ (*Останову*). Только не дѣланіе...

Остановъ (*дернувъ его за рукавъ, на ухо*). Языкъ мой, врагъ мой!.. Дастъ выпить кофейку — такъ закусишь его.

Сотовъ. Боюсь я его кофейка!..

Курилкинъ (*Кремонову*). Здорово, родной, сколько лѣтъ, сколько зимъ! (*обнимаются*).

Громодеринъ. Эй, карты! Аполлонъ Павлычъ любитъ бостончикъ.

Аполлонъ Павловичъ. Не прочь.

Козявкинъ (*Аполлону Павловичу*). Рысачекъ мой.

Аполлонъ Павловичъ. И съ нимъ 200 рублей.

Козявкинъ. Помилуйте, совѣстно, хоть рысачка-то одного.

Аполлонъ Павловичъ. Развѣ вы хотите меня дарить? я подарковъ не беру.

Козявкинъ. Въ такомъ случаѣ не прочь и отъ денегъ (*тихо пожимая ему руку*). Прошу во всякомъ случаѣ располагать мною.

Аполлонъ Павловичъ (*Пурышкову*). Я написалъ полную квитанцію объ опекѣ вашей и отослалъ ее въ судъ.

Пурышковъ. Не знаю, какъ изъяснить вамъ мою благодарность, достойный мужъ; безъ васъ дѣло проволокли-бы Богъ знаетъ сколько.

Македонскій (*Аполлону Павловичу, пожимаясь*). Дрожечки-то у васъ, конечно, московскія?

Аполлонъ Павловичъ. Арбатскаго. А что — понравились? Купите.

Македонскій. Помилуйте, по нашимъ-ли деньгамъ?

Аполлонъ Павловичъ. Заплатите мнѣ 50 рублей, и онѣ ваши.

(*Македонскій спѣшитъ вынуть изъ бумажника деньги*).

Аполлонъ Павловичъ. Пришлите прежде за дрожками, а тамъ сочтемся. (*Македонскій, униженно кланяясь, прячетъ деньги*).

(*Громодеринъ подастъ Аполлону Павловичу карту*).

Аполлонъ Павловичъ (*не принимая*). Помилуйте, есть постарше меня: я возьму послѣ.

Громодеринъ. Вотъ за это люблю молодого человѣка; стариковъ таки уважаетъ, не то, что какой-нибудь шематонъ... (*Сотовъ, который стоитъ подлѣ него, беретъ*

карту безъ приглашенія; за нимъ Остановъ, Тузинъ и Аполлонъ Павловичъ садятся за карточный столъ, повременамъ слышны: «бостонъ, шесть въ сюрахъ, вистъ, ремизъ». Прочіе гости и хозяинъ то прохаживаются по саду, то попиваютъ; Кремоновъ садится на углу карточнаго стола, возлѣ стола).

Аполлонъ Павловичъ (*Тузину*). Какіе балыки я получилъ! Янтарь настоящій!

Тузинъ. Откуда вы это, родной, достали?

Аполлонъ Павловичъ. Это моя тайна! Угодно, подѣлюсь.

Тузинъ (*подавая ему руку черезъ столъ*). Благодѣтель!

Громодеринъ. А знаете-ли, Павелъ Иванычъ, мы безъ васъ къ будущимъ выборамъ исправника назначили.

Кремоновъ. Кто жъ удостоился?

Громодеринъ. Да, не взыщи, родной: твой будущій зятекъ, Радугинъ.

Кремоновъ. Помилуйте, какъ это... (*Аполлонъ Павловичъ толкаетъ его колѣнкой*). Полковникъ гвардіи — только-что изъ службы...

Остановъ. То была служба коронная, а теперь не откажется сдѣлать намъ честь послужить дворянамъ.

Кремоновъ. Почему-бъ... только... не успѣлъ оглядѣться... свадьба... куча дѣлъ...

Аполлонъ Павловичъ (*толкая его опять колѣнкой и значительно взглянувъ*). Я увѣренъ, Александръ Андреичъ почтетъ за особенную честь исполнить желаніе здѣшняго дворянства. Онъ постарается доказать, что не мѣсто возвышаетъ человѣка, а человѣкъ мѣсто.

Переметкинскій. Ваши слова, вельможный господинъ, надо записывать золотыми буквами.

Аполлонъ Павловичъ (*кланяясь*). О!..

Сотовъ. Игра кончена.

Аполлонъ Павловичъ (*разсчитавъ*). Отъ меня приходитъ вамъ 95 рублей (*вынимаетъ изъ бумажника ассигнаціи*).

Сотовъ. Я ассигнаціи не беру.

(*Остановъ бльднѣетъ и видимо смущенъ*).

Аполлонъ Павловичъ. Почему такъ, милостивый государь.

Сотовъ. Такъ, потому что не беру.

Аполлонъ Павловичъ. У всякаго барона своя фантазія!.. Въ этомъ случаѣ добрый хозяинъ поможетъ мнѣ.

Громодеринъ. Что это за вольнодумство!.. Начитался Вольтера, да и хочетъ весь міръ поставить вверхъ дномъ. Вы, господинъ Сотовъ, обижаете гостя и вмѣстѣ хозяина. Я давно замѣтилъ, вы своей имажинаціей разстраиваете нашу компанію. Не любо вамъ у насъ, такъ вотъ вамъ и двери, а погорячитесь, такъ и не прогнѣвайтесь, полетите и въ окошко.

Сотовъ (*играя перочиннымъ ножикомъ, который вынулъ изъ жилета*). Прежде тотъ полетитъ на тотъ свѣтъ, кто осмѣлится наложить на меня руку.

Остановъ (*Громодерину*). Успокойтесь.

Сотовъ. Я самъ за честь почитаю оставить вашу достопочтеннѣйшую компанію, а все-таки (*иронически*) ассигнаціи отъ господина Кремонова не беру... (*удаляется*).

Громодеринъ. Эй, дворецкій! Наклади Сотову въ его экипажъ мѣди на 95 рублей. Прежде не пускать его со двора! Слышь?

Всѣ гости (*ходятъ и кричатъ*). Браво!.. славно отдѣлалъ молодца.

Переметкинскій. Соломоново рѣшеніе!

Аполлонъ Павловичъ. Сдѣлайте одолженіе, оставьте этого сумасшедшаго. Мы съ нимъ иначе раздѣлаемся.

Громодеринъ. Нѣтъ, нѣтъ, проучить молокососа! Слышь? Мѣди ему на 95 рублей.

Однакожъ, господа, дождикъ накрапываетъ, лучше подъ крышу. (*Всѣ начинаютъ уходить, одинъ за другимъ, вслѣдъ за хозяиномъ*).

Кремоновъ (*тихо сыну*). Переживу ли я этотъ день!

Аполлонъ Павловичъ (*любуясь мимоходомъ цвѣтами, громко*). Какіе пышные піоны!.. жаль, облетятъ нынѣ же...

АКТЪ IV.

Богато убранная гостиная. Вечеръ, блестящее освѣщеніе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Аполлонъ Павловичъ и Мошнинъ (*послѣдній входитъ, осматриваясь, изъ боковой двери*).

Аполлонъ Павловичъ (*отводя его всторону*). Что, другъ, не слыхать ли чего?

Мошнинъ. Ни гу-гу, батенька. Все тихо, какъ на погостѣ. И кому говорить? Сотовъ прикусилъ язычекъ... кофеекъ былъ хорошъ... будетъ знать, кошка, чье мясо съѣла; всѣ дворяне уѣхали въ губернію на выборы.

Аполлонъ Павловичъ. Да, любезный, эти выборы дадутъ намъ славную подмогу. Радугина, жениха моей сестры, выберутъ въ исправники... Смекаешь, какъ это выгодно? А все я смастерилъ. Его поставилъ противъ сосѣдей... сказалъ, что мужики, не стоитъ вести съ ними компаніи; сосѣдей поставилъ противъ него, надулъ имъ черезъ добрыхъ людей въ уши: и гордецъ-то онъ, и въ грошъ ихъ не цѣнитъ, и хочетъ-то онъ въ губернскіе предводители... А они, на зло ему, и даваі выбирать его въ исправники! дескать, низка для него должность; пускай потянетъ лямку! Батюшка было и прочь, да я его остановилъ.

Мошнинъ. Не даромъ говорю, золотая головка! Съ тобой, чай, и въ аду не сгоришь, прости, Господи, мое прегрѣшеніе! Лишь бы поскорѣй окрутить сестрицу-то съ Александромъ Андреевичемъ, а то и шило въ мѣшкѣ спрячемъ. Пойдетъ-ли на свою кровь?.. А засѣдатели и секретари наши батраки. И понятыхъ за ведерку приведутъ... понимаешь... Кто на себя руки наложитъ? А коли надо, и мертвый на себя покажетъ.

Аполлонъ Павловичъ (*идетъ къ двери и прислушивается; возвратясь*). Теперь одинъ Каспаръ насъ связываетъ по рукамъ и ногамъ. Видно, рѣшился погубить насъ. Выпустить его на волю — все равно что на себя доказать. Ему ничего. Скажетъ, засадили его силой! А намъ бѣда! Во что бъ ни стало, надо ему на языкъ мертвую петлю, и поскорѣй, нынче же!

Мошнинъ. Какъ бы безъ душегубства, батенька, прошу не прогнѣваться, тихимъ образомъ, то есть... нельзя ли соннаго, сирѣчь... зельица? Уснетъ себѣ голубчикъ, да и только.

Аполлонъ Павловичъ. Дѣло!.. вотъ ужъ сутки не давалъ я ему пить. Жажда не свой братъ... Въ питьѣ... понимаешь?

Теперь нырни куда-нибудь, а тамъ и покажись на вечеринкѣ... Я выйду, когда можно будетъ, а ты посматривай за отцомъ да за зятькомъ... Отецъ безпрестанно слѣдитъ меня... я ужъ будто побаиваюсь его... Ба! не потерялъ ли я ужъ волю свою?.. Зачѣмъ же и трудился!.. Нѣтъ, покуда она еще моя! покуда я господинъ здѣсь въ домѣ!..

Мошнинъ. А гдѣ жъ уложить почивать?..

Аполлонъ Павловичъ. Уложимъ... въ подвалѣ же! Изъ опочивальни ежедневной сдѣлаемъ только вѣчную...

Мошнинъ. Какъ ключъ ко дну. Охъ, охъ! подумаешь, жизнь-то человѣческая на волоскѣ виситъ.

Аполлонъ Павловичъ. А тамъ... разоримъ, уни-

чтожпмъ все, чтобы и слѣдовъ не осталось... смотри... (*грозитъ ему*) не обмани въ послѣдній разъ...

Мошнинъ. Эхъ, Аполлонъ Павловичъ, развѣ я нехристъ какой! Изъ вѣры напослѣди вышелъ! Вѣдь у меня здѣсь домикъ, жена и дѣти...

Аполлонъ Павловичъ. То-то же!.. Ну рѣшено! Ступай, и приходи во-время. (*Мошнинъ уходитъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Аполлонъ Павловичъ (*одинъ*). Отъ чего жъ вдругъ такъ сердце замерло? Я думалъ, рѣшиться на это дѣло легко... Воображеніе иногда играетъ злодѣяніемъ, какъ дитя огнемъ, но дотронься только до него, и волосы встаютъ дыбомъ. Видно, на жизни человѣка лежитъ святая печать, наложенная самимъ Богомъ: ужасно человѣку сломить ее!.. А воротиться нельзя... Шагъ впередъ — грозное привидѣніе съ поднятою сѣкирой, и назадъ — то же. Поздно робѣть... Впередъ, Аполлонъ! Крѣпись, и привидѣніе исчезнетъ! (*Немного погодя*). Чтожъ? Онъ уснетъ сномъ сладкимъ; его не потревожатъ житейскія горести... (*Слышно вдали пѣніе*).

Отставала лебедь бѣлая,
Отъ стада лебединова,
Приставала лебедушка
Что ко стаду сѣрымъ гусямъ...
Не умѣетъ лебедушка
По гусиному кликати.
Не щиплите меня, лебедя,
Ой, вы, гуси сѣрые;
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесла меня погодушка.

Люди поютъ, веселятся отъ души, наслаждаются жизнью, а я... такъ близко отъ нихъ, подъ ихъ пѣніе иду губить подобнаго себѣ... Что разнѣжился больно?.. Баба!.. Отцовская кровь заговорила... Нѣтъ, мѣшкать нечего!

ЯВЛЕНІЕ III.

Вѣра Павловна, Елисавета Андреевна, Кремоновъ, Аполлонъ Павловичъ, нѣсколько подругъ Вѣры Павловны и дворовыя дѣвушки. (*Во время разговора ея съ подругами, Кремоновы, отецъ и сынъ, прохаживаются по комнатѣ*).

Вѣра Павловна (*своимъ подругамъ*). Благодарю васъ, милыя, каждой изъ васъ желаю такихъ счастливыхъ минутъ. Ахъ! Кабы вы знали, что дѣлается въ моемъ сердцѣ?

Елисавета Андреевна. Однакожъ любезный женишокъ заставляетъ себя ждать... Я на твоемъ мѣстѣ отмстила бы ему послѣ свадьбы.

Вѣра Павловна. На моемъ мѣстѣ заговорила бъ другое. Можетъ ли теперь придти что-нибудь злое на умъ и сердце! чувствуешь только смутное блаженство, да и въ томъ не можешь дать себѣ отчета. (*Садится, около нея садятся ея подруги; Елисавета Андреевна шепчетъ что-то горничнымъ; онѣ поютъ*):

На рѣчкѣ лебедушка кликала,
На быстрой бѣлая кликала:
Ты лети, лети, лебедь мой,
Ты лети, лети, бѣлый мой!
Безъ тебя ли мнѣ, лебедушкѣ,
Рѣчка не такъ течетъ,
Въ полѣ трава не зелена.

Въ теремѣ Вѣрушка плакала,
Въ высокомъ Павловна плакала:
Ты иди, иди, суженый мой,

Ты иди, иди, ряженый мой,
Скорѣй иди, Александръ господинъ,
Александръ, сударь Андреевичъ!

Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Темно красное солнышко,
Не ясенъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Теремъ не такъ стоитъ;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Сахарны яства на умъ нейдутъ,
Денечекъ весь пасмуренъ,
Не спится темною ночкой.

Аполлонъ Павловичъ (*про себя*). Боюсь, чтобъ она не веселилась надъ бездной!.. Надо спасти ее! Безъ жертвы не обойдется...

Кремоновъ (*отводя сына встророну*). Для такого радостнаго дня, дай свободу бѣдному Каспару.

Аполлонъ Павловичъ. Дамъ... дамъ... я ужъ объ этомъ и думалъ.

Кремоновъ. Ты такъ мрачно говоришь о такомъ добромъ дѣлѣ.

Аполлонъ Павловичъ. Нельзя же!.. Надо взять предосторожности... не быть въ дуракахъ. Видите радость, счастіе сестры!.. Ну, если все это рушится?

Кремоновъ. Если... все это рушится?!

Нѣсколько голосовъ. Женихъ! Женихъ!..

(*Кремоновъ и Аполлонъ Павловичъ идутъ навстрѣчу Радугину*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Радугинъ (*за нимъ нѣсколько молодыхъ франтовъ, разодѣтыхъ по-бальному*).

Радугинъ (*поцѣловавъ руку у невѣсты, обращается къ хозяевамъ дома*). Рекомендую вамъ моихъ добрыхъ знакомыхъ: всѣ прекрасные молодые люди и танцоры до упаду.

Кремоновъ. Очень радъ дорогимъ гостямъ, очень радъ. (*Молодые люди расшаркиваются и подаютъ Кремонову руку*).

Радугинъ. Хотѣлъ бы сюда на крыльяхъ вѣтра. Лошади мчали меня, а мнѣ все казалось, что тащусь на клячахъ. Кричу кучеру: пошелъ! пошелъ!.. онъ летитъ по камнямъ и ухабамъ и вдругъ хлопъ — ресора пополамъ.

Кремоновъ (*всторону*). Худое предвѣстіе!

Вѣра Павловна. Не ушибся ли ты?

Радугинъ. Нѣтъ, слава Богу; кончилось только одною досадою на задержку. Теперь я съ тобою, мой другъ, и все забылъ. Какъ хочешь, по обычаямъ сговора, мы здѣсь не разстанемся. (*Садится рядомъ, за нимъ размѣщаются и другіе*).

Вѣра Павловна (*тихо пожимая ему руку*). Ни здѣсь, ни тамъ! (*Показываетъ глазами на небо*).

Радугинъ. Да, я забылъ вамъ сказать: въ сѣняхъ стоитъ, пригорюнясь, бѣдный Мошнинъ, такой нарядный, сапоги со скрипомъ, и не смѣетъ сюда войти, а говоритъ: хотѣлось бы полюбоваться на радость общую.

Кремоновъ. Почему жъ не такъ? Онъ не помѣха. У насъ все попросту, безъ чиновъ и затѣй, по старинѣ, какъ вы сами хотѣли.

Аполлонъ Павловичъ. Мы давно ведемъ съ нимъ дѣла торговыя... простой, но честный купецъ! (*Слугѣ*). Попросить сюда Мошнина.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Мошнинъ.

Мошнинъ. Честной бесѣдѣ во компаніи многія лѣта желаемъ.

Кремоновъ. Вотъ мой будущій зять — прошу полюбить. (*Радугинъ подаетъ Мошнину руку*).

Мошнинъ (*низко кланяясь*). А насъ прошу жаловать, (*Всматривается въ жениха и невѣсту*).

Вѣра Павловна. Что ты такъ на меня пристально смотришь, Гаврила Сплавчъ?

Мошнинъ. Смотрю и думаю я: напрасно, матушка-сударыня, прошу не прогнѣваться, цвѣточекъ приколоть изволили — сами розанчикъ, да еще какой!.. только вотъ что развернулся. А твое красное солнышко при тебѣ: есть отъ чего расцвѣтать.

Радугинъ. Благодаримъ за привѣтствіе, благодаримъ.

(*Аполлонъ Павловичъ показываетъ возлѣ себя мѣсто Мошнину, этотъ садится*).

Хоръ:

Черна ягода смородина,
Прилегла къ круту бережку;
Прилегли кудри русыя
Къ лицу бѣлому, румяному:
Приглядывали красны дѣвицы
За румянымъ молодцомъ;
Русы кудри по плечамъ лежатъ
На Александрѣ да Андреевичѣ,
Брови черныя, что у соболя;
Очи ясныя, что у сокола!
Слышишь ли, Александръ Андреевичъ,
Мы тебѣ пѣсню поемъ,
По имени называемъ,
По отечеству величаемъ.

Радугинъ (*кладетъ ассигнаціи на подносъ, который подноситъ дѣвушка*). Благодарю, милая!

(*Мужчины встаютъ, одинъ за другимъ, съ мѣстъ, для поздравленія; имъ подносятъ бокалы шампанскаго. На привѣтствія ихъ женихъ и невѣста откланиваются; Кремоновъ хочетъ говорить, но отъ слезъ не можетъ; Вѣра Павловна бросается къ нему въ объятія, потомъ въ объятія брата*).

Аполлонъ Павловичъ (*взявши бокалъ*). Вѣра, въ счастіи своемъ не забудь брата! (*Выпиваетъ*).

Вѣра Павловна. О никогда, никогда: счастіемъ своимъ я вамъ обязана!

Одинъ изъ гостей (*взявъ бокалъ, обращается къ жениху и невѣстѣ*). Какъ искрится сіе вино, такъ искрилось бы всегда ваше счастіе. (*Выпиваетъ*).

Другой (*съ бокаломъ въ рукѣ, восторженно*). Сколько упоительныхъ капель въ этомъ бокалѣ, столько упоительныхъ дней въ нашей жизни!

Третій, *расшаркавшись и откланявшись, молча выпиваетъ вино.*

Четвертый. Какъ... сколько... (*Краснѣетъ и не можетъ выговорить слова*).

Мошнинъ. Э, батюшка, оставьте, дней много въ году впереди, успѣете сказать. (*Взявши поднесенный бокалъ*). Матушка, сударыня, Вѣра Павловна, дорогъ у тебя на ожерельи окатный жемчугъ: унизалъ бы тебя Господь такими дорогими дочками! Милостивецъ, Александръ Андреевичъ, такъ и горятъ жаромъ золотые позументы на одеждѣ твоей: такими золотыми сынками обложилъ бы тебя Господь!

Радугинъ. Отъ души спасибо за желанія, Гаврила Силаевичъ! (*Обращаясь къ Вѣрѣ Павловнѣ, тихо*). Этотъ, видно, не полѣзетъ въ карманъ за словами. (*Подносятъ вино дѣвушкамъ; онѣ, коснувшись губами бокала, поздравляютъ жениха и невѣсту, потомъ цѣлуются съ невѣстой*).

Елисавета Андреевна. Мнѣ чего желать тебѣ, милый другъ? Чтобы ты поскорѣй, такъ же весело, праздновала мою свадьбу.

Хоръ (*величаетъ гостей*).

Охъ, вы умныя головушки,
Разудалы, добры молодцы,
Вы охочи по пирамъ ходить,
Пѣсни слушати:

Вы охочи ли дѣвицъ дарить,
Не рублемъ, не полтинкою,
Золотою гривенкой.

(*Молодые гости кладутъ на поднось деньги, Мошникъ хочетъ то же сдѣлать — отъ него не принимаютъ; онъ садится на свое мѣсто; хоръ поетъ*):

Ужъ ты умная головушка,
Ты окладиста бородушка,
Гаврила Силаевичъ,
Ты охочь по пирамъ ходить,
Пѣсни слушати;
Ты досужъ по свадебкамъ гулять,
Дѣвушекъ сманивати.
Ты охочь ли дѣвушекъ дарить?
Не дари рублемъ, не полтинкою,
Ты дари золотою гривною.
Слышишь ли, бородушка,
Гаврила Силаевичъ,
Мы тебѣ пѣсню поемъ,
По имени называемъ
По отечеству величаемъ.
Станешь дарить —
Станемъ хвалить;
Не станешь дарить —
Станемъ корить.

Мошникъ (*кладя на поднось серебряную мелкую монету*). Вы, голубушки, хвалили мою бородушку — моя бородка негодная, ощипанная, даритъ вамъ, чего стоитъ.

Хоръ.

На дружкѣ-то кафтанъ
Весь по ниткѣ сбиранъ.
Какъ на дружкѣ-то кафтанъ,
Съ фальшивой бахромой,
Чулки вязаны,
И тѣ крадены,
На дружкѣ-то шляпенка
Послѣ сватушки чертенка.

Мошнинъ (*махая рукой*). Довольно, довольно, всѣ кишочки повымыли! На-те, окаянныя, вотъ вамъ... (*Беретъ концами пальцевъ нѣсколько ассигнацій, потомъ, обращаясь къ Аполлону Павловичу*). Давно шипучки не пилъ... такъ и ударило въ голову.

Аполлонъ Павловичъ. Э, вздоры какіе! Мужикъ ражій! (*На ухо ему*). Теперь пиръ въ разгулѣ... иду... время дорого... можетъ, черезъ часъ будетъ поздно!.. А ты поглядывай, да не плошай... (*пробирается къ дверямъ и скрывается*).

Мошнинъ (*встороиу*). Словно смолы кипучей налилъ мнѣ на сердце; хоть бы залить чѣмъ. (*Обращаясь къ Кремонову*). Позвольте еще, батюшка, на радости, шипучки? (*Слуга приноситъ ему вина, онъ выпиваетъ два бокала, одинъ за другимъ; подулявши, садится сначала небрежно на двухъ стульяхъ, а тамъ кладетъ одну ногу на стулъ; вынувъ бѣлый батистовый платокъ изъ-за пазухи, завертываетъ конецъ его на указательный палецъ правой руки и повелительно машетъ имъ*). Эй, дѣвушки! «Черезъ рѣчку черемуха лежала».

Хоръ.

Черезъ рѣчку черемуха лежала,
Да никто по черемухѣ не ходитъ,
Лишь одинъ Александръ переходитъ,
Свѣтъ Андреевичъ переходитъ,
Душу Вѣрочку переводитъ,
Переводитъ онъ ее, цѣлуетъ
Черезъ низаное ожерелье,
Черезъ пуговки золотыя.

Радугинъ (*поцѣловавъ Вѣру Павловну по русскому обычаю*). Не правда ли, ангелъ мой, эти старинные обычаи стоятъ всѣхъ нашихъ новыхъ?

Вѣра Павловна. Какія бы несчастія не ожидали насъ впереди, эти минуты ужъ довольно вознаградили за нихъ.

Радугинъ. Ужъ, конечно, блаженству нашему завидуютъ и не земные!..

Мошнинъ. Чтожъ? ребята, плясать!.. Зачѣмъ же позвали васъ сюда!

Радугинъ. Въ самомъ дѣлѣ, господа, веселиться, такъ веселиться. (*Входятъ музыканты: двѣ скрипки, басъ и флейта; молодые люди анажируютъ дѣвицъ, становятся въ пары и танцуютъ экосезъ, дѣлая мудреныя антраша и уморительныя шассе*).

Елисавета Андреевна. Не правда ли, господа, вѣдь вы мнѣ обязаны выучкой экосеза-стрекозы? (*Молодые люди кланяются*).

Мошнинъ (*глядя на танцы, пощелкиваетъ пальцами*). Ай да, дѣвки, ай да, ребята!.. ходи, юла, ходи живо!.. Коси сѣно, коси сѣно! Павелъ, вели подать еще шипучки... (*на ухо Кремонову*). Чортъ знаетъ, можетъ твой Аполлонъ душить его тамъ, а меня за него такъ и давитъ.

Кремоновъ (*робко озираясь, тихо Мошнину*). Душить?.. Опомнись, Гаврила Силанчъ... онъ пошелъ выпустить, что̀ ты это вздоръ городишь... тише, погубишь насъ.

Мошнинъ (*выпивъ еще бокалъ*). Гадко, ребята, другую... русскую. (*Подходитъ къ музыкантамъ и велитъ имъ играть «Барыню»; тѣ продолжаютъ начатый танецъ*). Эй, Павелъ, чтожъ не слушаютъ? Вѣдь мы товарищи: что я, что ты— мы здѣсь равные господа... одинъ профитъ...

Кремоновъ (*робко*). Конечно, Гаврила Силанчъ, мы съ мужичками хлѣбецъ готовимъ, а ты намъ продаешь его; да все-таки надо уважить другихъ гостей... (*Тихо*) Образумься, не снимай съ плечъ головы! видишь, всѣ на тебя какъ странно смотрятъ... Господи, Господи! обойди насъ горькой чашей...

Мошнинъ. Что мнѣ до твоихъ гостей! я самъ набольшій! Эй голубки: «отставала лебедь бѣлая»!.. Не то, смотри, Павелъ...

(*Кремоновъ, испуганный, приказываетъ музыкантамъ пе-*

рестать играть, а хору кричить: «отставала лебедь бѣлая». Танцы прекращаются, всѣ въ какомъ-то недоумѣніи; Радугинъ даетъ тихонько слугамъ приказъ окружить Мошнина и унесть его. Мошнинъ барахтается, хочетъ что-то закричать, но одинъ изъ слугъ зажимаетъ ему платкомъ ротъ. Его уносятъ).

Радугинъ. Пойдемте въ другую комнату, пока вытолкаютъ отсюда козла. Залѣзъ въ виноградники Господни и погрязъ въ нихъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Женская спальня. Кровать. По стѣнѣ большіе шкафы для платья. Портретъ фамильный отца Кремонова, во весь ростъ, и богатый туалетъ, на которомъ въ стаканѣ стоятъ цвѣты.

(*Портретъ двигается въ родѣ двери, изъ-за него показывается мало-по-малу Шафъ*).

Шафъ (*осматриваясь*). Господи! Ты провелъ меня здрава по безднамъ; докончи Свои милости, спаси меня отъ когтей эхидны!.. Гдѣ я?.. въ спальнѣ Вѣры Павловны. Это была нѣкогда спальня горбунова дѣда; видно, изъ нея сдѣлалъ онъ тогда лазейку въ свою лабораторію. На старости онъ перешелъ въ нижній этажъ. (*Слышенъ шумъ*). Идутъ... (*Шафъ спѣшитъ спрятаться въ одинъ изъ шкафовъ, который находится противъ туалета; входитъ дѣвушка, убираетъ что-то на туалетъ, смотрится въ зеркало и уходитъ. Шафъ выходитъ изъ шкафа*). Одно средство — спуститься изъ окна! Помню, подлѣ стѣны стояли старыя деревья... Убьешься... Чтожъ? развѣ легче въ когтяхъ горбуна?.. Повѣрю себя Господу. (*Хочетъ отворить окно, слышенъ опять стукъ*). Кто-то идетъ на бѣду мою (*прячется опять въ шкафъ; входитъ Вѣра Павловна*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Вѣра Павловна и Шафъ.

Вѣра Павловна (*садится и задумывается*). Нѣтъ, отъ счастія не умираютъ! Неужли на свѣтѣ есть еще блаженство выше того, которое я испытала? (*Входитъ горничная*). Ступай, ужинай, или спи себѣ, милая! Нужно будетъ, позову тебя, или сама раздѣнусь (*горничная мышкаетъ*). Ступай, я тебѣ говорю, оставь меня (*горничная уходитъ*). Отъ удовольствія и спать не могу. Буду еще мечтать. Хоть заочно побесѣдую еще съ нимъ, лишній разъ мысленно поцѣлую его... Ахъ, какъ онъ хорошъ!.. какъ обворожительны ласки его!.. О, онъ будетъ любить меня нѣжно, страстно... Каждое слово, каждый взглядъ ручаются въ этомъ. Помню всѣ слова его на память сердца!.. Не говоритъ, а глаза его такъ сладко волнуютъ мнѣ душу!.. Милый Александръ, клянусь посвятить тебѣ всю жизнь мою, всѣ помыслы...

Шафъ (*высмотрѣвъ изъ двери шкафа и становясь на колѣна, тихо*). Вѣра... Павловна...

Вѣра Павловна. Мнѣ показалось, кто-то назвалъ меня по имени.

Шафъ (*сложивъ руки*). Спасите меня, Вѣра Павловна!

Вѣра Павловна. Ай!

Шафъ. Одно громкое слово ваше, и я погибъ, и вы погибли, всѣ, всѣ.

Вѣра Павловна. Что вы хотите отъ меня въ полночь?.. въ моей спальнѣ?..

Шафъ (*встаетъ и, заперевъ дверь, кладетъ ключъ передъ Вѣрой Павловной*). Всемогущимъ Богомъ клянусь, я не злодѣй... вы знаете меня... сколько лѣтъ я былъ вашимъ учителемъ!.. Видите мое лицо, мои руки... онѣ изсохли; я дрожу, какъ былина, которую качаетъ вѣтеръ... Что могу я, полумертвецъ?.. Не подумайте, чтобы я былъ

сумасшедшій, хотя съ виду и похожъ на него. Я только несчастный... ужасно несчастный! Вы слезъ моихъ не видите... у меня нѣтъ болѣе слезъ... я ихъ выпилъ всѣ на дняхъ, вмѣсто питья... Полтора года въ заточеніи, здѣсь, въ сыромъ подвалѣ... два дня не было капли во рту... Я вижу, здѣсь у васъ цвѣты въ водѣ... позвольте...

Вѣра Павловна. Можетъ-быть, ядовитые цвѣты.

Шафъ. Не могу вынести... губы запеклись, грудь сожгло (*вынимаетъ цвѣты изъ стакана и выпиваетъ воду*). Ахъ! какъ хорошо!

Вѣра Павловна. Страшно! и не понимаю ничего!.. Откуда жъ вы ко мнѣ?

Шафъ (*двигаетъ портретъ и, отворивъ за нимъ потаенную дверь, указываетъ Вѣрѣ Павловнѣ сходъ внизъ*). Оттуда!.. тамъ, подъ землею, склепъ... свѣта Божьяго не видать... настоящая могила! Закрою скорѣй! Сердце замираетъ отъ одной мысли, что можно опять туда, хоть на одну минуту.

Вѣра Павловна. Кто жъ васъ засадилъ туда, бѣдный Каспаръ Иванычъ?

Шафъ. Вашъ братъ, вашъ отецъ.

Вѣра Павловна. Можетъ ли это быть!.. Что вы имъ сдѣлали?

Шафъ. Ничего, кромѣ добра.

Вѣра Павловна. Не постигаю; объяснитесь хорошенько.

Шафъ. Ужасно выговорить, для какого дѣла они заключили меня... Откуда жъ у нихъ проявилось вдругъ такое богатство?.. Вы знаете, я пропалъ безъ вѣсти... сердце ваше обольется кровью, если я вамъ скажу одно слово... На васъ, милостивая госпожа, я вижу праздничное платье; отъ этого слова оно сдѣлается чернѣй всякаго траурнаго; цвѣтокъ высохнетъ на груди вашей, волосы ваши побѣлѣютъ въ одинъ мигъ... Нѣтъ, лучше бѣгите изъ вашего дома, пока кто-нибудь въ немъ не произнесъ

при васъ этого слова. Домъ?.. онъ не вашъ завтра; завтра придетъ грозный законъ, и не оставитъ въ немъ камня на камнѣ. Бѣгите отца, брата.. ихъ нѣтъ болѣе у васъ... ужасное злодѣяніе поставило между ними и вами вѣчную преграду. Оставьте родину, отечество... бѣгите со мною, ко мнѣ, на Рейнъ.

Вѣра Павловна. Каспаръ Иванычъ, сжальтесь надо мною... пощадите меня, ради Бога пощадите... я помолвлена, у меня женихъ — вы знаете.

Шафъ. Несчастная! не скрѣпляйте этого союза: онъ тотчасъ порвется, какъ гнилая нитка. Не думайте, чтобы для васъ существовало здѣсь счастіе; нѣтъ, злодѣи у васъ все отняли, даже имя.. понимаете ли? Завтра выйдете замужъ, и мужъ вашъ будетъ гнушаться, васъ, дочери дѣлателя...

Вѣра Павловна. О, ради дѣтей вашихъ, не договаривайте.. (*падаетъ безъ памяти на диванъ*).

Шафъ Господи! не убилъ ли я ее?.. Заточеніе сдѣлало меня какимъ-то изступленнымъ (*переноситъ ее осторожно на диванъ и третъ ей руки*). Слава Богу, жива... пульсъ бьется.. Да что ей и въ жизни!.. Но мнѣ надо думать о спасеніи.. Минуты дороги... (*отворяетъ окно*). Только этотъ путь мнѣ остается... скину съ себя (*скидаетъ верхнее платье и завязываетъ его ремнемъ*), а то могу зацѣпиться за сучья... (*Задумывается*). Паспортъ, деньги на груди... Боже милосердый! Дай мнѣ еще разъ увидѣть жену и дѣтей... и облегчи участь этой несчастной. (*Вылѣзаетъ изъ окна и исчезаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Вѣра Павловна (*одна, приходитъ въ себя*). Что я видѣла? Что я слышала?.. Не былъ ли это тяжкій сонъ? Нѣтъ, вотъ и отворенное окно... Шафъ, вѣрно, черезъ него вышелъ. Хоть бы онъ спасся!

Простите, мои радости, мое счастіе — на вѣки. Прости, Александръ, я ужъ тебя недостойна, я, дочь, сестра дѣлателей... (*плачетъ*).

Теперь многое становится мнѣ яснымъ... Помню намеки, слухи... Понимаю дерзость Мошнина... страхъ и покорность отца... деспотизмъ брата... Боже мой! можетъ-быть, батюшка былъ увлеченъ любовью ко мнѣ; онъ хотѣлъ избавить меня отъ униженія бѣдности, составить мое счастіе... Вотъ оно — это счастіе!.. Теперь все кончено; связи мои съ міромъ разорваны... (*Слышно движеніе за портретомъ*). Кто еще? Иди... теперь не боюсь никого, хоть бы пришелъ самъ сатана. (*Входитъ Аполлонъ Павловичъ, чрезвычайно встревоженный*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Вѣра Павловна и Аполлонъ Павловичъ.

Аполлонъ Павловичъ. А! гдѣ онъ?.. ты все знаешь...

Вѣра Павловна. Да, знаю, несчастный... Лучше бъ я лишилась разсудка до этого часа! Но, слава Богу, тотъ, кого ты ищешь, ужъ далеко. Одною жертвою меньше.

Аполлонъ Павловичъ. Лжешь! онъ здѣсь... я его сейчасъ видѣлъ... его тѣнь мелькнула передъ мною... Ты его спрятала. Я перерою всѣ мышиныя норы, всѣ тайники твоего дѣвственнаго гардероба. (*Осматриваетъ во всѣхъ углахъ и въ гардеробномъ шкафѣ*). Онъ мнѣ нуженъ... Онъ мнѣ нуженъ... Наша судьба, наша жизнь въ его рукахъ... понимаешь ли ты, женщина?

Вѣра Павловна. О! еслибъ могла не понимать!.. Его нѣтъ здѣсь — довольно ли съ тебя?

Аполлонъ Павловичъ (*возвращается къ сестрѣ и съ жестокостью схватываетъ ея руку*). Гдѣ онъ? куда

ушелъ? Говори! (*Вѣра Павловна молчитъ*). Злодѣйка! ты мнѣ скажешь правду, я вымучу ее у тебя.

Вѣра Павловна. Глупецъ! развѣ ты не знаешь меня? Когда вонзили ножъ въ грудь человѣка, что ему укушеніе мухи?..

Аполлонъ Павловичъ (*бросается передъ нею на колѣни*). Вѣра, сестра, другъ моей, на колѣняхъ молю тебя, скажи, гдѣ онъ... не погуби насъ Неужели ты желаешь видѣть отца своего въ оковахъ?

Вѣра Павловна. Поздно, не снимешь ихъ теперь... Шафа нѣтъ здѣсь, говорю тебѣ, какъ святъ Богъ. Вѣришь ли ты еще Богу?

Аполлонъ Павловичъ (*бросается къ окну и взглянувъ въ него*). А! онъ на деревѣ... Ружье — и всему конецъ!.. (*Бросается къ двери*).

(*Вѣра Павловна становится на колѣни и молится. Черезъ нѣсколько минутъ слышенъ выстрѣлъ подъ окномъ и затѣмъ паденіе чего-то тяжелаго*).

Вѣра Павловна. Злодѣй! онъ убилъ его.

Аполлонъ Павловичъ (*подъ окномъ*). А! проклятіе!.. посыпались только перья.

Вѣра Павловна (*подходитъ къ окну и со страхомъ прислушивается*). Не слышно стона... кабы промахъ! Чу! вдали бѣжитъ человѣкъ; братъ за нимъ въ погоню... упалъ, слава Богу!.. Господи, милосердый Отецъ! спаси несчастнаго... укрой его подъ крыломъ своей ночи, уровняй бѣглецу дорогу, чтобы ноги его не запутались обо что, склони на пути его сердца людей, чтобы дали ему убѣжище и скрыли отъ гонителей. Хоть за страданія мои дай ему видѣть тѣхъ, кого онъ любитъ.

АКТЪ V.

Комната въ домѣ Радугина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Радугинъ и Елисавета Андреевна.

Радугинъ. Вотъ и я, милый другъ, съ выборовъ.

Елисавета Андреевна. Ну, что было тамъ интереснаго?

Радугинъ. О! много — особенно для меня, для тебя, для Вѣры. Я пріѣхалъ ужъ къ концу выборовъ, моя участь была ужъ рѣшена тамъ безъ меня. Поздравь меня съ должностью.

Елисавета Андреевна. Съ какою?

Радугинъ. Отгадай: удостоило дворянство здѣшнее...

Елисавета Андреевна. По крайней мѣрѣ, въ уѣздные предводители.

Радугинъ. Нѣтъ, въ исправники.

Елисавета Андреевна (*иронически*). Поздравляю! Такъ Вѣра Павловна будетъ исправницей.

Радугинъ. А почему бы не такъ! Хоть я и противъ желанія выбранъ, за честь почитаю принять эту должность. Послужу еще моему царю и отечеству, и на новомъ моемъ поприщѣ докажу, что можно быть имъ полезнымъ на

всякой ступени. Съ этой минуты считаю новыя мои обязанности... священными.

Елисавета Андреевна. Но, какъ хочешь—видно, твои непріятели желали тебѣ сдѣлать зло.

Радугинъ. А я отомщу имъ за то всевозможнымъ добромъ, какое только въ состояніи буду сдѣлать. Чтожъ касается до Вѣры Павловны, то, я увѣренъ, она повторитъ мои слова, и не слыхавши ихъ. Хочу, жажду ее видѣть... Ты не повѣришь, какъ я спѣшилъ. Успѣлъ только присягнуть на новую должность, явиться къ своему начальству, и полетѣлъ сюда. Ну, что тамъ, здоровы ли?

Елисавета Андреевна. Ѣздила къ нимъ, но никого дома не застала. Сказали люди, уѣхали за покупками въ нашъ уѣздный городокъ; между тѣмъ на деревнѣ мальчикъ ихъ говорилъ, что дома. Странно!

Радугинъ. Эка бѣда, что мальчикъ совралъ!

Елисавета Андреевна. Встрѣтила Мошнина на дворѣ... прошелъ какой-то смущенный. Видно, совѣстился своей продѣлки на вечерѣ.

Радугинъ. Плутъ порядочный! Не клади ему пальца въ ротъ. Только меня очень удивляетъ, какъ онъ командуетъ въ домѣ Кремоновыхъ и какъ старикъ слушается его и будто побаивается. (*Входитъ слуга*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и слуга.

Слуга. Пріѣхалъ изъ губернскаго города купецъ, проситъ позволенія видѣться съ вами — говоритъ, хлѣба хочетъ купить.

Радугинъ. Зови. (*Слуга уходитъ*). Кстати на свадьбу денежки нужны.

ЯВЛЕНІЕ III.

Радугинъ, Елисавета Андреевна и купецъ.

Купецъ (*кланяясь и озираясь*). Его превосходительство, господинъ гражданскій губернаторъ, изволитъ свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и приказалъ вручить вамъ лично это письмецо.

Радугинъ (*принимаетъ письмо*). Благодарю покорно за трудъ, прошу садиться (*Купецъ садится. Радугинъ, разсматривая конвертъ, про себя*). Секретно?.. съ купцомъ... Что бы это значило?.. (*Распечатываетъ и читаетъ также про себя*). «Я нарочно дождался вашего выбора для важнаго слѣдствія». А такъ вотъ гдѣ ларчикъ открывается! «Податель этого письма слѣдственный приставъ Соловкинъ; онъ наряженъ подъ начальство ваше». (*Взглянувъ значительно на пристава, продолжаетъ*). «Отъ него же получите оффиціальную бумагу о назначеніи васъ исправникомъ, и вмѣстѣ другую по дѣлу, которое вамъ поручается. Знаю васъ, и потому не имѣю нужды ограждать свое довѣріе обыкновенными фразами о благородствѣ вашей души, усердіи, и проч.». Хоть за это спасибо. Скорѣй къ дѣлу!.. (*Слѣдственному приставу*). Прошу садиться. Надѣюсь, мы съ вами скоро кончимъ на счетъ продажнаго хлѣба. (*Читаетъ далѣе; на лицѣ Радугина примѣтно возрастающее смущеніе, ужасъ и грусть; руки его дрожатъ*). «По сосѣдству вашему дѣлаются... Преступники отецъ и сынъ... Кремоновы; участникъ ихъ купецъ Мошкинъ». (*Вслухъ*). Нѣтъ, нѣтъ, это гнусная выдумка, это ложь! Ихъ оклеветали... Богатство ихъ породило завистниковъ...

Слѣд. приставъ (*тихо Радугину*). Кто эта молодая особа?

Радугинъ. Сестра моя.

Слѣд. приставъ. Прикажите ей удалиться... (*Тихо*).

Я имѣю вѣрныя доказательства; я докажу... ручаюсь головой моей.

Радугинъ. Ужасно!.. Другъ мой — все кончено!.. (*Рыдая бросается обнимать сестру*). Молись за меня! Молись за нее.

Елисавета Андреевна. Что съ тобой, душа моя?

Радугинъ. Господь наложилъ на насъ руку свою... О, тяжело!.. Лучше бъ умереть мнѣ было на войнѣ!.. Зачѣмъ поручили они мнѣ это дѣло?.. развѣ они не знали?.. Проклятая должность! Я отъ ней отказываюсь, отказываюсь отъ всего... Прочь отъ меня, сударь, къ чорту съ вашими бумагами! Вотъ вамъ и секретное письмо!.. (*Раздираетъ его въ клочки*).

Слѣд. приставъ (*собирая клочки и завязывая ихъ въ узелъ платка*). Позвольте придти къ вамъ, когда будете спокойнѣе. А я немедленно приступлю къ дѣлу, согласно присягѣ моей. Буду вамъ нуженъ, такъ вы можете найти меня по слѣдующему адресу, который вы, конечно, не откажетесь отъ меня принять.

Радугинъ (*беретъ записку и прячетъ у себя въ жилетъ*). Хорошо!.. Оставьте меня, сударь; дайте мнѣ образумиться. Вѣдь вы человѣкъ, не звѣрь же! (*Приставъ идетъ къ дверямъ*). Постойте! (*Приставъ возвращается*). По этому дѣлу вы у меня подъ начальствомъ?

Слѣд. приставъ. Точно такъ.

Радугинъ. Такъ я вамъ приказываю не начинать дѣла до тѣхъ поръ, пока я вамъ не скажу.

Слѣд. приставъ. Но если мы упустимъ время и случай?

Радугинъ. Я за это отвѣчаю.

Слѣд. приставъ. Въ такомъ случаѣ примите отъ меня бумагу и дайте мнѣ письменный приказъ.

Радугинъ (*беретъ бумагу и, написавъ приказъ, отдаетъ ему*). Теперь, прощайте.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Радугинъ и Елисавета Андреевна.

Елисавета Андреевна. Милый другъ, скажи, что съ тобою сдѣлалось?

Радугинъ. Не могу... это не моя тайна... ужасная тайна!.. Любовь, долгъ... вся жизнь моя тутъ!.. Господи, я лишусь разсудка!.. Эй! человѣкъ! (*Входитъ слуга*). Лошадей! Проворнѣй! (*Слуга уходитъ*). Поѣду...

Елисавета Андреевна. Къ кому жъ ты поѣдешь въ такомъ состояніи?

Радугинъ. Поѣду къ нимъ... къ ней...

Елисавета Андреевна. Возьми и меня съ собою.

Радугинъ. Нѣтъ, этого нельзя! Ты не должна болѣе переступать порогъ ихъ дома... Бѣдная Вѣра!.. О, кабы ты знала, какъ она несчастна!.. (*Обнявъ ее, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Компата въ домѣ Кремоновыхъ.

Радугинъ (*одинъ*). Съ какими чувствами былъ я здѣсь недавно и съ какими прихожу нынѣ! Какъ все приняло мрачный видъ, все опустѣло! Будто готовятся на погребеніе... Отъ стѣнъ вѣетъ тлѣніемъ. А давно ли радовались здѣсь, пѣли пѣсни, пировали счастіе и любовь!.. четыре дня тому назадъ и — нынѣ... кажется, цѣлая вѣчность между ними лежитъ.

Жарко, а лихорадка бьетъ меня... День, два — и я не выдержу... Куда бъ хорошо!

Что-то долго нейдетъ она? Я приказалъ просить ее одну, сказалъ, что очень нужно переговорить наединѣ...

А тѣхъ, не хочу и видѣть!.. Да вотъ и она. Какая перемѣна въ ней!.. Неужели?..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Радугинъ и Вѣра Павловна.

Вѣра Павловна (*силясь улыбнуться*). Вы меня спрашивали?

Радугинъ. Вы нездоровы, Вѣра Павловна?

Вѣра Павловна. Да, нездорова.

Радугинъ (*беретъ ея руку*). Рука ваша ледяная.

Вѣра Павловна. Нѣтъ, мнѣ жарко.

Радугинъ. Что съ вами сдѣлалось? Вы едва говорите, вы такъ холодны ко мнѣ. Такъ скоро?

Вѣра Павловна. Нѣтъ... ничего... я только очень нездорова.

Радугинъ. О! не смотрите такъ на меня... вы сокрушаете мою душу. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*). А я хотѣлъ было объявить вамъ пріятную вѣсть: меня выбрали въ исправники.

Вѣра Павловна. Поздравляю.

Радугинъ. Для васъ бы ничего быть исправницей?

Вѣра Павловна. Почему бъ!

Радугинъ. Только вотъ что непріятно. Мнѣ дали тотчасъ же несносное порученіе... гадкое... сдѣлать слѣдствіе по фальшивымъ ассигнаціямъ. (*Рука ея сильно вздрагиваетъ, онъ бросаетъ руку и потомъ зорко всматривается въ лицо Вѣры Павловны*). Вообразите, здѣсь, близко дѣлаютъ... вы не знаете... (*Вѣра Павловна перемѣняется въ лицѣ и молчитъ*).

Радугинъ. Прекрасная работа!.. и легкая!.. Можно, по крайней мѣрѣ, разомъ разбогатѣть... выкупить 1000 душъ, заплатить долги, дочкѣ дать богатое приданое... за-

кинуть потомъ сѣти для ловли жениха, подцѣпить дурачка-сосѣда, составить выгодную партію...

Чудная работа, право! я хочу самъ попробовать... А вы какъ?..

Вѣра Павловна *падаетъ въ обморокъ.*

Радугинъ. А! и она участница... И она, знавши все, хотѣла оклеймить имя честнаго человѣка!.. Какъ она ловко притворялась!.. Теперь не любовь, а презрѣніе къ тебѣ! Эй! люди, отецъ, братъ, помогите ей!.. А какъ я любилъ ее!.. Несчастная!..

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Кремоновъ.

Кремоновъ. Что такое? Боже мой!.. Вѣра!..

Радугинъ. Ничего! Мы только распрощались! затѣмъ все по формѣ обстоитъ благополучно... Полюбуйтесь на вашу дочку, сударь!.. Ваше дѣльце!.. (*Бросивъ на Кремонова презрительный взглядъ, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Кремоновъ, Аполлонъ Павловичъ и Вѣра Павловна.

Аполлонъ Павловичъ (*схвативъ руку отца, который стоитъ въ горести надъ дочерью, и, увлекая его, вонъ*). Все открыто. Радугинъ объявилъ сестрѣ... Я только къ Мошнину... одна верста... Мигомъ назадъ. Еще не все пропало. Вы безъ меня... пожаръ — и всему конецъ! (*При послѣднихъ словахъ Вѣра Павловна приходитъ въ себя*). Вѣра приходитъ въ себя... снесемъ ее на канапе (*подни-*

маютъ и усаживаютъ на диванъ). Теперь за послѣдній подвигъ...

Кремоновъ. Не знаю, достанетъ ли меня на это...

Аполлонъ Павловичъ. О! тогда мы пропали... (*Увлекаетъ отца съ собой*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Вѣра Павловна (*одна*). Пожаръ — и всему конецъ?.. А! понимаю. Но у отца не станетъ на это духу... Я за него исполню. Отецъ жертвовалъ собою для меня, надо отплатить ему тѣмъ же. Жертва отъ меня не важная! Мое все лучшее дала мнѣ судьба только на одинъ мигъ. Все пропало, какъ сонъ!.. Что остается мнѣ впереди? Позоръ или смерть. Такъ ее, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. По крайней мѣрѣ она на что-нибудь годится... Спасу имя отца отъ позора. О, какъ жестока была судьба! Даже отняла у меня отраду видѣть хотя сожалѣніе любимаго человѣка. Съ какимъ презрѣніемъ смотрѣлъ онъ на меня! Я думала, его взглядъ уничтожитъ меня въ прахъ... Онъ увѣренъ, что я участница ихъ. И въ гробъ-то уношу съ собою его презрѣніе... Кто меня оправдаетъ?.. Развѣ Ты, Господи! (*Становится на колѣни*). Боже милосердый! не вмени на судѣ Твоемъ моего проступка; Ты видишь, я хочу спасти честь отца моего. Еще одна молитва къ Тебѣ, Многомилостивый... сдѣлай, о мой Боже, чтобы Александръ узналъ, что я невинна... съ этой мыслью я умру спокойнѣе. Себя поручаю Твоему милосердію. Теперь къ дѣлу. Не останется слѣдовъ. Огонь разольется по всему дому. Пускай смерть застанетъ меня въ молитвѣ объ отцѣ, объ немъ... Кто подумаетъ, чтобы пожаръ сдѣланъ былъ съ умысломъ! Тогда бы не погибла дочь и сестра!.. Ее предупредили бы, спасли... (*Съ радостью*). О! я ужъ вижу, какъ огонь быстро разливается на моемъ жертвенникѣ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Въ комнатѣ дома Радугиныхъ. Вечеръ.

Радугинъ и Елисавета Андреевна.

Елисавета Андреевна. Что, былъ у нихъ?

Радугинъ. Былъ.

Елисавета Андреевна. Чтожъ тамъ?

Радугинъ. Ничего, прекрасно! Какъ нельзя лучше! Распростился съ Вѣрой Павловной. Все обошлось порядкомъ — какъ водится, былъ и обморокъ.

Елисавета Андреевна. Распростился! а... свадьба?

Радугинъ. Развѣ мало жениховъ и безъ меня? Можетъ, сыщется какой-нибудь вѣтошникъ... Мнѣ-то что?.. Отнынѣ запрещаю тебѣ говорить объ нихъ. Презрѣнное семейство!

Елисавета Андреевна. Отецъ и сынъ, можетъ быть; но Вѣра... О! я поклянусь всѣмъ священнымъ, что не найдется другой, съ такою чистою, прекрасною душою. Не только братъ мой, приди мать съ того свѣта, и та заставитъ меня сказать противное. Буду говорить объ ней, любить ее, пока во мнѣ хотя остатокъ жизни будетъ.

Радугинъ. Не спорю — прекрасная, благородная дѣвица!.. Пускай будетъ по-твоему... не всѣмъ же разочаровываться!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и слуга.

Слуга. Давишній купецъ.

Радугинъ. Зови, скажи, что давно жду. (*Обращается къ сестрѣ*). Поди въ свою комнату, мой другъ, и не мѣшай мнѣ. (*Елисавета Андреевна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Радугинъ и слѣдственный приставъ.

Радугинъ. Виноватъ, ваша правда! Нечего продолжать слѣдствіе... Улика была налицо... Прикажите ночью окружить домъ.

Слѣд. приставъ. Надо это сдѣлать сейчасъ же. Мои лазутчики дали мнѣ знать, что вы тамъ были и навели сильное подозрѣніе. Горбунъ изъ-за двери слышалъ вашъ разговоръ съ сестрою... предупредить.

Радугинъ. Такъ прикажите сію минуту.

Слѣд. приставъ. Я ужъ приказалъ. Мошнина послалъ я взять подъ стражу. Извините, я дѣйствовалъ противъ вашего предписанія.

Радугинъ. Благодарю! Вы спасли мою честь. Теперь продолжайте ваше дѣло. Я самъ вслѣдъ за вами буду на мѣстѣ. (*Слѣдственный приставъ уходитъ*). Кабы кончилось безъ меня!..

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Радугинъ и слуга.

Слуга. Какой-то мужичокъ имѣетъ крайнюю нужду до васъ.

Радугинъ (*всторону*). Можетъ-быть, по этому же проклятому дѣлу. (*Вслухъ*). Позови.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Радугинъ и молодой крестьянинъ.

Радугинъ. Что тебѣ нужно, другъ?

Молодой крестьянинъ. Коли дозволишь молвить,

ге... ты баринъ такой милостивый... (*почесывается*) лѣску понадобилось.

Радугинъ. Только?.. Бери, руби, сколько хочешь, любезный, вали хоть цѣлый лѣсъ.

Молодой крестьянинъ. Знать, баринъ, на радости чливо такъ жаловать изволишь... слышно, свадебка у тебя скоро будетъ. Поздравляемъ твою милость.

Радугинъ. Да, на радости!.. свадьба... пиръ! Ну, получилъ, что надо, ступай себѣ.

Молодой крестьянинъ. Еще нуждица, милостивецъ.

Радугинъ. Что еще? говори скорѣе.

Молодой крестьянинъ. Вотъ изволишь видѣть, нынче ночью прибѣжалъ къ намъ подъ окно прохожій, пришелъ ночевать. Матка было и не хотѣла пустить, да отецъ не послушался... Бантъ: такъ-то объ одну пору отдалъ было онъ Богу душку на морозѣ, въ мятелицу, кабы не пустили въ избу добрые люди. И мнѣ всегда настрого наказываетъ: «Сенька, скорѣй ворота настежь, кто-бы ни попрошалъ, а то и благословенія моего не будетъ». Вотъ полуночникъ-то нашъ былъ какой-то бояринъ; весь мокрехонекъ, родимый. Бантъ: гнались за нимъ злодѣи, да онъ утекъ отъ нихъ — переплылъ Каму — видно, лихъ плавать! Затѣмъ, что баили они съ батькой, не вѣдаю; батька далъ ему свой зипунъ, да запрегъ свою тройку... Вѣдь у насъ кони ухарскіе! Какъ пустишь, только земли просятъ. Бояринъ написалъ грамоту, сунулъ мнѣ цѣлковикъ... Все гляжу на него, гдѣ копье, гдѣ рѣшето... Грамотку велѣлъ отнесть къ твоей милости, коли минетъ столько дней сколько у меня на рукѣ пальцевъ, да поминай какъ звали, лихо полетѣли! (*Вынимаетъ изъ-за пазухи*). Никому не велѣлъ отдавать кромѣ твоей милости. Соскучилось мнѣ безъ батьки, да коней, да понадобилось лѣску-то, думаю, чего ждать долго, дай стегну нынче, кажись, не попортилъ. Развѣ деготку попало... да я, пожалуй, слизну.

Радугинъ (*принимая бумагу и развернувъ ее*). Подпись Каспара Шафа!.. А Кремоновы распустили, что онъ давно уѣхалъ въ чужіе краи. (*Начинаетъ читать*). Писано карандашомъ; съ трудомъ разберешь.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и Елисавета Андреевна

Елисавета Андреевна (*вбѣгаетъ въ испугѣ*). Господи, какое зарево! Такъ и освѣтило наши окна. Точно день!.. Говорятъ, пожаръ въ сторонѣ Кремоновыхъ. Ужъ не домъ ли ихъ горитъ?

Радугинъ. Безумный!.. Что я надѣлалъ!.. Какъ я оскорбилъ ее!.. Милая, безцѣнная сестра! Она невинна... Ѣду... Ѣду... Что буду дѣлать, не знаю; по крайней мѣрѣ, оправдаю ее передъ цѣлымъ свѣтомъ. Я не постыжусь взять за себя дочь преступника; я долженъ загладить мое оскорбленіе... Прощай, мой другъ (*обнимаетъ ее*), молись за насъ обоихъ. Вотъ, читай мой приговоръ. (*Отдаетъ ей письмо, потомъ, обращаясь къ молодому крестьянину*). Со мною въ коляску, ты будешь мнѣ нуженъ.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Елисавета Андреевна (*одна, читаетъ письмо*). «Милостивый господинъ и благодѣтель, когда будете читать это письмо, меня не будетъ въ здѣшнихъ краяхъ. Я имѣю паспортъ и довольно денегъ, чтобы ускакать отъ погони. Но, избавившись отъ бѣды смертной, я считаю за священный долгъ оправдать передъ вами особу, которой обязанъ своимъ спасеніемъ, и которую, можетъ-быть, обвинитъ наружность. Эта особа — Вѣра Павловна Кремонова.

Отецъ и братъ ея дѣлатели фальшивыхъ... для этого дѣла они заключили меня въ подвалъ, что подъ ихъ домомъ. Всѣ преступныя орудія найдутся тамъ. Но, клянусь вамъ всемогущимъ Богомъ, Вѣра Павловна не знала до вчерашняго дня объ ихъ злодѣяніяхъ. Вчера, въ полночь, я убѣжалъ изъ своей тюрьмы и попалъ прямо въ спальню Вѣры Павловны. Тамъ открылъ я ей все... Можете представить себѣ ея положеніе! Я спасся. По мнѣ стрѣлялъ злодѣй-горбунъ; но вмѣсто меня попалъ въ мое платье, которое я съ умысломъ оставилъ на деревѣ. Была за мной погоня... я переплылъ Каму... благодѣтельный крестьянинъ скрылъ у себя и, увѣренный, что я утекаю отъ злодѣевъ, рѣшился везти меня... въ какую сторону, вы узнаете ужъ поздно. Вашъ долгъ, какъ честнаго человѣка, оправдать дочь Кремонова: я исполнилъ свой долгъ. Прощайте, мой благодѣтель, будьте счастливы, о чемъ усердно буду молиться съ женою и дѣтьми.

«Каспаръ Шафъ».

Боже! что съ тобою, бѣдная Вѣра! (*плачетъ*). Что съ тобою будетъ, не смѣю и подумать.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Ночь. Дворъ передъ домомъ Кремоновыхъ освѣщенъ пламенемъ. Народъ и солдаты стараются тушить огонь. Нѣсколько людей бросаются въ домъ.

Кремоновъ, Аполлонъ Павловичъ. Мошнинъ (*окруженные стражею*). Слѣдственный приставъ, солдаты, дворовые люди крестьяне.

Кремоновъ. Ради Бога, спасите дочь мою... Она тамъ, въ своей комнатѣ... отдамъ все, что имѣю, лишь бы спасти ее!

Аполлонъ Павловичъ (*стоитъ, облокотясь на спинку изломаннаго стула. Слѣдственному приставу*). Безчеловѣчный! Слышите ли стонъ?.. Это ваше дѣло! Пустите меня спасти сестру. Нѣтъ жалости у звѣря... Такъ губите, сударь, людей, когда вамъ дана на то воля.

Слѣд. приставъ *спрашиваетъ что-то у солдатъ, выбѣгающихъ изъ дома.*

Аполлонъ Павловичъ. Что, сударь, что нашли?.. Искали ночью солнца?.. Вы будете жестоко отвѣчать за оскорбленіе. Насъ оклеветали завистники; имъ нужно наше богатство, и вы, какъ видно, половинщикъ у нихъ; но есть законъ, есть правосудіе, милостивый государь, оно отмститъ за невинныхъ.

Мошнинъ (*тяжело вздыхая*). Не намъ чета страдали; почему жъ намъ, грѣшнымъ, не терпѣть напраслины!

Кремоновъ. Спасите Вѣру, ради Бога, спасите дочь.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же и Радугинъ.

Слѣд. приставъ (*бросаясь къ нему, на ухо*). Вы испортили все дѣло. Видите, они умѣли скрыть свое злодѣяніе; огонь, того-гляди, все поѣстъ и не оставитъ никакихъ слѣдовъ. Отвѣчайте же вы, сударь.

Радугинъ. Гдѣ жъ Вѣра Павловна? Я не вижу ея.

Кремоновъ. Она тамъ... въ домѣ... О, помогите Александръ Андреевичъ!

Радугинъ. Друзья, кто за мной, тому тысячу рублей, кто спасетъ Вѣру Павловну, тому пять тысячъ. (*Бросается по мѣстницѣ въ домъ, за нимъ нѣсколько молодыхъ крестьянъ и солдатъ, вооруженныхъ топорами, съ крикомъ*).

Слѣд. приставъ (*стоитъ въ глубокой задумчивости, потомъ, окинувъ все кругомъ себя и увидѣвъ стулъ, на который опрся Аполлонъ Павловичъ, ударяетъ себя рукой въ лобъ*). Ба, дуракъ!.. Эй, унтеръ-офицеръ, сюда... пори у этого стула подушку.

Аполлонъ Павловичъ. Не трогайте... мы преступники. (*Отмыкаетъ перстень и изъ него высыпаетъ себѣ въ ротъ ядъ; потомъ подаетъ перстень отцу*). Батюшка, раздѣлимте... тутъ еще довольно для двухъ.

Кремоновъ *отталкиваетъ его.*

Слѣд. приставъ. А! злодѣй! ушелъ отъ насъ! (*Вырываетъ перстень*).

Аполлонъ Павловичъ (*отцу*). Неужели и на это не достало у васъ волп?.. (*Обращаясь къ слѣдственному приставу*). Молодецъ! побѣда на твоей сторонѣ. Возьми перстень на память обо мнѣ; а что въ немъ было, того не возьметъ уже никакая сила. Черезъ пять минутъ, батюшка, избавлю васъ и свѣтъ отъ урода.

Слѣд. приставъ. Это... руки назадъ (*указывая на Мошнина, солдаты исполняютъ его приказаніе*).

Кремоновъ. Проклятіе!..

Аполлонъ Павловичъ. Не договаривайте — кончите, какъ вы жили. (*Шатается*). Солдаты, поддержите меня... (*падаетъ на руки солдатъ*). Есть однакожъ сила выше человѣческой. Эта сила... Твоя, Господи!.. (*Умираетъ*).

(*Въ это время прибѣгаетъ жена Мошнина, одѣтая по-русски, за нею дочь лѣтъ 16-ти и два сына отъ 6-ти до 8-ми лѣтъ*).

Жена Мошнина (*рыдая, мужу*). Разбойникъ, ты, разбоїйникъ, снялъ съ насъ бѣдныхъ головушки!

Дочь Мошнина (*припавъ къ ногамъ отца*). Батюшка, на кого покидаешь ты насъ, сиротъ? (*Дѣти плачутъ; солдаты уносятъ Аполлона Павловича и уводятъ Кремонова и Мошнина; за ними слѣдуетъ слѣдственный приставъ*).

Кремоновъ (*оглянувшись назадъ и увидѣвъ дочь*). Слава Богу! она спасена.

(*Показывается въ дверяхъ горящаго дома Радунинъ, несяся съ крестьяниномъ Вѣру Павловну, которая въ обморокѣ*).

Занавѣсъ опускается.

ОПРИЧНИКЪ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ВЪ СТИХАХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.
Князь Аѳанасій Вяземскій
Алексѣй Басмановъ
Малюта Скуратовъ.
Василій Грязный
} совѣтники въ опричнинѣ.
Ѳедоръ Алексѣевичъ Басмановъ, кравчій, любимецъ царскій.
Елисей Бомелій, врачъ царя, голландецъ.
Князь Осипъ Гвоздевъ, царскій шутъ.
Андрей Морозовъ, сынъ земскаго боярина.
Прасковья Морозова, мать его.
Князь Иванъ Жемчужный, боярин изъ земщины.
Наталья, дочь его.
Молчанъ Семеновичъ Митьковъ
Иванъ Петровичъ Ѳедоровъ
Иванъ Михайловичъ Висковатовъ
} бояре земскіе.
Захарьевна, мамка Натальи Жемчужной.
Подсѣдина, дьякъ.
Сваха.
1
2
} слѣпцы, сказочники.
1
2
} гости.
1
2
} сидѣльцы.
Дворецкій.
Посаженая мать Натальи Жемчужной.
1
2
3
} дѣвицы боярскія.
Боярыня земская.
Старый опричникъ.
Молодой опричникъ.

Жены опричниковъ, мальчики, стрѣльцы, опричники, народъ.

Дана была въ первый разъ на петербургской сценѣ 15-го сентября, на московской—6-го октября 1867 года.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Садъ. Въ немъ яблони, кусты смородинные, березки и подсолнечники. Въ сторонѣ видны за деревьями хоромы боярскія, вдали Кремль. Вечеръ.

Андрей Морозовъ и Захарьевна, *входятъ въ садъ.*

Андрей Морозовъ (*изъ-за куста, за которымъ онъ прятался*).

Что̀, мамушка моя, что̀, золотая,
Какія вѣсти?

Захарьевна.

Я ли, моій родной,
Не порадѣю для тебя!.. И духъ
Захватываетъ, будто вихорь встрѣчный,
Деревья и земля вертятся, словно,
Прости Господь! какое навожденье
Лукавый напустилъ на насъ... Охъ, охъ!
Того гляди, бояринъ насъ подмѣтитъ
И разомъ голову мою снесетъ!..
Да за тебя, моій птенчикъ дорогой,
Мое ты наливное яблочко,
Охотно въ полымя пойду...

Морозовъ.

Спаснбо,
Захарьевна, спаснбо, золотая;
Твое добро вѣкъ помнить буду!.. Чтожъ
Наталія Ивановна?..

Захарьевна.

Вѣдь я
Тебя, голубчика, еще допрежъ Наташи
Выняньчила; отъ самой колыбельки
Ты росъ и выросъ на рукахъ моихъ.
Зато самъ взыскивалъ меня добромъ:
То черевичками дарилъ, то *чолкой*,
А ласки? а любовь?.. глаза пескомъ
Засыплютъ, развѣ ихъ тогда забуду.
И твой родитель, царствіе ему
Небесное! хоть волоскомъ бы тронулъ
Меня, пока жила у васъ. Бывало,
Все жаловалъ съ боярскаго стола...
Не то, что нынче!

Морозовъ.

Службу намъ твою
Грѣшно забыть. Да ты не говорила
Мнѣ ничего, о чемъ просплъ тебя.

Захарьевна.

Сказать велѣла «будетъ», мой родной!
Сначала гдѣ! руками и ногами!..
Лишь молвила ей, такъ и затряслася
Сердечная, какъ будто молонья
Березу молодую охватила;
Бѣлѣе стала моего *убруса*.

Дѣвицѣ вѣдь куда зазорно съ парнемъ
До честнаго вѣнца тайкомъ видаться!
Дѣвица славою своей красна:
Уронить, будто въ воду золотое
Кольцо, ужъ не поймаетъ никогда.
«Мнѣ милъ онъ, нечего грѣха таить»,
Вздыхаючи, такъ молвила она,
«Когда-бъ на мигъ мнѣ волю развязали,
Безъ крылышекъ къ нему бы полетѣла,
Съ нимъ перемолвилась бы тайнымъ словомъ,
Не вѣдали-бъ того словечка люди;
Его-бъ и буйный вѣтръ не перенялъ:
Лишь вѣдали бы Богъ да дупки наши».

Морозовъ.

И будто бы такъ молвила она?

Захарьевна.

Какъ святъ Господь, словечка не прибавлю!
Разумница она у насъ такая:
Иной разъ говоритъ, читаетъ будто
По книгѣ дьякъ ученый.

Морозовъ.

Этихъ словъ
Мнѣ не забыть до гробовой доски!

Захарьевна.

«А какъ теперь пойду къ нему?.. И люди,
И Богъ, и стыдъ дѣвичій не велятъ.
Ну, какъ увидитъ батюшка родимый,
Да какъ подстерегутъ сосѣди злые,
Да какъ свои дворчане подглядятъ,

Умру на мѣстѣ отъ стыда!» Я ну
Ее умаливать и увѣщать
И тѣмъ и сѣмъ, и поклялась божбою,
Что не увидитъ и собачій глазъ,
Не только что людской. Сдалась голубка!
Да вотъ она сама... У бѣдной ножки
Какъ будто спутаны травой густою,
Смотри, родной, побереги ты насъ.
А я пойду, да стану на сторожѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Княжна Наталья Жемчужная и прежніе.
(*Морозовъ хочетъ выйдти изъ-за куста*).

Наталья (*въ испугѣ, даетъ ему знакъ, чтобъ онъ остался*).

Постой!.. не выходи ты, ради Бога!.. Слышишь?
Калиткой кто-то стукнулъ...

Морозовъ (*прислушиваясь*).

Ничего!
Такъ тихо, будто въ кельѣ... Только слышно,
Какъ вешній вѣтерокъ листы тревожитъ,
Какъ стонетъ надъ цвѣткомъ пчела... Тебѣ
Почудилось (*выходитъ изъ-за куста*), безцѣнная моя'
Жемчужина моя ты дорогая!

Наталья.

Нѣтъ жалости въ тебѣ, неугомонный!
Когда-бъ ты зналъ да вѣдалъ, сколько страху
Я приняла, какъ по пятамъ моимъ
Бѣжалъ нечистый духъ, какъ подо мной
Горѣла мурава, ты-бъ не помыслилъ
Со мною видѣться. Вотъ и теперь
Какъ будто сердце хочетъ выскочить.

Морозовъ.

Прости ты мнѣ, душа моя, Наталья
Ивановна, прости моей любви!
Не въ мочь мнѣ болѣе была разлука.
Ты вспомни, цѣлый годъ мы не видались.
Чего я въ этотъ годъ не натерпѣлся!
Крыжатника широкій мечъ едва
Меня не перебросилъ въ міръ другой,
Едва я кровію не изошелъ;
Но и тогда, какъ отъ очей бѣжала
Прекрасная Господняя земля,
Не съ Божьей красною землей, не съ жизнью
Разстаться было жаль, съ тобой одной!
А ты... ты вспомнила ли меня?

Наталья.

Зачѣмъ и спрашивать?.. Кабы забыла,
Пришла-бъ ли я сюда? И день и ночь
Лампаду жгла передъ святой иконой,
Чтобъ Божьи ангелы тебя хранили
Отъ вражьяго меча; и въ ночь вставала,
Чтобъ помолиться о тебѣ тайкомъ.
Забуду развѣ я тебя, Андрюша...
Ахъ! что со мной? что вымолвила я?..
Какая глупая! все забываю,
Что мы не дѣти болѣе, не вмѣстѣ
Живемъ какъ братъ съ сестрой... ужъ не деремся
Изъ-за бабочки...

Морозовъ.

И не дитей, бывало...
А какъ давно? не болѣе двухъ лѣтъ...
Не только ссорилась съ своимъ Андрюшей,

Изъ-за чего, не помню хорошенько,
Но берегла ему и поцѣлуй на миръ.

Наталья.

Пора тебѣ забыть, Андреи Петровичъ!

Морозовъ.

Когда-бъ твое мнѣ милое словечко
Предвѣстьемъ было сладкихъ словъ другихъ!
Когда-бъ пророчило, что болѣ намъ
Ужъ врознь не жить, что скоро въ Божьемъ храмѣ
Мы обручимся!..

Наталья.

О! для этихъ дней
Я берегу на днѣ своей души
Такія имена, какихъ уста
Мои не говорили никогда
И никому, кромѣ тебя, не скажутъ!

Морозовъ.

И поклянешься ты?

Наталья.

Безъ клятвы могъ бы
Повѣрить мнѣ! Но я клянуся страшнымъ
Господнимъ ликомъ, Матерью Его Пречистой,
Что никому тѣхъ задушевныхъ словъ,
Кромѣ тебя, я не скажу.

Морозовъ.

Но вмѣстѣ
Ты поклянешься-ль мнѣ, что подъ вѣнецъ
Ни съ кѣмъ ты не пойдешь?

Наталья.

Не поклянусь;
Отецъ велитъ — пойду.

Морозовъ.

Любовь твоя
Чтожъ послѣ этого?

Наталья.

Сама не знаю.
Не преступлю во вѣкъ отцовской воли:
Велитъ, и за немилаго пойду;
А тамъ... (*плачетъ*) не долго мнѣ пожить придется;
Вѣнецъ другой надѣнутъ на меня.

Морозовъ.

Нѣтъ, радость ты моя! нѣтъ, дорогая!
Клянусь я также страшнымъ Божьимъ ликомъ,
Иконой Матери Его Пречистой,
Что никому тебя я не отдамъ.
Не даромъ обручили насъ отцы,
Когда мы и любви не понимали:
Росла она не даромъ вмѣстѣ съ нами;
Не понапрасну-жъ завѣщалъ отецъ
Мой, умирая, чтобъ ни за кого,
Кромѣ меня, тебя не отдавать.
И твой отецъ, во имя давней дружбы,
Во имя Господа то обѣщалъ,
И страшный крестъ на томъ поцѣловалъ.
Ужли на вѣтеръ были тѣ слова,
То обѣщаніе передъ открытымъ гробомъ,
Въ присутствіи Спасителя Христа?..
Не можетъ быть!.. Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю слухамъ...

Наталья.

Какимъ?

Морозовъ.

По околодку по всему
Звонятъ, что сватаетъ тебя надежно
Молчанъ Семенычъ Митьковъ.

Наталья.

Въ первый разъ
Я слышу отъ тебя. Вдовецъ... ужъ и старикъ...
Вѣдь онъ мнѣ только въ батюшки годится!
Покойная жена его меня любила,
Какъ дочь свою... Съ ума развѣ сошелъ!..
Иль надъ тобой хотѣли посмѣяться!

Морозовъ.

Какихъ на свѣтѣ нѣтъ причудъ! Вотъ нашъ
Иванъ Васильевичъ, кажись, не молодъ,
А женится ужъ чуть ли не на пятой.

Наталья.

Вѣдь, говорятъ, въ опричинѣ другой
Законъ: тамъ, слышно, Елисей Нѣмчинъ
На всякій тяжкій грѣхъ ихъ разрѣшаетъ.

Морозовъ.

Молчанъ Семенычъ — добрый человѣкъ,
Отцу былъ задушевный другъ, но тутъ...
Я кланяюсь! переступлю дорогу,
Хоть былъ бы онъ семи пядей во лбу,
Хоть самъ бы царь Иванъ Васильевичъ на ней
Съ жезломъ своимъ кровавымъ сталъ!.. Поклялся

Я страшною божбой, и никому
Тебя не уступлю!.. По утру-жъ завтра
Приду я съ сватовствомъ, съ собою мать
Старушку приведу... Все за меня:
Порода, молодость, богатство, клятвы...
А сердце что-то сильно замираетъ!

Наталья.

Богъ не оставитъ насъ.

Захарьевна.

Сюда, Наташа!
Скорѣй!.. скорѣй...

Наталья.

Прости!

Морозовъ.

Прости, мой свѣтъ!
Молися, чтобъ Господь благополучно
Судьбу нашу рѣшилъ... Прости еще!
(*Скрывается за кустами*).

Наталья (*подходя къ мамкѣ*).

Какъ жаль его, голубчика, мнѣ стало!..

Захарьевна (*отворяя калитку, показываетъ рукою, чтобы молчала*).

Ахъ, батюшки! какъ муха привязалась!
Скажи, вишь, ей; да что за Божія коровка?
Да почему коровкою зовутъ?
Спроси, кто поумнѣй да въ книги смотритъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Гридня въ домѣ князя Жемчужнаго. Съ одной стороны изразцовая печь съ узорными украшеніями, съ другой столъ, покрытый скатертью; кругомъ стола скамьи, съ суконными полавочниками. Утро.

Князь Жемчужный и дьякъ Подсѣдина (*входятъ вмѣстѣ; князь запираетъ дверь задвижкою*).

Дьякъ Подсѣдина (*стряхивая пыль съ платья*).

Во-первыхъ, праха отрясеніе; во-вторыхъ, честной маковкѣ дома, хозяину, поздравленіе (*кланяется низко*).

Князь Жемчужный.

Спасибо, господинъ дьякъ! спасибо моему милостивцу! Сядемъ-ка и посмотримъ, исправно ли ты смастерилъ подпись.

Дьякъ Подсѣдина.

Еслибы Морозовъ всталъ изъ домовища, побожился бы, что самъ подписалъ духовную запись. Да... на всякій случай... ты вѣдаешь самъ: дѣльце смастери, и возьми благодареніе за труды, а все-таки дѣлежку припаси... печатнику, намѣстнику... Вѣдь эта лѣстница идетъ высоко! Нынче ужъ времена такія: живемъ по притчѣ евангельской: «другъ друга тяготы носи».

Князь Жемчужный.

И вѣдомо такъ, господине!

Дьякъ Подсѣдина.

Бываетъ, и подлинно самъ покойникъ своеручно расписался, а живые спорятъ: рука, дескать, не его!.. Такъ на всякій случай, надо эту ручку позолотить изъ кладовой покойника: тогда живые и мертвые присягу дадутъ.

Князь Жемчужный.

Любыя стопы возьми. Только все ли такъ расписалъ какъ говорено? И домъ каменный съ кладовыми, и что въ кладовыхъ найдется, и пятьдесятъ дворовъ крестьянскихъ за незаконное владѣніе дѣдомъ и отцомъ...

Дьякъ Подсѣдина.

Еще на похороны сто рублевъ, на поминъ души двѣсти, вкладу въ Печеры десять рублевъ, долгу за освобожденіе изъ плѣну татарскаго сто угорскихъ золотыхъ... все, все до послѣдней пулы! Обѣщалъ да уговорился, такъ надо и грѣхъ знать. Охъ, охъ! не для одного міра сего живемъ!.. Вотъ, станется, *молодой* дьякъ изъ опричины оставилъ бы пробѣлъ, а мы вѣдь земщина, не *средніе*, а *старые*, да еще были дьяками у Елены Глинской, когда Василій Ивановичъ... миръ ему въ селеніяхъ небесныхъ!.. Подъ нашу работку иголочки не подпустишь!

Князь Жемчужный.

Такъ покажи, милостивецъ. (*Дьякъ вынимаетъ изъ выдолбленнаго деревца листъ бумаги, развертываетъ его и показываетъ князю, не выпуская изъ рукъ. Князь пробуетъ бумагу изъ-за руки его*). Ничего не пропущено... А подпись... я самъ бы побожился, что рука Морозова! Такъ теперь, пожалуй мнѣ...

Дьякъ Подсѣдина.

Оно такъ; да надо бережно, господине, надѣвши рукавички: не замарать бы подписи. Не взыщи.

Князь Жемчужный.

Понимаю, понимаю. (*Вынимаетъ изъ-за пазухи кису съ деньгами и даетъ ему*). Уговорное. Теперь можно?

Дьякъ Подсѣдина.

Благословясь, возьми. (*Отдаетъ бумагу и беретъ кису*). Что у тебя, голубчика, такъ руки-то трясутся?.. Видно, не привыченъ. На наше-бъ дѣло не годился. И то примолвить, покойникъ былъ тебѣ задушевный.

Князь Жемчужный.

Беру только свое назадъ Вѣдь ты же самъ писалъ: дѣдъ Морозова завладѣлъ у моего дѣда десять дворовъ.

Дьякъ Подсѣдина.

Ну, что объ этомъ! (*Прячетъ кису за пазуху*). Чай, вѣрно?

Князь Жемчужный

Вотъ тебѣ свидѣтель (*показываетъ на небо*). А подлинная духовная запись?

Дьякъ Подсѣдина.

Ахти, я, худородный! память стариковская оставила дома... Ну, да кстати, на записи-то и сочтемъ твою вѣрность... Тутъ же кстати принесешь и стопочки двѣ серебряныя. Такъ мы тебѣ и остатками Морозова будемъ кланяться. (*Слышенъ стукъ у дверей*). Кто-то стучится.

Князь Жемчужный (*прячетъ бумаги въ столъ и отворяетъ дверь*)

Кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и дворецкій.

Дворецкій (*поклонившись въ поясъ*).

Бояринъ Молчанъ Семенычъ Митьковъ чествуетъ тебя, господине, и прощаетъ видѣть твои ясныя очи.

Князь Жемчужный (*радостно*).

(*Про себя*). А! съ сватовствомъ! Кстати кончилъ съ дьякомъ. (*Дворецкому*). Проеимъ жаловать. Да вели кравчему подать оловянникъ меду и стопъ. Чтобъ въ меду, какъ на небѣ въ морозную ночь, прыгали звѣзды отъ холоду. (*Дворецкій, поклонившись, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Князь Жемчужный и дьякъ Подсѣдина.

Князь Жемчужный.

Мы съ тобой простимся покуда! Вечеркомъ, на закатѣ солнышка, зайду къ тебѣ, мой милостивецъ.

Дьякъ Подсѣдина (*беретъ шапку*).

Яко золотое солнце кончаетъ свой щедролюбивый путь и разсчитывается съ землею, такъ и мы съ тобою повершимъ свое дѣльце, обильное щедрыми дарами. (*У дверей про себя*). Молчанъ Семенычъ Митьковъ?.. О! съ этимъ витяземъ не дай Богъ повстрѣчаться на путяхъ неправды! Каковъ часъ, изломаетъ тебя, какъ медвѣдь. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Князь Жемчужный (*одинъ*).

Грызетъ червякъ... да это съ непривычки:
Обѣтами, пирами заморимъ.
Бояться нечего: законъ скрѣпитъ!
Живыхъ обманемъ, мертвые не встанутъ.
Отдай, впшь, я Морозову Наталью:
Такъ съ нею и добро ея отдай!

Съ чѣмъ я останусь? Въ міръ идти съ сумой?..
Нѣтъ! будь, какъ сдѣлано. За Митькова отдамъ:
Старикъ и безъ приданаго возьметъ.
Богатый, я и самъ на молодой
Женюсь. Кому не хочется пожить
Богато съ молодой женой?.. Напрасно,
Червякъ, грызешь! беру назадъ свое...
Вольно же было дѣду оплошать!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Князь Жемчужный и Молчанъ Митьковъ.

Митьковъ.

Здорово, князь! съ весеннимъ краснымъ днемъ,
Господь тепло и милость посылаетъ.

Князь Жемчужный.

Кто милость Божію приноситъ въ домъ,
Тотъ и въ осенній день гость свѣтлый. Просимъ,
Садись поближе, здѣсь. (*Кравчій приноситъ оловянникъ и стопы, ставитъ на столъ и уходитъ*).
Чай, жарко? Путь далекъ.

Митьковъ.

Порядкомъ!

Князь Жемчужный.

На тебя стопа любая
Такъ ласково глядитъ! Янтарный медъ
Ей-ей, и прямо съ пылу ледника!

Митьковъ (*взявши стопу*).

Будь здравьемъ свѣжъ, хозяинъ дорогой.

И съ дочкою своей единородной,
Какъ боярь и свѣжъ твой искрометный медъ!

(*Выпиваетъ*).

Князь Жемчужный.

Благодарю, Молчанъ Семеновичъ!
Ну, что скажи, какъ милуетъ Господь?

Митьковъ.

Пока живу подъ щедрой благодатью
Его.

Князь Жемчужный.

Что дѣлается богатымъ вамъ!

Митьковъ.

Вѣдь я сказалъ *пока*. Ты знаешь самъ:
Кто въ наше время силенъ и богатъ?
Мы земщинѣ съ тобой принадлежимъ,
И въ этотъ часъ, какъ говорю съ тобой,
Быть-можетъ, въ этотъ самый мигъ лукавый
Опричники ворвались въ кладовыя
Твои.

Князь Жемчужный.

Мои?.. О, Господи помилуй
Насъ отъ бѣды!.. Ты радостный вѣдь гость,
Молчанъ Семеновичъ, не вѣщій вранъ...
Мои?.. Опричникамъ плачу исправно
По силѣ дань. Да что объ этомъ говорить!
Бѣда чужая — не смола, не льнетъ.
Пока намъ хорошо живется, поживемъ!

(*Подаетъ стопу и кланяется*).

Прошу еще прикушать на здоровье!

Митьковъ (*откланивается*).

Уволь, князь. Медъ твой крѣпокъ, мутитъ разумъ
И распложаетъ рѣчь, а мнѣ теперь
Грѣшно словечко даромъ уронить.

Князь Жемчужный.

На волю отдаю твою, желанный.

Митьковъ.

Ты началъ ласково, такъ и дослушай.
Есть у тебя сокровище въ дому:
Не бархатъ золотой, слѣпитъ что очи;
Не камень самоцвѣтъ съ лучомъ огнистымъ;
Но передъ нимъ и жаркій *аксамитъ*,
И царской ризницы всѣ самоцвѣты —
Какъ передъ Божьимъ солнышкомъ свѣча!
Я знаю, нѣтъ ему цѣны; но я...
Простп, князь, дерзости моей великой...
Желаю быть его купцомъ. Не серебро,
Не злато за него я предлагаю,
Но самого себя... коль непротивенъ.

Князь Жемчужный.

Ты правду говоришь, гость дорогой;
Есть у меня сокровище въ дому.
Разстаться съ нимъ какъ бы съ душой разстаться;
Но вѣчно хоронить его нельзя.
Кто знаетъ! нынѣ времена лукавы:
Ловцы какъ разъ провѣдаютъ объ немъ:
Не съ честью доброму купцу отдашь
Въ дому Пречистой Матери... (*Озирается по сторонамъ*).

Митьковъ.

Утащутъ
Кромѣшники подъ воровской полой...
Ты знаешь, счетъ давно ужъ потеряли
Дѣвицамъ честнымъ и женамъ боярскимъ,
Которыя нашли позоръ и смерть
Въ проклятой слободѣ... [1]).

Князь Жемчужный (*тихо*).

Остерегись,
Молчанъ Семеновичъ!.. дворчане наши
Всѣ куплены; словечко невпопадъ, —
И можетъ повести тебя на плаху!..

Митьковъ.

Да, я забылъ, что нынѣ стѣны слышатъ [2]),
Не только-что чужихъ, боишься кровныхъ;
Въ семьѣ своей предателя ты ждешь...
Когда извѣчные бояре наши
Торгуютъ совѣстью, въ слугахъ подавно
Какъ намъ измѣнниковъ не ожидать?
Вездѣ насъ сторожитъ *метла* ловцовъ;
А душу христіанскую смести
Ей въ тьму кромѣшную — что соръ поганый!..
Но мы объ агнцѣ чистомъ говорили
И въ стадо волчее зашли!

Князь Жемчужный.

Подалѣ,
Подалѣ, мой родной, чтобъ не попасть

---

1) См. Истор. Госуд. Рос. Карамзина, томъ VI, стр. 107, 108 и 275.

2) См. Истор. Госуд. Рос. Карамзина, томъ VI, стр. 24.

На волчій зубъ!.. Да гдѣ жъ, признайся мнѣ,
Ты видѣлъ дочь мою, и почему
Тебѣ моя Наталья приглянулась?

Митьковъ.

Видалъ ее я дважды въ храмѣ Божьемъ...
Вдовцомъ ужъ былъ... Повѣришь ли, не разъ,
Когда она, творя широкій крестъ,
Съ любовію приподнимала очи
На свѣтлый ликъ Спасителя-Младенца,
Смущала мысль нечистая меня,
И долго я молиться не дерзалъ.
Съ тѣхъ поръ вездѣ за мною эти очи
И грезами мутятъ тревожный сонъ.
Ты видишь, стыдъ покрылъ лицо румянцемъ...
Мнѣ бъ не пристало рѣчь вести такую
Въ мои лѣта... Напрасно ихъ скрывать:
Предатель, бѣлый волосъ, обличаетъ.
Я знаю, дочь твоя не ровня мнѣ;
Все это часто мнѣ твердитъ разсудокъ;
Не свыше... что?.. какъ и назвать, не знаю...
Велитъ грѣхъ помысловъ вѣнцомъ покрыть.
Вотъ я пришелъ съ повинной головой
Къ тебѣ. Будь мнѣ совѣтникъ, другъ, отецъ;
Скажи: «не дѣльное затѣялъ ты,
Молчанъ Семенычъ; брось свои затѣи,
Не по годамъ онѣ: осталось намъ
Съ тобой молиться...»

Князь Жемчужный.

Нѣтъ, я этой рѣчи
Съ тобой не поведу. И въ наши лѣта
Куда какъ не добро едину быть!
Не молодъ ты, но въ схваткѣ боевой

Ты удалью и молодого пристыдишь.
Не молодъ?.. Тѣмъ надежнѣй для жены!
Не по лозѣ кудрявый вьется хмель:
Себѣ надежнѣе опоры ищетъ.
Ты славу сдѣлалъ ужъ свою; тебя
Ничто не измѣнитъ; а молодого...
Узнаешь ли, что будетъ изъ него?
Въ опричники пойдетъ еще, пожалуй!..
Увѣренъ, какъ зеницу ока, будешь
Беречь жену.

Митьковъ.

Какъ жизнь свою, какъ душу!
Она хозяйкой полной будетъ въ домѣ;
Не только словомъ оскорбить, и гнѣвно
Дохнуть я не посмѣю на нее!

Князь Жемчужный.

Я знаю хорошо тебя, и вѣрю:
Слова твои и дѣло — все равно.
Тебѣ отдать сокровище мое,
Красу ея и счастье уберечь
И я бъ не прочь; но... видишь... есть помѣха...

Митьковъ.

Какая?.. можетъ, слово далъ другому?..
Въ отлучкѣ столько лѣтъ я былъ: дѣла
Московскія теперь мнѣ незнакомы.

Князь Жемчужный.

Совсѣмъ не то. Признаться ли тебѣ?
Я не могу приданаго ей дать
Богатаго... Худыя времена,
Война, пожаръ...

Митьковъ.

Мнѣ ничего не надо,
Кромѣ ея самой. Беру, въ чемъ есть.
Я унижу ее окатнымъ жемчугомъ,
Въ парчу и золото ее одѣну;
Подъ ноги постелю ей аксамитъ
И полкъ купцовъ пришлю къ ея услугамъ:
Лишь только слово дай!..

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и дворецкій

Дворецкій.

Ужъ третій разъ
Морозовъ съ матерью приходятъ.

Князь Жемчужный.

Чтожъ?
Ты имъ, небось, сказалъ, что у меня
Молчанъ Семеновичъ, что мнѣ нельзя
Ихъ видѣть?..

Дворецкій.

Говорилъ. «Молчанъ Семеновичъ
Былъ мужу другъ, старушка говоритъ,
И не помѣха намъ». Сынъ рвется силой.

Митьковъ.

Проси ихъ, князь. Пускай жена и сынъ
Морозова въ моемъ благополучьѣ
Участье примутъ.

Князь Жемчужный.

Нѣтъ, я не хочу,
Чтобы ты споровъ нашихъ былъ свидѣтель.
Съ Морозовой есть счеты у меня,
И потому прошу оставить насъ
Однихъ. Ужъ рѣшено: твоя Наталья. (*Даетъ знакъ дворецкому, чтобы звалъ Морозовыхъ. Дворецкій уходитъ*).
И вотъ рука моя!.. Свидѣтель Богъ!

Митьковъ.

Отецъ родной!.. я вовсе безъ ума
Отъ радости... Теперь иду въ часовню
Молебенъ благодарный отслужить;
А тамъ дней на десять, не болѣ,
Поѣду въ отчины свои: хочу на славу
И диво всей Москвы устроить свадьбу.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Морозовъ и Морозова (*входятъ при послѣднихъ словахъ Митькова*).

Князь Жемчужный (*Митькову громко*).

А мы пока невѣсту приготовимъ.
Прощай, зять дорогой!

Морозовъ (*у дверей*).

А!.. кончено!..
Ты слышала: «невѣсту»?.. зятемъ звалъ?..
Семенычъ веселъ, какъ женихъ, а тотъ
Трясется, словно въ лихорадкѣ злой...
Теперь другое сватовство пойдетъ!..

Митьковъ (*встрѣтивъ Морозова при входѣ*).

Здорово, крестничекъ!

Морозовъ (*иронически*).

Здорово, крестный!

Митьковъ

Давно ли изъ Литвы?

Морозовъ.

Кажись, и нынче
Я въ вражьемъ станѣ... Толковать не время!
Иди своей дорогою, бояринъ!

Митьковъ.

Что больно такъ спесивъ? Всегда какъ сына,
Тебя любилъ.

Морозовъ.

Помилуй!.. молодецъ
Такой... усъ только пробиваетъ... въ братцы
Годишься мнѣ!.. Ступай же, братецъ, съ Богомъ.

Митьковъ.

Не понимаю!.. знать, съ ума рехнулся!..
Пока въ отлучкѣ буду, можетъ статься,
Ты образумишься. Хоть ты, кума, прости!

Морозова (*сухо*).

Прощай!

Митьковъ (*въ раздумьѣ, выходя*).

Темна вода во облацѣхъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Князь Жемчужный, Морозовъ и Морозова.

Князь Жемчужный.

Ну что тебѣ, старушка, надо?

Морозовъ (*подвигая матери скамейку*).

Прежде
Садись. Не проситъ онъ тебя садиться!

Морозова (*садясь*).

Старушка?.. Не безродная какая!
Кажися, у Морозовой есть имя
И отчество. Мой мужъ и *мьстомъ*
Былъ старѣе тебя.

Князь Жемчужный.

Бѣда какая!
Пожалуй, хоть Прасковья Нилсвна,
И Ниловна еще, для старшинства.
Зачѣмъ же посѣтила ты меня?

Морозова.

А вотъ зачѣмъ, мой батюшка: есть счетцы
У насъ съ тобой.

Князь Жемчужный.

Есть, и давно бъ пора
Покончить ихъ.

Морозова.

Давно? Ты знаешь самъ,

Андрюшка былъ въ Литвѣ, а я въ Печоры
Поплакать ѣздила надъ тоїї землицеїї,
Гдѣ мужъ лежитъ, и помянуть его.

Князь Жемчужныї.

Ужъ я творилъ богатыя поминки.

Морозова.

Богатыя?.. (*Махнувъ рукой*). Пускаї! зачѣмъ тревожить
Изъ этого покоїника!.. Спросъ будетъ
Когда-нибудь. (*Показываетъ на небо*).

Морозовъ.

Еще не мертвыхъ часъ:
Живыхъ!.. Наступитъ скоро, и тогда
Одѣньтесь, кости въ плоть, и станьте здѣсь
Лицомъ къ лицу: да будетъ судъ изъ гроба! (*Обращаясь къ матери*).
Теперь ты повѣсть поведи съ начала.

Морозова.

Такъ слушай же ее. Жемчужныї князь.

Князь Жемчужныї.

Я слушаю.

Морозова.

Ты помнишь ли, когда
Татары, будто волки жадные въ овчарню,
Въ Москву ворвались и почти до тла
Огнемъ и полымемъ ее спалили?

Князь Жемчужныї.

Давно ужъ этому.

Морозова.

Лѣтъ десять и съ хвостомъ.
Но въ память ли тебѣ, какъ съ пепелища
Ты въ этотъ самый домъ къ намъ прибѣжалъ?
Онъ уцѣлѣлъ, благодаренье Богу!..
Едва ль не въ эту гридню, гдѣ теперь
Съ тобой считаемся, боярин гордый,
Ты прибѣжалъ въ лохмотьяхъ обгорѣлыхъ,
Весь въ язвахъ... на тебѣ лица живого
И образа людского не было... какъ звѣрь
Израненный, стоналъ ты и метался.
Захарьевна моя еле-живую
Наташу на рукахъ своихъ несла
И наготу ея своимъ убрусомъ
Прикрыла... Послѣ всѣхъ сюда внесли
Твою покойницу; она была
Ужъ мертвая; но страшными очами
Искала будто бы кого... навѣрно
Свое дитя. Здѣсь гробъ ея стоялъ,
На этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь сидишь.
Не говорю, кто бросилъ землю на нее,
Кто проводилъ ее, кто помянулъ,
Кто пріютилъ бездомныхъ: ужъ и то
Довольно, слишкомъ много я сказала!
Не я, кровь говоритъ. Ты самъ меня
На этотъ грѣхъ навелъ.

Князь Жемчужный.

Я заплатилъ
За все, за все съ покойникомъ разсчелся.

Морозовъ.

Какъ будто деньгами за это платятъ?

Морозова.

Потомъ ты обжился у насъ, какъ дома,
И скоро двѣ семьи одною стали.
Не знали мы, что̀ наше, что̀ твое.
Не только-что добра, не различали
Дѣтей: вотъ этого ты сыномъ называлъ,
А я Наташу, будто кровь свою,
Любила. Положили мы тогда же
Ихъ обвѣнчать, когда пора придетъ:
И стали съ тѣхъ часовъ ихъ звать въ дому
Невѣстою и женихомъ Не правда ль?

Князь Жемчужный.

Да мало ли что въ шутку говорится!

Морозова.

Шутилъ бы ты съ холопами своими!
Бояринъ смѣхомъ слово дастъ, исполнитъ,
Хоть умереть!.. Безстыжему другое дѣло!

Морозовъ.

Есть шутки — плачутъ кровію отъ нихъ.

Князь Жемчужный.

Потомъ, боярыня?

Морозова.

Потомъ, бояринъ,
Когда сожитель мой построилъ рядомъ
Другой домъ, этотъ уступили мы тебѣ.
Побожишься ль, что деньги заплатилъ?

Князь Жемчужный.

Духовная вамъ запись все откроетъ.
Твой мужъ не такъ, какъ ты, умѣлъ быть благодарнымъ.

Морозова.

Посмотримъ!.. Съ той разстались мы поры.
Потомъ нашла война... кличъ стали кликать...
Покойника не утерпѣло ретивое;
Послышалъ ворога, взыграли очи,
И тотчасъ онъ велѣлъ коней сѣдлать.
Тогда Андрей и ты съ нимъ снарядились.
Годъ миновалъ тому, а словно совершилось
Теперь въ очахъ моихъ. Ты помнишь, здѣсь
Прощались мы; я плакала навзрыдъ,
Какъ будто чуяла, что онъ не будетъ
Назадъ. «Не плачь», сказалъ онъ мнѣ, прощаясь:
«Я возвращусь, какъ прежде, съ доброй славой;
«А если Богъ пошлетъ кончину съ честью
«За домъ Пречистыя, такъ вотъ тебѣ
«Родной и сыну нашему отецъ».
Тутъ указалъ онъ на тебя, и свѣту
Не взвидѣла я Божьяго; лишь помню,
Когда очнулась, конь его любимый
Заржалъ такъ звонко, инда въ сердцѣ отдалось.
Хотѣла воротить голубчика...
Простылъ и слѣдъ! не воротился болѣ!
Хоть бы коня-то привели ко мнѣ:
Ужъ какъ бы холить стала я его! (*Рыдаетъ*).
Теперь, Андрюша, очередь твоя.

Князь Жемчужный.

Длинненька повѣсть, да къ тому-жъ знакома:
Не скучно говорить, такъ скучно слушать!

Разсказчикамъ пора и со двора:
Вѣдь надо знать и честь!

Морозовъ.

Сейчасъ конецъ.
(*Кланяется*). Боярынъ! не взыщи: старушка говорила —
Скучненько было... Эй! Морозовъ молодой!
Для милости его повеселѣе,
Потѣшнѣй что-нибудь!.. Отца сюда!
Отца подайте намъ!.. Вѣдь онъ былъ весельчакъ
Такой!.. Вотъ онъ пришелъ съ послѣдней шуткой.
Передъ тобой онъ; изъ глубокой раны
Сочится кровь.. смотри!.. и взялъ онъ руку
Твою... (*Беретъ князя за руку*). Что, холодна рука его?

Князь Жемчужный.

Какъ ледъ!

Морозовъ.

И говоритъ: «Другъ, мы съ тобой крестами
«Когда-то помѣнялись... Цѣлъ ли крестъ?»
(*Ощупываетъ на груди его*).

Князь Жемчужный.

Цѣлъ!

Морозовъ.

«Цѣлъ! Онъ самый... ты сберегъ... спасибо!
И твой на мнѣ безъ пятнышка... гляди!
(*Открываетъ грудь*).
Лишь кровь на немъ за родину святую.
Я сыну твой залогъ передаю;
На немъ, молю тебя, Андрею будь
Отцомъ. Мы братьями съ тобой вѣдь жили.
Ты обѣщалъ ему Наталью: крестъ

На томъ цѣлуй! Отдай ему Наталью!»
И ты... ты страшный крестъ поцѣловалъ!..
Теперь я съ сватовствомъ пришелъ, бояринъ!
Не свахъ къ тебѣ привелъ, отца изъ гроба,
И сталъ Господь свидѣтелемъ у насъ.
Отдай Наталью мнѣ: она моя
По праву Божьихъ и людскихъ законовъ:
Отдай, и кровнаго грѣха на душу
Не положи.

Морозова.

О, Господи помилуй!

Князь Жемчужный.

Отдалъ бы я... божусь... да поздно!
Когда бъ по-ранѣй!.. Митькову сосваталъ,
Ты слышалъ.

Морозовъ.

Слышалъ прежде клятву
У смертнаго одра. Еще словечко
Послѣднее. Когда ты цѣлованье
Креста Спасителя, обѣтъ священный,
И благодѣтелю и брату позабылъ,
Такъ знай: твоя Наталья любитъ
Меня, мы свыклись съ ней отъ малыхъ лѣтъ;
Мы съ ней давно душами обручились
И про любовь свою сказали Богу.
Какъ-будто воздухомъ, привыкли мы
Любовью этою питаться. Дочь
Свою — одна и есть — не погуби.
Еще бы отдавалъ за молодого,
За ровню ей, а то старикъ, вдовецъ...
Оплакивать ее ты скоро будешь.
Хоть дочь-то пожалѣй!

Князь Жемчужный.

Я не могу,
Вѣрь Богу, не могу! Погубить Митьковъ.

Морозова.

О Господи! прости намъ прегрѣшенья!

Морозовъ (*на ухо князю*).

Такъ я тебѣ шепну: поклялся
Я страшною божбой, что никому
Наталью не отдамъ, хоть голову снесп!
Изъ храма Божьяго, изъ-подъ вѣнца,
Со свадебнаго пира вырву жертву,
И посрамлю тебя!

Князь Жемчужный.

Жаль, не могу!..
Что бы тебѣ по-ранѣе придти!

Морозовъ.

Отступникъ!. послѣ этой гнусной рѣчи
Не смѣй отца ты другомъ называть!
Забудь, что ты имъ былъ когда-то! помни,
Изъ гроба онъ отрекся отъ тебя,
Какъ ты, предатель, отъ него отрекся!..
Подай... подай залогъ его!.. Какъ онъ
(*шаритъ на груди его*)
Не раскалился на груди твоей?

Князь Жемчужный.

Разбой!.. разбой! . Дворчане!.. помогите!..
(*Входятъ слуги*).

Едва не задушилъ!.. хотѣлъ ограбить!..
За *приставомъ* сейчасъ!.. Свяжите мать
И сына!

Морозовъ (*загораживая мать*).

Только троньте! Разу не дохнетъ,
Кто палецъ хоть одинъ на мать мою
Посмѣетъ наложить. (*Слуги отступаютъ*).

Морозова (*грозя пальцемъ*).

Безъ насъ ты былъ бы нищій!

Князь Жемчужный.

Возьмите сами вы клюку съ сумой,
Да съ Богомъ въ путь!

Морозовъ.

Не трать съ христапродавцемъ словъ:
Дышать съ нимъ воздухомъ однимъ — такъ смрадно.
(*Уводитъ мать свою посреди слугъ, которые отъ нихъ разступаются*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Князь Жемчужный, *одинъ*.

Пожалуй, ссора эта доведетъ до бѣдъ!..
Морозовы на-слово крѣпки... Экой рьяной!..
Ужъ лучше бы по-старому оставить!..
Охъ, охъ! не знаетъ человѣкъ, гдѣ пасть,
Гдѣ встать... И то промолвить: чтожъ Морозовъ
Безъ денегъ сдѣлаетъ?. Безъ денегъ нынче
И прихлебнутъ водицы не дадутъ.
Не отказать же Митькову: возиться

И съ этимъ грознымъ витяземъ не легче...
Но будь, что будетъ! Эй! позвать Наталью!
(*Отворяетъ боковую дверь. Садится спиною къ этой двери*).
Но этотъ ей женихъ по нраву, знаемъ!
Но дѣвкѣ послѣ слюбится съ богатымъ:
Вѣдь и онѣ на золото и зерна
Идутъ, какъ рыба на приманку!
Что зернышко бурмитское, то ласка;
Такъ понемногу нижется любовь.
Бывальщина!..

ЯВЛЕНІЕ XII.

Князь Жемчужный, Наталья и Захарьевна

Наталья (*блѣдная и дрожащая останавливается у дверей*).

Дай руку, няня... страшно!..
Не вижу свѣта... все идетъ кругомъ...

Захарьевна (*поддерживая ее, тихо*).

Смотри, не срѣжь головушки... сама
Ты слышала содомъ, а я тебѣ
Не молвила словечка.. Ну, смѣлѣй!
Лишь знай, тверди, какъ я тебя учила.

Наталья.

«Я Божья, да твоя! я Божья, да твоя».

Захарьевна (*приведя ее на середину гридни, громко*).

Ступай же, павушка! Чего робѣть?
Вѣдь онъ родимый твой, не съѣстъ тебя.

Князь Жемчужный (*не оборачиваясь*).

Наталья, ты?.. (*Наталья молчитъ*). Что голосу не дашь?..
А?..

Наталья (*слабымъ голосомъ*).

Божья, да твоя! (*Падаетъ*).

Князь Жемчужный (*вскочивъ, бросается къ дочери*).

О Господи! что съ нею сдѣлалось?..
Захарьевна, воды!

Захарьевна (*припавъ къ княжнѣ и ощупывая ее*).

Какой воды!
Ужъ холоднехонька, моя голубка!
Ахти, головушка!.. убилъ ее!
Добилъ-таки сердечную, злодѣй!

(*Причитываетъ съ воплемъ*).

Снарядимъ мы невѣсту
Не подъ здѣшній вѣнецъ:
Подвѣнечное платье
Парчевой ей конецъ.
Не «отъ камени честна»
Пропоемъ-то мы ей;
А съ слезами завопимъ:
«Упокой Ты рабу!»

Князь Жемчужный.

Молчи, хрычовка!.. разомъ духъ бы вонъ,
Когда-бъ не жаль на душу класть грѣха!..

(*Кладетъ руку на сердце Натальи*).

Жива!.. забилось сердце... слава Богу!
Наташа! свѣтъ ты мой!.. промолви слово...

Наталья.

Я Божья, да твся! Лишь дайте мнѣ
Покой.

Князь Жемчужный.

Эй, вѣдьма! помоги свести
Ее въ опочивальню. (*На ухо мамкѣ*). Скоро, скоро
Морозова духъ выкурю изъ дому! (*Уводятъ княжну*).

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Торговая площадь въ Китай-городѣ. Съ лѣвой стороны церковь Василія Блаженнаго и часть Кремля; съ правой деревянныя лавки съ навѣсами; посреди лобное мѣсто. Разнаго званія и пола люди то проходятъ черезъ площадь, то заходятъ въ лавки для покупокъ.

Бояре Висковатовъ и Ѳедоровъ, гости, сидѣльцы и народъ.

Сидѣлецъ (*проходящему боярину, скинувъ шапку*).

Пожалуй къ намъ, честной бояринъ! Что прикажешь? что въ угоду? шапки горлатныя, соболи сибирскіе, сапожки казанскіе... По ножкамъ вижу, сапоги надо... Навзглядъ подберу, будто на-заказъ...

Другой сидѣлецъ (*не давъ тому договорить*).

Бояринъ у насъ покупать изволитъ. По соболиным бровямъ, по молодецкому взгляду узнаешь тотчасъ.

Третій сидѣлецъ.

Бархатъ бурской, камка мисюрская, объярь фряжская, сукна нѣмецкія, ковры кизылбашскіе... У насъ вся зем-

щина покупаетъ... Пожалуй къ намъ, боярине, съ убыткомъ для почину отдамъ... ради легкой ручки.

Боярин Висковатовъ.

Полноте лаять, собачонки! Самъ знаю, гдѣ и что купить.

Второй сидѣлецъ.

Отстаньте отъ него: знать, кису про опричниковъ на черный день бережетъ.

Третій сидѣлецъ.

Видно, колоколъ во сто пудовъ у посящихъ покупаетъ!

Гость (*грозя изъ лавки*).

Я васъ, зубоскалы! Развѣ не узнали царскаго совѣтника, Ивана Михайловича Висковатова?

Висковатовъ (*махнувъ рукой*).

Бывалаго совѣтника! Нынче въ опричинѣ совѣтъ — метла да сѣкира. (*Подходя къ лавкѣ другого гостя*). Здравствуешь ли, пріятель?

Другой гость.

Вашими молитвами, боярин.

Висковатовъ.

Есть алая камка, саженая дробницами?

Второй гость.

Есть. Просимъ садиться. (*Боярин садится на скамью у лавки*). Видно, твоя милость для Митькова покупаетъ? (*Показываетъ камку*).

Висковатовъ.

Да, женишокъ уѣхалъ въ свои помѣстья, а мнѣ навязалъ снаряжать его невѣсту. Охъ! охъ! не охотно и для пріятеля хлопочешь по этому дѣлу. Вмѣшалась тутъ нечистая сила... (*Разглядѣвъ товаръ*). Камка пригожа, а о цѣнѣ и спросу нѣтъ; уложи-ка весь кусочекъ.

Бояринъ Ѳедоровъ (*вслушавшись въ рѣчь ихъ, подходитъ къ лавкѣ и раскланивается съ Висковатовымъ и гостемъ*).

И подлинно, нечистая сила толкнула старика отбить чужую суженую: словно въ опричинѣ побывалъ. Да у какого молодца отбилъ! Этакой женихъ каждому боярскому дому золотая маковка. Старикамъ почетъ, — рѣчь разумная, — никого не обидитъ, словно красная дѣвица; а когда его за живое затронутъ, такъ пойдетъ одинъ на стѣну удальцовъ. Сказываютъ, и войску православному краса.

Первый гость.

А добра у него побольше Митькова... Чай, въ кладовыхъ мѣшки съ серебромъ валяются.

Второй гость.

Бывало, отецъ нищихъ одѣлялъ, да въ забытьи, вмѣсто пулъ, раздаетъ рублевики.

Ѳедоровъ.

А нынче вдову и сына этого богача выгнали изъ дому родительскаго; и унесли-то они, горемычные, добра, что на плечахъ своихъ. Еслибы не родной, такъ ночевать бы имъ безъ покрыши.

Оба гостя.

Какимъ это побытомъ?

Ѳедоровъ.

Видишь, покойникъ, какъ отъѣзжалъ на войну, не распорядился добромъ; а тутъ, самъ вѣдаешь, думка за моремъ, а смерть за плечами; въ басурманской землѣ, передъ смертнымъ часомъ, сдѣлалъ духовную запись, и все отказалъ Жемчужному, а вдову и сына оставилъ нищими.

Второй гость.

Статочное ли дѣло! мы знавали покойника: въ женѣ и сынѣ души не чаялъ. На малость этакихъ сердобольныхъ, честныхъ людей: такъ пошелъ-ли бы въ смертный часъ на кровь свою!

Ѳедоровъ.

Не всякому слуху вѣрь, а тутъ поневолѣ повѣришь... Говорятъ, — а говорятъ-то подъячіе большого приказа, — если, дескать, не лукавый, прости Господи, смастерилъ духовную запись, такъ навѣрное дьякъ Подсѣдина.

Второй гость.

А что бы боярину донести намѣстнику?

Ѳедоровъ.

Сунься-ка! разомъ потянутъ на дыбы!.. Вѣдь такія дѣла подъ золотой покрышкой дѣлаются. Да и то примолвить: гдѣ-жъ правый судъ сыщешь? куда идти съ жалобой? въ Александровскую слободу, что-ли? Тамъ тебѣ разомъ медвѣди судъ дадутъ!..

Висковатовъ (*прерывая его*).

Вотъ и самъ Морозовъ идетъ мимо Василья Блаженнаго, а Жемчужный только-что отошелъ... Разошлись двѣ черныя тучи! (*Въ это время князь Жемчужный, выходя изъ церкви, старается избѣгнуть встрѣчи съ Морозовымъ, который подходитъ къ церкви. Пока вниманіе обоихъ бояръ устремлено на нихъ, мошенникъ бросаетъ что-то въ лавку второго гостя и, незамѣченный, скрывается въ народѣ*).

Второй гость.

Идетъ, повѣся голову... У какого сокола подрѣзали крылья! (*Висковатовъ, взявъ покупку, раскланивается съ гостемъ и удаляется, за нимъ и Ѳедоровъ: оба иногда останавливаются, чтобы посмотрѣть на Морозова, и толкуютъ что-то между собой*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Морозовъ.

Морозовъ (*въ сторонѣ, про себя*).

Ходилъ молиться!.. Бога-ль обмануть
Ему поклонами, мольбой нечистой!
И не сковалъ Господь уста злодѣя,
Когда святое имя призывалъ!
Руки не отнялъ у него, когда
Онъ собирался крестъ творить;
О, слишкомъ милостивъ до насъ Господь!
(*Немного погодя*).
Вездѣ ходилъ, обѣгалъ всѣ приказы,
Челомъ билъ малымъ и большимъ судьямъ,
Вездѣ одно и тоже: нѣтъ суда!
Свидѣтели... и сколько? ровно пять!..

Всѣ до едина померли. На подпись
Мнѣ не дали взглянуть порядкомъ... Подпись
Какъ-будто бы отца... Не можетъ быть:
Онъ насъ такъ горячо любилъ! объ насъ
И на одрѣ лишь-только было рѣчи!
Когда подъ Юрьевымъ я принужденъ
Оставить былъ его на попеченье
Жемчужнаго, мнѣ помнится, была
Другая запись. (*Задумывается*).
Все, все до послѣдней нитки!..
Мать, бѣдная мать!.. Гдѣ теперь старушка
Укроетъ голову?.. Въ чужомъ дому!
И хлѣбъ чужой слезами обольетъ!

(*Вдали слышны крики: «Гойда! гойда!» Народъ бѣжитъ вразсыпную; лавки запираются, всеобщая суматоха; только два гостя, говорившіе съ боярами, остаются въ своихъ лавкахъ*).

Опричники?.. Потѣха скоро будетъ!
Идетъ такъ, видно, въ свѣтѣ круговая:
Наскочитъ сильный — слабаго души!

(*Издали появляются опричники верхомъ, съ сѣкирами въ рукахъ и съ метлами за спиною, и опять скрываются; у лошадей висятъ собачьи головы. Они буйствуютъ: то давятъ прохожихъ, то срываютъ съ женщинъ головные уборы*).

Крики (*изъ толпы народной*).

Ай! батюшки! помилуй!

Опричники.

Гойда! Гойда!
Метите Земщину!.. грызи ее!..

Морозовъ.

Ого! быть жаркой травлѣ!.. мелкій звѣрь
Бѣжитъ... Потѣха, да и только!.. Гойда! (*немного погодя*).
Два молодца остались въ лавкахъ... Любо
Глядѣть на нихъ: гроза имъ прямо въ очи
Бѣжитъ, и ломитъ сила частый лѣсъ;
А имъ... хоть пасть, да побороться съ нею!
Не удержать имъ головы на плечахъ!
Дай, въ случаѣ невзгоды, къ нимъ пристану:
Обиженный мнѣ всякой нынче — братъ!
(*Подходитъ къ лавкамъ перваго и второго гостя*).
Чтожъ вы, честные гости, не бѣжите?
Гроза нахлынетъ и на васъ.

Первый гость.

Ужъ полно
Подъ первый ножъ протягивать намъ шею;
Не овцы-жъ мы!

Второй гость.

Довольно и того,
Что насъ татары грабили и жгли:
Неужто и своимъ давать повадку?
Пожалуй, такъ и дѣти малыя
Пойдутъ насъ воевать!

Морозовъ.

Васъ только двое.

Второй гость.

Еще сидѣльцевъ двое: на дозорѣ
Они стоятъ. Мы Спаса образу молились,
И станетъ Батюшка за насъ!

Первый гость (*показываетъ дубинку, обитую гвоздями*).

Вотъ эта
Кума уложитъ спать порядокъ цѣлый!

Морозовъ.

Когда бы молодцовъ такихъ побольше,
Не смѣли бы опричники буянить.
И я къ вамъ примыкаю! Нѣтъ ли мнѣ
Желѣзнаго товару?

Второй гость (*отыскавъ въ лавкѣ богатый мечъ и отдавая Морозову*).

Есть по васъ. Въ закладѣ.
Пусть честный воинъ выручитъ его!
Теперь съ Морозовымъ на цѣлую ватагу
Кромѣшниковъ пойдемъ!

Морозовъ.

Такъ вы меня
Спознали?

Оба гостя.

Стыдно-бъ намъ тебя не знать!

Спдѣльцы (*бѣгутъ, вооруженные топорами*).

Идутъ! идутъ!

Первый гость.

Пускай!

Второй гость.

Мы встрѣтимъ хлѣбомъ съ солью?

(*Оба выходятъ изъ лавокъ и становятся подлѣ сидѣльцевъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Василій Грязный, Морозовъ, два гостя, два сидѣльца, мошенникъ и нѣсколько опричниковъ.

Грязный (*подходя ко второму гостю, показываетъ на мошенника*).

Доказываетъ онъ, что ты купилъ
У вора ножъ мой, въ серебро оправленъ.
Не серебромъ онъ дорогъ: царскій даръ!

Второй гость.

Не покупалъ и не видалъ ножа.

Грязный.

А если въ лавкѣ мы твоей найдемъ?

Второй гость.

Въ отвѣтѣ голова. (*Дастъ знакъ, чтобъ онъ осмотрѣлъ въ лавкѣ*).

Грязный (*заглядывая въ лавку*).

А это что? (*Поднимаетъ ножъ*).

Второй гость.

Ни тѣломъ, ни душой не виноватъ!

Первый гость.

Мошенникъ — доказатель!.. Онъ кругомъ
Все давеча шнырялъ и самъ подкинулъ...

Грязный.

Какъ смѣешь ты его такъ называть?
Опричникамъ онъ служитъ!

Первый гость.

Хоть бы князю
Великому служилъ, по шерсти кличка!
Продѣлки эти ужъ не новы: знаемъ васъ!

Грязный (*опричникамъ*).

Свяжите-ка обоихъ, да и лавки
Сметите до-чиста! (*Опричники колеблются*).

Второй гость (*показывая дубинку*).

Гостей незванныхъ
Мы выметемъ вотъ этою метлой!

Сидѣльцы (*поднимая топоры*).

Мы не дадимъ хозяина въ обиду!

Первый гость.

Живые не дадимся!.. ляжемъ,
Но подъ собой постелемъ вашу братью!

Грязный (*Морозову*).

Не честно ты связался съ торгашами!

Морозовъ.

А честно ты въ разбойники пошелъ?

Грязный.

Напраслина! по царскому указу
Ловлю крамольниковъ, воровъ...

Морозовъ.

Грѣшно
Великое тутъ имя вамъ мѣшать.
Ворамъ отъ васъ вездѣ потворство, честныхъ
Вы давите, гдѣ лишь рука хватила.
Совѣтъ мой, съ миромъ отойти отсюда.

Старый опричникъ.

Тутъ надо помощь.

Грязный (*свищетъ*).

Помощь!.. гойда!

Другіе опричники (*повторяютъ*).

Помощь!

(*Прибываетъ множество опричниковъ, Василій Грязный дастъ имъ приказанія. Въ это время показывается издали молодой Басмановъ*).

Грязный.

Да вотъ и молодой Басмановъ!.. этотъ
Своей и царскою рукой прикроетъ.

(*Начинается боевая схватка*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и молодой Басмановъ.

Басмановъ (*увидѣвъ Морозова*).

Стой, братцы, стой!.. Кто руку лишь подниметъ,
Съ ослушника я голову снесу.

(*Бросается обнимать Морозова. Бой прекращается*).

Морозовъ!.. другъ!.. сердечный!.. ты ли?..

Морозовъ.

Видишь!

Басмановъ.

Какъ въ схватку эту ты попался?

Морозовъ.

Прежде
Вели своей ватагѣ отойти; а тамъ
Поговоримъ.

Басмановъ (*опричникамъ*).

Пора и по избамъ!
Ступайте, молодцы!

Опричники.

Идемъ!.. тутъ взятки гладки.

Грязный (*вслухъ*).

Оно бы такъ, да надо напередъ
Двухъ этихъ молодцовъ схватить. Одинъ,
(*показывая на второго*).
Вотъ крайній, пойманъ въ воровствѣ, а этотъ
Ругалъ Ивана Вас...

Морозовъ.

Ложь! клевета!..
Я, я за нихъ порукой!

Басмановъ.

Прочь, ребята!..
(*Опричники удаляются, кромѣ Грязнаго*).

Василій Грязный, отойди! меня
Ты знаешь. Помни: мною ты стоишь!

Грязный (*отходя съ неудовольствіемъ, про себя*).

Стою... да сдержишь долго ли меня!
(*Опричникамъ, догнавъ ихъ*).
Чуръ помнить, братцы, сдѣлали тревогу
Совѣтникъ бывшій царскій Висковатовъ,
Да съ нимъ конюшній Ѳедоровъ, они
Народъ противъ опричниковъ мутили.
Пора ихъ за воротъ: богаты стали!
Вѣдь серебро лопатами гребутъ!
(*Уходитъ, за нимъ опричники*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Морозовъ и молодой Басмановъ.

Басмановъ.

Давненько не видались! ровно съ той поры,
Какъ выручилъ ты голову мою
Изъ-подъ мечей крыжатиковъ удалыхъ.
Когда-бъ не ты, мнѣ-бъ не гулять теперь
По свѣту бѣлому. Тебѣ порядкомъ
Досталось за меня!

Морозовъ.

Я только свѣдалъ,
Какъ злость растетъ, когда увидишь кровь
Свою. Придетъ пора, съ тобой сочтемся.

Басмановъ.

Покуда, помню, у тебя въ долгу.
Ну, разскажи-ка мнѣ. какъ поживаешь?

Морозовъ.

Такъ хорошо, хоть со свѣту бѣжать!

Басмановъ.

Отъ злой развѣ жены? Вѣдь ты женатъ?

Морозовъ.

На комъ, спросить позволишь?

Басмановъ.

На Жемчужной
Ужъ вѣдомо! Не самъ ли все твердилъ,
Что красоты ея ни написать
Перомъ, ни въ сказкахъ разсказать? Отцами
Сосватаны едва-ль не въ колыбели?

Морозовъ.

Не только-что друзья, того гляди
Княжною этой бабы и ребята
Придутъ меня дразнить... А что, скажи,
Князь Осипъ Гвоздевъ здравствуетъ?

Басмановъ.

Вопросъ
Къ чему о скоморохѣ?

Морозовъ.

Знать хотѣлось,
Шута не опросталося ли мѣсто
У васъ. Нельзя-ль меня, коль милость будетъ?
(*кланяется*)
Тогда и съ долгомъ простъ. Лишь объ одномъ

Прошу: бубенчиковъ какъ можно болѣ
И платье поцвѣтнѣй. Раздолье будетъ!
Вѣдь царскаго шута ужъ не обидятъ!

Басмановъ.

Не понимаю я тебя.

Морозовъ.

Поймешь,
Сейчасъ поймешь. Да, другъ! я опозоренъ...
Обиженъ... съ грязью смѣшанъ... Легче-бъ,
Когда-бъ меня передъ отцовскимъ домомъ
Татаринъ привязалъ къ хвосту коня!
Ты знаешь... нечего таить!.. любилъ
Какъ я княжну, и душу за нее
Готовъ былъ положить. Мнѣ самъ отецъ
Ее сулилъ: свидѣтель былъ Господь!
И чтожъ теперь? чтожъ? Старичишка Митьковъ
Изъ-подъ руки моей ее схватилъ!..
Вдобавокъ надо мною насмѣялись!..

Басмановъ.

Отца и жениха вкопалъ бы въ землю:
Послушалъ бы ихъ смѣха!.. Вотъ рука
Моя, отплатимъ съ лихвою. Да будетъ
Передъ тобой мнѣ стыдно, если я солгу;
А до поры княжну изъ мыслей выбрось:
Объ этой мелочи и сокрушаться
Не стоитъ. Пріѣзжай къ намъ въ слободу;
У насъ табунъ красавицъ: выбирай
Любую. Хочешь, что ли, черноокихъ?
Какъ въ ночь летучая звѣзда, лобзаній
Огнемъ падетъ на грудь!.. Иль съ поволокою
Глаза, и съ русою косой до пятъ?

Русалкой защекочетъ сердце, будто
Волной морскою, ласками заплещетъ.
Что ночь — красавица, что день — то пиръ:
Житье у насъ и умирать не надо!

Морозовъ.

Нѣтъ, другъ, поклонъ красавицамъ твоимъ,
Поклонъ твоимъ пирамъ. Мнѣ пиръ одинъ:
Кровавую обиду смыть. Наталья —
Одна мнѣ обрученница до гробу;
Ее изъ сердца, изъ ума не вырвать,
Какъ остріе копья, что мѣтко врагъ
Оставилъ въ ранѣ, надломивъ копье.
Поклялся я ужасною божбою,
Что никому не уступлю ея.
Добыть, иль душу сатанѣ отдать:
Вотъ мой обѣтъ!

Басмановъ.

Такъ что же?.. хочешь ли, добудемъ?

Морозовъ.

Легко сказать!

Басмановъ.

Все также, какъ и сдѣлать.

Морозовъ.

Такъ научи.

Басмановъ.

Въ опричники идти.

Морозовъ.

Въ разбойники, сказать хотѣлъ, конечно?

Басмановъ.

Пожалуй, мало ли къ чему такое
Названье можно приплести!.. Зато
Чего не сдѣлаемъ тогда!

Морозовъ (*подумавъ*).

А что?..
Опричники такъ страшны, такъ могучи,
Какъ слухи носятся объ нихъ?

Басмановъ.

Морочишь,
Пріятель!.. Знаешь самъ, они
Опора Грознаго: съ тебя довольно!

Морозовъ.

Чай, можно... легче имъ, и за обиду
Не здѣшнимъ... этакъ... смѣхомъ посмѣяться,
Чтобы заплакалъ кровію обидчикъ?

Басмановъ.

Ручаюсь головой!

Морозовъ.

И можно будетъ
Намъ, на сговорномъ пиру, посреди
Разгара жаркаго подблюдныхъ пѣсенъ
И поцѣлуевъ жениха съ невѣстой,
Нагрянуть молодцамъ, и пасть на нихъ,
Какъ молнія, какъ Божія гроза,
И разомъ вырвать жертву изъ толпы
Испуганныхъ дѣвицъ, въ глазахъ отца
И жениха?

Басмановъ.

Ужъ сколько разъ потѣхой
Такою потѣшались! счетъ ужъ потеряли!

Морозовъ.

А что?.. забавно будетъ, въ самомъ дѣлѣ,
Коль я въ опричники пойду!.. всего
Забавнѣй, чай, тебѣ, Жемчужный князь!
(*Подумавъ*). Да почему же и не такъ?

Басмановъ.

Рѣшайся.

Морозовъ.

Иду!.. и вотъ рука моя!

Басмановъ.

Ты нашъ,
И завтра же отправимся къ царю.

Морозовъ.

Одно забылъ... одно... благословенье!..
(*Покачавъ головой*). На это мать не дастъ благословенья!
Какъ скажешь ей?

Басмановъ.

Такъ скрой.

Морозовъ.

Скажу, что ѣду
Къ царю искать суда, а тамъ... что дастъ
Господь!..

Басмановъ.

Суда?.. да на кого-жъ?

Морозовъ.

Забылъ
Сказать, какъ мой отецъ согрѣлъ у сердца
Змѣю, когда Жемчужнаго укрылъ
Въ дому своемъ, когда съ нимъ всѣмъ дѣлился;
Я не сказалъ, какъ онъ ограбилъ насъ
И выгналъ изъ дому. Чужого крова
И хлѣба съ матерью должны искать...
Но въ Александровской когда-нибудь
На это рѣчь сведемъ.

Басмановъ (*вынимая кису изъ-за пазухи*).

Теперь возьми,
Что есть со мной. Отдашь мнѣ скоро, знаю;
Опричники безъ денегъ не бываютъ.

Морозовъ (*взявъ кису*).

Беру взаймы, для матери, отъ друга.

Басмановъ.

Ну, братъ, теперь ее ты успокоишь:
Въ довольствѣ будетъ жить, и сладко ѣсть,
И сладко спать: чего жъ старушкѣ болѣ?

Морозовъ.

Не такова она: ей сына честь
Всего дороже... Но дано ужъ слово,
И смерть одна лишь можетъ взять назадъ.
До завтраго, опричникъ-братъ, прощай! (*Расходятся*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Изба.

Морозова (*одна*).

Какъ ни гадай, ужъ плохо жить приходитъ!
Когда бы не позоръ, ужъ такъ и быть
Прикрыла-бъ камышкомъ на сердцѣ нужду;
А то и глазъ-то некуда дѣвать!
Иной, бывало, гадъ ползетъ и вьется,
А нынче будто съ голубятни смотритъ,
Иль сожалѣючи поклонъ натянетъ.
Ужъ и просвирня, увидавъ меня,
Носъ отвернула: въ церкви и дьячокъ
Мнѣ мѣсто указалъ пониже... Горько!
Сама-бъ стерпѣла, жаль Андрюшу пуще
Всего: не вынести ему позора!
Кровь молодая, бьетъ ключомъ горючимъ...

(*Входитъ Морозовъ*).

Да вотъ, голубчикъ на поминѣ легокъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Морозовъ и Морозова.

Морозовъ.

Кручинна все, родная!.. Полно, брось
Кручину во дремучій, темный лѣсъ:
Пускай слѣдовъ ея Жемчужный ищетъ!..
Никто, какъ Богъ. И вотъ на первый случай
Тебѣ (*кладетъ кису на столъ*).

Морозова.

Откуда?

Морозовъ (*показывая на небо*).

Онъ послалъ... Кто-жъ больше?

Морозова.

Вѣстимо, черезъ Божьи руки шло.
Да съ неба, дитятко, дождь серебромъ
Не падаетъ.

Морозовъ.

Слыхала-ль ты когда
О молодомъ Басмановѣ, что кравчимъ
У самаго царя?

Морозова.

Сынъ Алексѣя, Ѳедоръ?
Какъ не слыхать, родной! какъ не слыхать!
Полна ихъ славой русская земля,
Да малыхъ, чай, дѣтей пугаютъ ими.
Отецъ въ опричинѣ съ Малютой, съ Грязнымъ
И съ Вяземскимъ сидятъ, да бирку держатъ
Въ рукахъ, да кровью братьевъ отмѣчаютъ,
Чью голову на утро надо снесть;
А сынъ, любимецъ и потѣшникъ царскій,
Одежду носитъ съ одного плеча,
И изъ одной съ нимъ чаши пьетъ.
Да подъ одеждой этой парчевою
Грѣха, грѣха схоронено — не сместь
Метлой кромѣшниковъ! Да въ этой чашѣ
Намѣшано слезъ больше, чѣмъ вина!..
Не взялъ ли отъ кого изъ нихъ?.. Кровь, кровь
На этихъ деньгахъ запеклась!.. развѣ
Слезами матерей онѣ обмыты!

Морозовъ.

Да, отъ Басманова я взялъ.

Морозова.

Отдай,
Отдай скорѣй, родной! лукавый ночью
Не дастъ заснуть, креста не сотворишь
Безъ помысла нечистаго.

Морозовъ (*про себя*).

Солгу...
Вѣдь для ея-жъ добра! Не то обиды
Не оторвать отъ сердца, какъ змѣи!

Морозова.

Что шепчешь тамъ ты про себя?

Морозовъ.

Хотѣлось
Сказать, да побоялся... Такъ и быть
Скажу. Когда-бъ на деньгахъ клали мѣтки,
За что и отъ кого онѣ идутъ,
Тогда-бъ и въ церковь ихъ не стали брать;
А я отъ Ѳедора ихъ получилъ,
Какъ старый долгъ... Клянется, что отецъ
Мой далъ взаймы, какъ воевали вмѣстѣ
Въ землѣ крыжатниковъ. Повѣрилъ клятвѣ:
Не всѣ Жемчужные.

Морозова.

Ужъ если такъ,
Возьму. Ахъ! чаялъ ли сердечный другъ,
Черезъ какія руки получу
Твое наслѣдство!.. Только и осталось!

Морозовъ.

Не всякимъ слухамъ вѣрь. Удалъ Басмановъ,
Вино и разныя потѣхи любитъ;
Но не въ укоръ такому молодцу
Такая быль. Когда-бъ отца спросили,
Сказалъ бы онъ, что первою красой
Басмановъ въ русскомъ войскѣ; онъ велѣлъ
За то мнѣ братомъ называть его.
Въ кровавыхъ сѣчахъ шлемъ его всегда
Мнѣ былъ вожатаемъ.

Морозова.

Пускай бы въ войскѣ,
Какъ хочешь, какъ велѣлъ отецъ, будь братъ
Ему; а здѣсь, на сторонѣ родной,
Не братайся ты съ нимъ: помутитъ душу,
Пріучитъ къ зелену вину; а тамъ
Пріучитъ къ крови — долго-ль до грѣха!
Пожалуй, онъ въ опричники тебя
Введетъ. Не пережить тогда позора!

Морозовъ.

Мнѣ безъ Басманова нельзя ни шагу...
Нельзя мнѣ отступиться отъ него.
Онъ въ силѣ при царѣ; онъ обѣщалъ
Мнѣ судъ на нашего врага. Съ нимъ нынче-же
Хотѣлъ я въ слободу.

Морозова.

Ужъ сердце слышитъ,
Мнѣ потерять тебя.

Морозовъ.

Пожалуй, я
Останусь. Слово далъ... была надежда
Смыть кровную обиду, кости успокоить
Отца и честно помянуть его.
Эхъ! нужды нѣтъ, останусь!.. притчей городской...
Пойдемъ бродить, мать съ сыномъ, ужъ конечно,
Гдѣ полуднѣй, и Лазаря споемъ
Пожалобнѣй изъ нашего житья —
Бытья: авось, разжалобимъ прохожихъ!
«Вотъ, скажутъ, дитятко боярина
Морозова бредетъ, съ нимъ мать. Бѣдняжка!
Жемчужнаго сосваталъ было дочь;
Да юродивый, знать, какой: поклонъ,
И насмѣялись! Изъ дому родового
Холопы выгнали обоихъ. Жаль!
Обиды-бъ этой не стерпѣлъ покойникъ,
А имъ какъ-будто-бы орѣхи въ стѣну...
Легло безславье на его могилу!»

Морозова (*рыдая, бросается на шею сыну*).

Андрюшка!.. перестань. Прости ты мнѣ!..
Самъ знаешь, сердце женское... Сынъ мой!
Ступай, куда указываетъ долгъ:
На все тебѣ мое благословенье!
Лишь кости успокой отца въ могилѣ
И честью помяни его. Не дай
И мнѣ въ позорѣ умереть.

Морозовъ.

Теперь
Я слышу голосъ матери моей.
Когда бы мертвые намъ подавали слово,

Отецъ сказалъ бы за тобою тоже.
Родная! свѣтъ очей моихъ! ты снова
Богата; снова горсти серебра
Посыплешь на сиротъ и нищихъ; снова
Почетъ тебѣ дадутъ и въ храмѣ Божьемъ
И за боярскою бесѣдой... И Жемчужный
Съ повинной головой къ тебѣ придетъ
И будетъ милостей твоихъ просить.

(*Входитъ Захарьевна и останавливается у дверей*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Захарьевна.

Захарьевна.

Знать, милости Господь послалъ на нихъ.

Морозовъ.

Захарьевна!..

Морозова.

Какъ очутилась здѣсь?

Захарьевна.

Охъ! охъ!. Злодѣй-то опозорилъ, выгналъ:
Морозовыхъ чтобъ духу у него
Въ дому не пахло... Батюшки, родные!
Прикройте сирую и пріютите
«На черную ночь отъ грозы и волковъ,
На бѣлый-то день отъ смерти голодной».

Морозова.

Самъ Богъ, Захарьевна, къ намъ посылаетъ
Тебя. Андрюша ѣдетъ въ слободу

Къ царю; я остаюсь одна: какой же
Помощницы искать мнѣ лучше? Вѣрно
Ты намъ служила не одинъ десятокъ лѣтъ.

Морозовъ (*подойдя къ мамкѣ*).

Ну, что тамъ дѣлаютъ?.. Наталья что?..

Захарьевна.

Послышала лишь только, что отецъ
За Митькова сосваталъ, Богу душки
Чуть-чуть не отдала: самъ инда онъ
Перепугался... «Свѣтъ ты мой, Наташа!
Открой хоть глазки, вымолви хоть слово!..
Я не злодѣй какой... любого выбирай!»
И плакалъ онъ и руки-то ломалъ!
Оправилась Наташа, все опять забыто,
Опять за Митькова велѣлъ рядиться.
Купцовъ, портныхъ домъ полонъ, и дѣвичникъ
Готовятъ.

Морозовъ.

Скоро?

Захарьевна.

Скоро. Поспѣшаютъ.
Черезъ недѣльку...

Морозовъ (*про себя*).

Поспѣшимъ и мы.
(*Отведя Захарьевну всторону*).
Не проронила-ль слова обо мнѣ,
Такъ невзначай?..

Захарьевна.

Лишь объ тебѣ одномъ
И было у нея рѣчей со мной; а рѣчи
Все обливала горючьми слезами;
И слезъ-то ужъ не стало. Руки наложить
Хотѣла на себя, да побоялась
Грѣха великаго. «Тогда, пожалуй,
На свѣтѣ томъ намъ свидѣться откажутъ!»
А какъ со мной прощалася, повисла
На шеѣ у меня, и молвила,
Рыдаючи: «скажи ему, не вынутъ
Его изъ сердца и ножомъ, пока
Есть свѣтъ въ очахъ, смотри, скажи,
Чтобы поплакать на мою могилку
Пришелъ».

Морозовъ.

Черезъ недѣлю?. Поспѣшимъ!
Иду!.. Прощай, благослови, родная!
Захарьевна, прощай, ухаживай
За матушкою хорошенько; береги
Ее ты пуще глазу.

Захарьевна.

Будь здоровъ, голубчикъ,
А ужъ объ матушкѣ съ покоемъ оставайся.

Морозова.

Да будетъ надъ тобою милость Божья!
Прости, мой свѣтъ, прости, Андрюша!
(*Рыдая обнимаетъ его и потомъ провожаетъ до дверей*
Этакъ
Рыдало сердце и тогда...

Захарьевна *(указывая на кису)*.

Недобрый,
Пожалуй, человѣкъ войдетъ: не худо
Прибрать ихъ, матушка, счетомъ?

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Варьская улица. Посреди площадка, и на ней церковь.

Морозова, Захарьевна, гость, двѣ боярыни и мальчики.

(*Морозова съ Захарьевной, вышедши изъ церкви, пробираются по одной сторонѣ улицы. Гость стоитъ у воротъ своего дома*).

Нѣсколько мальчиковъ (*вслѣдъ за Морозовой*).

Собачья голова!
Собачья голова!
Метла кромѣшная!

Морозова.

Что лаютъ тамъ пострѣлы. Не дослышу.

Захарьевна.

Не въ разумѣнье, матушка. Кричатъ:
«Собачья голова»; а такъ зовутъ
Опричниковъ.

Мальчики.

Опричница поганая!

Гость (*погрозивъ имъ кулакомъ*).

Я васъ, озорники!.. прочь, бѣсенята!
(*Мальчики разсыпаются*).

Морозова (*проходя мимо гостя*).

Спасибо, мой родной! Съ чего ругать
Имъ вздумалось? Со мною на роду позора
Такова не бывало.

Захарьевна.

Знать, тебя
За Юрьевну сочли. Ты на нее
Сшибаешь личикомъ и ростомъ.

Морозова.

Боже,
Меня оборони!.. (*Увидѣвъ на другой сторонѣ улицы двухъ прохожихъ боярынь*).
Панкратьевна!
Постой-ка, лапушка! Словечко молвить
Съ тобою нужда есть.

Боярыня.

Уйдемъ скорѣй!
Опричница, пожалуй, сглазитъ насъ. (*Убѣгаютъ*).

Морозова.

И слово-то промолвить не хотятъ!

Какъ-будто съ черной немочью! Неужто?..
Помыслить только, пробираетъ дрожь!
(*Удаляется, за нею Захарьевна*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Бояре Висковатовъ, Ѳедоровъ и гость.

Висковатовъ.

Здравствуй, честный гость! (*Раскланиваются*). Не проходилъ ли бояринъ Митьковъ къ своимъ хоромамъ?

Гость.

Я давно стою здѣсь: не вдаль.

Ѳедоровъ.

Погонялись не мало за нимъ... Ногъ подъ собой не слышимъ. Дозволь отдохнуть у себя на прилавочкѣ; кстати посторожимъ здѣсь пріятеля.

Гость.

Милости просимъ. (*Бояре садятся*). А видѣлъ я сейчасъ диво-дивное: сожительницу именитаго боярина Морозова обижали ребятишки, да поносили опричницей. Что за притча?

Висковатовъ.

Слышишь, Иванъ Петровичъ? Не даромъ говорятъ: «хорошая слава лежитъ, а дурная бѣжитъ».

Гость.

Уже не пошелъ ли съ горя сынокъ...

Висковатовъ.

Охъ! охъ!.. Не всякому слуху вѣрь. Да вотъ Молчанъ Семенычъ. Прощай, добрый человѣкъ!

(*Гость входитъ въ калитку; бояре спѣшатъ на встрѣчу Митькову, который идетъ въ раздумьѣ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Висковатовъ, Ѳедоровъ и Митьковъ.

Висковатовъ.

Молчанъ Семенычъ! На два слова, братецъ,
Остановись.

Митьковъ.

Какъ, испугалъ меня!

Висковатовъ (*беретъ его за руку и отводитъ къ сторонѣ церкви; за ними слѣдуетъ Ѳедоровъ*).

Что больно робокъ сталъ! Иль на душѣ
Нечисто?

Митьковъ.

Какъ нечисто? Взяли вы
Съ чего меня такъ обижать напрасно!

Висковатовъ.

А вотъ съ чего, пріятель дорогой.
Ты по грѣхамъ моимъ мнѣ навязалъ
Приданое скупать...

Митьковъ.

Такъ чтожъ? Послугой
Такой и я готовъ бы отплатить.

Висковатовъ (*кланяясь*).

Спасибо вашей милости. Еще съ ума
Я не рехнулся, чтобъ въ мои года
Себя такимъ позорищемъ ославить.

Митьковъ.

Не въ бровь, а прямо въ глазъ!

Висковатовъ.

Когда дружить,
Такъ правду безъ оглядки говорить.
Да, братецъ, грѣхъ, и неокупный грѣхъ:
Заѣсть чужой вѣкъ; маковъ красный цвѣтъ,
Что утромъ лишь расцвѣлъ во славу Божью,
На утѣшенье міра, истоптать
Въ похмеліи нечистою стопой!
Приданое готовимъ мы съ тобою:
Зачѣмъ?.. Готовь-ка лучше ты покровъ
Богатый для своей невѣсты, дьякамъ
Вели за упокой спѣть по крюкамъ,
Не пѣсни дѣвкамъ голосистымъ.

Митьковъ.

Развѣ
Неволей за меня Жемчужная идетъ?

Висковатовъ.

Открой ему глаза, Иванъ Петровичъ:
Его лукавый вовсе ослѣпилъ.

Ѳедоровъ.

Отъ малыхъ лѣтъ Морозову она
Обѣщана, съ нимъ свыклася душою,
И думала вѣкъ въ радости прожить.

Митьковъ (*про себя*).

Такъ вотъ причина, почему Морозовъ
Со мной, какъ туча съ тучею, сошелся!

Ѳедоровъ.

Стань на одну съ нимъ доску, и сравни,
Кто красной дѣвицѣ изъ васъ пригоднѣй:
Онъ — кудри черныя, кровь съ молокомъ,
Соколій взглядъ, и молодъ и пригожъ;
А ты хоть бы въ стекло рѣчное посмотрѣлся!

Митьковъ.

Когда бы зналъ!.. мнѣ-ль съ молодцомъ такимъ
Тягаться! Князь Жемчужный утаилъ
Все это отъ меня.

Ѳедоровъ.

Какъ не таить!
Не только дочь, себя бы обвѣнчалъ
Съ твоимъ добромъ грабитель, тать дневной
Морозова наслѣдія. Онъ продалъ
Тебѣ родную дочь, а сына друга
И благодѣтеля пустилъ съ сумой.
Кто этого теперь въ Москвѣ не знаетъ,
Кромѣ тебя!.. И мало, что добро
Земное отнялъ у Морозова:
Онъ душу погубилъ его на вѣкъ.
Одно дитя у матери и было,
Одна утѣха въ мірѣ: имъ гордилась
Она передъ другими матерями
И, правда, было чѣмъ гордиться ей!
И ты въ грабительствѣ сообщникъ былъ,
Ты вмѣстѣ душегубство совершилъ!

Митьковъ.

О Господи! за что напраслина такая!
Вы знаете меня, друзья: могу ли
Я посягнуть на черныя дѣла!

Висковатовъ.

Когда-бъ не вѣдали, мы тратить словъ
Не вздумали-бъ съ тобой. Не ты, лукавый
Тобой все это совершилъ. Такъ знай:
Морозовъ, потерявъ невѣсту
И выгнанный изъ дому родового,
И опозоренный передъ слугами,
Съ тоски и отъ стыда въ опричники
Пошелъ.

Митьковъ.

Въ опричники?.. Морозовъ?
Сынъ друга моего?.. Не можетъ статься!
До того и мать не допустила-бъ;
И сынъ не захотѣлъ бы мать свою
Убить такимъ позоромъ.

Висковатовъ.

Можетъ-быть, мы въ силахъ
Еще спасти его.

Митьковъ.

Спасемъ, друзья!
Чего-бъ ни стоило, казны моей
Иль головы, спасемъ! и не допустимъ,
Чтобъ именитаго боярина сынъ честный
Въ позорный плѣнъ кромѣшниковъ попалъ.
Нѣтъ, этотъ грѣхъ не ляжетъ на душѣ
Моей. Я отъ невѣсты отступаюсь.

Родныхъ нѣтъ кровныхъ у меня; Андрей
Морозовъ мнѣ крестный сынъ: хочу
Его своей копѣйкой надѣлить,
И за него самъ сватомъ буду. Ѣдемъ
Сейчасъ мы въ слободу, и на порогѣ
Кромѣшной тьмы ему заставимъ путь.
Но прежде слово: отъ кого жъ узнали,
Что онъ въ опричники идетъ?

Висковатовъ.

Василій Грязный,
Совѣтникъ слободской, вездѣ звонилъ.

Ѳедоровъ.

У *Разстани* [1]) я видѣлъ самъ, какъ онъ
Въ толпѣ опричниковъ стоялъ, печаленъ
Одинъ въ толпѣ веселой; съ похоронъ,
Казалось, только-что пришелъ. Рукою
Я сдѣлалъ знакъ ему, чтобъ подошелъ
Ко мнѣ; но гнѣвно онъ отворотился.
Тутъ подлетѣлъ ко мнѣ опричникъ съ крикомъ:
«Эй! убирайся прочь! не *вашъ* онъ болѣ!»
Не *нашъ*, я повторилъ, на узника взглянувъ;
И слезы горькія меня пришибли.

Митьковъ (*утирая глаза рукою*).

Давно ли это было?

Ѳедоровъ.

Въ прошлый четвертокъ.

---

[1]) Мѣсто у Троицкой заставы въ Москвѣ.

Митьковъ.

Вѣдь молодцы, которыхъ принимаютъ
Въ опричники, живутъ и по недѣлѣ
Въ слободкѣ, что *Неволею* слыветъ?
Они тамъ ходятъ подъ искусомъ строгимъ.

Ѳедоровъ.

Морозовъ поскакалъ съ любимцемъ царскимъ,
Басмановымъ: такъ диво ли, когда
Могучею и удалой рукою
Тотчасъ перемахнетъ его къ царю?
И если онъ въ опричники ужъ принятъ?

Митьковъ.

Такъ мы возьмемъ съ собой старушку мать
Морозова и съ нею въ ноги упадемъ
Царю, и вымолимъ ей честь и сына.

Висковатовъ.

Мы и безъ того съ пріятелемъ сбирались
Отъ града стольнаго царю челомъ
Ударить: горько, горько на святую Русь,
Какъ на вдовицу сирую, смотрѣть,
Покинулъ, видно, насъ совсѣмъ Державный!

Ѳедоровъ.

Мы правду выскажемъ царю-отцу,
Какъ вѣрные сыны; а тамъ... готовы
За край родной и голову сложить!

Митьковъ.

Такъ въ путь, друзья, скорѣе!

Ѳедоровъ.

Прежде
Сподобимся Святыхъ Тайнъ пріобщиться:
Кто ѣдетъ въ слободу, тотъ къ смерти будь готовъ.

(*Лишь только хотятъ они идти, слышны рѣдкіе удары въ колоколъ; они останавливаются и взглядываютъ другъ на друга*).

Висковатовъ.

Что это за звонъ?

Ѳедоровъ (*печально*).

Знать священникъ умираетъ. (*Крестятся*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Трапеза въ царскихъ хоромахъ, въ Александровской слободѣ. Въ одной сторонѣ столъ, покрытый скатертью и уставленный разными серебряными сосудами; въ другой кресла, и передъ ними столикъ, на которомъ лежитъ книга. Слышны рѣдкіе удары колокола. Служителя, поставивъ блюда на столъ, удаляются.

Грозный, Аѳанасій Вяземскій, Малюта Скуратовъ, Алексѣй Басмановъ, князь Осипъ Гвоздевъ и нѣсколько другихъ опричниковъ *входятъ поодиночкѣ, опустивъ голову и скрестивши руки на груди. Когда Грозный останавливается посреди трапезной, опричники становятся предъ нимъ врядъ.*

Грозный.

Довольно, братья, потрудились Богу.
Мы человѣки: созданы изъ духа
И плоти. Духомъ поработали;
Молитвами и тяжкимъ воздыханьемъ

И пѣньемъ сокрушили грудь свою;
Поклонами земными безъ числа
Смели мы прахъ церковнаго помоста;
Довольно изнурили плоть: пора
И пищу ей. Садитесь и вкушайте.

Алексѣй Басмановъ.

А ты, отецъ? Ты болѣ всѣхъ трудился;
Усердья тяжкаго ты на челѣ
Несешь печать: тебѣ и подобаетъ
Вкусить всѣхъ прежде отъ плодовъ земныхъ.

Грозный.

Какъ мнѣ? Поставленный всѣхъ выше васъ,
Всѣхъ болѣе пріявшій власть отъ Бога
Добро и зло творить здѣсь на землѣ,
И потому всѣхъ болѣ согрѣшившій,
Не наравнѣ же съ вами долженъ бремя
Раскаянья нести. Хочу еще
Работать Богу духомъ сокрушенья;
А вы за трапезу садитесь, братья!

(*Всѣ опричники, сдѣлавъ поясной поклонъ Грозному, садятся за столъ и потомъ усердно ѣдятъ и бражничаютъ*).

(*Грозный беретъ книгу со столика и, стоя, читаетъ съ благоговѣніемъ про себя, ударяя себя повременамъ въ грудь. Слезы мѣшаютъ ему читать далѣе; онъ садится въ кресла и, облокотясь на столъ, закрываетъ глаза руками*).

Алексѣй Басмановъ (*Вяземскому*).

Чтожъ ты не пьешь?

Вяземскій (*тихо, указывая на Грознаго*).

Смотри... гроза нагрянетъ!

Гвоздевъ.

Не въ первый разъ вамъ съ головы своей
Да на чужую отводить удары.

Вяземскій.

И впрямь!
(*Шепчется съ Басмановымъ и потомъ говоритъ громко*).
Изъ этихъ стопъ лукавый
Меня все дразнитъ.

Алексѣй Басмановъ.

Мудрено-ль, одна стопа —
Отъ Висковатова подносъ царю,
Другая Ѳедорова даръ... Напрасно
Хотятъ посеребрить души коварство:
Сквозь серебро и золото сквозитъ.

Грозный (*вслушавшись въ послѣднюю рѣчь, приподнимаетъ голову*).

И я вѣдь не слѣпецъ!.. Не вижу, что ли,
Ихъ замысловъ лукавыхъ на меня?
Не вѣдаю ихъ злобныхъ ухищреній?
Но я вѣдь въ Александровской, не въ стольномъ градѣ!
Хочу я — милую; хочу — караю!
Адашевыхъ, Сильвестровъ нѣтъ со мной,
Нѣтъ болѣ пѣстуновъ моей свободы!
(*При этихъ словахъ всѣ опричники встаютъ изъ-за стола*).
Мнѣ широко, мнѣ вольно здѣсь, раздолье...
Кто путы принесетъ? Давайте ихъ!
Заброшу съ ними удальца туда,
Куда костей и воронъ не заноситъ!

Вяземскій.

Мы — слуги вѣрные, мы присягали

Отъ злыхъ людей тебя остерегать,
Отъ новаго нашествія боярской власти
Беречь цареву...

Грозный.

Развѣ слухи есть?..

Вяземскій.

Нѣмчинъ Бомелій изъ Москвы пріѣхалъ
И много кой-чего поразсказалъ.
Когда бы не Басмановъ Ѳедоръ, жарко-бъ
Твоимъ слугамъ отъ земщины пришлось.

Грозный.

Бомелія ко мнѣ!

(*Вяземскій уходитъ*).

Моимъ слугамъ?..
Моимъ?.. Кто? Земскіе?.. Перстомъ обиду
Свинцовой палицей имъ отплачу;
Дохну грозой, и срою избы ихъ,
И мелкимъ прахомъ размечу по вѣтру!

(*Вяземскій возвращается съ Бомеліемъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Елисей Бомелій [1]).

Грозный (*Бомелію*).

Разсказывай, что было, какъ въ Москвѣ?

---

[1]) О характерѣ Бомелія *см.* Исторію Государства Россійскаго, томъ IX, стр. 140 и 190.

Бомелій.

Народца русска, нѣтъ чего сказать, —
Звѣрь настояща; чувства никакова...
Корми, пошалуста, все смотритъ лѣсъ.

Князь Гвоздевъ.

Прибавь, голоднаго неразумѣетъ сытый.
Не ты ли кормишь, Елисей Нѣмчинъ?

Бомелій.

Не я, сіятельна забавникъ, нѣтъ,
А каспадинъ нашъ Іоаннъ великій:
Какъ съ неба солнышка, онъ посылай
На злой и добрый милости своя.

Князь Гвоздевъ.

Пригрѣетъ солнышко заморскихъ гадовъ,
И выползутъ изъ норъ, чтобы кусать.

Грозный.

Молчи! не то, языкъ на стѣнку гвоздемъ!

Князь Гвоздевъ.

И выйдетъ Осипъ Гвоздевъ на гвоздѣ;
Свой своему вѣдь поневолѣ братъ!

Грозный.

Дуракъ!.. впередъ, мой добрый Елисей!

Бомелій.

Пріѣхалъ мой въ Москва. Кто отъ царя,
Того бѣгай, какъ будто чорна язва...

Вездѣ народъ сбираясь въ кружокъ
И съ ними завсегда одна бояринъ,
И каваритъ: «Пришла худая время
Съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ Адашевъ нашъ въ совѣтъ.
Народъ опричника на откупъ отданъ:
Рвутъ клѣба изо рта, пьютъ наша кровь.
Кто правитъ нами, нашъ не знаетъ.

Грозный.

Скоро
Провѣдаютъ, кто правитъ имп! Скоро
Имъ зарублю *его* кровавой мѣтой!

Бомелій.

Кадилъ мои разъ на торгъ, и гдѣ мои взглянетъ,
Въ народа, въ лавка, у церква, вездѣ
Бояре, земская, да понемножка
Вездѣ ядъ остра сыпай съ языка
Противъ тебя.

Грозный.

А кто бояре были?
Узналъ?

Бомелій.

Мои? преданна твои слугъ, твой рабъ,
И не узнай!... Одна былъ Висковатой,
А Ѳедоровъ другая. О! какъ подло
Противъ отца... Опричника твоя
Ругали, какъ сапожникъ!.. хуже!
Они разбойникъ, ты ихъ атаманъ.
Гляжу: опричникъ ѣдутъ, съ ними Грязный,
Такъ смирна, какъ барашка. А народъ
На нихъ; кто лаетъ, какъ собакъ, кто камень
Пускай въ нихъ; даже баба и мальчишка
Показывай имъ языка.

Грозный.

Языкъ вамъ вытяну до слободы!

Бомелій.

Не вытерпѣла тутъ солдатъ твоя,
И началась сраженье. Кровь лилась
По улицъ, какъ ручей, и долго-бъ, сильно-бъ,
Еще лилась, когда-бъ не подошла
Басмановъ твой любима, да еще
Одна его пріятель молодая,
Морозовъ. Онъ въ опричника идетъ.
И побѣжала все отъ нихъ, какъ зайца
Отъ удалой собакъ.

Грозный.

Ѳедюша мой
Ужъ не ударитъ въ грязь лицомъ; и шапка
На мнѣ не загорится отъ стыда
Нигдѣ, гдѣ смѣютъ имя господина
Его при немъ позору отдавать.

Алексѣй Басмановъ (*смотря въ окно*).

Два молодца во весь опоръ несутся...
За ними клубомъ пыль валитъ.. Одинъ
Мой сынъ; лицо другого незнакомо.

Бомелій (*смотря въ окно изъ-за Басманова*).

Тотъ сама, что въ опричника идетъ
И рыцарства своя ужъ заслужилъ
Такъ славна.

Алексѣй Басмановъ.

Кто-жъ за ними?.. удалецъ
Какой-то... на моемъ аргамакѣ... несется,

Какъ вранъ за молодыми ястребами...
Лихой наѣзникъ, онъ прилипъ къ коню,
Какъ-будто вмѣстѣ выросъ.

Вяземскій (*посмотрѣвъ въ окно*).

Мудрено-ль?
Старикъ веревками къ сѣдлу привязанъ.
Да это, Господи прости, самъ дьякъ
Подсѣдина. Клещомъ надулся, градомъ потъ...
Не перышкомъ, знать, грамотку скоблить!

Алексѣй Басмановъ.

Вотъ у крыльца... отдѣлали коней!..

Грозный.

Для Ѳедора любыхъ съ моей конюшни!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и молодой Басмановъ.

Грозный.

Дай въ маковку себя поцѣловать. (*Молодой Басмановъ наклоняется. Грозный цѣлуетъ его въ голову*).
Бомелій все мнѣ разсказалъ... Поспѣетъ
На всякій пиръ мой кравчій дорогой:
Меня онъ сладкимъ медомъ веселитъ
И вмѣстѣ земщину опохмеляетъ.
Скажи, чѣмъ жаловать тебя? Стопа
Завѣтная тебѣ ли полюбилась?
Бери! Мой терликъ перваго наряда
Тебѣ не приглянулся-ль? Съ плечъ моихъ
Надѣну на твои — лишь пожелай.

Молодой Басмановъ.

По милости твоей, добромъ я этимъ
Богатъ: другой наградою меня
Пожалуй.

Грозный.

Развѣ сокола попросишь,
Что съ тучею бѣжитъ по поднебесью,
Не дамъ тебѣ, а на землѣ что хочешь,
Проси.

Молодой Басмановъ.

Есть у меня крестовый братъ;
Пригожъ, какъ дѣвка красная, и статенъ,
Какъ рьяный конь, что вставши на дыбы,
Широкой грудью на копье летитъ.
Въ бою подъ Юрьевымъ, когда зарница
Мечей нѣмецкихъ сильно разыгралась
Надъ головой моею, онъ, мой братъ,
Меня отъ смерти и позора спасъ.
Въ долгу я тяжкомъ у него, ты видишь.
Теперь онъ просится въ опричники:
Своею милостью взыщи его!

Грозный.

Давайте молодцовъ такихъ поболѣ.
Крѣпка ограда, гдѣ тычины крѣпки.
Прозваніе его?

Молодой Басмановъ.

Андрей Морозовъ.

Грозный.

Съ тобою онъ?

Молодой Басмановъ.

Здѣсь, у крыльца. Но прежде,
Чѣмъ очи ясныя свои увидѣть
Позволишь, судъ и милость сотвори
Ему. Обиженъ земщиной онъ крѣпко.

Грозный.

Повѣдай, какъ и отъ кого обида?

Молодой Басмановъ.

Жемчужный князь — обидчикъ въ этомъ дѣлѣ.

Грозный (*обращаясь къ Вяземскому*).

Красотка дочка у него, не такъ ли?
Ты про нее вчера мнѣ говорилъ.

Вяземскій.

Заподлинно такъ, господине: краше
Ея во всей подсолнечной не сыщешь.

Молодой Басмановъ.

За Митькова за старика хотятъ
Отдать.

Грозный.

Садится не въ свои онъ сани!
Скорѣй сюда подкатимъ ихъ, Ѳедюша.

Молодой Басмановъ.

Морозова была невѣста...

Грозный.

Свадьбу
Сыграемъ въ слободѣ и зададимъ
Веселый пиръ на удивленье міру.
Да мы съ красавицей и судъ забыли.
Ну, что же князь Жемчужный?

Молодой Басмановъ.

Подмѣнилъ
Морозова духовную онъ запись.
Тутъ дьякъ Подсѣдина работалъ ловко;
Всѣ подписи поддѣлалъ такъ исправно,
Что судъ приговорилъ Морозова добро
Жемчужному отдать все, безъ остатку.

Грозный.

Здѣсь дьякъ, сказали мнѣ?.. Сюда его.

Молодой Басмановъ (*отворивъ дверь*).

Къ царю пожалуй, милостивецъ дьякъ!

Князь Гвоздевъ.

Судья покончитъ судъ безъ проволочки.
Кабы на всѣхъ плутовъ гроза такая!..

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и дьякъ Подсѣдина.

Грозный.

Ты краснописецъ?

Подсѣдина (*упадая въ ноги, показываетъ на свое ухо*).

Не дослышу... правымъ...
Великій господине всея Руси!

Грозный.

Что правымъ не дослышишь, знаемъ!
Медвѣдю на ухо велю спросить.
Отвѣть, пока я глазомъ не мигнулъ.

Подсѣдина.

Не краснописецъ, нѣтъ, а земскій дьякъ,
По милости родителей твоихъ:
Дай Богъ имъ царствіе небесное!

Грозный.

Ты не таи художества. Перо
И листъ бумаги!

(*Молодой Басмановъ приноситъ и кладетъ то и другое на столъ; дьякъ встаетъ*).

Подпиши подъ руку
Морозова... котораго, ты знаешь —
Отца: чтобъ подпись сынъ родной призналъ!

Подсѣдина.

Куда мнѣ, солнце красное, куда
Моимъ окостенѣвшимъ пальцамъ дѣло
Такое совершить!

Грозный.

Такъ за тебя
Медвѣдь подпишетъ на твоей спинѣ.
Сюда стервятника лихова!

Подсѣдина (*падая на колѣни*).

Виноватъ!
Попуталъ грѣхъ лукавый!.. соблазнили
Рублевиковъ предательскія очи.
Чужимъ добромъ владѣетъ князь Жемчужный
По милости моей: я смастерилъ
Духовную съ начала до конца.

Грозный.

Повинной не сѣкутъ, не рубятъ:
За то и головой дарю тебя.
Но чтобъ рука твоя не соблазняла
Тебя впередъ (*обращаясь къ Скуратову*), клеймо положъ на ней, Малюта!

(*Два опричника хотятъ увести дьяка*).

Постой!.. Онъ *худородный* дьякъ!.. Всегда
Царю и царству нужны грамотѣи;
Крамолы не куютъ противъ меня!..
Простить его... (*Дьякъ бросается въ ноги Іоанну: по движенію Грознаго, его отводятъ*).

Бомелій.

Вотъ нова Соломонъ!

Грозный.

Теперь мы примемся за новобранца.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, кромѣ Подсѣдина и Бомелія, и Морозовъ.

Грозный (*Морозову*).

Ты, молодецъ, въ опричники желаешь:
Неволя гонитъ, или проситъ воля?

Морозовъ.

Какъ передъ Господомъ, передъ тобою
Души не постыжу грѣхомъ обмана.
Неволею иду; но той неволи
Не купишь золотомъ своей казны,
Всей силою земныхъ князей не свяжешь.
Она — не здѣшняя; въ недобрый часъ
Во мнѣ, какъ духъ нечистый, поселилась,
И не смогу ее ни заклинаньемъ,
Ни силой крестною самой изгнать.
Она-то привела меня сюда.
Но, господине, знай, неволя эта
Даритъ опричинѣ слугу вѣрнѣе
Всѣхъ псовъ твоихъ, сѣкиръ твоихъ надежнѣй.

Грозный.

Люблю рѣчь умную и удалую:
Какъ полоса меча, блеститъ и рубитъ!
Даю охотно этой рѣчи вѣру,
И съ радостью въ опричники беру
Тебя. Какихъ же слугъ желать мнѣ лучше?
Любимца моего ты братъ крестовый
И земщинѣ заклятый врагъ душой.

Но для тебя опричины законъ
Не властенъ я перемѣнить: ты долженъ
На вѣрность намъ присягу *нашу* дать.

Морозовъ.

Готовъ.

Грозный.

И я не постыжу душу
Грѣхомъ обмана. Знаешь ли, что если
Обѣтъ нарушишь, съ головой простись?
Не выручатъ ни други, ни заслуги;
Не скроешься ни подъ полой моей,
Ни въ храмѣ Божьемъ не найдешь защиты.

Морозовъ.

Все знаю, и на все рѣшился.

Грозный.

Братья!
Пока даетъ обѣтъ свой новобранецъ,
Прикройте голову его ножами,
Въ залогъ того, что не задумается мечъ
Снести ее, лишь-только мысль измѣны
Родится въ ней. (*Всѣ опричники составляютъ около Морозова кругъ, всѣхъ ближе къ нему становится молодой Басмановъ, и держатъ надъ головою его ножи*).
А ты, Андрей Морозовъ,
Во имя Господа и страшныхъ силъ
Его, клянись за мной.

Опричники.

Клянись!

Морозовъ.

Клянусь!

Грозный [1])

Не только дѣломъ, самому, или словомъ,
Но даже стороной, черезъ другихъ,
Не помня хлѣба-соли, ни родства,
Ни выручки, не разбирая пола
И лѣтъ, кому бы ни было изъ земскихъ
Во вѣки не служить и не дружить.

Морозовъ (*про себя*).

А мать моя?.. мать?.. а Наталья?..
Неужели и отъ нихъ мнѣ отступиться?
Для нихъ лишь только я сюда пришелъ...

Грозный.

Чтожъ ты задумался?

Морозовъ.

Клянусь!

Грозный [2]).

Не только
Во всякой часъ на лиходѣевъ нашихъ
Усердно доносить, какое зло
Они противу нашихъ замышляютъ,
Иль словомъ намъ наносятъ оскорбленье,
Гдѣ-бъ ни было, на площади, во храмѣ,

---

[1]) Исторія Госуд. Россійск. Карамзина, томъ IX, стр. 87 и 88.
[2]) Исторія Государства Россійскаго Карамзина, томъ IX, стр. 24.

За дружеской бесѣдой, на пиру,
Въ семьѣ родной, не только доносить —
Вездѣ подслушивать, подстерегать,
Не скажутъ ли объ замыслахъ лукавыхъ
И своды погреба и тайна кельи,
И поцѣлуй любовницы безумный,
И наставленья матери родной.

Морозовъ (*про себя*).

О Господи! оставилъ ты меня!.. (*Плачетъ*).

Молодой Басмановъ (*тихо Морозову*).

Опомнись!.. слышишь голосъ?... самъ отецъ
Тебя изъ гроба къ мщенью призываетъ.

Морозовъ (*про себя*).

Такъ — пропадай душа! (*Вслухъ*). Клянусь!

Вяземскій.

Онъ плачетъ:
Худой опричникъ будетъ!

Грозный.

Наконецъ
Ты долженъ отъ отца отречься...

Морозовъ.

Мертвыхъ
Не трогай, господине!..

Грозный.

Дѣло! Мертвыхъ
Зачѣмъ въ поличную съ живыми ставить!

Но мать жива... Отъ матери отречься
Ты долженъ.

Морозовъ (*молчитъ*).

Грозный.

Чтожъ? клянись!..

Опричники.

Клянись!

Морозовъ (*молчитъ*).

Грозный.

Еще я повторяю!..

Морозовъ (*молчитъ*).

Молодой Басмановъ (*изъ-за него*).

Отрекаюсь.

Морозовъ.

Нѣтъ, нѣтъ! то не былъ голосъ мой!.. Нѣтъ, дьяволъ
Самъ за меня сказалъ, не человѣкъ!
Отъ матери отречься?.. Нѣтъ! не вѣрю,
Чтобы нашлось чудовище такое,
Кто-бъ могъ отъ матери, его родившей,
Питавшей грудію его, отречься!
Въ опричинѣ такого нѣтъ закона;
Его нѣтъ даже у звѣрей самихъ!
Не можетъ быть... ты надо мною, господине,
Хотѣлъ лишь подшутить...

Грозный.

Когда шучу
Такими шутками, то головы летятъ.
Не скоморохъ же я, Андрей Морозовъ!

Морозовъ.

Когда законъ безчеловѣчный есть,
Закону этому не покоряюсь:
Вели меня въ сей мигъ ножамъ всѣмъ этимъ,
Что надо мною подняты, хоть разомъ
Насквозь пронзить!

(*Молодой Басмановъ падаетъ на колѣни*).

Грозный (*молодому Басманову, немного погодя*).

Не бойся за него,
Крестовый братъ! Безстрашенъ онъ, я вижу;
Онъ постоитъ за насъ и за себя.
Люблю я молодцовъ такихъ: намъ нужны
Они. По взгляду моему, я знаю,
Пойдетъ одинъ на стаю лиходѣевъ. (*Морозову*).
За то я матерью тебя дарю...
И новому опричнику привѣтъ!
Стопу мнѣ фряжскаго!

(*Молодой Басмановъ наливаетъ и подаетъ ему стопу*).

За мною, братья!

(*Всѣ, кромѣ Морозова, наливаютъ стопы и поднимаютъ ихъ*).
За здравіе твое, слуга нашъ новый! (*Выпиваетъ стопу*).

Опричники.

За здравіе твое, нашъ новый братъ!

(*Дѣлаютъ то же. По знаку Грознаго, одинъ изъ опричниковъ подаетъ стопу Морозову*).

Морозовъ (*поднимая стопу*).

Жить долги вѣки господину Руси
И царствовать ему во страхъ врагамъ! (*Выпиваетъ*).

Грозный (*Морозову*).

Теперь, опричникъ нашъ, съ Жемчужнымъ можешь
Развѣдаться: самъ дьякъ признался
Въ подлогѣ записи духовной. Поспѣшай
Въ Москву, и забирай свое добро,
Гдѣ только ты его найдешь. По нраву-ль
Тебѣ еще придется что въ дому,
Моею властію бери.

Молодой Басмановъ.

Невѣста
Тамъ у него.

Грозный.

Вези сюда голубку;
Мы свадебку сыграемъ въ слободѣ
И позовемъ отца попировать.

Морозовъ.

Отъ милостей твоихъ я бѣлый свѣтъ увидѣлъ.
Вели, и за тебя сложу охотно
Я голову свою!

Грозный.

Увидимъ, братъ!

Молодой Басмановъ.

Дозволь и мнѣ къ Жемчужному на *ловъ*:
Дѣвичникъ, слышно, у него на дняхъ...

Грозный.

Спросить однакоже, на всякій случай,
Какой же путь возьмете вы?

Морозовъ.

Прямой.

Въ лѣсахъ глубокихъ мы сейчасъ потонемъ,
И вынырнемъ подъ самою Москвой.

Грозный.

Вы въ путь на ловлю рыбокъ золотыхъ,
А мы пойдемъ съ Малютою смотрѣть
Кулачный бой медвѣдя съ человѣкомъ [1]),
Добро-бъ съ простымъ, а то съ бояриномъ, да съ земскимъ.
Не видывалъ!..

(*Уходятъ; за ними всѣ опричники, кромѣ Морозова*).

Морозовъ.

Наталья! ты моя!
О! дорого ты достаешься мнѣ!..
Прости же, воля, воля сладкая!
Прости! я продалъ душу сатанѣ! (*Немного погодя*).
Зато позоръ я смылъ съ души моей!
Зато потѣшусь надъ тобой, Жемчужный!

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго Карамзина, томъ IX, стр. 91 и 92.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Теремъ въ домѣ князя Жемчужнаго. Дѣвичникъ.)

Наталья Жемчужная, дѣвицы и сваха.

Наталья, печальная, сидитъ на скамейкѣ. Нѣсколько дѣвицъ заплетаютъ ей косу; другія водятъ хороводы и поютъ; иныя раздѣлились на группы и пары; кто занимается бесѣдою, кто рѣзвится. Сваха, во время пѣнія, нѣсколько разъ подходитъ къ полураствореннной боковой двери и сквозь нее переговаривается съ княземъ Жемчужнымъ.

Дѣвицы (*поютъ*).

Скачетъ груздочекъ по ельничку:
Слава!
Ищетъ груздочекъ бѣляночки:
Слава!
Не груздочекъ скачетъ, боярской сынъ:
Слава!
Не бѣляночки ищетъ, боярышни:
Слава!

Наталья.

Зачѣмъ веселыя поете пѣсни,
Подруги милыя? Онѣ не ладятъ
Съ тоской моей. (*Немного погодя*). Ахъ! спойте лучше мнѣ
Ту пѣснь, что наша Машенька любила.

Одна изъ дѣвицъ.

Какая Машенька?

Наталья.

Сосѣдка наша...
Ну, та, что выдали за старика.

Другая дѣвица.

И умерла потомъ?

Третья дѣвица.

Что за охота?

Первая дѣвица.

Бѣда какая! пѣсня — не пророкъ;
Мы дѣвицы — не воронья: споемъ!

Дѣвицы (*поютъ*).

Поднялась погодка —
Съ сивера налегъ;
Разыгралась рѣчка
Въ берегахъ крутыхъ;

Гонитъ безъ оглядки
За волной волну;
Путь себѣ дорожку
Стелетъ широко.

Ты куда такъ, рѣчка,
Безъ ума бѣжишь?
Въ морѣ хоть раздолье,
Въ морѣ пропадешь.

«Ахъ! не я широкой
Доли той хочу:
Гонитъ зла погодка
Съ сивера налетъ».

Ты куда такъ, дѣвица,
Снаряжаешься!
Ты куда такъ, красная,
Убираешься?

Не спѣши развязывать
Русую косу:
Подъ повязкой бархатной
Часто слезы льютъ.

«Ахъ! не я, подруженьки,
Доли той хочу:
Гонитъ слово батюшки,
Божія гроза.

Кабы воля-волюшка
Мнѣ была своя,
Ужъ не той бы долюшки
Пожелала я!»

Наталья (*повторяетъ*).

Ужъ не той бы долюшки
Пожелала я. (*Плачетъ*).

Сваха.

О чемъ тужить, красавица моя?
Надежнѣй, право, старый молодого.

Старикъ окутаетъ тебя въ парчу,
Унижетъ ласломъ, жемчугомъ окатитъ,
Твоею красотой не наглядится,
Пылинкѣ на тебя не дастъ упасть;
А молодой... кто вѣдаетъ? въ пирушкахъ
Да въ схваткахъ удалыхъ тебя забудетъ;
На зернь добро твое же промѣняетъ,
И вѣкъ твой, будто молонья, спалитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и князь Жемчужный.

Князь Жемчужный.

Что правда, сватенька, то правда. Разумъ
Когда-бъ имѣла, плакать перестала-бъ.
(*Кланяется дѣвицамъ, а тѣ откланиваются ему*).
Спасибо, красныя, спасибо вамъ,
Что дочки проводить дѣвичью долю
Пришли.

Сваха.

Ну, спойте что-нибудь, дѣвицы!

Дѣвицы (*поютъ, перешептавшись между собою*).

Смолкли рощи голосисты,
Притаились рѣчки,
Запорхалъ снѣжокъ пушистый
И покрылъ все бѣлымъ платомъ.

Выѣзжалъ князь со княгиней
Тѣшиться охотой:
Будто крикомъ лебединой
Вереницы, островъ дрогнулъ.

Гонитъ жарко гончихъ стая
Вострую лисичку;
Душегрѣйка дорогая
Будетъ!.. Но гадали рано...

Гнали красную лисицу,
А попалъ волкъ сѣрый;
Окружатъ тебя, дѣвицу,
Съ старымъ и постылымъ мужемъ.

(*Князь Жемчужный дѣлаетъ знакъ неудовольствія*).

Сваха (*обходя съ княземъ дѣвицъ*).

Разглядывай, которая по нраву,
Да намъ скажи; а мы тебѣ поможемъ.
Насъ только не забудь.

Князь Жемчужный (*указывая на одну изъ дѣвицъ*).

Вотъ эта чья?
Вторая съ краю?

Сваха.

Съ бойкимъ глазомъ? будто
Слѣдъ огневой, куда посмотритъ, сыплетъ?..

Князь Жемчужный.

Да, да.

Сваха.

Боярина Серебрянаго... сладимъ!

(*Слышенъ шумъ на дворѣ*)

Князь Жемчужный (*въ испугѣ*).

Что?.. что такое?.. Боже мой!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и дворецкій.

Дворецкій.

Со всѣхъ сторонъ
Опричники дворъ осадили, лѣзутъ
Черезъ тыны, долой ворота съ петель.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и кравчій.

Кравчій (*прибыая*).

Все ломятъ наповалъ, шумятъ, кричатъ,
И чернымъ роемъ въ домъ влетѣли...
(*Слышны крики: Гойда! гойда!*)

Князь Жемчужный.

Опричники?.. Прощай, моя казна!
(*Дѣвицы разсыпаются съ крикомъ и бѣгутъ къ дверямъ, но увидѣвъ, что всѣ входы заняты опричниками, возвращаются. Кто изъ нихъ падаетъ отъ страху, въ томъ числѣ и княжна, кто собирается около нея въ кружокъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, молодой Басмановъ, Морозовъ, толпа опричниковъ и дьякъ Подсѣдина.

(*Подсъдина останавливается у дверей*).

Молодой Басмановъ.

Кто съ мѣста только тронется, въ окно
Велю я сбросить!.. Впору мы, какъ видно,
Пришли: дѣвичникъ только-что въ разгарѣ.
Опричники догадливы, и женишка
Съ собою привезли. (*Жемчужному, указывая на Морозова*).
Вотъ онъ, хозяинъ —
По государеву указу.

Морозовъ.

Здравствуй,
Тесть дорогой!.. Не ждалъ!.. Что, слову вѣренъ,
Небось, Морозовъ?..

Молодой Басмановъ.

Эй, дворецкій! слушай,
И передай Жемчужнаго дворчанамъ,
Что всѣ они, и домъ, и дворъ, и въ домѣ
Что въ этотъ мигъ найдется налицо,
Морозову принадлежитъ. За цѣлость
Всего ты отвѣчаешь головой.

Дворецкій (*кланяясь*).

Повиненъ выполнить царя указъ.
(*Уходитъ; за нимъ кравчій*).

Князь Жемчужный.

Помилуй! всѣмъ владѣю по закону.

Молодой Басмановъ.

Дьякъ, говори!

Подсѣдина (*подойдя къ князю*).

Во всемъ признался
Я, окаянный: запись смастерили
Мы ложную съ тобой: въ винѣ своей
Покаялся я Богу и Царю...

Князь Жемчужный (*падая на колѣни*).

Не дайте умереть безъ покаянья!

Морозовъ.

Что? грянула гроза? Гроза-то Божья!
Ее изъ гробу вымолилъ отецъ,
И выплакала мать кровавыми слезами;
Теперь ты молишься подъ черной тучей?
Теперь ты крестишься, когда гремитъ?
А помнишь ли, князекъ спесивый, чванный,
Изъ дому этого ты выгналъ насъ съ сумой?
А помнишь ли, велѣлъ своимъ дворчанамъ
Насъ съ матерью вязать?.. Забылъ тогда,
Что это мать Морозова!.. Теперь
За мною очередь пришла; теперь
Смѣшно и мнѣ... У ногъ моихъ, паскудный!
Проспалъ я честью дочь твою; не отдалъ:
Нельзя — за Митькова давно сосваталъ;
Нельзя — отцу его крестъ цѣловалъ!

Князь Жемчужный.

Вѣдь время не ушло. Не помни зла;
Возьми теперь съ моимъ благословеньемъ.

Морозовъ.

Когда ты ползаешь передо мной?
Да кто согласья твоего просилъ?..
И безъ того *она* моя! Твое согласье
Мнѣ все равно, что нитка паука!
Она моя!
(*Бросается къ Натальѣ: дѣвицы передъ нимъ разступаются*).
Не даромъ я божился!

Молодой Басмановъ.

Встань, князь Жемчужный! (*Опричникамъ*). Поднимите
Его, опричники! (*Опричники поднимаютъ князя*).
Почетъ ему! подъ ручки!
Онъ брата нашего вѣдь тесть!..
Поѣдетъ свадьбу въ слободѣ играть!

Морозовъ (*схвативъ руку Натальи*).

Наталія Ивановна! опомнись...
Жемчужина моя ты дорогая!
Промолви слово, свѣтъ очей моихъ!

Наталья (*пришедъ въ себя*).

Кто звалъ?.. Андрей Петровичъ! не во снѣ ли вижу?
Андрюша!.. Это ты?.. Твой голосъ? Какъ же
Пробрался ты сюда?.. У насъ дѣвичникъ.
Ты развѣ этого не зналъ? Проститься
Въ послѣдній, видно, разъ пришелъ!.. Прощай!
Прощай, душа моя!.. Бѣги скорѣе!
Что станется, когда отецъ увидитъ!

Морозовъ.

Опомнись; я твой суженый, пріѣхалъ
Тебя къ вѣнцу везти... Благословенье
Мы получили... Ѣдемъ въ Божій храмъ!

Наталья.

Съ тобою?.. въ Божій храмъ?.. Ахъ! дайте мнѣ
Собраться съ разумомъ; не понимаю,
Гдѣ я. (*Озирается*). Подруги!.. мой отецъ!.. опричники
Кругомъ!.. о Господи! и ты опричникъ!..
(*Закрываетъ глаза руками*).
Прочь, прочь! Я отрекаюсь отъ тебя!
Кромѣшника любить я не могу!

Морозовъ.

Да, я опричникъ; только для тебя пошелъ!..
Зачѣмъ же я клялся ужасною божбою?..
Зачѣмъ же я прошелъ сквозь огнь и воду?..
Коней, друзья! коней! Мы не купцы;
Не торговаться мы сюда пришли!
Что наше, то беремъ, какъ ни попало!
(*Схватываетъ княжну въ охапку*).

Молодой Басмановъ.

Люблю! по нашему!

Нѣсколько опричниковъ.

Вотъ молодецъ!

Морозовъ.

Спасибо, братцы, вамъ! Моя казна
И погреба къ услугамъ вашимъ!.. Ѣдемъ!
(*Уноситъ княжну*).

Молодой Басмановъ

(*опричникамъ, указывая на князя Жемчужнаго*).
Смотрите, братцы, не забудьте гуся!

(*Уходитъ. Опричники выводятъ князя и удаляются. Дѣвицы остаются на своихъ мѣстахъ какъ будто окаменѣлыя*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гридня въ царскихъ хоромахъ, въ Александровской слободѣ. Съ правой стороны широкая скамья въ видѣ кровати, покрытая персидскимъ ковромъ; въ изголовьѣ шелковая подушка; у скамьи два складные стула; подлѣ одного изъ нихъ стоятъ гусли. Съ лѣвой стороны одинъ стулъ съ высокою спинкою, узорочно-вызолоченною, и нѣсколько складныхъ стульевъ полукругомъ. На столѣ нѣсколько серебряныхъ стопъ и кувшиновъ.

Грозный, князь Аѳанасій Вяземскій, Алексѣй Басмановъ, Малюта Скуратовъ и Бомелій. (*Всѣ сидятъ, кромѣ Бомелія*).

Грозный.

Спасибо, Елисѣй! спасибо!.. любо
Мнѣ слушать о странахъ иныхъ, гдѣ разумъ
Творитъ такія чудныя дѣла;
Гдѣ человѣкъ — подобье Божіе, не звѣрь;
Гдѣ царство — тѣло стройное, бояре —
О благѣ и красѣ родного края мыслятъ:
Не то, что наши земскіе — лишь имъ
Свои кисы набить да сѣсть за столъ
На *мѣсто* старшее, да зломъ упиться!
И я когда-то помышлялъ страну
Свою на образецъ иныхъ устропть;
И я въ себѣ на то довольно слышалъ волп:

Какой-то духъ во мнѣ могучій говорилъ, —
Судебникъ и Казань его зачатки, —
Но этотъ духъ, измученный жестоко
Въ борьбѣ съ затронутой, лукавой старинoй,
Возсталъ не на созданіе, — на смерть,
На разрушеніе... и не падетъ,
Пока въ борьбѣ врага не одолѣетъ!
Спасибо, Елисѣй! ступай на отдыхъ.

(*Бомелій раскланявшись уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Бомелія, и Василій Грязный.

Василій Грязный.

Бояре земскіе, совѣтникъ Висковатовъ,
Да Ѳедоровъ, былой конюшій царскій,
Да Митьковъ, очи ясныя твои
Желаютъ видѣть.

Грозный.

Все былые и былые!
Все сердобольцы о своихъ *мѣстахъ*,
Печальники о старинѣ своей,
Когда была имъ воля широка!
Зачѣмъ они пришли? Имъ мало казней
Въ Москвѣ?.. Зови сюда! (*Василій Грязный выходитъ*).
Малюта мой,
Чай, не усталъ!.. Напрашиваются сами!

(*Василій Грязный возвращается съ боярами*).

ЯВЛЕНІЕ VIII [1]).

Тѣ же, Висковатовъ, Ѳедоровъ и Митьковъ.
(*Прошедшіе бояре падаютъ Грозному въ ноги*).

Грозный.

Зачѣмъ пожаловали?.. Встаньте!

Митьковъ.

Заблудилась
Изъ стада нашего овца; попала
Она...

Грозный (*перебивая его*).

Къ волкамъ, хотите вы сказать?..
Не къ намъ ли, агнцы смирные по шерсти?
Сюда, что ли, великопостные бояре?

Митьковъ.

Сюда привелъ злой путь, не въ стадо волчье,
Но въ стаю... можетъ быть и вѣрныхъ, псовъ.

Грозный.

О комъ же говоришь?.. Яснѣй, бояринъ!

Митьковъ.

Къ тебѣ въ опричники Андрей Морозовъ
Пошелъ.

Грозный.

Въ слуги къ Царю!

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, томъ V, стр. 161.

Митьковъ.

Служить онъ можетъ
Тебѣ и въ войскѣ, какъ досель служилъ.
Одинъ онъ сынъ у матери, одна
Опора и утѣха ей. Отецъ!
Будь милостивъ, отдай его старушкѣ.
Опричникъ по душѣ худой онъ будетъ;
И безъ того ихъ много у тебя.
Дай матери закрыть глаза съ той мыслью,
Что сынъ ничѣмъ свой родъ не опозорилъ.

Грозный.

Ничѣмъ не опозорилъ?.. А опричникъ развѣ
У васъ слыветъ безчестнымъ?..

Митьковъ.

Виноватъ,
Великій господине всея Руси!
Зовутъ ихъ удальцами и ворами,
Которымъ голову сложить, свою
Или чужую — все равно.

Грозный (*смѣется*).

Мнѣ то и надо!
А вы хотѣли бы, чтобы овцами
Я вашими животъ свой охранялъ?..
Морозова, коль хочетъ земскимъ быть
Опять, я не вяжу: пускай мнѣ скажетъ!
Доволенъ ли?

Митьковъ.

Пошли тебѣ Господь
И долгій вѣкъ, и отъ сыновъ утѣху!

Грозный.

Не нужно мнѣ благословеній вашихъ:
А вы чего хотите?

Висковатовъ.

Господине
Великій всея Руси! положилъ
На сердце намъ Владыка нашъ небесный
Придти сюда и повѣсть разсказать
Тебѣ о сиротствѣ твоей земли.
Ты, можетъ-быть, ея еще не знаешь:
То будетъ повѣсть скорбная, не прогнѣвись.

Грозный.

Да что, послы вы отъ народа, что ли?

Висковатовъ.

Что скажемъ мы, народъ то говоритъ:
Ты въ голосѣ моемъ его услышишь голосъ;
Въ моихъ слезахъ дѣтей своихъ увидишь слезы.

Грозный.

Разсказывай; но уговоръ — не хныкать!

Висковатовъ.

Покинулъ ты совсѣмъ, державный, насъ,
Покинулъ насъ, отецъ! Безъ пастыря какъ стадо,
Добыча легкая волковъ несытыхъ,
Такъ бродимъ мы, конца бѣдамъ не зная.
Татары жгли насъ и плѣняли;
Татарскій плѣнъ былъ легче: съ нами былъ
Нашъ царь, съ дѣтьми отецъ ихъ былъ, и слезы

Онъ осушалъ любви привѣтнымъ взглядомъ,
И раны словомъ исцѣлялъ однимъ.

Ѳедоровъ.

Намъ памятны нашествія Орды;
То нехристи, то злые басурмане!
Придутъ, и гонитъ ихъ Господень ликъ,
Какъ слѣдъ кровавый, уносимый вѣтромъ.
Но легче ли опричниковъ твоихъ
Набѣги, братьевъ, одновѣрцевъ нашихъ?
Что часъ, мы ожидаемъ ихъ съ бѣдами,
Съ грозой, съ навѣтами и грабежомъ;
И съ плѣномъ нашихъ дочерей и съ казнью.
Сѣкира и метла не отдыхаютъ...
И этимъ бѣдствіямъ конца не будетъ,
Пока не сжалишься, отецъ, надъ нами!

Грозный.

Я вашу повѣсть слушалъ до конца.
Спасибо вамъ на добромъ словѣ! Жестко
Немножко, братцы, да зато правдиво!
Терпѣть пришлось: народъ вѣдь говоритъ!..
И я васъ повѣстью потѣшу. Не взыщите,
Когда оближетесь полынью, а не медомъ.
Такъ искони: долгъ красенъ платежомъ.
Вы повѣсть отъ народа говорили,
А я свою народу говорю.
Кто, спрашиваю васъ, виною этихъ
Бѣдъ, этихъ казней, этого раздѣла
Отца съ дѣтьми? кто, спрашиваю васъ?
Не вы ли сами, честные бояре?
Лишь только я умѣлъ владѣть руками,
Вы пріучили ихъ рубить и сѣчь:
Младенца игры были — лько казни!

Вы тѣшились, когда собакъ и кошекъ
Съ крыльца высокаго о камни разбивалъ;
Вы тѣшились и славили меня,
Когда державный отрокъ, будущій властитель,
Конемъ народъ свой будущій давилъ.
Все это вы, бояре, пѣстуны мои!

Висковатовъ.

Но чистый токъ твоей души не скоро
Совѣтъ рабовъ лукавыхъ помутилъ:
Не вдругъ ты измѣнился. Вспомни:
Когда съ своей супругой первой жилъ,
Два ангела тогда ходили по землѣ,
И провожали ихъ вездѣ благословенья.

Грозный.

Да, было время!.. Можетъ статься, Грозный
Безъ васъ еще и былъ бы добрый царь.
(Задумывается).
Тогда я правилъ милостью одною,
Въ совѣтѣ и любви я жилъ съ народомъ;
Но вы и тутъ пришли насъ раздѣлить.
Былъ день... ужасный день... объ немъ какъ вспомню,
Такъ дыбомъ волосы встаютъ!.. Забыли?
Когда на смертномъ я одрѣ лежалъ?
Безъ силъ лежалъ, закрыты были очи;
Но чувствъ и памяти я не лишился.
О Господи! зачѣмъ не отнялъ ихъ тогда?..
И слышалъ я, какъ вѣрные бояре,
Друзья мои, еще живаго ризы
На мнѣ дѣлили, надъ моимъ завѣтомъ,
Что только приняли изъ устъ моихъ,
Ругались! На крестѣ ихъ лобызанья,
Еще ихъ клятвы не остыли, а они

Ужъ клятвы крестныя въ ногахъ топтали!
И при одрѣ моемъ — все слышалъ я —
Роднаго сына, кровь мою, вѣнцомъ,
Не ими, Богомъ даннымъ, обходили.
О! еслибъ силы я тогда имѣлъ!
Засъ всѣхъ бы я обнялъ и задушилъ бы разомъ!..
Вы этотъ день забыли, и теперь,
Крамольники, пришли меня судить
За то, что памяти я не лишился.
Тотъ день былъ *вашъ*, и много было *вашихъ* дней;
Теперь пришли *мои*... Малюта! съ глазъ
Долой рабовъ, которые къ суду
Владыку своего призвали! съ глазъ долой!
И чтобы не ходили по моей землѣ!

Висковатовъ.

Опомнись, господине, развѣ мы
Участники въ крамолахъ этихъ были?
Виновные ужъ казнены давно
И заслужили казнь. Достойному
Достойное твори.

Грозный.

Одно вы тѣло,
Одинъ вы духъ: по рѣчи вашей вижу!
Не поднялись ли и теперь вы на меня?..
Я знаю васъ: лишь зло вы сѣете на нивахъ!

Ѳедоровъ.

Пришелъ часъ воли Божьей: покоримся!
За истину мы рады умереть.
Награда за нее насъ ждетъ иная!
Вели казнить дѣтей своихъ, но помни:
Есть судъ и надъ тобой! Придетъ тотъ судъ,

Придетъ великій часъ, и въ нашей крови
И въ крови неповинной тьмы людей
Ты дашь отвѣтъ.

Висковатовъ.

Послѣдняя молитва
Твоихъ сыновъ, чтобъ сердце обратилъ
Твое Господь на милость и добро.
Лишь въ этомъ случаѣ тебѣ желаемъ
И долгихъ и счастливыхъ дней.

Грозный (*указывая на бояръ*).

Малюта!

Скуратовъ.

За мной!

Висковатовъ и Ѳедоровъ.

Идемъ.

Висковатовъ (*Митькову*).

Прощай, другъ честный!

Митьковъ.

Развѣ
Отстану я отъ васъ?.. Что вы сказали
Теперь царю, и я то повторяю.
(*Малюта уводитъ за собою Ѳедорова и Висковатова*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Грозный, Алексѣй Басмановъ, Вяземскій, Грязный и Митьковъ.

Грозный.

Ошибся! будешь жить! Еще ты нуженъ мнѣ!
На разставанье выпьемъ-ка за упокой
Бояръ смиренныхъ... Іоанна... Іоанна... [1]
(Не позабыть бы въ синодикъ занесть)
Скорѣе круговую чару намъ.

(*Алексѣй Басмановъ наливаетъ стопу и подаетъ ее Грозному. Грозный отпиваетъ изъ нея и передаетъ Вяземскому и такъ далѣе доходитъ она до Митькова*).

Пей, очередь твоя!

Митьковъ.

Не пью! Изъ этой чары
Кровь братьевъ черезъ край бѣжитъ [2]).

Грозный.

Такъ пей ты съ ними чашу смертную!
Казнить его, крамольника, съ другими.

Митьковъ.

Пока меня Господь къ себѣ не призвалъ,
Дозволь къ тебѣ послѣднее моленье:
Будь вѣренъ слову своему... отдай
Морозова старушкѣ матери... За то
Я тамъ... молиться буду за тебя!

(*По знаку Грознаго, опричники уводятъ Митькова*).

---

[1]) Ивана Висковатова и Ивана Ѳедорова.

[2]) См. Истор. Госуд. Рос. Карамзина, томъ XI, стр. 169.

ЯВЛЕНІЕ X.

Грозный и Вяземскій.

Вяземскій.

А что? я говорилъ, Морозовъ
Худой опричникъ будетъ по душѣ?
Его печальникъ самъ сказалъ...

Грозный.

Да, слышалъ.

Вяземскій.

Отъ матери не отрекался, плакалъ!
И клятва-то насильная была!
Онъ земскаго боярина вѣдь сынъ...
(*Грозный задумывается*).
(*Про себя*). Пожалуй, молодецъ насъ отобьетъ:
Лиха бѣда ему втереться въ милость.

Грозный.

Морозова старушка здѣсь?

Вяземскій.

Въ *Неволѣ* [1]).

Грозный.

Покрѣпче запереть, пока скажу дать волю.
Когда пріѣдетъ сынъ, сказать ему,
Что воротилась въ стольный градъ. Объ казни

---

[1]) Слобода близъ Александровской.

Бояръ молчать до времени. Аѳоня!
Сыграй умненько это... Испытаемъ!
Усталъ я, спать хочу! Слѣпцовъ ко мнѣ!
(*Вяземскій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Грозный (*одинъ, стоитъ нѣсколько минутъ въ раздумьѣ, потомъ падаетъ на колѣни и молится, ударяя себя въ грудь*).

О Господи! вынь душу грѣшную изъ тѣла:
Хотѣлъ бы выплакать ее, да не смогу
(*Услышавъ приходъ слѣпцовъ, крадется къ скамейкѣ и ложится на нее*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Грозный и два слѣпца (*одинъ несетъ съ собою гусли*).

Первый слѣпецъ.

Будь намъ вожатаемъ, Господь!

Второй слѣпецъ.

Онъ умудряетъ и слѣпцовъ
(*Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, хватаетъ себя за голову*).
Паукъ на темя мнѣ упалъ. Къ добру!

Первый слѣпецъ.

Ты, братецъ, безъ того меня счастливѣй:
Тебѣ всегда копѣйку лишнюю даютъ.

Грозный.

Всѣ таковы! Господь очей лишилъ,
А тутъ изъ паука готовы въ драку!
(*Слѣпцы садятся около него, на полъ*).

Первый слѣпецъ.

Какую-жъ говорить?

Грозный.

Какую хочешь,
Лишь бы на этотъ міръ похожа не была.

Первый слѣпецъ.

«Жаръ-птицу» я тебѣ вчера не досказалъ.

Грозный.

Мнѣ сказка эта не по нраву.
Разсказывай другой.

Второй слѣпецъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, а имени ему нѣтъ и конца ему нѣтъ, жилъ былъ царь Вахромъ, а было у того царя два лика: однимъ все бы встрѣчалъ солнышко съ восхода, другимъ все бы провожалъ на ночлегъ; а ѣдалъ онъ не калачи пшеничные, не блины заварные; что ни день приносили ему, Вахрому, по младенцу отъ груди матери: все были его родныя дѣти. Проглачивалъ ихъ словно горошенку, да похваливалъ, да брюшко поглаживалъ. А запивалъ онъ свой кусъ не виномъ заморскимъ, не медами сладкими, а кровью человѣческой...

Грозный.

И эта сказка не по нраву мнѣ.
Все кровь да кровь: довольно и не въ сказкѣ!
(*Печально*). Сыграй-ка лучше на гусляхъ;
Давидову мнѣ пѣснь сыграй — авось засну.

(*Второй слѣпецъ садится и играетъ на гусляхъ духовную пѣснь; Грозный засыпаетъ*).

Первый слѣпецъ (*прислушиваясь, толкаетъ второго клюкой*).

Заснулъ...

(*Оба встаютъ, берутъ другъ друга за руку и осторожно удаляются*).

Второй слѣпецъ.

Спи подъ мечомъ небесныхъ силъ!
Хоть на часокъ бы отдохнулъ народъ! (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ V.

Въ Александровской слободѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Влѣво часть царскихъ хоромъ съ крытыми узорочными переходами, изъ которыхъ сходитъ лѣстница. Направо разныя строенія. Далѣе караульня, и отъ нея рогатка поперекъ дороги: при ней стражею — стрѣльцы. Вдали поле и слободка Неволя.

Морозовъ (*прохаживаясь у крыльца*).

Велѣли дожидаться здѣсь, пока
Князь Вяземскій придетъ... Долга же пѣснь!
(*Немного погодя*).
Досталъ ее!... и что же на душѣ
Не легче: тотъ же камень, только-что
Перевалилъ на сторону другую.
Какими страшными путями добылъ! будто
Самъ сатана работалъ для меня! (*Немного погодя*).
Чего мнѣ стоило беречь дорогой,
Чтобъ рѣчь пль взглядъ не осквернили
Мое сокровище, мой ненаглядный цвѣтъ!
Бывало, робкихъ словъ любви краснѣла;
А тутъ... Едва до драки не дошло
Изъ-за нея... Противно даже имя ей

Опричника... а я опричникъ самъ!
Съ вѣнцомъ ей это имя навяжу,
Во цвѣтѣ лѣтъ убью ее позоромъ,
Иль сѣмя злое съ ней размножу на Руси!..
О Господи! когда бы всталъ изъ гроба
Отецъ мой, и теперь меня увидѣлъ!
Что скажетъ мать?.. Проклятье, можетъ быть!

Князь Гвоздевъ (*проходитъ мимо Морозова*).

Держи остро ты ухо... берегись! (*Уходитъ*).

Морозовъ (*про себя*).

Беречься? Хоть шутъ, слова его не мимо идутъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Морозовъ и Вяземскій.

Вяземскій.

Здорово... *братъ*, сказать еще не смѣю.

Морозовъ.

А почему жъ?

Вяземскій.

Ну, мало ли какія
Дѣла творятся въ мірѣ... Каково
Ты съѣздилъ?

Морозовъ.

Хорошо.

Вяземскій.

Привезъ ли ты
Невѣсту, спрашивать не надо:
Зачѣмъ поѣдетъ *нашъ*, то и добудетъ.

Морозовъ.

Привезъ. А ты не знаешь ли, гдѣ мать
Моя находится?

Вяземскій.

Ты шутишь?

Морозовъ.

Какія шутки!

Вяземскій.

Развѣ съ ней нигдѣ
Не повстрѣчался?

Морозовъ.

Нѣтъ.

Вяземскій.

Чуть зоренька
Вчера зардѣлась, въ одноколкѣ чудной
Помчали мать твою... гнѣдые кони, съ бѣлой
Отмѣтиной на лбу?

Морозовъ.

Нѣтъ, не видалъ.
Куда жъ?

Вяземскій.

Къ тебѣ навстрѣчу. Митьковъ,
Молчанъ Семенычъ, съ ней сидѣлъ.

Морозовъ (*про себя*).

Зачѣмъ же Митьковъ?..
Ума не приложу!

Вяземскій.

Они лѣсами
Поѣхали.

Морозовъ.

А мы, какъ на бѣду,
Большой дорогою... Басмановъ вздумалъ!..

Вяземскій.

Вы, словно, съ неи играете въ гулючки!
Она сюда дорогой Троицкой, а ты
Въ Москву окольною; она лѣсами
Нырнула въ стольный, ты махнулъ полями.
Не обошелъ ли васъ ужъ лѣсовикъ?

Морозовъ.

Что дѣлала здѣсь? что говорила?
Здорова ли?

Вяземскій.

Такъ весела сударка,
Хоть руки въ боки!

Морозовъ.

Отчего же?.. Развѣ
Иванъ Васильевичъ дозволилъ ей
Увидѣть очи царскія свои?

Вяземскій.

Нѣтъ, Митьковъ отъ нея и отъ себя
Челомъ ему ударилъ... Хочешь знать
О чемъ? (*У окна показывается Грозный и, незамѣченный Морозовымъ, вскорѣ скрывается*).

Морозовъ.

Прошу тебя, скажи.

Вяземскій.

Нѣтъ, братецъ,
Все будешь знать, состаришься скоренько!
Покуда это тайна.

Морозовъ.

Я — опричникъ,
И ты не долженъ отъ меня таить.

Вяземскій.

Опричникъ?.. Да надолго ли еще?
Богъ знаетъ!

Морозовъ.

Ради Бога, не томи.
Ума лишишься отъ твоей загадки.

Вяземскій.

Языкъ мнѣ Грозный привязалъ... Спрошу
Я только: если бъ кто тебя присягу
Опричникамъ нарушить поневолилъ?

Морозовъ.

Я клятву далъ... хоть сатанѣ бы далъ,
Подъ острыми мечами не нарушу.

Вяземскій.

Но если бъ разрѣшилъ тебя самъ царь?
(*Грозный показывается въ переходахъ невидимо для Морозова*).

Морозовъ.

О! дѣло то иное!.. съ радостью!

Вяземскій.

Могу еще промолвить... чуръ меня не выдать?..

Морозовъ.

Клянусь!

Вяземскій (*озираясь*).

Просила мать твоя уволить
Тебя изъ братства нашего...

Морозовъ.

Кого?

Вяземскій.

Царя, вѣстимо! черезъ Митькова.

Морозовъ.

Чтожъ царь?

Вяземскій.

Веселая въ Москву мать поскакала...
Ни слова болѣе! Онъ скажетъ самъ.

Морозовъ (*внѣ себя*).

Когда бы такъ!.. Когда бъ Господь услышалъ
Молитву матери!.. Наталья, мать моя!

Опять я буду вашъ! опять всѣ братья мнѣ!
Въ землѣ отца возрадуются кости!
Опять мнѣ волей сладкою дышать!
Жемчужный, и тебя прижму тогда
Я къ сердцу своему!.. (*Вяземскому*) Но я безумецъ,
Какъ малое дитя, тебѣ повѣрилъ.
Ты, можетъ-быть, хотѣлъ меня извѣдать,
Хотѣлъ лишь посмѣяться надо мной?
Смотри же! не пройдетъ смѣхъ даромъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Грозный.

Грозный.

Нѣтъ,
Морозовъ! (*При этомъ словѣ Морозовъ блѣднѣетъ и дрожитъ*).
Смѣху нѣтъ тутъ никакого!
Когда опричникомъ тебѣ остаться
По нраву не пришлось, тебя я разрѣшаю
Отъ клятвы: слово царское я далъ
Ужъ Митькову и матери твоей,
И слово царское здѣсь повторяю. (*Сходитъ на мѣстницу*).

Морозовъ (*упадая ему въ ноги*).

Не за себя, за мать благодарю!
Воздастъ тебѣ на небесахъ Отецъ.
Вели, я брошусь за тебя въ огонь!.. Нѣтъ жертвы,
Которой не принесъ бы я тебѣ...

Грозный (*смѣется*).

Давно я это слышалъ, и не разъ!
Твои слова — рѣчь дѣтская. Заутро...

Что говорю, заутро?.. не приспѣетъ
Еще полночи часъ, иное скажешь,
Голубчикъ!.. Мы, однакожъ, испытаемъ!
Опричникомъ ты добывалъ невѣсту:
Опричникомъ веди ее къ вѣнцу.
Хочу, чтобъ нынче свадьбу здѣсь сыграли,
Покуда ты еще мой, слободской слуга:
А тамъ идти на всѣ четыре воленъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Морозовъ и Вяземскій.

Вяземскій.

Ну, что, солгалъ?

Морозовъ.

Дай мнѣ опомниться.
Когда бъ солнышко поворотилось
Назадъ, меня бы такъ не одурило!
Чѣмъ мнѣ благодарить тебя? Проси
Казны моей.

Вяземскій.

Не надо намъ... Казной
Мы царскою богаты. Не все изъ корысти!
Хотѣлъ лишь услужить...

Морозовъ.

Спасибо, другъ!
Пойду, обрадую Наталью. (*Про себя*). Только
Смотри, не забывать, Морозовъ! нынче
Еще опричникъ ты!.. (*Вслухъ*). О Господи!
Во снѣ иль на яву все это вижу? (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Вяземскій (*одинъ*).

Вотъ простыня! стели на ней что хочешь!
Отпущенъ молодецъ... Не знаетъ развѣ онъ,
Опричника лишь смерть уволить можетъ? —
И то сказать, для Грознаго закона нѣтъ!
Чѣмъ кончатся затѣи... поглядимъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гридня въ одной изъ царскихъ хоромъ.

Морозовъ, Наталья Морозова (бывшая княжна Жемчужная), князь Жемчужный, Алексѣй Басмановъ, князь Аѳанасій Вяземскій, *нѣсколько опричниковъ съ женами, составляющія свадебный поѣздъ, въ томъ числѣ мать посаженая Натальи и чашникъ. Весь свадебный поѣздъ сидитъ за столомъ; на столѣ огромный каравай; пудовая свѣча стоитъ въ кадкѣ съ ячменемъ у конца стола. Пированье только въ началѣ. Чашникъ обходитъ гостей по свадебному чину.*

Вяземскій (*взявъ стопу, которую подноситъ ему чашникъ*).

Жить въ здравіи и счастьи новобрачной
Четѣ, и свадьбу внуковъ ей увидѣть!
(*Чашнику*). Не полно налилъ, чашникъ, доливай:
А то благополучіе не полно. (*Чашникъ доливаетъ*).

Морозовъ.

И такъ мое благополучіе не полно:
Нѣтъ матери со мной, и мнѣ благословенья
Не достаетъ!.. еще нѣтъ одного,

Кто радости моей виновникъ первый;
И этихъ двухъ отлучниковъ довольно,
Чтобы нашъ праздникъ не совсѣмъ былъ свѣтелъ.

Алексѣй Басмановъ.

Андрей Петровичъ, не взыщи: едва
Изъ стремени сынъ вынулъ ногу, царь
Потребовалъ его къ себѣ и съ тайнымъ словомъ
Послалъ куда-то.

Вяземскій.

Фряжское, кажись,
Вино изъ царскихъ погребовъ, а горьковато —
Не худо подсладить.
(*Выпиваетъ; между тѣмъ новобрачные цѣлуются*).

Морозовъ (*тихо Натальѣ*).

Когда же
Ты задушевныя слова мнѣ скажешь,
Что̀ обѣщала?

Наталья (*пожимая ему руку, тихо*).

Подожди, мой свѣтъ!

Алексѣй Басмановъ (*принявъ стопу отъ чашника*).

Не старѣться бы вамъ сто лѣтъ, да столько-жъ
Цвѣтнымъ бы платьямъ вашимъ не носиться;
Конямъ бы добрымъ устали не знать,
И бочкамъ въ погребахъ не осушаться!
Жемчугъ бы вамъ лукошками считать
И серебро лопатой загребать! (*Выпиваетъ*).
Вино хулить нельзя, а, воля ваша,
Горчитъ на днѣ. (*Новобрачные цѣлуются*).

Морозовъ (*Наталью тихо*).

Пускай бы отравили
Полынью цѣлый погребъ, сотомъ губъ твоихъ
Могла бы подсластить!

Наталья (*тихо*).

Когда бъ ты вѣдалъ,
Что́ у меня въ душѣ!.. Горитъ такъ жарко,
Какъ-будто солнышко играетъ въ ней!

Морозовъ (*тихо*).

Скорѣй, скорѣй конецъ бы пированью!
Скорѣй послѣднія бы сбросить путы!..
О! не дождусь конца обрядамъ этимъ!..

Старый опричникъ.

Да что сыръ молодой на блюдѣ,
Да что медъ сладкой съ кардамономъ,
Что зелено вино съ шафраномъ,
Вамъ жить да поживать въ совѣтѣ и любви. (*Пьетъ*).

Молодой опричникъ.

Роди ты сына сокола,
Чтобъ личикомъ онъ былъ въ тебя,
Отвагою и разумомъ въ отца!
Дай Богъ опричника намъ удальца!

Наталья (*тихо*).

О Господи! помилуй отъ бѣды (*прижимаясь къ мужу*).
Ты не опричникъ, нѣтъ? скажи еще.

Морозовъ (*тихо*).

Лишь пированье кончится, я воленъ,
Какъ птица вольная на небѣ — улетимъ
Съ тобой въ свои края. Самъ царь сказалъ;
А слово царское не мимо идетъ,
Что Божіе.

Наталья (*тихо*).

Я жду и не дождусь
Конца твоей неволи. И теперь
Еще не вѣрю счастью своему.

Одинъ изъ опричниковъ (*отпивъ изъ стопы*).

И это нужно подсластить.

Морозовъ.

Слышишь? (*цѣлуетъ Наталью*).
Такъ поцѣлую этому повѣрь.

(*Вяземскій, вслушавшись въ послѣднюю рѣчь, опрокидываетъ солоницу*).

Алексѣй Басмановъ.

Ахти! что сдѣлалъ ты, князь Аѳанасій?

Вяземскій.

Бѣда какая! солоницу опрокинулъ.

Жены опричниковъ.

Ахти!.. ахти!.. Попуталъ грѣхъ лукавый!..
Не миновать бѣды!.. О Господи!
Лишь обойди ты насъ!.. Меня помилуй!

Наталья (*Морозову*)

Лишь на тебя не пала-бъ черна доля!
А я теперь довольно пожила.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и молодой Басмановъ.

Морозовъ (*увидѣвъ Басманова*).

На счастіе, не на бѣду пруха!

Молодой Басмановъ (*схвативъ его за руку и увлекая изъ-за стола вспорону*).

Пируешь ты и прохлажаешься,
И безъ ума отъ поцѣлуевъ сладкихъ;
А надъ собой грозы не чаешь вовсе?
Сбирается! Страшнѣе эта
Всѣхъ грозъ, которыя ты испыталъ.
И ты, ты, неразумный, самъ ее накликалъ.

Морозовъ.

Я?.. чѣмъ?.. не понимаю.

Наталья (*отцу*).

Не дослышу,
Что страшно такъ онъ говоритъ. Лицо
Его ужасно... поблѣднѣлъ Андрей Петровичъ.

Молодой Басмановъ.

Какъ малое дитя, лукавому повѣрилъ,
А тотъ подвелъ тебя въ тенета прямо...
Все слышалъ царь, что ты ни говорилъ.

Морозовъ.

Я знаю самъ... и шибко испугался,
Когда царя увидѣлъ надъ собой.
Очами грозными сожжетъ, я думалъ;
Напротивъ, милостью меня взыскалъ,
Мнѣ изъ опричниковъ даетъ свободу.
(*Молодой Басмановъ озирается и отводитъ его далѣе*).

Алексѣй Басмановъ.

Дрожитъ мой сынъ... недаромъ этотъ задрожитъ:
Бѣда не малая грозитъ кому-то.

Вяземскій (*гордо*).

Я знаю лишь про то, да знаетъ царь.

Алексѣй Басмановъ.

Но, видно, сынъ тебя поболѣ знаетъ.

Молодой Басмановъ.

Гы съ радостью отрекся?.. Неразумный!
Хоть полукавилъ бы немного! Нѣтъ,
Ты клятву только-что сказалъ царю:
Служить опричникомъ и ей не измѣнять;
Опричники тебѣ лишь только возвратили
Твое добро, невѣсту, честь: ты въ мигъ
Одинъ все это позабылъ!.. И не таковъ,
Какъ Грозный нашъ, будь я на мѣстѣ этомъ,
Тебя-бъ не пощадилъ!.. Но царь щадитъ...
Не спрашивай за что... довольно, что щадитъ.
И голова твоя еще на плечахъ!
Но слушай, слушай... слово роковое.
Оно послѣднее; въ немъ жизнь и смерть
Твоя. И говоритъ тебѣ его

Басмановъ... помни, тотъ, кого ты спасъ
Отъ плѣна и позора.

Морозовъ.

Говори.
Что можно сдѣлать, сдѣлаю; обиды
Лишь чести не было-бъ ничьей. Ты знаешь
Меня.

Молодой Басмановъ.

Эхъ! случаи бываютъ въ жизни:
Казаться можетъ сгоряча обидой
И то, что сущій вздоръ... Иной разъ ѣдешь
Лугами по зарѣ, и путь коню,
Разлившись широко, заставилъ токъ:
Подъѣдешь ближе — паръ туманный!

Морозовъ.

Говори же.

Молодой Басмановъ.

Послушайся меня!.. Опричникъ ты еще,
Опричникъ, связанный и клятвой грозной,
И благодарностью, и царской волей;
Такъ покорись!.. Яснѣе говорить
Тебѣ не смѣю... Сдѣлалъ я свое,
А тамъ свое твори! Ты не дитя!
(*Громко*). Теперь и я примусь за пированье!

(*Садится за столъ на мѣсто, которое ему даютъ Вяземскій и Алексѣй Басмановъ. Морозовъ въ раздумьѣ садится на свое*).

Скорѣе, чашникъ, мнѣ стопу такую,
Чтобы въ ней помѣстилось все вино,
Что нынче выпито у васъ.

(*Чашникъ подаетъ ему огромную стопу*).

Вяземскій.

Одинъ...
Два... три... четыре... десять... и тринадцать!
Теперь тринадцать насъ сидитъ!

Алексѣй Басмановъ.

Тринадцать?..

Нѣсколько голосовъ.

Ровнехонько!.. тринадцать!.. Быть бѣдѣ!..

Вяземскій.

На чью-то голову падетъ?

Молодой Басмановъ.

Такъ на свою
Накликалъ, вѣщій воронъ!
(*Выкидываетъ его изъ-за стола чрезъ скамейку*).

Вяземскій (*вставая*).

Берегись,
Чтобы на голову не пало шептуна.
(*Всѣ въ страхѣ встаютъ изъ-за стола, кромѣ Морозова и Натальи; она крѣпко прижимается къ нему*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Василій Грязный.

Василій Грязный (*кланяясь на три стороны*).

Бесѣдѣ честной низко кланяюсь;
А новобрачнымъ трижды три поклона.

Имъ долго жить и дѣтокъ народить,
Чтобы въ хороминахъ тѣсненько было
И шумно, словно въ ульѣ матеромъ.

Морозовъ.

Благодарю, нежданный гость! На пиръ
Или по дѣлу къ намъ пожаловалъ?

Василій Грязный.

По дѣлу,
Андрей Петровичъ, отъ царя. Ему сказали
О красотѣ супружницы твоей:
Ее онъ хочетъ видѣть.

Морозовъ.

Да такой
Она во снѣ не ждала благодати!..
Мать съ гордостью о томъ дѣтямъ разскажетъ.
Когда жъ?

Василій Грязный.

Сейчасъ, со мной.

Морозовъ (*беретъ Наталью за руку*).

Пойдемъ.

Василій Грязный.

Одну ее онъ хочетъ видѣть.

Морозовъ.

Безъ меня?..

Василій Грязный.

Одну, лишь съ посаженой матерью.

Морозовъ.

Одну?.. Не въ басурманской мы живемъ землѣ!..
Одна?.. И я иду: Богъ сочеталъ,
Не разлучаетъ человѣкъ!

Василій Грязный.

Тебѣ
Не приказалъ.

Морозовъ.

Не слушаю!

Молодой Басмановъ (*отводя его всторону*).

Останься;
Онъ только хочетъ испытать тебя.
Послушайся меня ты, ради Бога!
(*Морозовъ задумывается*).

Посаженая мать (*Натальѣ*).

Чтожъ ты, голубушка?.. Вѣдь не простой зоветъ!

Наталья.

Андрей Петровичъ, не оставь меня;
Ты знаешь самъ опричниковъ законъ.

Морозовъ (*возвратившись къ Натальѣ*).

Всѣ... други, недруги... всѣ въ заговорѣ!
Хотя бы мать пришла и запрещала
Идти, идемъ!

Наталья.

Съ тобою — хоть на смерть!

Морозовъ.

Такъ пусть велятъ насъ разлучить мечами!

Вяземскій (*про себя*).

Дай, забѣгу впередъ, скажу, что оба
Царя приказъ не ставятъ ни во что. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Морозова и Захарьевна.

Морозова.

Гдѣ жъ онъ?..
Андрюша!.. Ты-ль, родной?.. Охъ, ты опричникъ!

(*Падаетъ безъ чувствъ въ объятія сына; между тѣмъ Грязный и другіе опричники увлекаютъ Наталью; свадебный поѣздъ расходится*).

Наталья.

А!.. помоги!.. спаси, Андрей Петровичъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Морозовъ, Морозова, Захарьевна и князь Жемчужный.

Морозовъ.

О Господи! не умерла ль она?

(*Съ помощію Жемчужнаго, кладетъ мать на скамейку къ столу и старается привести ее въ чувство*).

Захарьевна.

Была все въ заключеньи, лишь теперь,
По милости своей, Басмановъ молодой
Освободилъ. Вѣдь не пила, не ѣла
Ужъ сколько сутокъ!.. Можетъ-быть, съ того
И приключилось ей...

Морозовъ. (*плачетъ надъ матерью, потомъ, придя въ себя, озирается*).

Чей крикъ я слышалъ?
Просила помощи?. Наталья гдѣ?..
Мать умираетъ! увели Наталью!..
Иду! (*Жемчужному*). Передаю тебѣ ее,
Живую или мертвую. Прощай!
Во всякомъ случаѣ, въ родной землѣ,
Въ святой Москвѣ насъ схорони!..
Прощай!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же кромѣ Морозова.

Князь Жемчужный (*прикладывая руку къ вискамъ и сердцу Морозовой*).

Ужъ, кажется, не оживетъ голубка!
Дай, унесемъ ее въ опочивальню.
(*Уноситъ съ Захарьевной Морозову*).
(*Про себя*). Не вижу никакой бѣды!.. Все блажь.
Чтобы послушаться насъ, стариковъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Царскія хоромы съ крытыми переходами, изъ которыхъ сходитъ лѣстница. Вдали церковь. Ночь; полная луна и нѣсколько фонарей въ рукахъ опричниковъ освѣщаютъ предметы.

Грозный, Вяземскій, оба Басманова, Скуратовъ, Василій Грязный, Наталья, посаженая мать и нѣсколько опричниковъ. (*Наталью Морозову ведутъ Василій Грязный и опричники, они останавливаются у крыльца при видѣ Грознаго*).

Грязный.

Остановитесь здѣсь!.. Голубкѣ спзой
На время, братья, развяжите крылья.
(*Оглядываетъ Морозову*).
Такой красотки, нечего сказать,
Въ свой вѣкъ не видѣлъ — лакомый кусокъ...
Какъ-будто слѣплена изъ первоснѣга
И облита зарею Божьей!.. Жаль!..
Не брачныя утѣхи ждутъ ее;
Не припадетъ дитя къ ея груди —
Увянуть суждено въ пустынной кельѣ!
Парчу и шелкъ замѣнитъ власяница,
Сбѣжитъ румянецъ съ щекъ, потухнетъ взглядъ,
И на устахъ, какъ макъ пунцовый нынѣ,
Земля могильная наляжетъ вскорѣ.

Наталья Морозова.

Что Господомъ моимъ мнѣ суждено,
Того и ты, владыка, не измѣнишь.

Грозный.

И дьякъ не лучше бы тебя сказалъ!..
Теперь Морозова ко мнѣ подайте.

ЯВЛЕНІЕ XIII и ПОСЛѢДНЕЕ.

Морозовъ.

Я самъ иду на судъ твой, господине!

Грозный.

Не я, законъ разсудитъ насъ съ тобой!
Ты помнишь ли, когда сюда пришелъ,
Вязалъ ли я тебя, тебя ль неволилъ,
Служить опричинѣ я-ль вынуждалъ?

Морозовъ.

Я самъ пришелъ и клятву добровольно
Въ безумьѣ произнесъ. — Могу-ль забыть?
До гробовой доски клеймомъ позорнымъ
На сердцѣ выжжена она!..

Грозный.

Но прежде, чѣмъ
Ты поклялся во имя Господа
И страшныхъ силъ Его, грѣхомъ обмана
Я-ль душу постыдилъ свою? — Коль можешь,
Такъ уличи меня!

Морозовъ.

Противъ тебя
Ни сердце, ни уста упрека не находятъ.

Грозный.

Что я сказалъ тогда тебѣ?

Морозовъ.

Что если
Обѣтъ нарушу, съ головой прощусь;

Не выручатъ ни други, ни заслуги,
Не скроюся ни подъ полой твоей,
Ни въ храмѣ Божьемъ не найду защиты.

Грозный.

Такъ вѣрно помнишь ты мои слова,
Какъ-будто бы читалъ, помилуй, Боже!
Потомъ?..

Морозовъ.

Пока давалъ обѣтъ я, братья
Прикрыли голову мою ножами
Въ залогъ того, что не задумается мечъ
Снести ее, лишь только мысль измѣны
Родится въ ней.

Грозный.

Чтожъ далѣе?

Морозовъ.

Вели
Снести ее!..

Грозный.

Не я, ты самъ свой судъ
Изрекъ.

Морозовъ.

Приспѣлъ мой часъ; прощай Наталья!
У Бога свидимся... Опричины — тамъ нѣтъ!
(*Обнимаетъ Наталью*).

Грозный.

Опричники! еще не прокричалъ намъ пѣтель
Часа полночнаго, а онъ—измѣнникъ дважды!

Вы видѣли, двухъ малыхъ испытаній,
И тѣхъ не снесъ: какой же онъ опричникъ?..
Вы слышали? надъ вами насмѣялся
И бросилъ мнѣ въ лицо, владыкѣ своему,
Обидное и равному сомнѣнье...
Теперь съ нимъ вольны дѣлать по закону!.. (*Уходитъ*).

(*Малюта Скуратовъ, Вяземскій, Грязный, Алексѣй Басмановъ и прочіе опричники, кромѣ молодого Басманова, бросаясь на Морозова, поражаютъ его ножами*).

Измѣнникъ онъ!.. Умри!.. Умри, измѣнникъ!

(*Молодой Басмановъ стоитъ въ отдаленіи, закрывъ глаза руками*).

Наталья Морозова (*бросается къ мужу и попадаетъ подъ ножъ Грязнаго*).

Нѣтъ, не разстанусь я съ тобой!

Грязный.

Злодѣйка!
Сама подъ ножъ какъ ловко подвернулась!..

Наталья Морозова.

Благодарю, Господь!.. Ты сочеталъ
Насъ на землѣ... и тамъ...

Морозовъ.

Прими... обоихъ вмѣстѣ!

КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИННАДЦАТАГО ТОМА

	стр.
ВСЯ БѢДА ОТЪ СТЫДА. Драма въ пяти актахъ	1
ОКОПИРОВАЛСЯ. Комедія въ трехъ актахъ	103
ГОРБУНЪ. Драма въ пяти актахъ	163
ОПРИЧНИКЪ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ	261

LR
L4314V

494869
Lazhechnikov, Ivan Ivanovich
Полное собрание сочинений... С.А.Венгерова.
v.11.
[Transliter.: Polnoe sobranie sochineny... S.A.
Vengerova.]

DATE.

NAME OF BORROWER.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED